Из фондов Российской государственной библиотеки

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 88. Письма к В.Г. Черткову 1897-1904

Москва
Российская государственная библиотека
2006

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 88. Письма к В.Г. Черткову 1897-1904 [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой ; издание осуществляется под наблюдением Государственной редакционной комиссии ; подготовка текста и комментарии М.В. Муратова. - М.: РГБ, 2006. - (Из фондов Российской государственной библиотеки)

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в фонде РГБ:

Толстой, Лев Николаевич

Полное собрание сочинений. Том 88. Письма к В.Г. Черткову 1897-1904

Государственное издательство
Художественная литература, 1957

Российская государственная библиотека, 2006
(электронный текст)

821
67

101-92
С043-Х

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
ПИСЬМА

ТОМ
88-89

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Перепечатка разрешается безвозмездно

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
57-88192-3

ПИСЬМА к В. Г. ЧЕРТКОВУ
1897—1904

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
М. В. МУРАТОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ И ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ ТОМАМ

Настоящие два тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого содержат письма к В. Г. Черткову, относящиеся к 1897—1910 гг. — последнему периоду жизни и творчества великого писателя.

Этими томами завершается публикация эпистолярного наследия Л. Н. Толстого.

В. Г. Чертков — известный деятель «толстовства», самый близкий друг Л. Н. Толстого в последние двадцать пять лет его жизни, сделавший больше других для собирания и сохранения всех—вплоть до мельчайших—памятников мысли и творчества Л. Толстого, наконец издатель его запрещенных царской цензурой произведений, организатор и первый редактор настоящего Полного юбилейного собрания сочинений Толстого.

На протяжении многих лет близости Толстого с Чертковым—с начала 80-х годов и до смерти писателя — между ними шла, прерываемая только периодами личного общения, интенсивная переписка.

Письма Толстого к Черткову (1897—1910 гг.), впервые полностью публикуемые, вводят нас в атмосферу последнего десятилетия жизни писателя, когда Толстой, порвавший со своим классом и перешедший на сторону народа, является одной из центральных и притягательных фигур эпохи. Весь мир знает Толстого и прислушивается к его слову, Ясная Поляна становится целью паломничества со всего света. В. И. Ленин называет Толстого «зеркалом русской революции» и после его смерти

пишет, что «его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции».[1]

Автор «Воскресения» и «Живого трупа» встает со страниц его писем к Черткову, единоверцу-«толстовцу», как человек, положивший себе непосильную даже для гения задачу — разрешить отвлеченно-религиозным путем весь тот перепутавшийся узел социальных противоречий и беззаконий русской дореволюционной действительности, разрубить который смогла только пролетарская революция.

В этих письмах виден великий художник, чье реалистическое искусство далеко выходит из рамок декларируемой им в эти годы аскетической теории, художника, у которого до конца дней роятся замыслы новых произведений и который постоянно думает о своем мастерстве и о проблемах воздействия художественного слова на сознание людей.

Перед нами также во весь рост встает человек — Толстой на склоне его лет; эти письма исчерпывающе раскрывают перед читателем драму его старости.

Даже разлитая по письмам специфическая «толстовская» смиренность не может скрыть кипучей и щедрой на чувства гениальной человеческой личности Толстого, который, по словам М. Горького, завершает «целый период истории своей страны».[2]

К середине 90-х годов XIX века Толстой прошел великий жизненный путь — великий по неизгладимым следам в духовном развитии человечества, а также по той поразившей современников сокрушающей ломке, которой он подвергнул свою жизнь, свой быт, взгляды на жизнь и даже само гениальное художественное творчество, источник его всемирной славы.

В разгар своей литературной известности, в конце 70-х — начале 80-х годов, Толстой — автор величайших романов XIX века, окруженный общественным пиететом, — пережил глубокий и

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.
[2] «Л. Н. Толстой в русской критике», М. 1952, стр. 500.

болезненный духовный кризис, из которого он вышел во многом другим человеком.

Этим «другим человеком» — проповедником нового вероучения, обличителем мирского «зла» в его конкретной российской буржуазно-помещичьей форме, выразителем идей и интересов патриархального крестьянства — выступает Толстой в публикуемых письмах. Мир толстовских идей и представлений, вполне сложившийся к этому времени, раскрывается здесь во всех своих известных «кричащих противоречиях». «Кризис», «перелом», как период острой неуравновешенности в мировосприятии, религиозном сознании, в самом быту и отношениях с людьми давно миновал; уже были написаны «Исповедь», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», критика Евангелий и другие публицистические и учительные произведения, раскрывавшие людям истину нового религиозного учения, обличавшие современные власти, угнетенность масс, ложь церковной догматики и пороки так называемой цивилизации. К всеевропейской славе Толстого, великого художника слова, прибавилась слава религиозного реформатора и вероучителя; писатель Толстой стал, по выражению Р. Роллана, «тульским апостолом», сеющим во всем мире начала нового, «толстовского» христианства.

Кризис мировоззрения Толстого вызвал и кризис в его художественном творчестве. Сначала голос Толстого-художника совсем умолкает, и слышится лишь суровый и проникновенный голос Толстого-проповедника, взывающего к религиозной совести человечества. Но затем наступает новый расцвет художественного творчества Толстого; начинается период «позднего Толстого», отличающийся обличительным характером, замечательно возросшим мастерством «срывания всех и всяческих масок», но также и религиозно-морализаторской тенденцией, которая кажется узкой и навязанной среди написанных пером гения изумительно рельефных и выразительных картин русской жизни конца прошлого века. К середине 90-х годов уже были написаны «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и другие мировые шедевры, а также цикл «народных рассказов», мотивы которых целиком лежат в пределах новой религиозно-нравственной системы.

К этому времени Л. Толстой, верный своим нравственным убеждениям, отказался от всякой собственности — фамильной

помещичьей собственности на землю и усадьбу и от авторской собственности на плоды своего многолетнего литературного труда; писатель предельно «демократизировал» свои отношения с людьми из народа. Но этого было мало; он все же продолжал чувствовать мучительный стыд и ужас собственной жизни в стенах благоустроенной барской усадьбы, посреди большой и разветвленной дворянской семьи — настоящего «большого гнезда», процветавшего за счет эксплуатируемого труда крестьян, прислуги и продажи его сочинений. Нравственные страдания Толстого усиливались тем, что его семья, а в особенности жена, бессменная помощница в прежней литературно-художественной его работе, совсем не приветствовала ни нового проповеднического направления его деятельности, ни новых аскетических взглядов и требований, ни тем более резко отрицательного отношения к собственности, грозившего сказаться на благосостоянии всей семьи. В семье Толстых возник глубокий разлад, закончившийся драматическими событиями 1909—1910 гг.

Душевную радость и утешение Толстой находил в самоотверженной литературной работе, в общении с простыми людьми и с теми членами семьи, которые понимали его убеждения, но главным образом с многочисленным кружком последователей и друзей, активно воспринявших нравственный принцип толстовского учения и так же, как он, утопически стремившихся воплотить его в собственной жизни и общественной деятельности. Существовало поставленное на широкую ногу книгоиздательство «Посредник», распространявшее в народе за минимальную плату художественно-религиозные сочинения Толстого, близкие по духу произведения других писателей и различную научно-популярную литературу. Вокруг этого предприятия группировались люди родственных с Толстым взглядов на жизнь и религию, пропагандировавшие догмы «толстовства» в России и за рубежом. «Душой» всех этих дел, основателем, фактическим руководителем, первым редактором и переводчиком «Посредника» был В. Г. Чертков, стоявший ближе всех к Толстому и пользовавшийся его безграничным доверием.

Имя Черткова в нашем сознании теперь трудно отделимо от имени Толстого в завершительную эпоху его жизни, от истории «толстовства» и от яснополянской драмы 1910 г. Но история

жизни и личности В. Г. Черткова очень интересна также и сама по себе.

В. Г. Чертков — выходец из аристократической, привилегированной среды; семья Чертковых принадлежит к самой высшей в России знати, соединяя знатность по роду и крови с материальным богатством и высоким военно-служебным рангом. Чертковы — это свитские генералы и сановники, родственные связи которых лежали в самых высоких сферах, близких к императорскому двору. В. Г. Чертков начал свою жизнь как типичный представитель «золотой» аристократической молодежи: кастовое воспитание, светские успехи, служба в привилегированном гвардейском полку — все это открывало перед молодым Чертковым традиционный путь постепенного восхождения к высотам власти и богатства, путь, предопределенный также и его незаурядными индивидуальными качествами. Но в известный момент в душе удачливого и блестящего юноши под влиянием полуслучайных суровых впечатлений жизни и растущей духовной зрелости происходит решительный переворот. Черткову открываются зияющие противоречия действительности, паразитическое существование «общества» за счет вековечного рабства мужицких масс — весь антихристианский жизненный порядок, освященный официальной религией. Возникает кризис веры, мировоззрения, всего личного устройства жизни, сходный в своих основных чертах с тем, что переживает почти одновременно великий современник Черткова Лев Толстой. Блестящий офицер-конногвардеец, всеобщий любимец, яркий представитель петербургской молодой знати, Чертков, к изумлению всех, круто изменяет гладкое течение своей жизни. В разгар светских и служебных успехов, в преддверии блистательной придворной карьеры, обманув надежды всех, Чертков выходит в отставку, порывает аристократические связи и удаляется в родовое поместье Лизиновку, в глубине «мужицкой» России, в Воронежской губернии, где с присущим ему темпераментом и энергией отдается земской и филантропической деятельности. Так «кающийся» помещик стремится отдать крестьянам хоть часть награбленного у них веками.

Одновременно Чертков, которому, как и Толстому, с ранних пор было свойственно умение сосредоточиваться на внутренней, самоаналитической умственной работе, вырабатывает новое религиозно-нравственное миропонимание с основными принци-

нами, близко стоящими к «непротивлению» и «самосовершенствованию» «толстовства». Эта общность нравственной устремленности не могла не быть замечена окружающими, и один из знакомых Черткова и Толстого, юрист Н. В. Давыдов, постарался свести этих двух столь непохожих, но, однако, так похоже думающих людей. В октябре 1883 г. в Москве, в Хамовниках, произошло их первое знакомство, и с этих пор до последних дней жизни писателя Чертков — один из наиболее близких к нему людей.

Для Толстого, страдавшего от духовного одиночества, было большой радостью знакомство с Чертковым, который так хорошо его понимал, был столь родственен ему по духу и в то же время полностью самобытен в своих внутренних поисках, никогда не становясь слепым «прозелитом» нового властителя умов (этого Толстой особенно не терпел). Чертков со своей стороны не мог не чувствовать себя счастливым, встретив в великом человеке сочувствие и поддержку своим моральным исканиям, и вскоре характерный для XIX столетия русский «кающийся барин» становится убежденным «толстовцем», посвятившим свою жизнь, все свои интересы и планы пропаганде и ревностному исполнению толстовской проповеди.

И если область Толстого это область творческая, литературная — он и в сфере религиозного пророчества и поучительства был «писателем», деятельным автором, — то Чертков постепенно берет на себя всю практическую сторону «толстовства» — издательскую, пропагандистскую и филантропическую деятельность, в которой находят себе выход все его моральное рвение, энергия и способности организатора. Так возникло издательство «Посредник», «поставленное» В. Г. Чертковым и перешедшее потом в руки И. И. Горбунова-Посадова, пытавшееся заменить в народе примитивную «лубочную» литературу высококачественными с литературной стороны и доступными по содержанию книжками нравственно-религиозного направления. Главным автором «Посредника» был Толстой, а первыми изданиями «Посредника» — «Народные рассказы» Л. Толстого. Как и во всем «толстовстве», в этой деятельности Черткова были и полезные, но были и глубоко реакционные стороны.

Постепенно писатель сосредоточивает в руках В. Г. Черткова все дела, связанные с опубликованием, переводом на другие

языки, редактированием и цензурованием его новых произведений, а Чертков со своей стороны делает все возможное для собирания и хранения всех рукописей Толстого, начиная с черновиков его произведений и кончая его письмами и Дневниками. Эта деятельность В. Г. Черткова заслуживает самого высокого уважения.

В самом начале своего знакомства с Чертковым Толстой записал о нем у себя в Дневнике: «Он удивительно одноцентрен со мною», и это ощущение «одноцентренности» с Чертковым почти никогда не покидало его.

Так развивались отношения Толстого с В. Г. Чертковым вплоть до 1897 г., которым помечено первое письмо, напечатанное в настоящем томе.

90-е годы были годами усиления в России самодержавно-помещичьего гнета и произвола. Несчастное десятилетие, на протяжении которого Россию несколько раз постигал неурожай и голод, привело крестьянство на край гибели и вымирания. Общественный протест и революционная деятельность в стране вызывали со стороны правительства озлобленную реакцию, в которой, как это обычно бывало, гонения по линии общественно-политической сопровождались религиозными гонениями, репрессиями против всех, кто «отпал» от «лона» православной церкви. Все эти события так или иначе захватили Толстого и круг близких к нему людей. В середине 90-х годов Чертков при сочувствии Толстого резко выступает по поводу грубой акции правительства против Хилкова (у Хилкова, состоявшего в гражданском браке, были по личному распоряжению царя насильно отняты дети), а немного позднее весь круг «толстовцев» принимает близкое участие в судьбе кавказских духоборов, преследуемых правительством. История защиты духоборов широко отражена в письмах Толстого и Черткова. Религиозные сектанты — крестьяне-духоборы, переселенные из Средней России на Кавказ,— подверглись насилиям, издевательствам и дальнейшему расселению в Тифлисской губ. за неподчинение властям и в особенности за их твердый отказ от прохождения военной службы, несогласной с их нравственными убеждениями. Религиозные идеи духоборчества — в частности, их отношение к «властям», уклонение от насилия — были близки «толстовству», и поэтому

защита духоборов, обреченных на разорение и гибель, стала делом совести участников толстовского движения.

Все это вызвало в «охранительных» сферах очередной приступ раздражения против Толстого и его единомышленников, а после того, как Чертков распространил в обществе написанную им и одобренную Толстым листовку «Помогите!» — с призывом принять участие в судьбе духоборов и с обличением царских жестокостей, начались прямые репрессии. В 1897 г. лица, подписавшие это воззвание (В. Г. Чертков, П. И. Бирюков и И. М. Трегубов), подверглись высылке из пределов России — двое в прибалтийские губернии, а В. Г. Чертков — за границу.

Девять лет (1897—1906) прожил Чертков в изгнании, в Англии, почти не покидая окрестностей Лондона, где он поселился, и лишь после революции 1905 г., за четыре года до смерти Толстого, получил право вернуться на родину. Но и в России преследования продолжались: Черткову, в частности, запретили жить поблизости от Толстого — «в пределах Тульской губернии».

Все это во всяком случае способствовало «расцвету» переписки Толстого с Чертковым, она заменяла им недостающее личное общение. (Сосчитано, что в среднем каждые десять дней между ними происходил обмен письмами.)

Исторический период, охватываемый письмами Толстого к Черткову, — это эпоха первой русской революции, наполненная до отказа интенсивнейшей политической борьбой, захватившей все классы, все общественные слои царской России. Толстой отвергал и осуждал политическую деятельность, однако до последних дней жизни остро реагировал на современные общественные сдвиги, и его письма полны прямых откликов на них. «События нудят, требуют ответа на них», — пишет Толстой в письме Черткову в 1905 г. Обличение революции, отрицательное отношение к революционной борьбе, гневная оценка деятельности правительства — все это одна из повторяющихся тем писем Толстого к Черткову. В них отчетливо видно то противоречие, отмеченное В. И. Лениным, по которому Толстой, будучи «зеркалом русской революции», однако «явно не понял» и «явно отстранился» от революции.

Еще в 1881 г. Толстой записал в Дневнике проницательные слова: «Революция экономическая не то что может быть. А не может не быть. Удивительно, что ее нет».[1] Зорким оком художника, порвавшего со своим классом и глубоко осуждающего современность с новых позиций — позиций простого трудящегося человека, Толстой видел тот развал, к которому пришли в конце XIX столетия абсолютистская империя и весь современный, по его выражению, «людоедский» строй. Во всех участившихся в последнее десятилетие XIX века взрывах освободительной борьбы в России, в трагических схватках лучших русских людей с самодержавием, которые кончались политическими процессами и казнями, Толстой прозорливо и веще слышал «предвозвестье революции».[2] Литературная деятельность самого Толстого, резко выступавшего с обличением существующего строя, раскрывавшего скрытые «язвы» русской жизни — нищету и рабский труд крестьянства, паразитизм обеспеченных слоев общества, охранительную и лицемерную роль церкви, — эта деятельность сама стала большим революционизирующим фактором, хотя субъективно сам Толстой ждал и добивался совсем иного.

В то время уже в сознании Толстого оформилось свое представление о путях выхода из этого всемирного царства тьмы и несправедливости. Толстой, при всей ярости его атак на современное общественное состояние, находился, как известно, на диаметрально противоположных позициях, нежели те, кто был готов видоизменить существующий несправедливый порядок революционным способом. Толстой — создатель религиозно-нравственного учения, основанного на догматах «непротивления злу насилием» и «самоусовершенствования». Спасение человечества, общества — и тех, *кого* угнетают, и тех, *кто* угнетает, — Толстой увидел в обновлении религиозного чувства на почве «очищенного» христианства путем глубокой внутренне-нравственной работы человека по приближению себя к «богу» — не церковному, мистическому «верховному существу», но к «богу подлинному», знаменующему собой растворение личности в любви «ко всем за всё», в неделании зла и пассивном самобережении от всяческого греха. Именно тогда, по мысли

---

[1] Т. 49, стр. 50.
[2] Т. 62, стр. 411.

Толстого, когда будет исполнена единственная заповедь любви, данная человеку при рождении, сойдет на нет естественным путем все зло, все несправедливости и насилия, причиняемые людьми друг другу, и воцарятся меж людей братство и чистота.

Этот переворот в мировоззрении Толстого, его обличительный поход против современности во всех ее аспектах, весь этот «кризис» в жизни, миросозерцании и творчестве Толстого гениально точно объяснен в статьях В. И. Ленина:

«...Своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России... Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого». [1] Марксистская мысль высоко оценивала «протестантские» стороны деятельности Толстого, разоблачавшего обман и мнимость всех общественных устройств в эксплуататорском обществе, обрушивавшего на головы «властителей и судей» неслыханную по мощи и смелости критику как публицистическими средствами, так и средствами своего изумительного искусства. Но передовые люди в то же время понимали то, что с такой определенностью высказал В. И. Ленин: «Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то-есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс».[2]

Все эти диссонансы и противоречия мировоззрения Толстого, его до крайности двойственное отношение к освободительному движению масс эпохи подготовки и самой революции 1905 г. ярко выразились в письмах к В. Г. Черткову. О той безграничной резкости и по сути дела революционности, с которой Толстым отрицалось современное ему глубоко несправедливое жизненное устройство, говорит, например, его замечание о сущ-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 302.
[2] Там же, стр. 295.

ности буржуазно-помещичьего государства (у Толстого — это государство «вообще», но в этом и сказывается у него идеалистическая постановка вопроса. Однако поражает страстная обличительность и широта этого суждения): «...теперь мне представляется мысль о том, что государство и его агенты — это самые большие и распространенные преступники, в сравнении с которыми те, которых называют преступниками, невинные агнцы: богохульство, кощунство, идолопоклонство, убийство, приготовление к нему, клятвопреступления, всякого рода насилия, мучения, истязания, сечение, клевета, ложь, проституция, развращение детей, юношей (читание чужих писем в том числе), грабеж, воровство — это всё необходимые условия государственной жизни». [1]

Но, превосходно зная все пороки современного прогнившего государства, общества и всего «соревновательного устройства» (этим термином у Толстого обозначался частнособственнический, капиталистический порядок, буквально испепеляя их своим словом, Толстой, однако, видел народное спасение не в реальной деятельности по переустройству жизни, не в классовой борьбе пролетариата с его угнетателями, не в тех *материальных* изменениях, которые прежде всего революционным путем должны были быть проведены в действительности. Он рассуждал как идеалист. Мысленно споря с самым передовым мировоззрением эпохи — революционным марксизмом, Толстой писал в Дневнике 3 августа 1898 г.: «Ошибка марксистов (и не одних их, а всей матерьялистической школы) в том, что они не видят того, что жизнью человечества движет рост сознания, движения религии, более и более ясное, общее, удовлетворяющее всем вопросам понимание жизни, а не экономические причины». [2] Толстой и попытался найти для своего времени это «общее, удовлетворяющее всем вопросам понимание жизни», совершенно утопически надеясь одними нравственными, идеальными средствами изменить неправедный мир. Проповедь среди людей «детских», евангельских истин, нравственных заповедей Христа и ставка на самоусовершенствование каждого в духе этих заповедей любви и «всепрощения» — вот то, что по Толстому должно было действенно изменить ход истории.

---

[1] Т. 88, стр. 12.
[2] Т. 53, стр. 206.

Отсюда — отрицательное отношение Л. Толстого к современной ему политической деятельности революционеров и к активным, самостоятельным выступлениям угнетенных народных масс, все более решительно шедших год от году на прямое столкновение с царской властью и на захват в свои руки буржуазно-помещичьей собственности и управление страной. 31 августа 1902 г. Толстой по этому поводу замечает в письме к Черткову: «Желать присвоить то, что сделали другие... прямо безнравственно, и сказать это надо, если убежден в этом, несмотря на то, что это оттолкнет и озлобит социалистов». Путь революционных действий, путь политической и экономической борьбы угнетенных с угнетателями казался Толстому искони «безнравственным», губительным и не соответствующим его требованиям «непротивления злу» и «самоусовершенствования».

Обращаясь к угнетаемым с проповедью непротивленчества и любви, с призывами «нравственным спасением» добиться лучшей жизни, Толстой с такой же проповедью обращался и к угнетателям. В раздираемом классовой враждой мире он хотел «апостольски» примирить враждующие стороны на почве единого нравственного стремления, которое якобы открывает ищущему человеку путь внутреннего совершенствования и отказа от всего того зла, какому он, может быть бессознательно, служил. С этой точки зрения для Толстого становятся равны и одинаково достойны «спасения» как люди из правительственного лагеря, слуги правящего класса, так и те, кто, не щадя жизни, борется с ними, — революционеры. Поэтому, например, в одном из писем, думая о преследуемых властью революционерах, Толстой восклицает: «Помоги бог им и их гонителям». Поэтому же в печатаемых письмах наряду с высказываниями, в которых звучит яростное негодование против современных форм жизни, против государства и его «агентов», мы находим постоянное тяжелое насилие автора над собой (хотя Толстой не раз замечает, что «сбивается») с целью заглушить в себе гнев против конкретных носителей государственного «зла», сменить тон обличения на тон христиански-смиренный и соболезнующий. В этой своей борьбе с самим собой, в борьбе «непротивленца» с мятежным Толстым, автор писем подчас кажется «помещиком, юродствующим во Христе». Создатель убийственных в русской литературе портретов представителей «царствующего дома» и

царских слуг приходит к противоестественному желанию «сверхбратски» любить Столыпина и Николая II. Так далеко заходил Толстой в своем стремлении объединить мир — все классы, все лагери и партии — одной спасительной религиозно-нравственной идеей христианской любви, непротивлением злу и иными утопическими «воздыханиями» о человеке. Но вся эта философия «добра» и «всепрощения» совершенно недостаточна для сдерживания *непосредственных* чувств и мыслей гениального писателя. Сквозь специфическую фразеологию «толстовства» в письмах Толстого к Черткову пробивается смятенный, все время ищущий и могучий человеческий дух, охваченный гневом и болью при виде страданий народа и паразитически пользующегося плодами рабского труда класса «дармоедов» (так с народной резкостью именует в эти годы Толстой верхушечные слои общества). Почти каждый взрыв негодования и ужаса сопровождается покаянием в недостатке «любви», в греховной резкости выражений, опасением вызвать озлобленность со стороны тех, кого это касается, но события эпохи, врываясь в жизнь писателя, нарушали его жажду гармонии и мира.

В период назревания в стране революционных событий 1905 г., когда русский пролетариат во главе всех протестующих слоев общества поднимался на штурм самодержавия, Толстой в одном из писем к Черткову писал, что для него революция — это «массовый гипноз, не подъем духовной, а упадок», а сами революционеры, «руководимые легкомысленным и тщеславным задором, губят и жизни и духовные силы людей, увлекая их в нелепые, бессмысленные затеи». Это говорилось именно тогда, когда М. Горький писал, что «*русский* революционер — со всеми его недостатками — феномен, равного которому по красоте духовной, по силе любви к миру — я не знаю». [1] Бескорыстный и очистительный характер этой всенародной борьбы нельзя было не видеть, и вот как бы в опровержение собственных сугубо тенденциозных суждений Толстой мудро замечает в другом письме к Черткову по поводу нарастающих революционных событий: «А все-таки это роды, это подъем общественного сознания на высшую ступень».

---

[1] «Л. Н. Толстой в русской критике», М. 1952, стр. 623.

С того времени, как Л. Н. Толстой перешел на новые идейные позиции, его положение как литератора сильно изменилось.

Господствующие круги рассматривали новое направление литературной деятельности Толстого, его критику государственного строя и православной церкви как явление крайне разрушительное, вредное, подлежащее контролю и цензурному обузданию. Насколько серьезно царские власти опасались публицистических выступлений Толстого, свидетельствует заключение Московского цензурного комитета о его книге «В чем моя вера?» (1884). Это произведение, по мнению царских цензоров, «должно быть признано крайне вредной книгой, так как подрывает основы общественных и государственных учреждений и вконец рушит учение церкви». [1]

На произведения всемирно-известного писателя, начиная с 80-х годов, ложится тяжелое цензурное иго, которое лишает его возможности обнародовать в России многие из своих произведений в неизуродованном виде. Имя Толстого с полным правом может быть внесено в пространный список мучеников цензуры в русской литературе, список, открытый еще Радищевым и Новиковым. Сам Толстой отчетливо сознавал всю сложность и трудность своего положения как писателя: «Пока я... по шерсти гладил — все мои книжки хвалили и печатали, и царь читал и хвалил; но как только я захотел... показывать людям, что они живут не по закону, так все на меня опрокинулись. Книжки мои не пропускают и жгут, и правительство считает меня врагом своим». [2]

Естественно, что для Толстого, у которого вне литературы не было пути для борьбы с ненавистными ему условиями современной жизни и пропаганды нравственно-религиозных теорий, в новом периоде его писательской работы с особой силой встал вопрос о максимально широком использовании печатного слова, о способах обхода цензурных рогаток.

Толстой, хотя и пропагандировавший «неделание», уход от всякой общественной активной работы, проявлял настоящую заинтересованность в сугубо практических вопросах организации печатно-издательского дела, поставленного на службу вполне определенному идейному движению.

---

[1] Цит. по книге С. Бычкова «Л. Н. Толстой», Гослитиздат, 1954, стр. 350.

[2] Т. 63, стр. 333.

Первым опытом такого рода был «Посредник», основанный в 1884 г. В. Г. Чертковым, и вся изобретательная и настойчивая работа Черткова в России по распространению толстовских писаний.

После высылки Черткова за границу возникли благоприятные условия для продолжения этой работы, для свободного печатания произведений Толстого и других произведений, которые не могли быть по цензурным условиям опубликованы в России.

Толстому крайне важно было иметь возможность «уйти» из-под цензуры и говорить вслух все, что он думает. О многих из своих сочинений позднего периода Толстой мог сказать то, что он сказал в одном из писем к Черткову: «В России никто не печатает, и я поставил conditio sine qua non печатать всё или ничего». Возможность «печатать всё» предоставило Толстому издательство, созданное Чертковым в Англии, выпустившее, как известно, «Полное собрание сочинений Л. Толстого, запрещенных в России».

В обстановке нарастающего в стране революционного подъема, свирепств реакции, непрестанных цензурных гонений создатели толстовского издательства за рубежом в известной мере сознавали себя представителями вольной русской печати, не подвластной царским утеснениям и запретам. Несомненно, некоторыми сторонами своей деятельности руководители «Свободного слова» выражали общедемократическую оппозицию, у которой в России не было легальной трибуны. Так складывается за границей, в Англии, отнюдь не просветительский «Посредник», а оппозиционное, уже одним своим заглавием воинствующее «Свободное слово».

Практические и идейные проблемы, относящиеся к изданию в Англии журналов «Свободное слово» (вышло 18 номеров, 1901—1905 гг.) и «Листков Свободного слова» (вышло 25 номеров, 1898—1902 гг.), горячо волнуют и интересуют Толстого и Черткова и находят широкое отражение в их переписке.

Между корреспондентами в эти годы существует теснейшая и непрерывная связь — связь автора с издателем. Каждое новое произведение Толстого прямо из-под пера отправляется в Англию к Черткову, где быстро издается им на русском и иностранных языках либо впервые, либо в более полном по сравнению

с изданным одновременно в России цензурованном варианте. Чертков в свою очередь отсылает Толстому каждый вышедший номер «Свободного слова», и почти в каждом письме Толстого Черткову идет речь о новых предназначенных для печати произведениях Толстого, о поправках, вносимых в тексты, о порядке их опубликования, перевода, о материалах для «Свободного слова», денежных делах издательства.

Особенно интенсивно эти деловые отношения развиваются в период создания Толстым его крупных и важных, становящихся известными во всем мире произведений, таких, как трактат «Что такое искусство?» или роман «Воскресение».

Журнал и издательство «Свободное слово», организованные Чертковым в Англии, должны были явиться естественным продолжением тех начинаний, которые были сделаны еще в России («Посредник», сборники «Архив Толстого»). Они должны были стать заграничным центром пропаганды «толстовства», своего рода «Международным Посредником» (это условное наименование было даже принято Толстым и Чертковым в их переписке). И английское издательство Черткова стремилось выполнить эту свою специфическую роль, печатая проповеднические сочинения Толстого, его рассуждения и мысли на философские и религиозные темы, извлеченные из писем и Дневников писателя, копиями, которыми он беспрерывно снабжал Черткова.

Но в условиях политического подъема перед первой русской революцией и реакционных гонений в России на всё свободомыслящее, журналы, издаваемые Чертковым за рубежом, публиковавшие то, что не могло быть оглашено в России, оказывались в положении эмигрантской, бесцензурной прессы, действительно свободным русским словом, противопоставляющим себя ущемленной, рептильной, подцензурной печати в России.

Положение чертковского «Свободного слова» по отношению к легальной русской прессе, его оппозиционный, обличительный дух, сам географический «пункт» пребывания издательства и фирмы (Лондон) позволяет говорить о его преемственной связи с традициями «вольной русской печати» Герцена и Огарева. И недаром, когда Толстой хочет подчеркнуть в одном из писем Черткову требуемый характер печатных изданий и ста-

тей, он вспоминает именно Герцена, его боевой журналистский стиль: «Нужно быстро и бойко по-герценовски, по-журнальному писать о современных событиях, а вы добросовестно исследуете их, как свойственно исследовать вечные вопросы». Возникавшая в обстоятельствах бурной общественной борьбы в России необходимость «по-герценовски», быстро и без промаха откликаться на жгучие явления жизни отодвинула даже для Толстого на второй план излюбленную им точку зрения «вечности» и, наоборот, потребовала от него прямого и активного вмешательства в ход событий, не совсем сочетавшегося с ортодоксально толстовской «идеологией».

Толстой, столь часто публично отрекавшийся от всякой практической деятельности, имеющей сколько-нибудь политическое направление, в эти годы заботится об английских изданиях Черткова как подлинный практический организатор антиправительственной прессы. Он изучает дело с его материально финансовой стороны и дает Черткову советы, на сколько тысяч в год поставить издание, как избежать долгов и пр.

Он иногда взыскательно замечает Черткову как руководителю большого издательского предприятия: «Мне кажется, вы всегда набираете слишком много, не по силам, дела, и оно не двигается от этого. Вы от преувеличенной аккуратности копотливы, медлительны, потом на все смотрите свысока, grandseigner'ски, думаю, что вы, вследствие хороших ваших свойств, очень драгоценный сотрудник, но один — деятель непрактичный».

Толстой не только сам участвует в изданиях Черткова как автор и советник, но сообщает Черткову в ряде писем сведения об отказах от военной службы, случаях неповиновения властям и отдельные факты и события реальной российской действительности, с тем чтобы Чертков мог сделать их общеизвестными. Так, 7 декабря 1900 г. Толстой отсылает Черткову болгарскую газету с напечатанным в ней отчетом о суде над болгарским «непротивленцем», отказавшимся от военной службы, и вырезку из русской газеты с сообщением о зверствах, совершенных в Благовещенске над местными жителями-китайцами.

Все это показывает, как в эти годы Толстой, «несмотря на свое удаление от центра борьбы, был захлеснут ее волной».

Поистине апостол «непротивления злу» становится в эти годы какими-то сторонами своей деятельности вдохновителем борьбы вольного русского слова с правительством палачей и тюремщиков. О «герценовском» направлении этой работы говорит, например, предисловие Черткова к первому выпуску журнала «Листки Свободного слова», особенно одобренного Толстым: «Люди, живущие в пределах нашего отечества, могут быть особенно полезны, сообщая нам такие факты из современной жизни, которые правительственные служители тьмы и обманов боятся допустить к огласке в России, но ознакомление с которыми желательно в интересах всего русского народа». [1]

В дальнейшем «Свободное слово» и «Листки Свободного слова» не раз предавали широкой огласке, на суд мировой общественности многие жестокие и реакционные мероприятия царского правительства, реакционную политику в отношении Финляндии, расправу со студенческим движением, с антиправительственными демонстрациями и т. д.

Эта деятельность Черткова, как видно по письмам, неизменно приветствовалась и поддерживалась Толстым.

Письма Толстого к Черткову, откликающиеся на эту активную оппозиционную деятельность «Свободного слова», характеризуют Толстого, главным образом, как борца и обличителя, который, по выражению одного из современников, «колеблет трон Николая и его династии».

Несмотря на то, что письма Толстого к Черткову касаются, главным образом, религиозно-нравственных проблем, практических вопросов пропаганды и издания обличительных и религиозных сочинений Толстого, они дают также немалый материал для изучения особенностей Толстого-художника в один из самых плодотворных периодов его творчества. До последних лет жизни в Толстом, как будто навсегда порвавшем со всем «греховным» направлением своей прежней писательской деятельности, не умирал великий художник. Письма и Дневники рассматриваемого периода буквально пестрят упоминанием о том, что Толстой либо пишет «художественное», либо обдумы-

[1] «Листки Свободного слова» 1898, № 1.

вает это «художественное», думает о новом романе или просто радостно «смакует» явившийся ему удачный художественный сюжет. Толстой, весь как будто бы ушедший в проповедничество и нравственное обличительство, пристально следит за современной ему литературно-художественной жизнью; его Дневники, письма и записи людей, встречавшихся с ним в эти годы, содержат ряд мудрых и проницательных оценок современных литературных явлений с точки зрения художника-реалиста. Произведения, обнародованные при жизни Толстого, а также и те, что увидели свет только после его смерти, говорят о нестареющем, вековом, изумительном даре и мастерстве великого русского писателя — «мастера шедевров», как назвал Толстого французский исследователь его творчества де Вогюэ. 90-е и 900-е годы в творчестве Толстого — это годы создания такого всеобъемлющего романа, как «Воскресение», такой новаторской пьесы, как «Живой труп», такого несравненного по красоте и жизнелюбию произведения, как «Хаджи-Мурат», и др.

В печатаемые письма, ввиду их специфического склада, проникали лишь отголоски этих художественных работ и волнений Толстого позднего периода, но тем не менее отголоски многозначительные.

В эти позднейшие годы, делясь с В. Г. Чертковым своими литературными планами, среди которых основное место занимают выступления по вопросам морали и религиозного миросозерцания, Толстой не забывает, почти извиняясь, упомянуть: «Это всё работы, необходимость которых я признаю, работы важные, но есть еще работы и планы работ легкомысленные, для своего удовлетворения: это старые планы художественных вещей, которые вновь написать, а которые исправить...» Ревностная деятельность Черткова по изучению и распространению во всем мире того, что было для него важнейшим в литературной работе Толстого, — его публицистических выступлений «на злобу дня», религиозно-нравственных поучений и пр., заставляла последнего в письмах говорить о своих чисто художественных намерениях почти с робостью, называя это желанием «побаловаться», «легкомысленным занятием» и т. п. «Вы мне решительно не даете баловаться. Только что я взялся за легкомысленную драму (речь идет о «Живом трупе». — *М. Щ.*), как Галя прислала эти две статьи... Теперь

опять хотел резвиться, вы напоминаете о китайском обращении. Спасибо вам». Нельзя считать, что Чертков чуть ли не насильственно отвращал Толстого от художественного творчества, искусно отводя его энергию в русло «толстовского» проповедничества, но нельзя не видеть, что исполнительское «рвение» Черткова, обратившего в догму самые слабые черты толстовского мировоззрения и деятельности, действовало подчас деспотически на Толстого. Неоднократно Чертков в своих письмах даже *побуждает* Толстого к художественной деятельности и делает это столь же агрессивно, как и все другое, например присылая Толстому его старый черновой художественный текст вместе с белыми листочками, надеясь, что это «разбередит» в нем его писательскую жилку. Эти и подобные им побуждения часто достигают своего, и Толстой, заканчивая очередное художественное произведение, порою с признательностью сообщает Черткову: «Работы свои... я кончил — рад, что развязался с ними. Вы виноваты в том, что они в более или менее художественной форме». Однако — и это очень показательно — Толстой говорит со своим корреспондентом о «художественном», главным образом, в тех случаях, когда новое произведение Толстого представляет из себя образную иллюстрацию к тому или иному нравственно-религиозному тезису «толстовства», когда искусство Толстого как бы «обслуживает» его учение, отступая в ряде моментов от глубоко реалистического показа жизни. В. Г. Чертков, который, несомненно, сознавал и ценил всемогущество толстовского художественного дара, постоянно, если можно так выразиться, «мобилизует» Толстого-художника на выполнение религиозно-нравственных задач, понимая, что сила художественных образов действеннее силы голой проповеди. Так, например, в 1903 г., узнав о временном бездействии Толстого, вызванном болезнью, Чертков пишет ему: «У меня к вам очень серьезная просьба или предложение: когда вам не пишется, то более серьезное, что вам хочется писать, то для того, чтобы ваш писательский «талант» не оставался бы непроизводительным, пишите так, между прочим, маленькие рассказы или притчи для иллюстрации той или другой нравственной или религиозной истины». [1] Очевидно, что не было ничего другого, что

[1] М. В. Муратов, «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке», Государственный Толстовский музей, М. 1934, стр. 316—317.

могло бы действительно сделать писательский талант Толстого непроизводительным, чем это сочинение нравоучительных сказочек на заданные темы, но именно в этом *утилитарном* плане высоко оценивал Чертков художественную деятельность Толстого. Достаточно вспомнить, например, тот случай, когда для издания «Кавказского пленника» «Посредником» Чертков советовал Толстому изменить ряд эпизодов, могущих нарушить «нравственный» эффект повести, или когда он несомненно повлиял на Толстого в том, чтобы в «Воскресении» усилить тенденциозную характеристику революционеров, придав им «свойственные действительности тени». Затем Чертков выражал опасение, как бы «революционное жизнепонимание» не было бы показано так, «чтобы вследствие отсутствия его анализа не слилось в сознании читателя с тем чисто христианским жизнеописанием, которым проникнуто освещение всех остальных описываемых явлений».

Естественно, что под воздействием неукоснительного исполнения «толстовских» догм, которым отличался «твердый» Чертков, Толстой не мог не назвать «баловством» и «легкомысленным занятием для собственного удовлетворения» сочинение реалистической драмы «Живой труп». И в то же время нельзя не оценить энергии Черткова, проявленной им для скорейшего и обходящего цензуру опубликования *любых* произведений Толстого.

О том, насколько для Толстого, при всем сознании им «легкомысленности» художественных занятий, все-таки было необходимо свободное от догм реалистическое творчество, говорят такие откровенные замечания из его писем, как, например, фраза, написанная по прочтении нового романа Поленца «Der Grabenhager»: «Там есть глава, которая так и потянула меня к художественной работе. Теперь особенно после того, как я кончил утомившую меня одностороннюю работу о религии».

Мы почти не встречаем в письмах к В. Г. Черткову распространенных суждений об искусстве, о мастерстве художественного изложения (а ведь это было время написания трактата «Что такое искусство?»). Толстой почти не делится со своим корреспондентом творческими переживаниями во время работы над «Воскресением» и «Хаджи-Муратом». Здесь есть лишь самые отрывочные, но тем не менее драгоценные сведения.

«Над Воскресением работаю с увлечением, какого давно не испытывал», «Драму я. шутя, или, вернее, балуясь, я написал начерно», — кратко сообщает Толстой о своей работе над новыми произведениями, и мы чувствуем за этими «информационными» сводками все то освобождение и отдых, который испытывал Толстой за страницами «Воскресения» и «Живого трупа» от «односторонней» религиозной работы, даже религиозно-художественной работы, на исполнении которой прежде всего настаивал В. Г. Чертков.

В письмах Толстого есть редкие, но точные и значительные слова о реалистическом художественном мастерстве, помогающие проникнуть во внутренний мир автора полнокровных, подлинно художественных образов. Во время непрерывной титанической, продолжавшейся от варианта к варианту работы над «Воскресением» Толстой пишет В. Г. Черткову, издающему «Воскресение» за границей: «Так я измучился. Дело в том, что, как умный портретист, скульптор Трубецкой занят только тем, чтобы передать выражение лица — глаз, так для меня главное — душевная жизнь, выражающаяся в сценах. И эти сцены не мог не перерабатывать». Это мысль, принципиально важная для писателя-реалиста. Как в самой действительности внутренняя жизнь людей выражается в их отношениях, встречах, в событиях, в картинах жизни, так же и в искусстве, рисующем жизнь, внутреннее, душевное, психологическое в человеке, смысл происходящего должен раскрываться не в декларациях, даже не в художественной иллюстрации к наставительному тезису, но в самом художественном движении образов — «в сценах». И если эти «сцены» и образы выхвачены из жизни, дышат жизнью, как гениальные образы «Воскресения», тогда возникает великое, убеждающее всех искусство. И наоборот, когда, как в финале «Воскресения», художник все сводит к декларированию благих истин, не подтверждая, не выражая «душевную жизнь» важного в идейном плане события романа в художественно-значительной «сцене», читатель остается «в стороне». Мысль Толстого дает понять, чего он столь требовательно добивался от своих произведений и в чем был так непостижимо верен жизни.

Толстой, гениальный художник, автор пленительных и глубоких творений, охватывающих жизнь народа и жизнь личности, с этой стороны почти не проявляет себя в письмах

к Черткову. Но достаточно одной-двух фраз, нескольких сжатых замечаний, чтобы мы почувствовали дыхание великого искусства Толстого также и здесь.

Большое место в письмах Толстого к Черткову, письмах зачастую обширных и интимных, занимают самоаналитические наблюдения, подчас развернутые в целые исповеди. Это своеобразный, закрепленный письменно, моральный «тренаж», практика самоусовершенствования. Эти письма позволяют понять Толстого и Черткова как бы с «незащищенной» стороны — в скрытой от посторонних глаз личной «лаборатории» мыслителя и проповедника, каждодневными впечатлениями жизни и взыскательным анализом «в себе», поверяющим открытую им «всемирную» истину спасения.

Незадолго до своего ухода из Ясной Поляны Толстой пишет Черткову слова, которые как бы подводят итог их многолетнему общению и переписке: «Есть целая область мыслей, чувств, которыми я ни с кем не могу так естественно делиться, — зная, что я вполне понят, — как с вами» (26 октября 1910 г.). Этими «мыслями, чувствами» в особенности были для Толстого те, что связаны с глубинной нравственной работой, не останавливавшейся в нем до последних дней, те, которые соответствовали его публично высказываемым идеям о боге, как воплощении любви, о смерти, о борьбе с соблазнами путем «самоусовершенствования» — со всей системою «толстовских» понятий и требований в приложении к его личной, лишенной гармонии внутренней жизни.

Целые страницы писем Толстого к Черткову заполнены такими специфическими рассуждениями, в которых законченный философский идеализм (так, Толстой пишет, что «весь материальный мир есть произведение моих пяти чувств») соединен с нескрываемой живой потребностью души найти твердую веру в смысл и обоснование жизни, обрывающейся смертью. «Жизнь есть (всё больше и больше) сознание своей божественности. Не началось сознание божественности (выражающееся свободой) своего существа, заключенного в телесности, — не началась жизнь. Кончилось сознание своего заключенного в телесности божественного существа — кончилась жизнь. Умирает не то, что сознаваемо, а то, что сознает... вывод из этого такой радостный

и для жизни и для смерти, и для себя и для других». И дальше: «Всё дело в иллюзии себя, своего я, которого нет и никогда не было. Есть только бог, и я его проявление... Я — только отверстие, через которое проходит жизнь... Я — ничто». Производит странное впечатление это самоумаление гения, эта благорастворенность в боге, это — фактически — такое *уговаривание* себя и людей поверить в некий чисто иллюзорный вывод. Или, например, практическое приложение толстовской теории «самоусовершенствования»: «Последнее же время, больше месяца, у меня есть лекарство, удивительно помогающее и до сих пор действующее. Лекарство это предназначено против того самого, от чего вы страдаете, — от разлучения с богом... я напоминаю себе, как могу чаще, что во мне божеское начало — есть бог, такое существо, которое не может ни огорчаться, ни сердиться, ни бояться, ни стыдиться, ни гордиться, а может только делать то, что бог... — любить... На меня это действует удивительно... Попробуйте, может быть и вам годится».

Быть может, в этих совершенно «дневниковых», ничем не прикрытых суждениях более всего сказывается *индивидуалистический* характер толстовской философии и этики. «Бог» и «любовь» нужны здесь, во-первых, для того, чтобы примирить человека с внешними обстоятельствами его жизни, с ее неустройствами и несчастьями, наконец примирить человека со смертью, заглушить в нем ужас и ненависть к смерти представлением о мнимом «бессмертии», погруженностью в некое всеобщее начало, которое не одному А. П. Чехову могло представиться в виде «бесформенной студенистой массы». [1] Во-вторых, как легко увидеть, «бог» привлекается здесь для того, чтобы оградить самоусовершенствующееся «я» от треволнений, горечи, гнева и другой естественной реакции на проявление человеческой низости, жестокости и страданий, создать между индивидуумом и индивидуумом, индивидуумом и обществом непроходимую для выражения любых непосредственных эмоций и незримую преграду в виде «божеского начала», делающего человека способным лишь к бесстрастной и бездеятельной... «любви».

---

[1] «Л. Н. Толстой в русской критике», М. 1952, стр. 611.

В области общественной борьбы подобная проповедь, как известно, носила еще более ярко выраженный реакционный характер, в корне убивая революционную активность масс, вызывая «отчуждение от политики... мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», и лишь «бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег» (В. И. Ленин).

В полном противоречии с этой философией смирения и застоя находится то качество толстовской личности, о котором А. В. Луначарский писал как о «*необычайной, изумительной широкой жизненности, связанной с общественными чувствованиями, страстями*».[1] Эту жизненность, кровную связь Толстого с народом видишь, когда среди бесплотных, высокопарных рассуждений на тему о «боге», «любви», о «ступенях приближения к богу» встречается чудесная во всей простоте художественная зарисовка из дореволюционной русской деревенской жизни: «Нынче волнительное, хорошо волнительное утро. Сейчас только вернулся с деревни, где ходил смотреть проводы молодых ребят, ведомых на ставку. Залихватская гармония с песней и приплясыванием и завывания баб, и удивление и участие ребятенок, и тихие слезы стариков отцов. «А этот чей?» — спросил я, указывая на высокого стройного молодца, у старика, знакомого мне, Прокофия. — Мой, — и захлюпал и зарыдал. И я тоже, как и теперь, плачу, вспоминая это».

В литературе, посвященной Толстому, обстоятельно и с разных точек зрения освещен вопрос об уходе Толстого из Ясной Поляны в 1910 г. и широко исследована предшествовавшая этому человеческая драма. Опубликованы Дневники Толстого, которые он вел в последний год жизни, а также дневники С. А. Толстой, относящиеся к этому времени; имеются многочисленные воспоминания, в том числе воспоминания родственников и друзей Толстого. Широко освещена жизнь Толстого этого периода в ряде биографий, среди которых наиболее объективную картину рисует известная «Биография Л. Н. Толстого», принадлежащая П. И. Бирюкову.

Самое непосредственное отношение к этому вопросу имеют письма Толстого к Черткову, собранные в 89 томе настоящего издания.

---

[1] «Л. Н. Толстой в русской критике», М. 1952, стр. 513.

В последние годы жизни Толстого в Ясной Поляне его положение сделалось мучительным. Со времени перелома в мировоззрении Толстой ощущал свою жизнь в барской усадьбе, среди семьи, существующей на дворянский доход с обрабатываемой крестьянами земли и на литературный доход от продажи его сочинений, как страдание. Имеются записи в Дневнике и высказывания в письмах, звучащие, как крик глубоко уязвленной совести: «Рано проснулся. Ходил по саду. Всё тяжелее и тяжелее становится видеть рабов, работающих на нашу семью» (Дневник, запись 5 января 1910 г.[1]); «мучительная тоска от сознания мерзости своей жизни среди работающих для того, чтобы еле-еле избавиться от холодной, голодной смерти, избавить себя и семью. Вчера жрут 15 человек блины, человек 5, 6 семейных людей бегают, еле поспевая готовить, разносить жранье. Мучительно стыдно, ужасно. Вчера проехал мимо бьющих камень, точно меня сквозь строй прогнали» (Дневник, запись 12 апреля 1910 г.[2]). Подобные этим высказывания есть и в письмах Черткову: «Нерадостная сторона, всё больше и больше, к стыду моему, мучащая меня, это та среда, те условия, в которых я живу, особенно земельные — это порабощение людей посредством земельной собственности и, хоть косвенно и против воли, страдая, но участвую. Никогда о грехе крепостного права я не чувствовал в $^1/_{100}$ так больно, как чувствую этот грех».

Семейные, и особенно жена писателя Софья Андреевна, ничем не смогли утишить эти страдания Толстого. Наоборот, в последние годы между Толстым и большею частью семьи возник тяжелый конфликт в связи с завещанием, составленным Толстым незадолго до ухода, таким образом, чтобы его литературные произведения стали общественным достоянием. Распорядителем своего литературного наследия он назначал В. Г. Черткова. Борьба вокруг завещания между семьей Толстых и «толстовцами» (главным образом В. Г. Чертковым) приняла в 1909—1910 гг. особенно острый характер. Положение Толстого сделалось поистине трагическим. И если действительно ужасное впечатление производит болезненное поведение жены писателя в этот период, ее слепая ненависть

[1] Т. 58, стр. 4.
[2] Там же, стр. 37.

к Черткову, тяжелые сцены, устраиваемые самому Толстому, то, с другой стороны, исследователь этой поры в жизни писателя должен отметить также подчас лишенные такта, настойчивые агрессии Черткова в частный мир Толстого. Неизмеримы те усилия, которые совершил этот человек для собирания и бдительного сохранения рукописного богатства Толстого. Но в тот тяжелый период жизни великого русского писателя все вокруг него, и Чертков в том числе, были охвачены каким-то отвлеченным ажиотажем, исключительно тягостным для самого Толстого. Создается впечатление, что для всех, кто был втянут тогда в эти сложные отношения, важнее всего были какие-то дальние последствия происходящего: для «античертковской» части семьи Толстого — вопрос сохранения собственности на произведения писателя после его смерти, семейное благосостояние и естественное право быть ближе всех к Толстому; для Черткова — ревностное и уже почти честолюбивое желание отстоять недоступность толстовских рукописей и произведений для частного владения и неукоснительное исполнение духовной воли самого Толстого на этот счет. Оба лагеря как бы забыли о самом Толстом, старом, одиноком человеке, еще живом, но близком к смерти, ищущем нравственного успокоения и хотя бы краткого примирения своих внутренних принципов с внешним образом жизни. В Дневниках Толстого и его письмах тех лет, наряду с выражением крайней муки от тех ненормальных условий, в которые он был поставлен в Ясной Поляне, звучит также кроткий упрек и В. Г. Черткову, который вовлек его в столь неприятную борьбу. Нельзя недооценивать и отрицательной реакции Толстого также на слишком свободное обращение В. Г. Черткова, например, с присылаемыми ему интимными текстами из Дневников. Так, еще в 1901 г. Толстой пишет: «Выписки ваши из писем и дневников мне немножко неприятны. Точно я кокетничаю своими мыслями. Не разрабатываю их, как должно, а так бросаю. Это можно прилично делать только из-за гроба». Это звучит как упрек в бестактности.

В результате всего Толстой, чья любовь и совесть стали в это время как бы предметом злобной, неостывающей борьбы между людьми, самыми близкими и дорогими ему из всех окружающих, чувствует себя еще более безысходно и мрачно. 24 сентября 1910 г., после получения письма от В. Г. Черткова «с упреками

и обличениями», он записывает в «Дневнике для одного себя» отчаянные слова: «Они разрывают меня на части. Иногда думается: уйти ото всех».

Невозможность более вести «господскую» жизнь, противоречащую нравственным убеждениям, каждодневно видеть «роскошь жизни среди бедноты народа», особо мучительные условия, созданные С. А. Толстой в Ясной Поляне, невыносимое напряжение, связанное с очень тяжелыми переживаниями в семье, и, наконец, антагонизм основной части семьи с Чертковым, антагонизм, в котором обе стороны без всякого снисхождения настаивали на своем, — все это усиливало у Толстого давнишнее спасительное желание «уйти ото всех», бежать из Ясной Поляны «в пустыню» и «желание тихой, достойной человеческой жизни».

Когда терпеть и смиряться стало больше невозможно, осенней октябрьской ночью 1910 г. Л. Н. Толстой тайно покинул Ясную Поляну, чтобы уже никогда туда не возвратиться.

Письмам Л. Толстого к В. Г. Черткову принадлежит в наследии великого писателя несколько особое место.

То «духовное единение», которое нашел Толстой во взаимоотношениях с Чертковым, их многолетняя заинтересованность в одном и том же, действительная самоотверженность Черткова в служении «общему» «толстовскому» делу — все это делает публикуемые письма лежащими особенно близко, так сказать, к «области мысли» Толстого, к его внутренним исканиям, придают им тон особой доверительности и самоаналитичности, свойственной обычно только личным дневникам. Показательно, что в переписке Толстого с Чертковым встречаются факты, когда вместо письма отсылаются именно листки из дневника, как бы вполне заменяющие то, что должно было составить содержание письма. Письма Толстого к Черткову содержат обильный материал для суждений о жизни и творчестве Толстого в охватываемую ими эпоху, для понимания важных моментов его биографии.

Однако наиболее полно и последовательно в этих письмах мы узнаем писателя со стороны слабых «толстовских» сторон его мировоззрения, в них главный пафос писем к В. Г. Черткову, и это совершенно естественно, учитывая специфический харак-

тер отношении корреспондентов, их христианскую, построенную на исповедании общих духовных интересов дружбу. Это наложило свой отпечаток и на стиль писем, характерный стиль религиозных писаний Толстого.

Современный советский читатель, для которого гениальное художественное творчество Толстого является необходимой частью его духовной культуры, источником наслаждений и раздумий, правильно поймет смысл идейных заблуждений Толстого. Он воспримет в наследии Толстого то, что принадлежит векам, оставив его времени все утопии и ошибки, но высоко оценив глубокую искренность и жгучую потребность правды, отличавшую мысль и чувство великого писателя.

М. Щеглов

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

В том 88 входит 301 письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову за 1897—1904 гг. Из них печатается впервые 295 писем; по автографам 270 писем; по подлинникам 31 письмо.

При воспроизведении текста писем Л. Н. Толстого соблюдаются следующие правила.

Текст писем Толстого, как правило, воспроизводится с учетом последних исправлений, сделанных автором. Из зачеркнутого в сноске воспроизводятся лишь наиболее существенные варианты, причем знак сноски ставится при слове, после которого стоит зачеркнутое.

Сохраняются все особенности правописания автора, например различное написание одних и тех же слов («тетенька» и «тетинька»), ударения, поставленные им, слова, написанные неполностью, печатаются полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к-ый» — «к[отор]ый», т. к.— т[ак] к[ак], б. — б[ыл]. Не дополняются общепринятые сокращения: и т. п., и пр., и др.

Описки (пропуски, перестановка букв, замена одной буквы другой и т. п.) исправляются без оговорки.

На месте не поддающихся прочтению слов в скобках ставится: [*1 неразобр.*] [*2 неразобр.*], где цифры обозначают число неразобранных слов.

Скобки автора обозначаются круглыми скобками.

Подчеркнутое автором воспроизводится курсивом.

Сохраняется пунктуация автора, если она не противоречит общепринятым нормам.

Новые абзацы вводятся только в тех местах, где начинается резко отличный по теме и характеру от предыдущего текст,

причем каждый раз оговаривается в сноске: Абзац редактора. Знак сноски ставится перед первым словом введенного редактором абзаца.

Письма, публикуемые впервые, а также те, которые ранее печатались неполностью или в переводах на иностранные языки, обозначаются звездочкой.

Все даты по 31 декабря 1917 г. приводятся по старому стилю, а с января 1918 г. по новому стилю.

В примечаниях приняты условные сокращения:

АЧ — Архив В. Г. Черткова (Москва).

Б, III, IV — П. И. Бирюков, «Биография Льва Николаевича Толстого», т. III, IV, Гиз, М. — Л. 1928.

ГМТ — Государственный музей Л. Н. Толстого.

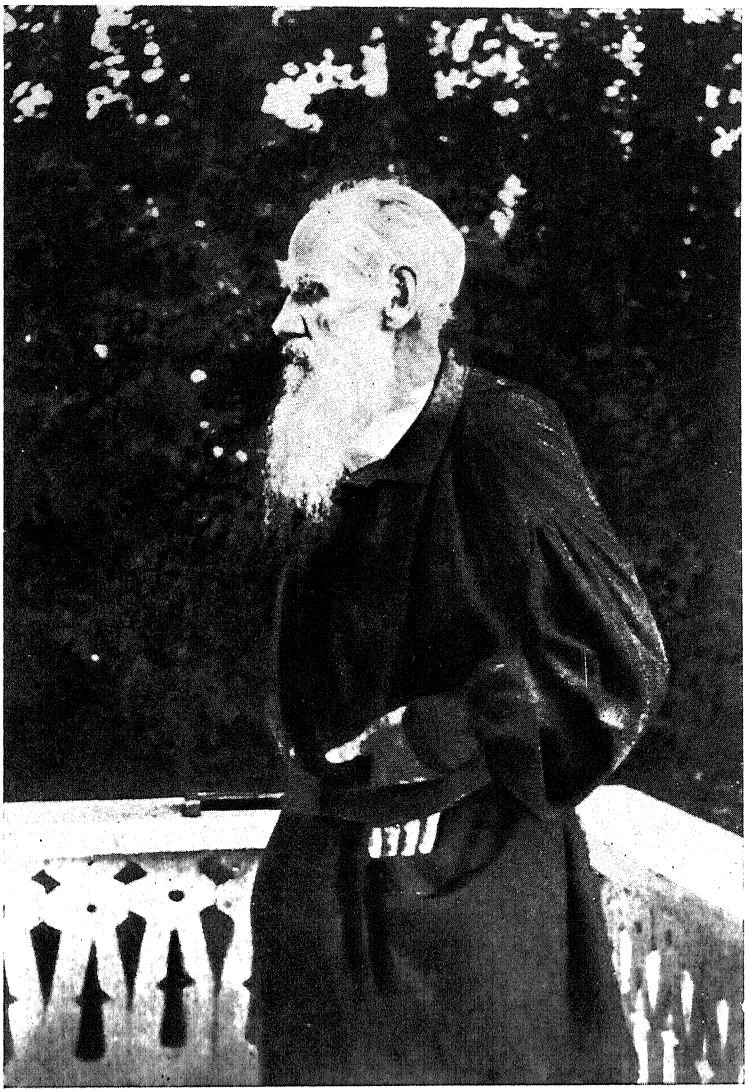
ЕСТ — «Ежедневник» С. А. Толстой.

«Летописи», 2, 12 — «Государственный литературный музей. Летописи». Книга вторая. «Л. Н. Толстой», М. 1938; «Государственный литературный музей. Летописи». Книга двенадцатая. «Л. Н. Толстой». Том II. М. 1948.

ТП, 1, 3 — «Толстой. Памятники жизни и творчества», выпуск I, изд. «Огни», М. 1917.

«Толстой и Чертков» — М. В. Муратов, «Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков по их переписке», изд. Государственного Толстовского музея, М. 1934.

ПИСЬМА к В. Г. ЧЕРТКОВУ
1897—1904

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1897

* 431.

1897 г. Января 12. Москва.

Читайте один.

Что вы не пишете мне, милый друг? Хорошо ли вам? Хорошо ли в душе? Не лежит у меня сердце к тому, что вы там делаете. Боюсь, что вы своей душе вред сделаете. Не верится мне, чтобы хорошее, настоящее дело надо было делать с такими подготовлениями, приготовлениями. Боюсь, что это соблазн. Напишите мне, главное, про себя, про свою душу: как и чем она живет, чем страдает, чем радуется. — Я пишу вам нынче особенно п[отому], ч[то] мне очень тяжело и одиноко. Маши [1] нет, и никого нет такого, как вы и Поша,[2] кому хотелось бы излить душу, пожаловаться, попросить участия, сострадания. Жизнь, окружающая меня, становится всё безумнее и безумнее: еда, наряды, игра всякого рода, суета, шутки, швыряньe денег, живя среди нищеты и угнетения, и больше ничего. И остановить это, обличить, усовестить нет никакой возможности. Глухие скорее услышат, чем кричащие, не переставая. И мне ужасно, ужасно тяжело. Если бы я сказал, что несу терпеливо, делаю, что́ могу, я бы сказал неправду. Падаю духом, озлобляюсь, молюсь безнадежно, и отвратителен сам себе. Вот это правда.

Нового ничего не случилось: всё то же, но как будто всё разгорается и разгорается эта нелепость и развратность жизни, а с моей стороны всё меньше и меньше противодействия и всё большая и большая близость к концу и потому всё большее и большее желание, желание тихой, достойной человеческой жизни. И нет того, что спасало прежде: напряженной, увлекающей, поглощающей работы. Пишу об искусстве,[3] но эта

работа отчасти, особенно теперь, ученая и не захватывающая, а на другие работы нет энергии. Вы, пожалуйста, не утешайте меня, и не пишите мне про это, и не читайте *никому* мое письмо, кроме Поши. Мне только нужно было высказаться любимому и любящему человеку. И мне станет легче. В хорошие минуты говорю себе, что́ то, что́ со мной, это мне нужно, что так нужно дожить до смерти, а потом — опять возмущение и желание и упрек, зачем не дано мне хоть перед смертью пожить, хоть год, хоть месяц, свойственной мне жизнью, вне той лжи, в кот[орой] я не только живу, но участвую и утопаю.

Так вот напишите мне про себя так же откровенно, как я пишу про себя, а про меня не пишите. Жму вам руку.

Л. Т.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 248—249.

Год определяется на основании сопоставления с письмом Толстого к М. Л. Толстой от 12 января 1897 г. (т. 70, стр. 16—17).

Письмо написано Черткову в Петербург, куда он приехал 20 декабря 1896 г. по делу преследуемых кавказских духоборов и где работал над запиской с ходатайством о возвращении Д. А. Хилкову детей, отобранных у него и его гражданской жены Ц. В. Винер по повелению Александра III (см. т. 87, стр. 235—237). Ответ на письмо Черткова от 11 января 1897 г., в котором он писал, что хлопоты по делу духоборов поглощают все его время.

Комментируемое письмо сначала не было отправлено Черткову из-за того, что оно слишком «унылое». Узнав об этом, Чертков немедленно написал Толстому, что просит прислать это письмо, так как «дорого сочувствовать всему, что переживает друг».

[1] Мария Львовна Толстая (1871—1906), дочь Толстого. См. т. 83, стр. 184. М. Л. Толстая в это время гостила в имении своего брата И. Л. Толстого.

[2] Павел Иванович Бирюков (1860—1931), друг Толстого и автор его биографии. См. т. 63, стр. 227—230.

[3] «Что такое искусство?». См. т. 30.

* 432.

1897 г. Января 13. Москва.

Дорогой друг Вл[адимир] Гр[игорьевич]. Вчера, будучи в очень унылом настроении, написал вам длинное письмо, наклеил марку, такое же по настроению письмо написал Маше [1] и потом устыдился своей слабости и того, мож[ет] быть, не-

справедливого, что могло быть в письме, и усумнился послать и отложил оба письма и спрятал так, чтобы они не попались на глаза; и спрятал так хорошо, что теперь не могу найти, чтобы послать или уничтожить.

Хорошего писал я в том письме только то, что говорил вам, почти то же, что вы пишете мне, а именно, что хотя и хочется знать, что у вас делается во внешнем мире, мне важнее всего знать, что у вас в душе делается: как вы живете духовной жизнью, что, если это хорошо, то и всё внешнее будет хорошо.

Еще писал, что слишком много приготовлений, подготовлений для того дела, кот[орое] вы де[лаете], и что поэтому я сомневаюсь в важности самого дела. И на это вы отвечаете, и я согласен.

Меня трогает и умиляет жизнь духоб[оров], их внутреннее устройство и управление без насилия. И многое это мне уяснило и открыло и закрепило. Ведь [если] есть при тех условиях, при кот[орых] они, возможность жить так, как они, то ведь нечего еще искать, нечего дожидаться, а надо именно так точно жить, как они. Для того, чтобы жить, как они, я не только готов так же, как они, псалмы петь, но готов причащаться и ходить ко всенощной... Хочется об этом написать, и знаю как, и думаю, что важно.

О себе же я писал скверно, — скверно тем, что признавал свою слабость и свое уныние и тем закреплял ее; хорошо же только тем, что не старался казаться спокойным, кротким и мудрым, а показывал себя, какой я есмь — слабый, злой и бессмысленный. Таким я был и теперь еще немного такой. Хотя и получше немного.

Еще писал, что мне нужна ваша дружба, ваша, Пошина и Машина, и что вас не было никого, и от этого мне стало грустно.

Вчера читал отрывки писем Барыковой.[2] Как хорошо. Я давно не испытывал такого приятного чувства.

Прощайте, милые друзья. Как хорошо, что Ив[ан] Мих[айлович] [3] пока цел и всё случилось, как случилось.

Л. Т.

Датируется 13 января, так как в письме есть указание, что оно написано на другой день после предыдущего письма от 12 января.

[1] Письмо к М. Л. Толстой от 12 января 1897 г. См. т. 70, стр. 16—17.

[2] Анна Павловна Барыкова (1839—1893), писательница. О ней см. т. 86, стр. 150.

[3] Иван Михайлович Трегубов (1858—1931), разделял убеждения Толстого. О нем см. т. 66, стр. 124. И. М. Трегубов подписал вместе с Чертковым и Бирюковым воззвание к обществу о помощи духоборам, за что был выслан в Курляндскую губ., где и прожил с апреля 1897 по 1901 г.

* 433.

1897 г. Января 25. Москва.

Получил ваше доброе и несправедливое письмо, милый друг. Никакого от бога мне креста нет, а есть своя слабость, дрянность, запущенность, и оттого стыдно и гадко.

Я знаю, что пишете любя, но такие суждения могут только укрепить в зле и ослабить силы борьбы. А я хочу бороться и буду и, лежа под врагом без сил противодействия, все-таки буду говорить, что не сдаюсь, и ждать первой возможности освобождения, чтобы воспользоваться ею. Это одно, что я могу делать, и делаю.

Хочу дать это письмо Ив[ану] Ив[ановичу],[1] если успею, если нет — пошлю почтой. Боюсь я, как бы вы не ошиблись в своих переговорах с ним. Не забудьте, что сотни таких дел, как Посредник, не стоят малейшего ослабления любви — особенно такой, как ваша с ним. То всё пройдет, а это вечное, божие. Еще думаю, что изменять что бы то ни было в своем внешнем положении и во внешнем положении других без такой необходимости, что *нельзя* не изменить, — всегда грех и всегда ведет к греху. Скажу то же, что́ вы мне пишете, именно что вы всё это знаете — любя Ваню [2] — уже наверное лучше меня.

Насчет вашего дела в Петерб[урге] [3] нахожусь в сомнении и нерешительности. Знаю, что движимы не личным, а христианским чувством, и потому верю, что то, что́ вы делаете, хорошо, но, с другой стороны, может быть, и по своей гадкой гордости, к[оторую] переношу на вас, любя вас, осуждаю эти все демарши и не жду от них добра, думаю, что энергия эта нашла бы лучшее помещение. Пишу это для того, чтобы высказать всё, что́ думаю.

Я как живу плохо, так и работаю плохо. Привет всем друзьям: Гале, [4] Е[вгению] И[вановичу], [5] Шк[арвану]. [6] Прощайте.

Л. Т.

25 янв. 97.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 236—237.

Толстой, повидимому, отвечает на письмо Черткова, до сих пор не найденное. Возможно, однако, что это ответ на письмо от 11 января, в котором Чертков писал о тяжести условий жизни Толстого.

[1] Иван Иванович Горбунов (литературное имя — Горбунов-Посадов, 1864—1940), единомышленник Толстого. В. Г. Чертков, основав в 1884 г. издательство «Посредник», содержал его на свой счет до 1893 г. Осенью 1893 г. Чертков передал руководство издательством П. И. Бирюкову, причем И. И. Горбунов должен был редактировать беллетристический отдел. В начале 1897 г. Чертков, не удовлетворенный в то время редакторской работой И. И. Горбунова, вызвал его для переговоров, о которых пишет Толстой.

[2] Иван Иванович Горбунов.

[3] Хлопоты о кавказских духоборах и о возвращении детей, отобранных у Д. А. Хилкова.

[4] Анна Константиновна Черткова (1859—1927), жена В. Г. Черткова. См. т. 85, стр. 396—412.

[5] Евгений Иванович Попов (1864—1938), единомышленник Толстого. См. т. 64, стр. 109.

[6] Альберт Альбертович Шкарван (1869—1926), словак, врач, единомышленник Толстого. См. т. 70, стр. 195.

* 434.

1897 г. Января 27. Москва.

Сейчас получил печальное известие от Андросова.[1] Посылаю его телеграмму. Мы решили послать телеграмму в Усть-Цыльму,[2] в полицейское управление, подписанную тремя лицами (не мной) и засвидетельствованную нотариусом, утверждающую его личность, как жителя Карск[ой] области, едущего по своему делу в Обдорск.[3]

Он как будто надеется, что вы поможете ему из Петербурга. Может быть, что-нибудь и можно. Жаль.

Приветствую вас с друзьями.

Л. Т.

Датируется на основании пометки на бланке телеграммы Андросова, упоминаемой Толстым.

[1] Михаил Андросов, крестьянин Карской области, духобор, посланный кавказскими духоборами в Обдорск к Петру Веригину, находившемуся в ссылке. Проезжая через Москву, Андросов посетил Толстого. По дороге в Обдорск Андросов был арестован близ Усть-Цыльмы и послал телеграмму

с просьбой: «Известите Петербург Черткова... удостоверьте мою личность печорской полиции». Толстой совместно с Ф. А. Страховым и А. Н. Дунаевым подписал удостоверение личности Андросова, засвидетельствованное в московской нотариальной конторе и посланное затем в Усть-Цыльму. Андросов был освобожден, но около Обдорска вновь арестован и отправлен на родину по этапу.

[2] Усть-Цыльма — в то время село Печорского уезда Архангельской губ.

[3] Обдорск— в то время село Березовского уезда Тобольской губ.

* 435.

1897 г. Января 29. Москва.

Пятницу хочу ехать Олсуфьевым.[1] Если нужно, заезжайте.

Толстой.

Телеграмма, датируется по телеграфному бланку.

[1] Толстой 31 января уехал в имение Никольское-Обольяново, принадлежавшее Адаму Васильевичу и Анне Михайловне Олсуфьевым, у которых он неоднократно гостил. Об Олсуфьевых см. т. 83, стр. 359.

* 436.

1897 г. Февраля 1...2. Никольское-Обольяново.

Я у Олсуфьевых, и мне лучше, чем было всё это последнее время. Что вы? Мне хочется знать про вашу душу. Буланже[1] говорил мне, что вы были нездоровы и в душевно подавленном состоянии.

Помочь ничем не могу, кроме жалости и любви. Мне помогает одно: отделение, в эти минуты упадка, своего истинного, вечного, духовного *я* от ложного, временного, животного. Я физически трясу головой, чтоб разделить этих слившихся *я* и не только не дать животному властвовать над духовным, но, напротив, покорить его под ноги. И всегда удается, правда ненадолго, но все-таки на время оживаю. Нынче после многих пустых дней думал.

Читаю глупую книгу атеистическую: «Le monde sans Dieu» [2] и стал думать: а может быть, и правда, что бога нет и что мы

его выдумали. И живо представил себе мир, т. е. себя, без бога. И никогда я так ясно и неопровержимо не понял необходимость существования бога. Ну, хорошо: нет бога; но ведь есть что-то такое, зачем-то существующее, и есть закон, по кот[орому] мне надо существовать. Вот эта причина существования и закон и есть бог. И когда я говорю «воля бога», я только коротко, ясно и очень точно выражаю то, что я понимаю, что я не весь мир, а зависим от кого-то, и что кроме того есть закон, по к[оторому] я должен жить. Надо хорошенько усумниться в боге, чтобы наверно узнать его и поверить. Надо прокопать до материка, чтобы было твердо.

Я не сумел вам это сказать, как мне сказано. А мне это б[ыло] очень важно. Я не могу уже никак теперь не знать бога. А если его знаешь, то и хорошо — хорошо и здесь и там, и туда спокойно пойдешь.

Напишите мне хорошенько. Друзьям передайте мой привет.

Л. Т.

Датируется предположительно на основании даты получения письма, проставленной Чертковым на подлиннике.

[1] Павел Александрович Буланже (1864—1925), в то время разделял взгляды Толстого. За помещение в газетах сообщения о положении духоборов был в 1897 г. выслан за границу. См. т. 63, стр. 350.

[2] [«Мир без бога»]

437.

1897 г. Февраля 15. Никольское-Обольяново.

15 февраля № 1 [1]

Хотелось бы мне, дорогие, милые друзья, чтобы письмо это нагнало вас в Берлине, но знаю, что это невозможно. Хоть бы оно встретило вас в Кройдоне.[2] Я теперь рад, что не остался проводить вас. Я чувствовал себя уже нездоровым в день отъезда. На другой же день совсем заболел с довольно сильным жаром, так что всё равно вас бы не проводил и остался бы

в Петерб[урге]. Нынче я поправился и только слаб, как после пароксизма лихорадки. Как вы уехали, как перенесла милая Галя все эти терзания, против к[оторых] она не может устоять.[3] Жалко ее. Но очень много было хорошего в вашем отъезде. Я это увидел на С[офье] А[ндреевне].[4] На нее всё, что она видела и слышала, произвело очень сильное и очень хорошее впечатление, и я знаю, что не преходящее. Я вижу, что она безоговорочно полюбила вас обоих, и мне это очень радостно, п[отому] ч[то] полюбить вас (простить) — значит полюбить добро. Потому-то мне и тяжело было так, когда она выражала к вам недобрые чувства.

Письмо это будет самое бессодержательное, какими да будут ваши письма, только почаще и поподробнее пишите. Все-таки теперь несколько дальше, чем от Деменки.[5] А сказать мне хочется вам очень многое и определенное, но не теперь. Петербург оставил мне самое радостное впечатление — разумеется, главное, сборищи у вас. Тяжелое впечатление — это был разговор с А[лександрой] А[ндреевной] Толстой.[6] Ужасающая не только холодность, но жестокость и залезание в душу и насилие, то самое, кот[орое] нас разлучило. Какая плохая вера, кот[орая] делает добрых людей столь жестокими и потому нечуткими к душевному состоянию других. Исповедуй слово в слово то, что я, или ты мне, если не враг, то чужой. Я всегда спрашиваю себя, нет ли чего-нибудь подобного между нами? И вижу, что нет. Мы не требуем от людей никакого особенного исповедания. Человек, даже не признающий бога, — нам не чужд. Если мы чего требуем, то только того, чтобы люди делали для жизни те выводы, кот[орые] вытекают из того, что они исповедуют.

Таня[7] проехала в Москву и оттуда с Машей телеграфировала, спрашивая о здоровьи. Завтра она приезжает. По случаю Тани вспомнил про письма, кот[орые] я вам дал, и листки дневника. Уничтожьте их и забудьте их. То, что я пишу про Т[аню], значит, что она кокетничает, и мне это не нравится. И, пожалуйста, сделайте это. Я тогда в Петерб[урге] б[ыл] так слаб, что, не подумавши, дал вам, или, скорее, не проверив перед богом, без молитвы. Прощайте. Целую вас, т. е. обоих и Диму.[8] Мой привет Шкарвану. С робостью посылаю свой привет Л[изавете] И[вановне][9], чувствуя, что она не любит меня. Дай бог, чтобы я ошибался.

Впервые напечатано полностью в книгах: «Дневник Л. Н. Толстого», т. I, М. 1916, стр. 210, и В. Жданов, «Любовь в жизни Л. Толстого», кн. 2, М. 1928, стр. 159. Письмо написано из имения Олсуфьевых, куда Толстой вернулся после поездки в Петербург для свидания с Чертковым перед его отъездом из России. Защита Чертковым духоборов и, в частности, составление воззвания к обществу «Помогите!», в котором Чертков вместе с П. И. Бирюковым и И. М. Трегубовым призывал к пожертвованиям в пользу расселенных в горах Тифлисской губ. духоборов, вызвали репрессии против него и других участников этого дела. 2 февраля у Черткова был произведен обыск, а 3 февраля ему было сообщено, что, по повелению царя, он должен сделать выбор между высылкой в Остзейский край и высылкой за границу. Чертков решил выехать за границу, причем ему была дана отсрочка до 13 февраля для сборов. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая пробыли в Петербурге с 7 по 12 февраля.

[1] Толстой начал нумеровать свои письма к Черткову после отъезда его в Англию.

[2] Кройдон — городок вблизи Лондона. Чертков решил поселиться в Кройдоне, так как здесь жил Кенворти, возглавлявший небольшую религиозную общину, члены которой во многом разделяли взгляды Толстого.

[3] Толстой имеет в виду расставание А. К. Чертковой с отцом, братьями и сестрами.

[4] Софья Андреевна Толстая (1844—1919).

[5] Деменка — деревня в пяти верстах от Ясной Поляны. В Деменке Чертковы проводили лето в 1894, 1895 и 1896 гг.

[6] Александра Андреевна Толстая (1817—1904), двоюродная тетка Толстого. О споре с А. А. Толстой в феврале 1897 г. см. «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», Спб. 1911, стр. 71.

[7] Татьяна Львовна Толстая, в замужестве Сухотина (1864—1950), дочь Толстого.

[8] Владимир Владимирович Чертков (р. 1889), сын В. Г. Черткова. См. т. 86, стр. 234.

[9] Елизавета Ивановна Черткова (1831—1922), мать В. Г. Черткова. Е. И. Черткова отрицательно относилась к взглядам Толстого.

* 438.

1897 г. Февраля 26. Никольское-Обольяново.

26 февр. 97 г. № 2. У Олсуфьевых.

Я получил ваше письмо, милый друг, и вы, верно, теперь получили мое. Я даже надеялся, что мое встретит вас в Лондоне. Хотя вы и не велите мне этого делать, — пишу к вам после кучи

написанных писем, и потому едва ли что напишу путного. Писал сейчас Поше через Свербеева (губернатора).[1] Его сын рассказывал, что Поша, будучи у него, написал письмо и хотел опустить в ящик, но Сверб[еев], бывший с ним очень любезен, сказал, что он не может допустить этого и должен прочесть письмо, тогда Поша разорвал письмо. Какая гадость. Я думал, что это уже перестало случаться со мной, но опять случается в этом случае то, что случалось много раз, что придет мысль, кот[орая] кажется преувеличением, парадоксом, но потом, когда больше привыкнешь к этой мысли, видишь, что то, что казалось парадоксом, — есть только самая простая и несомненная истина. Так теперь мне представляется мысль о том, что государство и его агенты — это самые большие и распространенные преступники, в сравнении с кот[орыми] те, к[оторых] называют преступниками, невинные агнцы: богохульство, кощунство, идолопоклонство, убийство, приготовление к нему, клятвопреступления, всякого рода насилия, мучения, истязания, сечение, клевета, ложь, проституция, развращение детей, юношей (читание чужих писем в том числе), грабеж, воровство — это всё необходимые условия государств[енной] жизни.

Много у меня планов работы, но то, что случилось с Вами и Пошей (про Ив[ана] Мих[айловича] еще ничего не знаю [2]), и главное то, что случилось со мной, то, что меня не трогают, — требует от меня того, чтобы высказать до смерти всё, что я имею сказать. А я имею сказать очень определенное и, если жив буду, скажу. Теперь же всё занят статьей об искусстве и всё подвигаюсь, и, кажется, будет интересно и полезно.[3]

Как вы устроились, что̀ Димочка? Какое впечатление произвели на вас друзья Кенворти? [4] За какую работу вы беретесь? Я сужу по себе, и потому желаю и советую вам больше всего, особенно теперь на чужбине, кроме работы физич[еской], если возможно, часа три в день, устроить себе работу письменную, умственную, в к[оторую] можно бы уходить совсем и думать, приступая к работе, что делаешь ее не для себя, а для бога — для людей.

Целую вас и очень, очень люблю.

Л. Толстой.

Отрывок впервые напечатан: Б, III, стр. 283.

Ответ на письмо Черткова от 2 марта н. с. из Кройдона. Чертков сообщал, что в Кройдоне его встретили друзья Кенворти, которые помогут ему устроиться на новом месте.

[1] Дмитрий Дмитриевич Свербеев (1845—1920), курляндский губернатор с 1892 по 1905 г. До того был вице-губернатором в Туле (1886—1892) и поддерживал знакомство с семьей Толстых. П. И. Бирюков, будучи выслан в феврале 1897 г. в Курляндскую губ., находился там под гласным надзором полиции, и его переписка просматривалась администрацией.

[2] И. М. Трегубов, назначенный к высылке в административном порядке в феврале 1897 г., в то время скрывался от полиции.

[3] «Что такое искусство?».

[4] Джон Конворти (John Kenworthy), проповедник, писатель, автор книги «The Anatomy of misery», Лондон, 1898 [«Анатомия нищеты»], сочувствовавший взглядам Толстого.

* 439.

1897 г. Февраля 26? Никольское-Обольяново.

№ (кажется) 3, если не 4-й.

Сейчас получил ваше 2 № от квакеров.[1] Да, заграничная жизнь среди религиозных людей должна расширять требования от себя. У нас — для меня по крайней мере — так ясно, в чем приложение к жизни христианск[ого] мировоззрения: уничтожить пропасть, разделяющую нас, богатых, господ, от бедных, народа; на это должно быть направлено всё — приближение себя к бедным и избавление бедных от их бедности и причин бедности, невежества, обманов. Но там у вас, в Англии, всё другое: и народ не только обманут и задавлен, но выбивается из своего обмана и задавленности особенным способом, по-моему, ложным, и потому там нужна борьба еще и против этого ложного способа. И богатые классы у нас только виноваты в сластолюбии и незнании, а там, у вас, еще в ложном средстве оправдывания небратской жизни.

Получил от И[вана] М[ихайловича] хорошее письмо [2] с копией письма Поб[едоносцеву],[3] очень хорошего. От Поши нет мне писем, хотя писал ему 3 письма. Получил от одного американца, Bolton Hall,[4] из Нью-Йорка, очень хорошее сокращение книги о жизни, кот[орое] он хочет издать. Я всё еще у Олс[уфьевых], где мне очень хорошо. 2 или 3-го марта думаю

вернуться в Москву. Всё работаю над статьей об искусстве. Кое-что записываю в дневник, значит живу. Непременно, непременно будем чаще писать друг другу. Мне вас всегда хочется чувствовать. Трудно вам будет не рассеяться. Надо как можно строже, правильнее вести жизнь. Мне очень хорошо и твердо спокойно. Дай бог того же вам. Целую вас братски и Галю и Диму.

Л. Т.

Отрывок напечатан: Б, III, стр. 284.

Датируется на основании пометы, сделанной Т. Л. Толстой на письме, но ввиду того, что к этому же числу относится письмо № 438, датированное самим Толстым, дата ставится с вопросом. Письмо, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

[1] Секта, отвергающая церковные таинства, обряды, присягу и употребление оружия, основанная в Англии Дж. Фоксом (1624—1691).

[2] Письмо И. М. Трегубова от 24 февраля 1896 г. (ГМТ).

[3] Константин Петрович Победоносцев (1827—1906), обер-прокурор Синода, реакционный политический деятель. Трегубов написал ему в феврале 1897 г. резкое письмо по поводу преследования сектантов и копию послал Толстому.

[4] Болтон Холл (Bolton Hall, p. 1854), американский юрист, сторонник проекта Генри Джорджа об установлении единого земельного налога. Сделанное Б. Холлом сокращение книги Толстого «О жизни» было издано в Америке в 1897 г., а затем переведено на русский язык: Болтон Холл, «Истинная жизнь», М. 1899.

* 440.

1897 г. Марта 8. Москва.

8 марта 1897 г. № 4.

Последнее полученное от вас известие, милые друзья, было письмо Гали, за которое благодарю ее. Просил бы побольше подробностей о вашем житье, какое помещение? Где? Кто хозяева? Кто к вам ходит? Как кто проводит время? Что делаете вы, В[ладимир] Г[ригорьевич]? Что делает Галя? Димочка? Шкарван? Катя, [1] Аннушка? [2] Как проходит день? Такое письмо, как тот дневник, к[оторый] прислал на днях Поша, из к[оторого] мы узнали всё, что̀ с ним было до его помещения в первый день на месте. На этом дневник оборвался. Теперь к нему поехала Пав[ла] Ник[олаевна];[3] надеемся через нее иметь более

частые известия. А то я писал ему 5 писем и не получил ни одного. Смущает меня в моей переписке с вами, что на днях по объявлению [4] не выдали заказного из Англии письма, и я боюсь, уж не от вас ли это? Если долго не получу от вас или окажется пропащий номер, то приму меры, чтобы не пропадали письма. Здесь, как вы, верно, знаете, Елена Петровна.[5] Я очень рад был узнать ее. Еще здесь один старик, бывший старообрядец, Вас[илий] Вас[ильевич] Паньков, с к[оторым] я переписывался и кот[орый] два раза приезжал сюда, чтобы свидеться. Он называет себя свободомыслящим, и человек очень правдивый и религиозный. Он мещанин и живет тем, что в Царицыне продает рубашки, кот[орые] шьет его жена и дочь. Приехал он с молодым молоканином [6] из Дубовки, и встретились они у меня с Суллержицким [7] и с Желтовым.[8] Очень интересный был разговор старика с Желтовым. Старик внушал Желтову, что нехорошо, не веря в божественность Христа, продолжать поддерживать это суеверие в собраниях. При этом выяснилось, что тот молодой молоканин, Дубовской, отделился с некоторыми друзьями от своего общества именно вследствие непризнания божественности Христа. Он считает, что не может участвовать в молениях, начинающихся словами: во имя отца и с[ына] и св[ятого] д[уха]. Так что эти выделившиеся суть не что иное, как унитарьянцы.[9] Это очень поразило и порадовало меня.

Мне кажется, что для того, чтобы вернуться к христианству, как его разумел Хр[истос], надо прежде всего откинуть всё то идолопоклонство, кот[орое] выросло на христианстве, не говоря о святых и богородице, веру в божественность Хр[иста], веру в святость Библии и Евангелий. И это первое, через что должно пройти, т. е. уничтожить всю ложь, мешающую видеть истину. О себе скажу, что пишу понемногу, но не скучаю и когда не пишу. Не могу достаточно благодарить бога за то спокойствие, к[оторое] он мне дал последнее время — какое-то твердое любовное спокойствие, делающее жизнь легкою и часто радостною.

Теперь суббота. У нас в столовой горят огни, уставлен столяствами, лакеи служат, и всем, кроме мальчиков, пожирающих сладкое, мучительно тяжело и скучно. Я ушел оттуда и пишу письмо, но пришла С[офья] А[ндреевна], прося помочь ей занимать вашу кузину Сологуб.[10] Мне нисколько не скучно и не

неприятно, а хотелось бы помочь им. Простите, что хвастаюсь. Р[усанов]а [11] очень нервна, и жалка, и хороша. Вчера был у них. М[оод]ы [12] скоро едут к вам. Я сейчас был у них. Целую вас всех.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 242.
Ответ на письмо А. К. Чертковой от 6 марта н. с. из Кройдона.

[1] Екатерина Васильевна Дегтярева, домашняя работница Чертковых.

[2] Анна Григорьевна Морозова, повариха и экономка Чертковых, служившая у них с 1889 г. и ставшая близким человеком в их семье.

[3] Павла Николаевна Шарапова, с 1899 г. жена П. И. Бирюкова.

[4] Толстой называл объявлением повестку на получение заказного письма.

[5] Елена Петровна Накашидзе, сочувствовавшая взглядам Толстого и помогавшая духоборам.

[6] Яков Александрович Токарев.

[7] Леопольд Антонович Суллержицкий (1872—1916), учившийся вместе с Т. Л. Толстой в Школе живописи и ваяния, впоследствии помощник режиссера Московского Художественного театра. Л. А. Суллержицкий принимал участие в помощи духоборам.

[8] Федор Алексеевич Желтов (р. 1859), сектант-молоканин из с. Богородского Нижегородской губ.

[9] Английская секта, последователи которой отрицают догмат о троичности божества и божественность Христа.

[10] Наталия Михайловна Сологуб (1852—1918).

[11] Вероятно, Антонина Алексеевна Русанова (1855—1905), жена Г. А. Русанова.

[12] Алексей (Эйльмер) Францевич Моод (1858—1938) и его жена Л. Я. Моод, переводившие на английский язык произведения Толстого. Автор биографии Толстого: «The Life of Tolstoy», v. I, London, 1908, v. II, London, 1910 («Жизнь Толстого», т. I, Лондон, 1908, т. II, Лондон, 1910).

* 441.

1897 г. Марта 11. Москва.

11 марта 1897.
№ 4 (кажется, ошибаюсь,
мож[ет] б[ыть] 5, но никак не 3).

Очень скучаю по вас, дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Я получил от вас только одно письмо и одно от Гали. Пишите поскорее и поподробнее. Как вам понравились друзья Кенворти?

и он сам дома? Как вы устроились со всем вашим народом? Какие новые связи, знакомства? Какова та новая колея, в кот[орую] войдет ваша жизнь? Я очень боюсь, что вы испортитесь в Англии. Сейчас получил «Review of Reviews»,[1] читал, и так повеяло на меня этой удивительной английской само[до]вольной тупостью, что перенесся в вас и подумал о том, как вы с ними будете сходиться. Это я думаю про всех, кроме того маленького кружка свободных людей, среди к[оторых] вы живете или можете жить. Когда у нас сталкиваешься и узнаешь про дикость и мыслей и чувств, то приписываешь это нашему режиму, а там, у вас, становишься в тупик: зачем?

В Петерб[урге] произошло 12 февр[аля] следующее: Ветрова, Марья Федос[еевна] [2], к[оторую] вы знали и я знал, курсистка, посаженная в дом предварит[ельного] закл[ючения] по делу стачек, мало замешанная, б[ыла] переведена в Петропавл[овскую] кр[епость]. Там, как говорят и догадываются, после допроса и оскорбления (это не известно еще) облила себя керосином, зажглась и на 3-й день умерла. Товарки ее, навещавшие ее, носили ей вещи, их принимали и только через 2 недели сказали, что она сожгла себя. Молодежь, все учащиеся до 3000 человек (были и из дух[овной] акад[емии]) собрались в Каз[анский] соб[ор] служить панихиду; им не позволили, но они сами запели: вечн[ая] память, и с венками хотели идти по Невскому, но их не пустили, они пошли по Казанской. Их переписали и отпустили. Все возмущены. Я получаю письма, и приезжают люди, рассказывают. Ужасно жалко всех участвующих в этих делах, и всё больше и больше хочется разъяснить людям, как они сами себя губят только п[отому], ч[то] презрели тот закон или не знают, к[оторый] дан Христом и кот[орый] избавляет от таких дел и участия в них.

Нынче С[офья] А[ндреевна] была у дантиста, и он нашел у нее на десне опухоль, о кот[орой] намеком выразил подозрение, что это, мож[ет] б[ыть], рак. Она, хотя и очень мало, но смутилась, как все мы, а мне так мучительно стало жалко и страшно за нее, что я понял, как она, именно она, дорога и важна мне. Завтра покажем врачу. Разумеется, вероятность того, что это рак, есть одно против 100. Я пишу это только п[отому], ч[то] хочу рассказать то сильное чувство, к[оторое] я испытал и к[оторое] показало мне всю ту силу связи и физи-

ческой — детей и любовных страданий, кот[орые] мы пережили вместе и друг от друга.

Я, кажется, писал вам, что чувствую себя очень хорошо — духовно твердо и радостно. Продолжаю себя чувствовать так же. Пишу всё то же и вижу конец. Читал нынче в «Вопрос[ах] Психол[огии]» статью Джонстон: Индийский мудрец Шанкара.[3] Очень хорошо. Всё та же общая всем великим учителям мысль, что заблуждение только от смешения своего божеств[енного], неподвижного, вечного «я» с изменяющимся, страдающим, умирающим, телесным «я». И что стоит человеку просветиться мудростью, и это вечное «я» само собою выступает. Я только прибавил [бы], что это «я» есть любовь.

Е[лена] П[етровна] всё еще здесь и хочет ехать в Петерб[ург] и к Д[митрию] А[лександровичу].[4] Это хорошо бы. И[ван] М[ихайлович] всё еще не взят. От Поши получен дневник, и П[авла] Н[иколаевна] поехала к нему. Здесь в пересыльном замке один заболевший духобор, умирающий от чахотки.[5] Женя[6] видел его. Вот уже 4-й или 5[-й] Дрожжин.[7] Помоги бог им и их гонителям. Целую вас.

Л. Т.

Таня уехала в Я[сную] П[оляну], Маша со мной.

Впервые напечатано неполностью: «Дневник Л. Н. Толстого», т. I, М. 1916, стр. 213.

Ответ на письма Черткова от 2 марта и А. К. Чертковой от 6 марта н. с.

[1] «Rewiew of Reviews» — ежемесячный иллюстрированный журнал, издающийся в Лондоне с 1890 г.

[2] Мария Федосиевна Ветрова (1870—1897), слушательница Высших женских курсов, арестованная в декабре 1896 г. и покончившая с собой в феврале 1897 г. в Петропавловской крепости. О ней см. т. 70, стр. 51.

[3] В. Джонсон, «Шри-Шанкара-Анчариа — индийский мудрец», «Вопросы философии и психологии» 1897, январь — февраль.

[4] Дмитрий Александрович Хилков (1858—1914), высланный в 1896 г. за помощь духоборам в г. Вайсенштейн Эстляндской губ. См. т. 64, стр. 134.

[5] Федор Петрович Смородинов, духобор, заключенный в 1895 г. за отказ от военной службы в дисциплинарный батальон и заболевший там туберкулезом, умер в 1897 г. в Бутырской тюрьме по пути в Якутскую область, куда он был сослан.

[6] Евгений Иванович Попов.

[7] Евдоким Никитич Дрожжин (1866—1894), заключенный в 1891 г. за отказ от военной службы в Воронежский дисциплинарный батальон и затем умерший в Воронежской губернской тюрьме от туберкулеза.

* 442.

1897 г. Марта 22. Я. П.

22 м.

Спасибо, милый друг Галя, за ваше длинное письмо от 17/29 м[арта]. Разумеется, такие минуты уныния, сознания своего одиночества нужны, полезны для души — подвигают нас вперед. Только тогда и пойдет сам ребенок, когда перестанет держаться за окружающее, или тогда только поплывет и уж тогда, наверное, не потонет. А любовь, кот[орую] мы ждем и кот[орую] требуем от других, очень похожа на нелюбовь и легко вырождается в самые большие гадости.

Таня всё в деревне. Маша здесь, занята своей личной, [1] — не хочется писать *любовью*, а скорее слабостью,[2] но так же хороша душой и дорога мне. Опухоль на десне С[офьи] А[ндреевны] была ложная тревога. У нас живет Колечка Ге, [3] кот[орого] я очень люблю и к[оторому], я думаю, хорошо с нами. Про И[вана] М[ихайловича] ничего не знаю. Если бы он б[ыл] взят, он написал бы. Пошин дневник попрошу переписать и пришлю. Моод вчера был у нас, и я с ним хорошо говорил. Он ждет только паспорта Е[лены] П[етровны], [4] к[оторая] уехала в П[етербург] и скоро будет с вами. Я думаю, он всем вам будет полезен и приятен. Я очень ценю его. Как бы хотелось пожить там с вами!

Сейчас был с Дунаевым [5] и Страх[овым] [6] у Балахова, [7] помните, фабричн[ый], умница, на новоселье. Он поступил к Буланже и нанял квартирку и звал к себе. Был другой фабричный, и было приятно. Буланже напечатал заметку о духоборах (попрошу Машу вырезку вложить вам), [8] и в тот же день у него были жандарм и полиция по этому делу. Что им надо, неизвестно, п[отому] ч[то] его не застали дома, а говорили с его женой и после этого не были. Ив[ан] Ив[анович] в Петерб[урге] и на днях возвращается сюда с отцом, у кот[орого] умерла сожительница.

Я всё пишу свою статью об искусстве и не отчаиваюсь кончить, вижу конец. Всё больше и больше чувствую грех нашей жизни пользования трудами — и многими — других людей и не могу достаточно повторять и для себя и для других, что первое начало доброй жизни и конец ее — это постоянная борьба с роскошью, а вследствие того и с участием в насилии и зле

общественном и в труде, искупляющем эту роскошь. Все мы, как мухи в вареньи, завязли в этой роскоши, и нельзя делать достаточно усилий, чтобы выбираться из нее.

Читал хорошее письмо Шк[арвана]. Ему нужно работать — как, не знаю, но, думая о нем, ясно вижу, что̀ недостает ему.

Прощайте. Приветствую всех. Не забудьте Катю и Аннушку.

Л. Т.

Ответ на письмо А. К. Чертковой от 29 марта н. с., в котором она подробно писала, как складывается жизнь Чертковых в Кройдоне.

[1] *Зачеркнуто:* лю[бовью]

[2] Толстой имеет в виду отношение Марии Львовны к Н. Л. Оболенскому, женой которого она стала в июне 1897 г.

[3] Николай Николаевич Ге (1857—1939), сын художника. См. т. 63, стр. 208.

[4] Е. П. Накашидзе.

[5] Александр Никифорович Дунаев (1850—1920), директор Московского торгового банка, сочувствовавший взглядам Толстого.

[6] Федор Алексеевич Страхов (1861—1923), помощник Черткова по составлению свода мыслей Толстого.

[7] Петр Алексеевич Булахов, бывший старообрядец, разделявший многие убеждения Толстого.

[8] П. А. Буланже поместил в газете «Русские ведомости» от 20 марта 1897 г. письмо о положении духоборов. Это посещение его жандармами не имело никаких последствий. Буланже был выслан из Москвы в августе 1897 г. после поездки к П. И. Бирюкову, находившемуся в ссылке.

* 443.

1897 г. Марта 30? Москва.

Хотел вам написать длинное письмо с Моодом и послать что-нибудь, но случилось так, что ничего не успел придумать и приготовить, кроме статьи об Инд[ийском] мудреце.[1] Дневник хотел послать, но есть препятствия. С одной стороны, и хорошо, что нечего посылать и писать. Я в последнее время, со времени нашего сближения с духоб[орами], замечаю в других и в себе, что мы как будто чувствуем необходимость постоянно что-то внешнее делать, что-то друг другу сообщать, и, мне кажется, это нарушает настоящее, внутреннее, единственно нужное дело.

Получил ваше последнее письмо очень хорошее, в к[отором] вы пишете о том, что просите бога, чтобы он не давал вам успокоиться, и о внешних приемах общения у Кенворти. Передайте ему мою искреннюю любовь к нему. Я сказал: искреннюю, п[отому] ч[то] часто думаю, вспоминаю о нем и, помимо его внешнего значения для нас, чувствую его душу. Описание ваше представления Ив[ана] д[урака] и сцены с женою (прекрасное) очень тронуло меня. Как бы хорошо было окончить мою драму.[2] Да не смею и думать. Так медленно идет работа и так загородила мне всё статья (книга) об искусстве. Если бы я писал вам 4 дня тому назад, я бы сказал, что она почти кончена, я даже подписал ее, но со вчерашнего дня опять сомнения и переработка сначала некот[орых] частей. Если же в работе я бываю неспокоен, продолжаю благодарить бога и радоваться за свое внутреннее общее спокойствие, наступившее после тревожного времени, и кажется, что то, что̀ дало мне спокойствие, теперь уже не покинет меня. А дало спокойствие всё то же, что мы все знаем, что я знаю уже скоро 20 лет, но что производит постоянно новое действие по мере того, как делается сознанием жизни, — а именно то, что тот *я* индивидуальный, к[оторого] прежде сливал с *я* божеств[енным], к[оторого] я боялся лишиться и которого любил, всё больше и больше отлипает от *я* божественного и уже не нарушает жизни этого божеств[енного] *я*. Не вполне, но я знаю, что наступила новая радостная, заметная ступень. Еще вот что: ужасно я боюсь за то, что у всех ваших будет мало дела и неопределенное дело, и позволяю себе советовать, как можно стараться устроить себя в хомут, не брезгая никакими делами. Это особенно важно на чужбине. Прощайте все, милые друзья.

Датируется предположительно на основании даты отъезда Моода из Москвы, с которым было послано это письмо. Ответ на письмо Черткова от 31 марта н. с., в котором он писал, что в Кройдоне друзья Кенворти устроили любительский спектакль, инсценировав сказку Толстого «Об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-Брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и четырех чертенятах».

[1] Толстой имеет в виду статью В. Джонсона «Шри-Шанкара-Анчариа — индийский мудрец». См. письмо № 441.

[2] Вероятно, драма «И свет во тьме светит», начерно написанная Толстым в 1896 г., но оставшаяся незаконченной.

* 444.

1897 г. Апреля 14. Москва.

Ai été malade. A présent bien portant.

Tolstoy.

Был болен. Теперь здоров.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

О болезни Толстого см. записи в его Дневнике 4 и 9 апреля 1897 г. (т. 53, стр. 145).

* 445.

1897 г. Апреля 30. Москва.

30 апреля 1897, Москва.

Собираюсь написать вам получше, милые друзья, и кончается тем, что ничего не пишу, и это мне и больно и совестно. Пожалуйста, простите меня. Не скажу, чтобы был упадок духа, пот[ому] что когда спрошу себя: кто я? зачем я? отвечаю всё себе удовлетворительно, но нет энергии и чувствую, как лилипутские волоски[1] накладываются на меня, и всё меньше и меньше предприимчивости и деятельности. Всё работаю — совестно говорить такое слово — вожусь с статьей об искусстве и вижу уже не только конец, но вижу только lacunes, пустые места, к[оторые] надо заполнить. Без ложной скромности думаю, что будет не хорошо, то есть не то что дурно, а хорошего ничего не будет, хотя и не раскаиваюсь, что написал, и думаю, что нужно б[ыло] это сделать. Ни писем, ни дневника вот уже месяц не пишу. Суллерж[ицкий] б[ыл] у духоб[оров] и привез оттуда не только статист[ические] сведения, но привез ихнего твердого, кроткого, простого духа.[2] Точно сам побывал у них. Нынче снес в Рус[ские] Вед[омости] статью Буланже с новыми сведениями и обзором истории д[ухоборов].[3] Если побоятся напечатать этот обзор, то напечатают остальное, т. е. описание их положения и обращение к обществу. Статья написана прекрасно, спокойно, обстоятельно и должна пройти. Мне обещали. К нам теперь съехались сестра М[арья] Н[иколаевна],[4] брат[5] с Верочкой,[6] и мы всё еще не

уехали. Девочки не торопятся, и я тоже; хочется кончить статью и не завозить с собой в деревню той кучи книг, к[оторыми] пользовался. Ваши все письма получили, и Ел[ены] Петр[овны],[7] и Шк[арвана],[8] и очень им был рад и благодарю и постараюсь ответить им. Про Галю знаю хорошие вести через Ив[ана] Ив[ановича], бывшего в Пет[ербурге] и узнавшего это от Ольги. [9] Ваше последнее письмо о поездке в Essex очень меня порадовало. Завидую. Как хорошо то, что они это делают. Что бы ни вышло из этого, не пройдут даром эти потуги, — а подвинут вперед дело божие. Мне говорили, что в деле каменного угля везде разорилось компаний 10 прежде, чем дело пошло. Так же и тут. А кроме того, само дело радостно. Вспоминая лучшие минуты своей жизни независимо от движения духовного роста (это особое дело), я вспоминаю времена работы в поле.

Как хорошо, что вы перевели статью о д[ухоборах].[10] И приятно было читать отзыв о кратком Евангелии, к[оторый] вы мне прислали. Тот милый человек,[11] к[оторый] переделал Ив[ана] дур[ака], писал мне, и я потерял его хорошее письмо. Скажите ему, что я благодарю его за письмо и извиняюсь, что не ответил. Один его вопрос я помню: он говорил, что в царстве Ив[ана] дур[ака] ходили значки вместо денег. Я посмотрел сказку, этого нет. Доказательство, что люблю вас, то, что думаю о вас беспрестанно.

Л. Т.

Впервые отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», т. I, М. 1916, стр. 214; «Толстой и Чертков», стр. 258—259.

Ответ на письма Черткова от 16, 20 апреля и 3 мая н. с. Чертков писал Толстому, что ездил в графство Эссекс, где посетил земледельческую колонию, основанную единомышленниками Кенворти.

[1] Волоски, которыми лилипуты спутали и связали Гулливера. См. Дж. Свифт, «Путешествие Гулливера», Гослитиздат, М. 1935, стр. 12.

[2] Суллержицкий ездил к духоборам, расселенным администрацией по разным аулам в Горийском уезде Тифлисской губ.

[3] Статья П. А. Буланже не была напечатана в «Русских ведомостях».

[4] Мария Николаевна Толстая (1830—1912). См. т. 59, стр. 97—99.

[5] Сергей Николаевич Толстой (1826—1904). См. т. 59, стр. 30—32.

[6] Вера Сергеевна Толстая (1865—1923), дочь С. Н. Толстого.

[7] Письмо Е. П. Накашидзе от 16 апреля н. с. 1897 г. из Кройдона.

[8] Письмо Шкарвана от 20 апреля н. с. 1897 г. из Кройдона.

[9] Ольга Константиновна Дитерихс (1872—1951), сестра А. К. Чертковой. С 1899 г. жена А. Л. Толстого.

[10] Воззвание о помощи духоборам «Помогите!». Об этом воззвании см. т. 87, стр. 383.

[11] Англичанин Арнольд Эйлоарт (Arnold Eiloart), переделавший для сцены «Сказку о Иване-дураке».

* 446.

1897 г. Мая 7. Я. П.

Ясная Поляна, 7 мая 97.

Мы здесь со 2-го мая с Таней. И здесь нынче я получил с приехавшей из Москвы Машей ваши оба письма, В[ладимир] Г[ригорьевич] и Галя.

Я никому не пишу, лежит куча неотвеченных писем, и не могу взяться за них и пишу вам не по закону, а помимо хвоста, к[оторый] делают у кассы; но не могу не писать, п[отому] ч[то] очень люблю вас и хочется с вами общения. Письма ваши те, что по почте, а те, что с оказией, я еще не получал.

Всё, что вы пишете, очень хорошо, и так хотелось бы к вам. Таня говорит, не пустят назад, а я говорю: я поеду по беспространственной дороге, на кот[орую] я уже взял билет и на кот[орой], вероятнее всего, что и к вам приеду, и на к[оторой] никто не задержит. Не отвечаю я [на] письма, не пишу дневник, п[отому] ч[то] чувствую себя всю нынешнюю зиму и теперь весну, особенно временами, очень слабым. Только хватает энергии умственной на утреннюю работу об искусстве. Не могу оторваться от нее и думаю, что кончаю. Особенно важного в ней не будет, но без ложной скромности скажу, что будет кое-что новое и отрицательное, обличительное и положительное. Я думаю, что во мне болезнь, к[оторая] временами появляется и ослабевает, а может быть, просто дурная жизнь и старость, это вероятнее. Жизнь очень дурная, сухая, безлюбовная, тупая, мелочная, чувственная, с самыми редкими просветами. Я хвастался вам своим спокойствием. И его теперь нет внутри. Только наружу не проявляется. Я и этому рад. В Ясной Поляне беспрестанно думаю о вас. Вхожу в свою комнату утром и вспоминаю чувство, к[оторое] испытывал, находя вас на диване: крошечное недовольство, что я не один, и большая радость, что вы со мной. Не знаю, как я вам помогал, но вы много раз и самыми разными способами мне помогали жить лучше.

Все друг другу помогаем, когда любим. Был я вчера у Булыгина,[1] он всё так же хорош, ясен, правдив и тверд и так же, еще лучше, его жена.[2] Цецилия Влад[имировна],[3] вернувшись от мужа, произвела на меня очень жалкое впечатление. Она носилась с книгой «The women, who did»[4] и с какой-то женской свободой, а когда дошло дело до возможности разлуки и измены, то почувствовала во всей силе то, что̀ должен чувствовать всякий нравств[енный] человек, что половая связь, от кот[орой] еще дети есть, такая связь, кот[орую] разорвать нельзя, и что надо, если пал с человеком, то постараться, чтобы этот человек не пал бы ни с кем другим, и самому, если уж падать, то опять с ним же до тех пор, пока не достигнешь взаимного полного целомудрия. Милому Кенворти передайте мою любовь. Е[лене] П[етровне], Шкарв[ану], М[арье] Н[иколаевне],[5] Кате, Аннушке. Димочку целую и вспоминаю с любовью.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 244.

Ответ на письмо Черткова от 10 мая н. с., в котором он писал, что переводит на английский язык «Христианское учение» и что ему помогают две единомышленницы Кенворти.

[1] Михаил Васильевич Булыгин (1864—1943), владелец хутора Хатунка Крапивенского уезда Тульской губ., разделявший взгляды Толстого.

[2] Анна Михайловна Славинская (1862—1909), гражданская жена М. В. Булыгина.

[3] Цецилия Владимировна Винер (1860—1922), гражданская жена Д. А. Хилкова.

[4] Grant Allen, «The women, who did», 1895 (Г. Аллен, «Женщина, которая осмелилась»). Героиня этого романа решается вступить в гражданский брак и в конце концов остается одна, отвергнутая своей средой.

[5] Мария Николаевна Ростовцева, дочь знакомого Черткова Н. Д. Ростовцева, гостившая у Чертковых в Кройдоне.

447.

1897 г. Мая 16. Я. П.

Получил вашу милую, радостно тронувшую меня телеграмму, дорогие друзья, и очень жалею, что огорчил вас, написав в дурном расположении духа. Я и теперь не в лучшем, жалею себя, что дурно, праздно и тревожно проходят последние года, те, в кот[орые] надо бы быть тихим, радостным и спокойным, служащим богу через людей. Но, видно, так не надо, а надо

перестрадать свою гадость. И бывают хорошие минуты, когда успеешь вызвать в себе любовь, самую лучшую, любовь-жалость к тем, от кого больно, но потом опять свертываешься на жалость к себе и на нелюбовь, упреки и тоску. В таком я нынче настроении и пишу, что̀ чувствую. Пожалуйста, никому не говорите и, главное, не делайте никаких демаршей вследствие этого письма. Все демарши бесполезны. Я испробовал всё: гнев, мольбы, увещанья и в последнее время снисходительность и доброту. Еще хуже. Страдаю я, как ни стыдно сказать, от унижения и жестокости.

Впервые опубликовано: «Летописи», 2, стр. 209. Письмо не было послано Чертковым и сохранилось в архиве П. А. Буланже (ГМТ). В письме адрес не назван, но сопоставление с письмами №№ 446 и 448 не оставляет сомнений в том, что письмо адресовано В. Г. и А. К. Чертковым. Толстой, вероятно, решил не отправлять письма, так как касался в нем своей семейной жизни.

Ответ на телеграмму от 25 мая 1897 г., посланную А. К. Чертковой от своего имени и от имени В. Г. Черткова, находившегося в отсутствии, в которой в ответ на «грустное письмо» Толстого от 7 мая (№ 446) выражалось сочувствие.

448.

1897 г. Мая 16. Я. П.

16 мая 97.

Читайте одни, В[ладимир] Г[ригорьевич].

Получил вашу милую телеграмму, дорогие друзья, и был очень радостно тронут ею. Очень жалею, что огорчил вас тем письмом.[1] Не могу сказать, чтобы теперешнее состояние мое было лучше. Недовольство собой и слабость всякая. Думал лучше провести последние годы своей жизни. Но, видно, так надо, надо пострадать за свою гадость. Знаю лекарство, исцеляющее, и прибегаю к нему, но не всегда достает сил на овладение им. Лекарство — смирение и любовь.

Буду лечиться, может и вылечусь и буду здоровее, чем прежде.

Ну, прощайте пока, не присылайте больше телеграмм. Буду писать еще скоро. Никому не читайте мое[го] письма. Не для меня, а для того, чтобы не обвиняли людей. И вы не делайте этого.

Л. Толстой.

Опубликовано: ТП, 1. Письмо не было своевременно получено Чертковым и приобретено им только в 1916 г. у пожелавшего остаться неизвестным лица. Ответ на телеграмму от 25 мая н. с. с запросом о здоровье.

[1] Письмо Толстого от 7 мая 1897 г., № 446.

* 449.

1897 г. Мая 17. Я. П.

Дорогие друзья, телеграмма ваша очень радостно тронула меня. Я виноват, что написал вам в дурную минуту. Надо переживать свои душевные муки одному с богом. Он только может помочь, а все кроме него бессильны. Мучать же, заражать других любящих и любимых людей — бесполезно и дурно. Ну да об этом довольно. Решил нынче не переставая молиться, и это действует, как известное полоскание рта от гнева.[1] Если точно думаешь о нем, то другому ничему нет места. Знаю, что есть возможность всякое зло (всё в себе) обратить в добро, да не всегда осилишь, хорошо уж и то, что знаю это. Вчера, 16-го, получил ваше маленькое письмо с извещением о случае из Москвы 15[-го] и жалею, что опоздал, п[отому] ч[то] имел кое-что передать вам, к[оторое] не желал бы поручать случайности перлюстрации. Скоро сообщу вам. Вчера же получил ваше письмо из Москвы со вложением письма Б[уланже], к[оторое] нынче отсылаю. Для Архива [2] буду собирать. Теперь вспоминаю письмо Баженова [3] и копию с следствия об Ольховике [4] и Середе. [5] Еще письма духоборов посылаю вам. Про Ив[ана] Мих[айловича] [6] ничего не знаю, кроме телеграммы, к[оторую] от него получил. Писал ему, и еще нет ответа. От Поши хорошие известия. Посылаю еще письмо Кузмина. [7] Один из молокан, у к[оторого] отняты дети, был у меня [8] и с товарищем поехал в Петербург. Я дал ему все те письма, к[оторые] могут помочь ему.

Работа моя идет понемногу. Посылаю вам еще выписку из письма Юшко [9] об их колонии. Всем привет. Прощайте, милые, дорогие друзья.

Л. Т.

17 мая.

Ответ на телеграмму от 25 мая н. с. и письмо от 21 мая н. с., в котором Чертков сообщал, что в Англию из Москвы едет англичанка Л. Гоппер, с которой можно послать письма и рукописи.

[1] Толстой имеет в виду народную сказку о старухе, получившей совет набирать в рот «освященную» воду каждый раз, когда рассердится на своего старика, и рассказывавшей потом, что «святая вода» помогала ей не ругать мужа.

[2] Толстой имеет в виду журнал, который Чертков задумал издавать в Англии. Толстой называет его «Архив» по аналогии с рукописным журналом «Архив Толстого», выпускавшимся в 1894—1896 гг.

[3] Иван Романович Баженов — отставной судья, переписывавшийся с Толстым.

[4] Петр Васильевич Ольховик, харьковский крестьянин, отказавшийся от военной службы, приговоренный к заключению в дисциплинарном батальоне, а потом сосланный в Якутскую область.

[5] Кирилл Середа, харьковский крестьянин, присужденный вместе с Ольховиком за отказ от военной службы к трехлетнему заключению в дисциплинарном батальоне.

[6] Иван Михайлович Трегубов был арестован в Тифлисе в апреле 1897 г. См. т. 70, стр. 72.

[7] Петр Михайлович Кузмин, крестьянин, молоканин из Бузулукского уезда Самарской губ., у которого были отняты дети.

[8] Всеволод Трофимович Чипилев, самарский крестьянин, молоканин, и его товарищ Василий Иванович Токарев, навестившие Толстого по пути в Петербург, где они хлопотали о возвращении отобранных у них детей.

[9] Авраам Васильевич Юшко (1867—1918), ветеринарный врач. В 1896 г. за отказ принять присягу Николаю II был отстранен от должности. Основал в 1897 г. земледельческую колонию около Геленджика.

На конверте этого письма Толстой сделал надпись, вероятно предназначенную для М. Л. Толстой: Спиши о жизни и Черткову пошли.

* 450.

1897 г. Мая 26. Я. П.

Мне совестно и больно, милый и дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич], что оставляю вас долго под впечатлением моих дурных писем. Мне теперь хорошо и опять спокойно. Понемногу работаю, но слабо. Мне всю зиму нынешнюю и до сих пор нездоровится. Точно слабая, но не оставляющая совсем лихорадка.

Беспрестанно теперь в Ясной чувствую вас. Пойду ли купаться, поеду ли верхом, сижу ли за обедом на террасе, а вы или шутите, или серьезно и очень серьезно говорите что-нибудь

с мальчиками. Вообще чувствую, как вас люблю и как вы много радости прибавляли в моей жизни.

Теперь о деле, занимающем меня. Я вам писал про молокан, у кот[орых] отняли детей. Я тогда написал с ними письмо государю, поручив им отдать его Олсуфьеву,[1] если же нет Олсуф[ьева], то Heath'у,[2] если его нет, то Танееву,[3] если и того нет, то А. А. Толстой. Кроме того, Лева[4] дал им письмо к Георг[ию] Михайловичу.[5] Один из молокан служил в его роте и во время голодного года был у него от Левы. (Лева между прочим очень, очень далек от меня, и едва ли не дальше всех детей.) Молокане пошли к прислуге Геор[гия] Мих[айловича]. Там им сказали, что все эти письма и, главное, письмо госуд[арю][6] опасно и надо скорее его уничтожить. Они так и сделали и, получив от Геор[гия] М[ихайловича] обещание, что он похлопочет (обещание, очевидно, ничего не обещающее), вернулись ко мне. Мне б[ыло] жалко, т[ак] к[ак] случай этот мне казался хорошим для того, чтобы высказать всё то, что делается в этом духе.

В день возвращения ко мне молокан приехал и Буланже. И с его совета я вновь переписал письмо, и он повез его сам. Я также дал ему письма к тем же лицам с уговором, что если Олсуф[ьев] возьмется передать, то он телеграфирует мне: взялся передать *первый*. И такую телеграмму я получил уже дней 10 тому назад и с тех пор ничего не знаю. — Когда будет можно, сообщу вам последствия.

Мы все знаем, что бог есть любовь, и потому любовь победит всё; но когда мы прилагаем к делу любовь и видим, что она не побеждает, а зло остается злом, мы говорим себе: любовь в этом случае недействительна (как будто бог мож[ет] б[ыть] недействителен) и, не веря в любовь, не делаем дела любви, как бы телеграфист перестал телеграфировать, п[отому] ч[то] он не видит, как на той станции выходит лента.

Шмита[7] судили и оправдан. Не описываю, п[отому] ч[то], вероятно, послал Кенворти.

Впервые напечатаны в отрывках: в газете «Речь» 1913, № 241, Б, III, стр. 286. На подлиннике помета Черткова: «27 мая 97 г.», повидимому соответствующая почтовому штемпелю. Датируется 26 мая, так как 27 мая Толстой уже получил телеграмму от Олсуфьева, а в этом письме он пишет, что не имеет от Олсуфьева известий.

[1] Александр Васильевич Олсуфьев (1843—1907), помощник главнокомандующего императорской главной квартирой, впоследствии генерал-адъютант. Брат Адама Васильевича Олсуфьева, в имении которого Толстой неоднократно гостил.

[2] Карл Хис (Charles Heath, 1826—1900), учитель английского языка и воспитатель Николая II. Учитель В. Г. Черткова в юности.

[3] Александр Сергеевич Танеев (1850—1917), главноуправляющий «собственной его величества канцелярией».

[4] Лев Львович Толстой (1869—1945), сын Толстого. См. т. 83, стр. 185—186.

[5] Георгий Михайлович — великий князь (1863—1919).

[6] Письмо Толстого к Николаю II от 10 мая 1897 г. о детях, отнятых у молокан, см. т. 70, стр. 72—75. Письмо это, уничтоженное молоканами, не решившимися его переслать, было вновь написано Толстым по копировальной книге и через Ал. В. Олсуфьева вручено Николаю II.

[7] Евгений Шмит (Eugen Schmitt, 1854—1916), немецкий публицист анархического направления. Шмит был предан суду за свои статьи в издававшемся им журнале «Ohne Staat» («Без государства»).

* 451.

1897 г. Июня 19. Я. П.

Простите меня, дорогой и милый друг, за мою непростительную неаккуратность. Сейчас пересмотрел ваши письма 13, 14 и 15[1]. Кроме этих № я получил еще одно через Л[изавету] И[вановну].[2] И сейчас нашел и 11 и 12. Получил также I и II исповедь двух женщин [3] и письмо Кроп[откина] [4] и еще нынче письмо к St. John [5] и Report of proceedings. [6] Прежде чем оправдываться, отвечу на вопросы: разумеется, да, да, да. Распространяйте Хр[истианское] уч[ение] [7] с тем предисловием, к[оторое] вы предположили, издавайте выдержки из писем и дневников. Вы знаете, что я всегда так отношусь к своим писаниям, кто бы ни занялся ими; по отношению же вас, вы знаете, что я верю вам и мне радостно, когда вы это делаете, п[отому] ч[то] знаю, что вы делаете это с преувеличенным вниманием и уважением и, главное, не преувеличенною, а драгоценною любовью к тому, что̀ во всем этом есть хорошего. Всё, что̀ напишу, непременно пришлю прежде всего вам. Мне кажется, что я всё получил, за исключением письма в Times [8], о Ветровой, к[оторое] мне особенно интересно и о существовании к[оторого] я узнал только нынче из письма вашего № 13,

кот[орое], я получил после № 15. Это неправильная постепенность в получении писем тоже немного мешает правильным своевременным ответам. Так, н[а]п[ример], я получил письмо, в к[отором] вы пишете о том, что сожалеете о раздражении, выраженном в предшествующем письме, прежде гораздо, чем самое то письмо, в к[отором] между прочим нотка раздражения, и столь понятная, была так мало заметна, что не стоило и упоминать о ней. Письмо Кр[опоткина] мне очень понравилось. Его аргументы в пользу насилия мне представляются не выражением убеждения, но только верности тому знамени, под кот[орым] он честно прослужил свою жизнь. Не может он не видеть того, что протест против насилия, для того чтобы быть сильным, должен быть твердо обоснован, а протест, допускающий для себя насилие, has no leg to stand upon [9] и этим самым обрекает себя на безуспешность. Речь же St. John'a мне очень понравилась в том разграничении, к[оторое] он делает между браком для личного наслаждения и браком для увеличения своих сил служения. Хотя я и не испытал того соединения, посредством к[оторого] муж и жена делаются одним существом с увеличенными силами для служения, я знаю и испытал то, что брак освобождает молодых людей от тревоги нецеломудренного безбрачия и дает возможность направить обоим супругам силы на служение. Продолжаю думать, что полное целомудрие дает еще больше сил для служения, но не могу отрицать того, что брак может увеличить силы в сравнении с безбрачной тревогой, а тем более если супруги духовно живут одной жизнью. Но мне не понравилась его шутка «The more — the merrier»,[10] и я не понял, что он этим хочет сказать. Брак, какой бы то ни был, может быть только между одним мужчиной и одной женщиной, всякое же общение с другими мужчинами для женщины и с другими женщинами для мужчины должно быть безразлично от полового различия. Прочел и 1-й № исповеди.[11] Он не подписан. Он мне очень понравился. Очень искренно.

Был я так неаккуратен, главное, п[отому], ч[то], найдя опять свое спокойствие, я с большим усердием принялся за работу и как будто кончил 17 июня. Кончая же, работал очень напряженно и дорожил каждым часом, в к[отором] был способен к умственной работе, употребляя его на это дело.[12] Я кончил, буду еще пересматривать и теперь пересматриваю, чтобы

отдать переписывать набело, но нахожусь в большом сомнении насчет этой работы. Кажется она мне скучна и неубедительна. В том же, что мне не следовало тратить на нее так много сил и времени, я совершенно убежден, п[отому] ч[то] тех людей, к к[оторым] относится эта работа: праздных людей нашего круга, я, разумеется, не убеж[д]у; люди же нашего понимания жизни и так согласны с результатами этой работы. Тем более я рад, что кончил и могу взяться за более важное, что предстоит мне.

Ну, вот, кажется, ответил на все вопросы. Виноват, вперед не буду. Вы же для того, чтобы я получал письма правильнее, адресуйте все в Ясенки.[13] Буду читать бумаги, к[оторые] получил нынче, и напишу о них мнение. Очень радуюсь осуществлению мысли международн[ого] Посредника.[14] Буду помогать по мере сил.

Передайте мою любовь Гале, Димочке, Шкарв[ану], Кенв[орти], Мооду, Кате, Аннушке, М[арье] Н[иколаевне], Ч[е]р[еватенко][15] и всем друзьям.

Да, еще забыл благодарить вас за перо и чудесную записную книжку.[16]

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 253, 256. Как видно из телеграммы № 452 и помет Черткова на подлиннике, письмо отправлено 20 июня. Датируется 19 июня на основании принятого в настоящем издании правила датировать письма Толстого днем, предшествующим дате отправления.

Ответ на письмо В. Г. Черткова от 19 июня н. с., в котором он упрекнул Толстого за то, что он оставил несколько писем без ответа. Толстой отвечает на письма от 12 мая, 13—16 июня и 21 июня н. с. В письме от 12 мая Чертков намечал обширную программу издания произведений Толстого за границей и спрашивал, «какую степень свободы» Толстой предоставляет ему в этом отношении. Чертков пишет, что в течение многих лет он вместе с А. К. Чертковой и помощниками составляет систематический свод всех мыслей Толстого, пользуясь не только его произведениями, но и неопубликованными частными письмами и Дневниками. Собираясь печатать отдельные главы этой работы, Чертков спрашивал, разрешает ли Толстой их издание. Далее Чертков писал, что хочет издать сделанные им в хронологическом порядке выписки из Дневников Толстого, и спрашивал, имеет ли Толстой в этом отношении «достаточно доверия» к нему, чтобы разрешить такую работу. Чертков сообщал о своем намерении издать по-английски еще не напечатанную по-русски статью Толстого «Христианское учение» с указанием, что автор не считает это произведение вполне законченным, но согласился напечатать его, уступая просьбе друзей. Одновременно Чертков послал первые страницы этого перевода. Далее Чертков спрашивал, не найдет ли Толстой возможным переслать ему на время

с надежным человеком свои Дневники, чтобы можно было сделать дальнейшие выписки.

В письме от 16 июня н. с. Чертков спрашивает, какое впечатление произвело на Толстого письмо о деле Ветровой, написанное Чертковым для газеты «Times» («Таймс»).

[1] Письма Черткова №№ 13, 14 и 15 написаны 13—16, 19 и 21 июня н. с.

[2] Чертков переслал письмо от 12 мая н. с. через свою мать, Елизавету Ивановну.

[3] Чертков обратился к англичанам и англичанкам из кружка Кенворти с просьбой написать, как сложилось их мировоззрение. Письма Элизы Пиккард (E. Pickard) и Флоренс Хола (F. Holax) Чертков переслал Толстому в копиях.

[4] Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921), участник революционного движения 70-х годов, один из теоретиков анархизма. Чертков познакомился с П. А. Кропоткиным после приезда в Англию, отчасти в связи со своим намерением организовать за границей издательство на русском языке. Письмо П. А. Кропоткина к Черткову от 10 июня н. с. 1897 г., о котором пишет Толстой, сохранилось в ГМТ. Кропоткин критически отзывался об учении Толстого, противопоставляя ему революционное движение как «самоотверженный протест против насилия сверху».

[5] Артур Син-Джон (Arthur St. John), бывший офицер индийской службы, который из-за своих антимилитаристических убеждений вышел в отставку. Сочувствовал взглядам Кенворти и был одним из основателей земледельческой колонии в Эссексе, впоследствии принимал участие в переселении духоборов в Канаду. В письме от 2 мая н. с. Чертков переслал Толстому запись речи Син-Джона на одном из собраний последователей Кенворти и письмо Э. Пиккард к Син-Джону в ответ на эту речь.

[6] Report of proceedings — отчет о заседании. Чертков неоднократно пересылал Толстому отчеты о собраниях, которые происходили под руководством Кенворти в Кройдоне.

[7] «Христианское учение» — статья Толстого, написанная в 1896 г. и оставшаяся не вполне законченной. Английский перевод издан Чертковым в издательстве «Brotherhood Publiching». Первое издание на русском языке также было выпущено Чертковым в Англии: Л. Толстой, «Христианское учение», V. Tchertkoff, Purleigh, 1897.

[8] «Times» — консервативная газета, издающаяся в Лондоне с 1788 г. О письме Черткова в «Times» см. прим. к письму № 453.

[9] [не имеет почвы под собой]

[10] Слова Син-Джона из речи о браке и любви. Русский перевод: чем больше, тем веселее.

[11] Письмо мисс Хола. См. прим. 3.

[12] Толстой имеет в виду статью «Что такое искусство?». См. запись в Дневнике Толстого от 16 июля 1897 г., т. 53, стр. 147.

[13] Ближайшее к Ясной Поляне почтовое отделение вблизи станции Ясенки, ныне Щекино.

[14] «Международным Посредником» Чертков называл задуманное им издательство, которым он в то время предполагал руководить вместе с Кенворти.

[15] Пантелей Иванович Череватенко (1877—1898), сын богатого крестьянина-торговца, отказавшийся по идейным соображениям от наследства после смерти отца. Приезжал в Англию к Чертковым.

[16] Наливное перо «Swanpen» и записная книжка с перекладными листками. Чертков неоднократно посылал автоматические ручки Толстому.

* 452.

1897 г. Июня 20. Я. П.

Regrette retard.[1] Lettre suit.

Tolstoy.

Сожалею о запоздании. [1] Письмо следует.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

[1] Толстой имеет в виду свое запоздание с ответом на письма Черткова.

* 453.

1897 г. Июня 20. Я. П.

20 июня.

Нынче отправил вам телеграмму и письмо и получил, наконец, ваше письмо № 10 от 20 мая, кот[орое] вы послали с каким-то особенным случаем. Тут и ваше письмо в Times[1] и письма к Ив[ану] Мих[айловичу]. Письмо в Times прочел и очень одобрил. Тех еще не читал. Пишу только pour accuser reception.[2] Прибавить могу только то, что, прочитав вновь вчера ваши письма, очень почувствовал вас и полюбил.

Письмами моими Калмык[овой] и пр[очими][3], разумеется, располагайте, как найдете нужным. Очень всё занят своей статьей об искусстве, как бывает, когда кончаешь доделывать последнее.

На душе твердо и ясно. Того ж желаю вам обоим. Привет друзьям. Какие они мне кажутся славные издалека.

Л. Т.

Таня получила обе ваши записки и делает, что может.

Ответ на письмо Черткова от 20 мая н. с., отправленное из Англии не по почте, а с оказией. К письму Черткова были приложены его письма в газету «Times» о самоубийстве М. Ф. Ветровой и письма В. Г. и А. К. Чертковых к И. М. Трегубову о любви.

В письме от 20 мая н. с. Чертков просил разрешения издать три письма Толстого: к Е. Шмиту, А. М. Калмыковой и к редактору журнала «Daily Chronicle», в которых изложены взгляды Толстого на государство.

[1] Письмо Черткова в редакцию «Times» было написано как возражение против статьи сотрудницы «Нового времени» Новиковой, напечатавшей в «Times» (1897 г., 18 апреля) корреспонденцию, в которой писала, что тюремное начальство относилось к Ветровой заботливо и ее самоубийство объясняется ее крайней нервностью. Чертков, лично знавший Ветрову, писал, что она была «здоровая и веселая девушка», и указывал, что ее арестовали без достаточных оснований и заключили в крепость, где существовал особенно строгий режим.

[2] [чтобы удостоверить получение.]

[3] Александра Михайловна Калмыкова (1849—1926), общественная деятельница, писательница и издательница. О ней см. т. 63, стр. 215—216. Письмо Толстого к Калмыковой от 31 августа 1896 г., получившее известность под названием «Письмо к либералам», впервые напечатано в брошюре: Л. Н. Толстой, «Об отношении к государству. Три письма: 1. К редактору английской газеты. 2. К либералам. 3. К редактору английской газеты», изд. Вл. Черткова, Лондон, 1897.

* 454.

1897 г. Июня 21. Я. П.

В два дня пишу вам 3-е письмо, милые друзья. Пишу определенно во множеств[енном] числе, п[отому] ч[то] обращаюсь к обоим, имею в виду обоих, прочтя только теперь письма ваши к Ив[ану] Мих[айловичу][1] и в то же время ответ о беседе в Brotherh[ood] Ch[urch][2] о том же предмете и прекрасное письмо к St. John'y Eliya...[3] — не разобрал фамилию. Пишу, чтоб сказать, какое впечатление произвело всё это на меня и что мне думалось по этому поводу. Впечатление самое хорошее: очевидно, это всё люди, для кот[орых] вопросы нравственные — вопросы жизни. Я всегда думал, что один из вернейших признаков серьезности отношения к нравствен[ным] вопросам — это строгость к себе в половом вопросе. И вы, В[ладимир] Г[ригорьевич], и Галя в письме к Ив[ану] Мих[айловичу], и Eliya, и Kenvorthy[4] все сказали существенное по этому вопросу, и мне кажется, что милый St. John согласится с вами.

Соблазн, в к[оторый] он впал, очень понятный и свойствен именно таким честным, правдивым натурам, каким я его воображаю. Отношения установились, и ему хотелось ничего не

скрывать, а прямо и открыто признать их, придав им характер духовности. Я вполне понимаю его мысль: воспользоваться тем душевным подъемом, к[оторый] дает влюбленность, для того, чтобы этот подъем употребить на дело божие. Это возможно, и я думаю, что энергия людей, находящихся в этом положении, может значительно повыситься и дать неожиданно кажущиеся нам большие результаты; я даже не раз видал это и знавал такие случаи, но тут страшно то, что при уничтожении влюбленности (что̀ очень возможно и вероятно) вдруг не только может упасть этот подъем энергии, но и всякий интерес к делу божиему, чего тоже я видал примеры. А что случается и может случиться, доказывает то, что дело божие, служение ему не может и не должно опираться ни на что, а всё остальное должно опираться на сознании необходимости и радости этого служения. Так можно (что тоже и часто делается) усилить энергию служения богу славой людской. И опять та же опасность охлаждения к делу божию, как только уничтожается одобрение людей. Всё это вы знаете и высказали, но я хотел только прибавить одно к тому, что̀ писал вам в последнем письме о том, что я согласен с St. J[ohn]ом в том, что союз мужчины и женщины хорош, когда он имеет целью совокупить служение богу и людям. (Я, очевидно, не понял St. J[ohn]'a. Он говорил о союзе духовном, платоническом, а я говорил о браке.) Но я все-таки хочу прибавить к тому, что̀ я там сказал. А именно то, что союз брачный, телесный, не то что прибавляет силы для служения, а для некоторых людей, одержимых беспокойством потребности влюбления, устраняет это беспокойство, препятствующее отдаче всех своих сил на служение, и потому, хотя целомудрие, если оно полное, есть самое выгодное условие для служения, для некот[орых] людей брак, успокаивая их, устраняя препятствие, усиливает в них способность служения. Но при этом — вот это главное я хотел сказать — надо, чтобы люди понимали и признавали и вне брака и в браке, что способность влюбчивости и того душевного подъема, который при этом совершается, предназначена не на забаву, не на наслаждение, не на худож[ественное] творчество (многие так думают — Тургенев), не на увеличение энергии для служения богу, как думает St. John, а только на половое, брачное соединение с одним мужем и одной женой для произведения детей и взаимного освобождения от похоти. Всякое же направление

этой способности на что-либо другое может только затруднять путь жизни человека, а не облегчать и не услаждать его.

И потому я совершенно согласен с вами, что это самый опасный соблазн, против которого нельзя быть достаточно осторожным. Но, говорят, почему же не быть дружным с лицами другого пола, так же как и с лицами одного пола? Нет никакой причины, и, чем больше мы любим, тем лучше. Но искренний и серьезный в нравствен[ном] деле человек сейчас заметит, как это сделал St. John, что его отношения к тем двум женщинам были особенные. Если человек не будет себя обманывать, он всегда заметит, что сближение совершается легче, чем обыкновенно, что велосипед едет очень легко и скоро, и что не нужно тех усилий, к[оторые] нужны обыкновенно, и что потому должна быть этому причина. А как только серьезный в нравствен[ном] деле человек заметит это и не желает съехать под гору, зная, что движение это всё будет усиливаться и приведет к браку или исключительному чувству, то он остановится.

Пожалуйста, не читайте этого моего письма друзьям. Я пишу для вас и как попало, хотя думаю определенно то, что̀ пишу.

Прочел я и историю Miss Pickard. [5] Мне страшно за ее искания. Неужели нет для нее ничего несомненно твердого. А если есть, то на этом твердом надо остановиться.

Как ни далека она от наших православных и как ни на много выше их ее квакерские основы, и в тех основах, на к[оторых] она воспитана, была та ложка дегтя, кот[орая] всё губит: вера в сверхъестественное. Ох, как бы мне хотелось успеть написать об этом то, что̀ хочется!

Я вчера получил от Кенворти хорошее письмо, [6] поблагодарите его за него и попросите извинить, что не отвечаю еще ему. Как бы я счастлив был, если бы Хр[истианское] уч[ение] послужило бы на пользу людям.

Рад, что он будет участвовать в английском изложении его. Он так прекрасно владеет языком, а главное так одноцентренен. Я умилился его прекрасной речью в отчете.

На днях напишу вам еще письмо об интересном деле, в том конверте, к[оторый] вы мне прислали.

Л. Толстой.

Работаю очень радостно. Вот-вот кончаю. Но всё сомневаюсь, и хочется поскорее освободиться.

Датируется на основании слов Толстого, что он пишет «в два дня» третье письмо. Так как предыдущие два письма написаны 20 июня, то это письмо, вероятно, написано 21 июня.

[1] Письма В. Г. и А. К. Чертковых к И. М. Трегубову, находившемуся в это время в ссылке в Курляндской губ., написаны в связи с его личными переживаниями.

[2] [Братская церковь], община единомышленников Кенворти.

[3] Письмо Э. Пиккард к Сип-Джону от 11 июня 1897 г. об отношениях между полами. Копия письма хранится в ГМТ.

[4] Речь Кенворти на собрании руководимой им общины о любви и браке. Чертков в письме от 13 июня сообщал Толстому, что пошлет ему в ближайшее время запись этой речи. См. письма №№ 455 и 456.

[5] См. письмо № 456.

[6] Письмо Кенворти к Толстому от 24 июня н. с. 1897 г., в котором Кенворти писал о деятельности Черткова в Англии, о намерении издать по-английски «Христианское учение» и о проекте переселения духоборов в Америку.

* 455.

1897 г. Июля 12. Я. П.

12 июля.

Письма наши, верно, разминовались, дорогой друг Галя. Я недавно в продолжение трех дней написал вам, т. е. В[ладимиру] Гр[игорьевичу], три письма, на к[оторые] еще не получал ответа. На ваше же замедлил отвечать, п[отому] ч[то] в тот самый вечер, с неделю тому назад, когда взялся отвечать [на] письма, страшно заболел желчными коликами, так что успел ответить только [на] одно письмо. Болезнь моя была очень мучительна, но скоро прошла. Я теперь бодр и здоров.

Не знаю, что со мной сделалось, не могу ничем иным заниматься, как только моей статьей об искусстве. Так как она кончена и я теперь только прикладываю последний coup de main,[1] то не могу ни о чем другом думать. Хочется поскорее освободиться. Иногда мне кажется, что очень хорошо, но чаще кажется, что ничтожно, что я не имею права свои последние силы класть на такое неважное дело, хочется делать другое, а не могу оторваться от этого.

Спасибо за ваше письмо. У меня был из Киевск[ой] губ[ернии] молодой крестьянин Шидловский,[2] очень живой духом человек. Я его направил к Буланже, и он оттуда привез изда-

ния Вл[адимира] Гр[игорьевича].[3] Я тут только увидал и узнал про них. Как это хорошо. Только бы окупали себя.

Хорошо, что Шкарван кончил свои записки.[4] Они были очень хороши. Матерьяла для издания, кажется, много, и можно выбирать только самое лучшее.

Маша замужем, и мне жалко, жалко.[5] Не такая она, чтобы этим удовлетвориться. Она слаба и болезненна; боюсь, что уже кается, хотя не говорит. Да и нельзя говорить, п[отому] ч[то] он очень хороший, чистый, честный, чрезвычайно правдивый человек.

Таня тоже нехороша.[6] А я еще хуже, хотя не отчаиваюсь и не сдаюсь и всё тянусь к богу, хотя, может быть, волной меня и относит от него. Устал я, милые друзья, от борьбы с этой ужасной для меня, но прекрасной сравнительно с обычной мирской жизнью, средой праздности, роскоши и бессознательной жестокости к братьям. Так хотелось бы пожить хоть последние годы или месяцы чисто. И всё надеюсь.

Пожалуйста, голубушка, читайте это письмо только вы с мужем. Я рад за вас, что ваши [7] приехали к вам.

Вчера получил от С[емена] Верещагина [8] из Тифлиса письмо. 150 чел[овек] из тюрем Тифлиса высланы в Бакинск[ую] и Елисаветполь[скую] губ[ернии] по магометанским селам, а Василья Веригина [9] и Верещагина высылают в Сибирь.

Целую вас, большого и малого Диму.[10] Привет друзьям. Посылаю вам выписки из писем Рубана.[11] Они хороши. Мож[ет] б[ыть], пригодятся В[ладимиру] Гр[игорьевичу].

Письмо это уже было написано, когда получил ваши 4 конверта: письмо № 17 (читать одному) и длинное письмо № 16 и пакет с моим предисловием и с речью Кен[ворти].[12] Только сейчас всё получил и ни речи Кенв[орти], ни предисловия не успел прочесть. Всё разберу, перечту и постараюсь всё исполнить. Прочел письмо милой Miss Pickard.[13] Постараюсь ей ответить.

Всё так же напряженно работал, доканчивая пересмотр «Об искусстве». Отдал Тане первые главы для переписки. — Сейчас вечер. А завтра Мар[ья] Вас[ильевна] [14] уезжает к Поше. Надо ему написать и послать кое-что.

Письма ваши очень порадовали меня. Горе ваше понимаю и всей душой сочувствую. Это вам экзамен.[15] Старайтесь не провалиться. Помните, что это единственный случай приложить

к жизни свою веру. Я этим всегда подкрепляю себя в трудные минуты, и иногда с успехом.

Прощайте, милые друзья. Следующее письмо постараюсь прислать более интересное. — Кенворти, Miss Pickard, St. John, кроме наших друзей — Шка[рвана], Череватенко, Мар[ьи] Ник[олаевны] — приветствую. Я не понял, сестры Галины остаются или когда уезжают. Им кланяюсь и само собой Лиз[авете] Ив[ановне] и Константину Александровичу.

На конверте: Англия. England, London, Croydon Broomfield, Duppas Hill. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 214. Русский текст на конверте написан Т. Л. Толстой, а английский — Л. Н. Толстым. Ответ на письмо А. К. Чертковой от 27 июля н. с. и на письма В. Г. Черткова от 14 и 16 июля (№№ 16 и 17), на которые Толстой подробнее отвечает в следующем письме.

[1] Буквальный перевод: удар руки. По смыслу: последний штрих.

[2] Степан Васильевич Шидловский (р. 1876), крестьянин с. Каменцы Уманьского уезда Киевской губ., сектант-штундист.

[3] Книги, которые Чертков начал издавать в Англии на русском языке. В 1897 г. Чертков выпустил девять названий.

[4] Рукопись А. Шкарвана «Мой отказ от военной службы. Записки военного врача», изд. Чертковым в 1898 г. на русском языке в Англии.

[5] М. Л. Толстая 2 июня 1897 г. вышла замуж за Николая Леонидовича Оболенского (1872—1934).

[6] Толстой имеет в виду отношения Т. Л. Толстой с М. С. Сухотиным, за которого она вышла замуж в 1899 г.

[7] Отец А. К. Чертковой, Константин Александрович Дитерихс (1824—1899), и сестры Мария Константиновна и Ольга Константиновна Дитерихс.

[8] Семен Васильевич Верещагин, духобор, сын видного духоборческого деятеля Василия Григорьевича Верещагина, сосланного в Якутскую область и умершего в ссылке.

[9] Василий Васильевич Веригин, брат руководителя духоборов П. В. Веригина.

[10] В. Г. Чертков и его сын.

[11] Григорий Семенович Рубан-Щуровский (1861—1920), в то время сочувствовавший взглядам Толстого. О Рубане и его письме см. т. 70, стр. 96.

[12] Чертков послал Толстому два варианта его вступления к «Христианскому учению», которое хранилось в архиве Черткова, и запись произнесенной в Кройдоне на собрании единомышленников речи Кенворти о вопросах брака.

[13] Письмо Пиккард о музыке, на которое Толстой ответил в письме к Черткову (№ 456).

[14] Мария Васильевна Сяськова, переписчица в издательстве «Посредник», летом 1897 г. жила в Ясной Поляне и помогала С. А. Толстой в чтении корректур.

[15] Толстой имеет в виду письмо от 16 июля н. с., в котором Чертков сообщал о своих разногласиях с матерью, не разделявшей его убеждений.

* 456.

1897 г. Июля 15. Я. П.

Милый друг Вл[адимир] Гр[игорьевич],

Сейчас прочел письмо милой Miss Pickard о музыке и Кенворти о браке, и такая радость охватила меня, какой я давно не испытывал. Какое счастье знать, что то, чем я живу, что мое настоящее *я* ограничивается не одним мною, а живет вне меня, в людях, совсем далеких по времени и месту и кот[орых] я никогда не видал. И зачем видеть? Хуже.

M[iss] P[ickard] высказывает сильно, задушевно то, что я говорю холодно, длинно, но чувствую так же горячо, в моей книге «Об иск[усстве»]. Одно только я добавил бы, что музыка не должна совсем непременно передавать и возбуждать высокое, религиозное, — она даже одна, без слов, и не может этого сделать. Достаточно, если она доставляет радость единения людей в безгрешном чувстве веселья, приятности, умиления или торжественности. Но дело в том, что она тем лучше, чем больше она людей соединяет. И потому нехороша сложная, искусственная музыка, и потому хороша простая, помимо их содержания, музыка гимнов евангелистов и псалмов наших молокан и духоборов.

Статья же, речь Кенворти, особенно умилила меня — именно радостью сознания того вне меня живущего *я*, кот[орое] я вижу в его речи. Если бы не было других доказательств божественности основы нашей жизни, то, что узнаешь эту божественную жизнь в другом, было бы достаточным доказательством этого. А какая радость! Умрет Л[ев] Н[иколаевич], а *я*, самый я, жив, как был жив до меня, так и остается жить во всех братьях. И ведь это не то, что, как бывает, и то редко, в мирских мыслях, что другой думает похоже со мной, а это думаю и чувствую я. И это я вижу в Кенв[орти] и в недавно приезжавшем мужике,

Госуд ртвенная БИБЛИОТЕКА

к[оторый] почти ничего не читал моего, и потому не может быть речи о заимствовании.

Речь К[енворти] превосходна; кратко и сильно высказано всё, и высказано не словами, а болевшим об этом предмете сердцем. Передайте ему мою большую любовь.

Предисловие [1] свое тоже прочел. Делайте, как найдете лучшим. Вы знаете, что я не то что доверяю вам, но что мы с вами в том, что̀ мы сознаем собою — одно, и потому не может быть и речи о доверии.

То, что̀ вы хотите, чтоб я вам написал, постараюсь написать,[2] хотя и не то, мож[ет] быть, но то, что̀ думаю и чувствую об этом издании, а теперь и некогда и не могу.

Я получил милое письмо от Arn[old'a] Eiloart'a [3] с вопросом об его переделке «Ив[ана-]дурака». Я, кажется, не получал этого. Во всяком случае поблагодарите его за письмо и скажите, что напишу, когда найду или получу.

Что такое: «Broomfield» и что такое «Duppas Hill»? [4]

На конверте: Англия. London, Croydon, Broomfield, Duppas Hill. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан в журнале «Печать и революция» 1928, № 9, стр. 14. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письма Черткова от 14 и 16 июля н. с., о которых в Дневнике Толстого от 16 июля с. с. имеется запись: «От Чертк[ова] хорошие письма». В письме от 14 июля н. с. Чертков напоминал разговор, во время которого Толстой сказал, что недоволен «изложением» своей статьи «Христианское учение» и хотел бы все написать сначала, но что и в таком несовершенном виде она дает довольно цельное понятие о том, что ему хотелось высказать, и во-вторых, что смотрит на систематизацию, данную в этой книге, не как на что-то окончательное, и поэтому допускает возможность «разных других систематизаций» тех же взглядов. Чертков просил повторить эти высказывания в нескольких строках для предисловия в книге. В письме от 16 июля н. с. Чертков писал, что посылает два варианта вступления Толстого к «Христианскому учению» и просит разрешения напечатать более длинный вариант с оговоркой в предисловии, что автор не собирался публиковать ни «Христианское учение», ни вступление к этой книжке и согласился на издание лишь вследствие настойчивой просьбы друзей.

[1] Вступление к «Христианскому учению».

[2] Это обещание Толстой выполнил в письме от 2 сентября 1897 г.

[3] Арнольд Эйлоарт (Arnold Eiloart), англичанин, сочувствовавший в то время взглядам Л. Толстого. Эйлоарт в письме от 28 июня 1897 г. сообщал, что послал ему набросок о драматической переделке «Сказки

об Иване-дураке» и намерен закончить эту работу после того, как узнает мнение Толстого.

[4] А. К. Черткова в письме от 22 июля н. с. объяснила, что «Broomfield» название зеленой площади для «народных гуляний», а «Duppas Hill» — название дома, где жили Чертковы.

* 457.

1897 г. Июля 18. Я. П.

Милая Галя,

Получил вчера ваше письмо и благодарю вас за ваше непослушание. Я знал через Моода, что он болен, но не знал подробностей. Как ни тревожно знать это, а все-таки лучше, чем думать, что не знаешь всего, что его касается. Пишите, пожалуйста, еще и подробней.

Давно собираюсь писать вам об одном предмете, да всё не знаю, надо ли.

То, что вы пишете о велосипеде и пьянино,[1] я считаю не неважным, а очень, самым важным. Это один из тех редких случаев, когда нам самим себя можно проверить. И проверка эта очень важна.

Пишу второпях.

Очень, очень благодарю вас за вашу любовь ко мне и отвечаю тем же.

Привет всем вашим нашим.

18 июля.

Л. Т.

На конверте: Англия, Лондон, Croydon, Broomfield, Duppas Hill. A. Tchertkoff.

Датируется на основании записи в Дневнике Толстого, т. 53, стр. 148.

Ответ на письмо от 22 июля н. с., в котором А. К. Черткова сообщала о болезни Черткова. В. Г. Чертков был болен, повидимому, крупозным воспалением легких.

[1] Велосипед и пианино, от которых Чертков в это время хотел отказаться, чтобы пожертвовать сбереженные таким образом деньги в пользу духоборов.

* 458.

1897 г. Июля 23. Я. П.

23 июля 97 г.

Спасибо вам, что прислали письмецо, добавление к 18-[му]. Хотелось и очень хочется знать о ходе вашей болезни. Хотелось бы быть с вами, чтобы посещать вас, как в Деменке, и следить за вами.[1] Моод хотел приехать в субботу, т. е. 28-[го]. О болезни вашей он ничего не расскажет, но расскажет о всей вашей жизни.

Я 3-го дня опять заболел припадками холерины и нынче еще слаб, хотя здоров. Пропустил один рабочий день, о чем очень жалею, т[ак] к[ак] остается их мало. Всё не могу оторваться от статьи об иск[усстве], и всё кончаю и всё кажется, что становится лучше — яснее, проще.

На днях б[ыл] у меня брат Новикова [2] — писаря, помните, к[оторый] б[ыл] в Москве у меня и потом б[ыл] сослан в Тургайскую область. Теперь его отпустили, он в деревне, и прислал мне с братом [3] свои записки. Они очень хороши, если их редактировать хорошо; я пришлю их вам.

Ивана Дурака [4] я нашел и прочел. Там ничего нет дурного, неверного, но как пьеса это несценично.

Прощайте пока. Выздоравливайте и пишите мне. Я последнее время стал опять записывать в дневник — признак, что немного ожил духовно и не чувствую себя более одиноким.

Л. Т.

Прощайте, привет всем. Л. Т.

На конверте: Англия. Angleterre, London, Croydon, Broomfield, Duppas Hill. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 215. На конверте штемпели: «Тула. 24 июля 1897», «С.-Петербург. 26 июля 1897». Последний штемпель позволяет предположить, что письмо было переслано почтой из Тулы в Петербург для перлюстрации. Ответ на письмо Черткова от 27 июля н. с., помеченное № 18. Чертков писал о своей болезни и о делах, связанных с подготовкой к переводу и изданию в Англии статьи Толстого «Что такое искусство?». Одновременно в добавление к этому письму Чертков послал открытку.

[1] Чертков болел малярией летом 1894 г., живя в деревне Деменке, в 5 верстах от Ясной Поляны, и Толстой часто навещал его во время этой болезни.

[2] Михаил Петрович Новиков (1871—1939), крестьянин Тульской губ., бывший волостной писарь, автор статей и рассказов из крестьянской жизни. Записки М. П. Новикова о его ссылке в Тургайскую область не напечатаны. О них см. запись в Дневнике Толстого 21 июля 1897 г. (т. 53, стр. 149).

[3] Вероятно, Адриан Петрович Новиков (1865—1930), автор рукописи «Правдивая история рабской жизни. Записки лакея», в которой он подробно описал свою службу в должности лакея у кн. Волконского.

[4] Рукопись англичанина Эйлоарта, переделавшего для сцены сказку Толстого об Иване-дураке.

* 459.

1897 г. Августа 8. Я. П.

Получил ваше № 19 уже несколько дней и хоть кое-как хочу известить вас о получении и о себе. Очень обрадовался я вашему выздоровлению, дорогой друг. Спасибо Гале, что она извещала меня. И ей еще я должен ответить и отвечу.

Вчера получил еще важное письмо от Е[лены] П[етровны].[1] Она хорошо написала И[вану] М[ихайловичу]. Боюсь за него, а все-таки надо б[ыло] написать, как она написала. Хотел бы написать ему, да не знаю, успею ли.

Моод мне очень хорошо рассказал про вас и новых, незнакомых мне лично друзей. Я удивлялся тому, что вам показался мал тот дом, к[оторый] нанял Моод, и очень был рад узнать, что вы решили взять маленький.

То, что вы хотите, чтобы я написал к изданию краткого Еванг[елия] и к Хр[истианскому] учению, я постараюсь написать поскорее и прислать вам, но сейчас так слаб, что ничего не могу делать, кроме работы над статьей об ис[кусстве], кот[орую] вот-вот кончаю. Я дал ее уже переписывать Тане на ремингт[оне] и последние дни читал вслух[2] собравшимся у нас: Гинцбург[3] (скульптор), Касаткин,[4] Гольденвейзер[5] (музыкант) и Соболев,[6] химик, живущий у нас учитель для Миши;[7] тут же Сережа-сын[8] и барышни Стаховичи.[9] Я думаю дочесть нынче. И при чтении вижу, что, несмотря на все ее недостатки, она имеет значение. Прямо сказать: мое отношение к этой статье такое: мне кажется ничтожным сравнительно ее содержание, а между тем не могу от нее оторваться, и меня сильно занимают и нравятся мне мысли, к[оторые] я в ней выражаю.

Слаб же я оттого еще, что у нас пропасть посетителей, беспрестанно приезжают; сейчас получили телеграмму из Москвы от Ломброзо,[10] к[оторый] хочет приехать. Всё это тратит время и силы и ни на что не нужно. Ужасно жажду тишины и спокойствия. Как бы я счастлив б[ыл], если бы мог окончить мои дни в уединении и, главное, в условиях, не противных и мучительных для совести. Но, видно, так надо. По крайней мере, я не знаю выхода.

Ваше дело изданий очень радует меня. Боюсь только, чтобы оно не завлекло вас в денежные затруднения. Берегитесь этого. А главное, чтобы не заставило вас разбросаться. Qui trop embrasse, mal étreint. [11] Вам особенно надо помнить это, п[отому] ч[то] у вас столько хороших начато дел, что достанет на 10 жизней.

На днях получил от Crosby [12] письмо со вложением письма (от японца, жившего с ним в New-York). Японец читал Gospel in brief [13] и пишет, что она объяснила ему смысл жизни и что он теперь едет домой в Японию с тем, чтобы там провести в жизнь свою и других свои убеждения и устроить там settlements. [14] Письмо прекрасное, к[оторое] глубоко тронуло и порадовало меня. Всем, очевидно, доступна и нужна та же истина.

В том, что все мои писания поступят прежде всего к вам и вы будете распоряжаться их переводами и изданиями, — не может быть сомнения. На днях я одного немца направил к вам.

Прощайте пока, все милые друзья.

Ваши издания получил от Череватенко.[15]

8 августа. Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 215, 216, 516—517; «Печать и революция» 1928, кн. 6, стр. 79. Ответ на два письма Черткова от 8 августа н. с. 1897 г., в которых он писал, что хочет выпустить общедоступное издание книги Толстого «Краткое изложение Евангелия», и просил написать предисловие, предназначенное «для читателей из народа». Вместе с тем Чертков сообщал, что рассчитывает покрывать расходы на русские книжки, выпускаемые им за границей, доходом от первого издания на английском языке новых писаний Толстого. «А этот успех в большей степени зависит от того, чтобы мы действительно были *первыми* издателями ваших новых писаний и чтобы как-нибудь другие переводчики каким-нибудь косвенным путем не могли себе приобресть

русского списка того, что вы пишете, раньше нас или хотя бы одновременно с нами», — писал Чертков, указывая, что этот план может быть осуществлен, лишь если рукописи Толстого будут посылаться в Англию примерно за три недели до распространения их в России.

[1] Елена Петровна Накашидзе переслала Толстому свое письмо из Кройдона к И. М. Трегубову, которому писала, что не имеет к нему «исключительного чувства» и не может стать его женой.

[2] О чтении вслух статьи «Что такое искусство?» см. Дневник Толстого от 7 августа 1897 г. (т. 53, стр. 149).

[3] Илья Яковлевич Гинцбург (1859—1938), жил в Ясной Поляне в 1897 г. с 28 июля по 11 августа и лепил бюст Толстого.

[4] Николай Алексеевич Касаткин (1859—1931), с 1898 г. член Академии художеств, впоследствии народный художник РСФСР.

[5] Александр Борисович Гольденвейзер (р. 1875), с 1906 г. профессор Московской консерватории, народный артист СССР.

[6] Михаил Николаевич Соболев, домашний учитель М. Л. Толстого, впоследствии приват-доцент Московского университета.

[7] Михаил Львович Толстой (1879—1944). См. т. 83, стр. 287.

[8] Сергей Львович Толстой (1863—1947). См. т. 83, стр. 21—22.

[9] Софья Александровна Стахович (1862—1941) и Мария Александровна Стахович (1866—1923), близкие знакомые семьи Толстых.

[10] Чезаре Ломброзо (1836—1911), итальянский психиатр и криминалист, проводивший в своих работах учение о врожденности преступных наклонностей.

[11] [Кто много охватывает, мало удерживает.]

[12] Эрнест Кросби (Ernest Crosby, 1856—1906), американец, автор биографии Толстого и статей о нем. Ответ Толстого на письмо Кросби см. т. 70, стр. 124—125.

[13] «The Gospel in Brief» by L. Tolstoy, 1896 (Л. Толстой, «Краткое изложение Евангелия»). Сведения о японце, читавшем эту книгу, и его письмо не сохранились.

[14] [поселки]. Повидимому, колонии единомышленников, которые хотел устроить упоминаемый в письме японец.

[15] П. И. Череватенко, живший у Чертковых в Англии, привез Толстому первые издания Черткова.

* 460.

1897 г. Августа 12. Я. П.

Получил ваше письмо с письмами Шкарвана, доставившими мне большую радость, прекрасные письма.[1]

У нас Маша лежит больная в тифе. Болезнь идет хорошо, но всё страшно, и она так слаба. Уже 4-й день. Тиф брюш-

ной и до сих пор не очень сильный. Впрочем, жар доходит до 40,1.

Как жаль, что ваше дело с домом [2] разошлось. Я так было порадовался.

Получил тоже письмо Ив[ана] Мих[айловича] [3] и ваше о нем. Хочу нынче же написать ему.

У нас сейчас Ломброзо, приехавший с Моск[овского] съезда,[4] завтра уезжает. Малоинтересный человек — не полный человек.

Прочел нынче статью St. John и Hall о непротивлении. Как хорошо. Неужели можно не согласиться?

Прощайте, милая Галя. Целую вас и благодарю за письмо. В другой раз напишу больше.

Хочется нынче написать кроме Ив[ана] М[ихайловича] еще Поше [5] и другу Вандерв[ера],[6] от которого получил письмо.

Л. Т.

Датируется на основании пометы Т. Л. Толстой в копировальной книге писем Толстого. Ответ на письмо А. К. Чертковой от 11 августа н. с.

[1] Черткова послала Толстому копии писем, полученных ею от А. Шкарвана, о его знакомстве в Голландии с Ван-дер-Вером. Письмо Шкарвана из Голландии напечатано в сборнике «Свободное слово», 1898, стр. 176—209.

[2] Дом в Эссексе, который хотели снять Чертковы.

[3] Письмо И. М. Трегубова к Толстому от 7 августа 1897 г. Ответ Толстого на это письмо см. т. 70, письмо № 141.

[4] Международный съезд психиатров и криминалистов, происходивший в Москве в августе 1897 г.

[5] Письмо П. И. Бирюкову от 13? августа 1897 г. См. т. 70, письмо № 140.

[6] Ван-дер-Вер (р. 1867), голландец, противник военной службы. Друг Ван-дер-Вера — голландский пастор Л. Бюлер (L. Böhler).

* 461.

1897 г. Августа 19. Я. П.

Thyphus danger passé. Tolstoy.

Опасность тифа прошла. Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на телеграфный запрос Чертковых о здоровье М. Л. Толстой.

* 462.

1897 г. Сентября 2. Я. П.

2 сентября.

Получил ваш № 20 и виделся с Ростовцевым,[1] кот[орый] уехал от нас 3-го дня. Вероятно, он приедет вместе с этим письмом, а то и раньше, и потому расскажет вам то, что̀ видел и что мы с ним говорили.

Книги получил, благодарю за стар[ую] рукопись и Biribi.[2] Я читаю его. Жалко, что не просто, а с литературной вычурностью написана эта книга.

Machiavelli я не читал, но вперед знаю, что J. Morley [3] должно быть хорошо. Прочту или не прочту, я с большим удовольствием порекомендую в «С[еверный] В[естник]»[4] или [в] «Р[усскую] М[ысль]».[5] Но надо знать, что он [6] хочет, какие его условия. Поклонитесь ему от меня; я его знаю и невольно люблю, как любил его В. И. Алексеев,[7] много мне про него рассказывавший. Только бы не забыть.

Дневник пока не мог прислать. Первые главы 2, очень плохие, отослал Мооду для перевода.[8] Я уверен, что он переведет хорошо. Над последними и не последними, а серединными, там, где положительное определение иск[усства] и его назначения, всё еще работаю. Остальное кончил. Недавно мне казалось, что это прекрасно, а теперь совсем обратное кажется.

Что Шкарван? Я остановился на самом интересном месте из его писем: он должен б[ыл] присутствовать на собрании пасторов. [9]

Письмо в Швецию, [10] черновое, к[оторое] вам привезет Рост[овцев], я еще исправлю и надеюсь завтра или послезавтра послать Арвиду Эрнеф[ельду]. [11]

Что же, ваше письмо по душе?[12] Я ничего про вас давно не знаю. Остановился я на том, что наем дома в Essex'e расстроился и что в Croydon'e вы должны évacuer.[13] Что вы? Где вы? Как здоровье Гали, к[оторую] очень, очень благодарю за письмо ее и письма Шкарвана.

Что̀ вы думаете об отнятии детей у молокан [14] — вчера еще получил от них слезное письмо — и о моем письме Государю.[15] Надо бы писать об этом, да мне не хочется развлекаться по мелочам.

Еще у меня на совести то, что вы просили меня написать для «Христианского Учения» и для «Кратк[ого] излож[ения] Евангелия».

Для первого:

Разумеется, я считаю это писание неоконченным и далеко не удовлетворяющим тех требований, к[оторые] тот же я предъявил бы ему 20 лет тому назад. Но теперь я знаю, что кончить его, довести до той степени ясности, кот[орую] я бы хотел, я не успею; а между тем думаю, что все-таки и в этом виде найдется в нем кое-что полезное людям, и потому печатайте и издавайте так, как есть. А велит бог и освобожусь от других дел и будут еще силы, вернусь к этому писанию и постараюсь сделать его проще, яснее, кратче.[16]

Попробую теперь к Кр[аткому] изл[ожению] Еванг[елия].

Не помню, что именно вы советуете написать к этому Кр[аткому] изл[ожению]. Когда я сейчас подумал, то невольно стал повторять то, что там сказано в предисловии. Одно, что я могу прибавить, это то, что теперь, после 16 лет (кажется, так), я еще яснее, чем тогда, вижу недостатки этой работы, но не могу уже исправить их. Я не мог исправить тогда чувствуемых мною недостатков, п[отому] ч[то] помню, что тогда дошел до предела своих сил и дальнейшей работой не уяснял, а затемнял то, что прежде было яснее. Тем более не могу взяться за это исправление теперь, когда ослабло уже то напряжение, в кот[ором] я находился тогда. Но, несмотря на то, думаю, что тот мой неперестающий во время этой работы восторг перед тем, что мне открывалось в Евангелиях, и та вера в то, что учение Христа, как я его понял, несомненно дает благо как всякому отдельному человеку, так и всем людям, — думаю, что этот восторг и эта вера, которые я испытывал при этой работе и к[оторые] я испытываю при перечитывании ее, сообщается хоть отчасти читателям этой книги. А если это будет, то книга будет полезна, несмотря на все ее недостатки. — Кажется, ничего не вышло.

Прощайте пока. Целую вас и очень, очень люблю вместе с Галей.

Л. Т.

Отрывки напечатаны в предисловии к книге Толстого «Христианское учение», изд. «Свободного слова», 1897, и в газете «Речь» от 4 сентября 1913 г., № 141. Ответ на письмо от 19 августа н. с., в котором Чертков

писал, что посылает несколько книг, и просит помочь Н. В. Чайковскому, желавшему поместить в одном из русских журналов свой перевод книги Морлея. Сообщая, что Н. Д. Ростовцев заедет в Ясную Поляну на пути в Англию, Чертков писал: «Вы мне доставили бы большую радость, если бы прислали ваши дневники для выписок, и я вернул бы их вам через некоторое время со случаем же... Если возможно, пришлите также и те старые дневники прежней вашей жизни, в которых вы хотели, чтобы я вымарал нежелательное. Все это я прошу ведь только *на время* и в связи с общей моей работой собирания ваших мыслей из всех источников».

[1] Николай Дмитриевич Ростовцев (1846—1922), земский деятель, близкий знакомый Черткова.

[2] Толстой получил от Чертковых книги: Darien Georges, «Biribi armée d'Afrique», Paris, 1897; John Morley, «Mackiavelli» и английскую книгу о «новооткрытой старинной рукописи», название которой не удалось установить.

[3] Джон Морлей (John Morley), английский историк. Толстой имеет в виду книгу Маколея о Макиавелли в переводе Н. В. Чайковского (1856—1926), народника, впоследствии белоэмигранта и активного врага Советской России.

[4] «Северный вестник» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1885—1898 гг. в Петербурге.

[5] «Русская мысль» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1890—1918 гг. в Москве.

[6] Николай Васильевич Чайковский.

[7] Василий Иванович Алексеев (1848—1919), домашний учитель в семье Толстых в 1877—1881 гг., в молодости принадлежавший к кружку Чайковского.

[8] Первые две главы книги «Что такое искусство?».

[9] Собрание пасторов-пацифистов, о котором писал Шкарван. Письмо Шкарвана «О новом общественном движении в Голландии» напечатано в сборнике «Свободное слово», Purleigh, 1899, № 2, стр. 192.

[10] «Письмо в шведские газеты» с предложением присудить нобелевскую премию мира духоборам. Впервые напечатано в журнале «Свободная мысль» 1899, № 4.

[11] Арвид Ернефельт (1861—1933), финский писатель, единомышленник Толстого.

[12] Письмо от 18 августа н. с., в котором Чертков писал о том, что недоволен собой и пытается разобраться в причинах этого недовольства. Чертков сообщал, что будет пересылать листки своего дневника, которые одновременно будут и письмами, предназначенными для Толстого.

[13] [выселиться.]

[14] Самарские молокане, у которых были отняты дети для воспитания в православной вере.

[15] Письмо Толстого к Николаю II от 10 мая 1897 г. об отнятии детей у молокан. См. т. 70, письмо № 81.

[16] Строки, написанные Толстым по просьбе Черткова для предисловия к книге «Христианское учение», были затем напечатаны в предисловии к этой книге в издании Черткова (Purleigh, 1898).

* 463.

1897 г. Сентября 3. Я. П.

3 сент.

Сейчас на почте получил письмо Моода [1] со вложением вашего к нему о переводе. Мне кажется, что он огорчен тем, что вы отнимаете у него перевод, и основательно. Он бы сделал перевод прекрасно и скоро, а о том, чтобы оригинал попал в какие-нибудь чужие руки, не мож[ет] б[ыть] и речи. Я сам не выпущу его, да притом я еще над ним работаю. (Нынче очень для меня важная перемена сделалась, вследствие к[оторой] надо изменить целую главу.)

Надеюсь все-таки, по мере перевода Моода, доставлять ему оригинал. Теперь у него две главы и еще 3 готовы; готовы и все остальные (всех двадцать), за исключением двух — 6[-й] и 17[-й]. Так что лучше оставить переводить его.

Что это от вас нет писем?

Пишу со станции.

На конверте: Англия. Angleterre, London, Croydon, Broomfield, Duppas Hill. V. Tchertkoff.

Закрытое письмо (секретка). Ответ на письмо от 8 сентября н. с., в котором Чертков сообщил, что Моод не сможет переводить «Что такое искусство?» достаточно быстро и потому необходимо поручить перевод другому.

[1] Письмо Моода от 1/13 сентября из Москвы. В этом письме Моод писал, что переведет на английский язык «Что такое искусство?» безвозмездно и тщательно и нет необходимости передать этот перевод другому переводчику, который «наскоро состряпает» перевод.

* 464.

1897 г. Сентября 18. Я. П.

18 сент.

Вчера получил ваше письмо с поручением к Дунаеву и исполню его скоро; [1] а нынче получил письмо Гали, за что очень благодарю.

Может быть, вы уже знаете, но все-таки повторяю, что St. John свиделся у меня с Дитерих[сом], [2] что было очень хорошо. И они вместе три дня тому назад уехали в Москву к Дунаеву.

Я не совсем здоров: у меня 10 дней тому назад сделалась на щеке опухоль и нарыв, как чирей, кот[орый] мешает мне работать. А между тем работы ужасно много. Пересматриваю в последний раз об искусстве; надо переделать письмо в Швецию; [3] и нынче приехали самарские молокане просить помочь им выручить детей, и я начал писать статью об этом в англ[ийские] газеты, хотя не решил еще, не лучше ли будет еще раз попытаться написать государю. Особенно возмутительно то, что даже Мещерский [4] пишет, критикуя действия миссионерского съезда, что духовенство так упало, что даже предлагало отнимать детей у сектантов, как будто решено, что этого нет, а это практикуется в самых обширных размерах. Не знаю, как решу; надеюсь, что бог, если к нему одному обращусь, не оставит меня советом.

Еще дело, это то, чтобы написать человек[ам] 20[-ти], московск[им] купцам, письмо с просьбой помочь духоборам.

Получил письмо Шкарвана. Очень благодарю его за него. Это хорошее, поучительное письмо. Если я скажу в статье, что в Голландии пасторы проповедуют отказ от военной службы, будет ли это верно?

Очень жаль Буланже, но мне думается, что он везде станет на ноги. Его горе не в высылке, а в жене. [5] Помогите ему в этом, смягчите ее, обращайтесь с ней, как с больной. Это одно средство.

Жозя очень хорош. [6] Я был очень рад его видеть.

Ну, вот пока всё. Простите. Целую вас и всех друзей. Не знаю, что сделает St. John. Я советовал ему ехать на юг. [7]

Маша медленно поправляется. Планы их в том, чтобы ехать на осень в Крым. Таня едет с маленьким сыном Ильюши, [8] к[оторый] слаб грудью, а Машу везет муж. Хотели они поехать за границу, но раздумали.

Прощайте, милые, милые друзья; не думайте, что, если редко писал, то мало люблю вас. Очень вы у меня в сердце.

Лев Толстой.

На конверте: Англия. Angleterre, London, Croydon, Broomfield, Dyppas Hill. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан в газете «Речь» 1913, № 241. Ответ на письмо Черткова от 18 сентября и на письмо А. К. Чертковой от 17 сентября н. с. А. К. Черткова писала об И. К. Дитерихсе, высланном в это время с Кавказа за помощь духоборам, и о П. А. Буланже, высланном за границу.

[1] Поручение Черткова попросить Дунаева передать Син-Джону тысячу рублей, которую Чертков оставил Дунаеву на хранение. Деньги эти предназначались для помощи духоборам.

[2] Иосиф Константинович Дитерихс (1862—1932), брат А. К. Чертковой.

[3] Письмо в шведские газеты. См. прим. к письму № 462.

[4] В. П. Мещерский (1839—1914), редактор-издатель реакционной газеты «Гражданин». Статья Мещерского о намерении миссионеров отнимать детей у молокан напечатана в газете «Гражданин» от 11 сентября 1897 г.

[5] Мария Викторовна Буланже, резко осуждавшая мужа за помощь духоборам, которая повлекла за собой высылку за границу.

[6] И. К. Дитерихс.

[7] На юг, то есть на Кавказ для помощи духоборам.

[8] Сын Ильи Львовича Толстого Андрей (1895—1920).

* 465.

1897. Сентября 22. Я. П.

Посылаю вам, милый друг, письмо в шведские газеты; я с той же почтой посылаю статью, уже переведенную, в Штокгольм. Название газеты: «Stokholm Tagblat» (Stokholm). [1] Печатайте только после того, как выйдет в шведской газете.

Статья искусства будет завтра вся переписана на реминг-тоне, но я теперь, когда подходит дело к концу, чрезвычайно недоволен ею. Хочется еще переделывать, но думаю, что не имею права: так нужно другое, более важное и живое, и так хочется это другое писать.

С шведским письмом у меня была борьба, [2] но пока кончившаяся хорошо, т. е. так, что я заявил, что я не могу руководиться в своих писаниях ничем, кроме требований своей совести, и между тем так, что не обидел никого и не огорчил никого и посылаю статью с спокойным духом.

По делу молокан я решил направить их опять в П[етер]б[ур]г с письмом государю, опять через Олсуф[ьева], Heath'a, и писал Лиз[авете] Иван[овне]. [3] Но государя нет и Лиз[аветы] Ив[ановны], верно, нет, п[отому] ч[то] не получил ответа на телеграмму. Они уехали 4 дня тому назад. Ничего не знаю, что будет. А жалко. Случай высказаться был хороший. Копию письма пришлю, если бог велит, с Буланже.

Прощайте пока. Целую вас.

Л. Т.

Моя шишка всё болит, но не представляет нич[его] опасного.

Отрывки напечатаны: газета «Речь» 1913, № 241, и Б, III, стр. 299. Датируется на основании записи в Дневнике Толстого от 22 сентября 1897 г., т. 53, стр. 152.

[1] Письмо Толстого в газету «Stokholm Tagblatt» см. т. 70, стр. 148—154.

[2] Разногласие с С. А. Толстой в связи с посылкой письма в Стокгольм.

[3] Письма Толстого к Николаю II, гр. А. В. Олсуфьеву, Хису и Е. И. Чертковой от 19 сентября 1897 г. см. т. 70, стр. 141—145.

* 466.

1897 г. Октября 2. Я. П.

2 окт. 97 г.

Получил вчера ваше длинное письмо и был очень рад ему. То, что вы пишете о вере в чудесное, или по крайней мере допущение возможности этого, со стороны Кенворти, очень поразило меня.

Хотелось бы написать вам не о чудесном, собственно, а о том, как, мне кажется, мы познали не самый внечувственный мир, но присутствие, существование его; но нынче не успею.

Вера в чудесное — это вера в матерьяльный мир. Для того, кто вполне понял, что бог есть дух и он сам есть дух, не может быть чудес в матерьяльном мире и тем менее в духовном, потому что чудеса — это нарушение законов матерьяльного мира, а законов духовного мира мы не знаем.

Запишу в дневник и выпишу и пришлю вам, если буду жив.

Третьего дня был у меня гимназист хар[ьковский] Попов. [1] Я и не знал, что он жил у вас. Он неясен, и я думаю, б[ыл] тяжел вам. То ли дело люди из нар[ода]. Третьего дня был у меня крестьянин молодой. Удивительная ясность и сила. Нынче был Новиков, другой крестьянин. [2] Ах, если бы позволил бог написать для них именно то, что̀ хочется.

Всё пересматриваю и работаю над *иск[усством]*. В заключении написал и *о науке*. И, мне кажется, очень хорошо. Ясно, как заблудились мы и в науке и в иск[усстве] и как мы можем выбраться из этой лжи и зла, только признав вполне учение Хр[иста] в смысле единения и братства людей, признав его так, как мы теперь признаем церковную веру.

Буду писать после лучше и подробней. А теперь прощайте. Привет всем.

Л. Толстой.

Отдайте это письмо Blagg, если не стыдно. [3]

Девочки, Т[аня] и М[аша], обе уехали в Крым. М[аша] поправляется.

На конверте: Англия. Gable house, Farm Sanden, Essex, Chelmsford. V. Tchertkoff. Заказное. Черткову.

Ответ на письмо от 3 октября н. с., в котором Чертков писал, что переехал из Кройдона в графство Эссекс и поселился недалеко от колонии единомышленников Кенворти. Рассказывая об одном из собраний единомышленников Кенворти в Кройдоне, Чертков сообщал Толстому, что Кенворти и его друзья верят в возможность чудес и не соглашаются с теми аргументами против этой веры, которые приводит Толстой в заключении к «Соединению и переводу четырех Евангелий».

[1] Иван Павлович Попов, гимназист из Харькова.

[2] Иван Петрович Новиков, крестьянин Тульской губ.

[3] Джордж Даниель Блег (Blagg), рабочий, социалист, присутствовавший на собрании у Черткова и высказавшийся против веры в чудеса. Письмо Толстого Блегу от 2 октября 1897 г. см. т. 70, № 184.

* 467.

1897 г. Октября 3. Я. П.

Вчера начал вам писать о том, почему мне кажется, что люди, верующие в реальность матерьяльного мира, верят и в чудесное, или, скорее, отчего люди, верующие в духовную жизнь, в свою духовную сущность и в бога-духа, не могут верить в чудесное, и не дописал. Это не то, что я хотел выписать вам из дневника, — то особо и имеет только связь с этим, а это я думал, когда писал вам.

Я верю и, скорее, знаю несомненно, что весь матерьяльный мир есть произведение моих пяти чувств, и все законы матерьяльного мира это законы отношений моих чувств между собою. Вся наука, всё наше знание, — это выводы из различных отношений наших чувств между собою, н[а]п[ример]: лед, твердый на мое чувство (осязание), делается мягким, жидким при известной теплоте, которую я ощущаю тоже своим чув-

ством, а при еще большей теплоте делается неощущаемым — паром. Все наши знания такие же изучения отношений наших чувств между собою. Мы изучили эти отношения и знаем их: знаем, что при каждом впечатлении на одно чувство должны быть известные явления для других чувств; стучит — для слуха значит: что-нибудь твердое на ощупь и т. п.

Что же значит чудо при таком понимании внешнего матерьяльного мира? Только то, что то отношение чувств, кот[орое] мы изучали и признали постоянным, вдруг изменяется. Измениться же такое отношение может только п[отому], ч[то] я неправильно определил отношения чувств, и тогда надо вновь отыскивать правильное, постоянное отношение чувств, или оттого, что какое-нибудь из моих чувств извратилось (галлюцинация). Чуда же при таком понимании мира никакого не может быть. Так что если бы такой человек увидал чудо, то это только доказало бы ему, что он нездоров, что чувства его неправильно действуют и ему надо лечиться.

В области же духовной для такого человека не может быть чуда, п[отому] ч[то] духовная жизнь не подчиняется никаким законам и мы ничего не знаем про нее, кроме как то, что она есть, была и всегда будет, что для нее нет времени, нет пространства.

Сказать, что Христос воскрес в теле, значит сказать, что чувства тех людей, для кот[орых] он воскрес в теле, действовали неправильно и противно тем постоянно повторяющимся и признанным всеми отношениям чувств, и потому можно только пожалеть о болезненном состоя[нии] тех людей; но сказать, что Хр[истос] духом живет в людях и мы живем в других и другие в нас, значит, сказать самую обыкновенную, несомненную истину, понятную всякому человеку, живущему духом.

Вот это я хотел добавить.

То же о свер[х]чувственном, кот[орое] мы познали несомненно, это то, что, кроме того, что мы познаем своими 5-ю чувствами — познаем мы пределы своего существа, соприкасаясь с другими окружающими нас существами, — мы неизбежно приведены к признанию существования чего-то не познаваемого чувствами, но наверно существующего, до такой степени верно, что без признания этого существования мы ничего [не можем] себе объяснить существования чего-либо. Это, н[а]п[ример], эфир, вычисленные колебания кот[орого] дают нам поня-

тие о свете, тепле, электричестве. Стало быть, есть нечто кроме того, что нам дают чувства, но существование этого мы признаем не п[отому], ч[то] это показало нам какое-либо из наших чувств, нарушая выведенные и признанные нами законы отношения наших чувств, а, напротив, п[отому], ч[то] мы приведены к признанию существования этого разумом и что признание этого не только не нарушает найденных нами законов отношений, но, напротив, устанавливает еще большую разумную связь этих отношений.

Забыл еще сказать в том письме, что ваши доводы [1] против возможности чудес совершенно справедливы и другого ничего сказать нельзя.

Прощайте, пишите чаще.

Приехал ли дорогой, милый Пав[ел] Алекс[андрович]? [2] Очень люблю его и жалею, не для себя, а за него. Ему тяжело.

Л. Т.

Спросите у Моода, сколько у него глав. [3] Я могу послать до 11-й включительно, да не помню, до какой у него.

На конверте: Англия, Эссекс, Anglettere, Gable house. Farm Sanden, Chelmsford. V. Tchertkoff. Черткову. Заказное.

Датируется 3 октября, так как из текста письма видно, что оно написано на другой день после предыдущего письма, которое помечено 2 октября 1897 г.

[1] Доводы против возможности чудес, высказанные Чертковым на собрании у него в доме.

[2] П. А. Буланже.

[3] Главы рукописи «Что такое искусство?», которая пересылалась Мооду по частям для перевода на английский язык.

* 468.

1897 г. Октября 13. Я. П.

Спасибо вам, милый друг Галя, за письмецо. Я совсем здоров. Нарыв мой прошел, потом поболел немного желудком, а теперь здоров и всё очень занят и всё тем же. Кажется, кончено совсем и не задержу Моода. Иногда кажется, что очень

важно и хорошо, иногда кажется, что дурно и ничтожно. Одно несомненно, что я это самое думал и чувствовал давно и что это совершенно ново. [1]

Не понимаю, почему не получаю ответа на посланное письмо в шведские газеты.

Еще написал об отнятых детях у молокан другое письмо. [2] Да вы всё знаете. Но теперь написал Ухтомскому [3] письмецо об этом и жду напечатания.

То, что писала Miss Pic[k]ard об иск[усстве], [4] это то самое, что я пишу в своей статье. И как все далеки от этого и как это правда.

Ну, что, что у вас? Опишите мне как-нибудь хорошенько. Вот бы Ольга Конст[антиновна] мне написала по-женски, как кто живет, где, как, все мелкие подробно[сти], чем мельче, тем лучше.

Что В[ладимир] Г[ригорьевич] давно не пишет? Есть объявленья из Ясенков, [5] надеюсь, что от него.

Не пишется больше. Привет всем друзьям.

Любящий вас Л. Т.

От Поши давно нет известий.

Девочки мои в Крыму. Маша для меня вроде как человек пьяный. Я знаю, что она поймет меня, но не теперь. Теперь с ней говорить нельзя, пока она не выспалась и не переболела похмельем.

Сколько таких людей, с кот[орыми] не говоришь вовсю, п[отому] ч[то] знаешь, что они во хмелю. Кто в хмелю корысти, кто тщеславия, кто влюбленности, кто прямо во хмелю наркотиков. Избави нас бог от этих опьянений. Эти опьянения не хуже религиозности, патриотизма, аристократизма ставят преграды между людьми, мешают тому единению, к[оторого] хочет бог. Живешь рядом, вместе, всю жизнь и живешь, как чужой.

Так у меня теперь с Машей и ее мужем. Не могу я ей сказать, что этот ее брак «a failure», [6] несмотря на то, что он прекрасный юноша. А не говорю этого — остается невысказанное. И жалко так дожить.

Ну прощайте.

Ваш Л. Толстой.

13 окт.

Ответ на неизвестное письмо А. К. Чертковой.

[1] См. запись в Дневнике Толстого от 14 октября 1897 г.: «Я пишу всё еще об искусстве... И уяснил то, что было смутно» (т. 53, стр. 152, 153).

[2] Вероятно, второе письмо к Николаю II, написанное 19 сентября 1897 г.

[3] Эспер Эсперович Ухтомский (1861—1921), редактор «Санкт-Петербургских ведомостей». Письмо Толстого к Ухтомскому напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 15 октября 1897 г., № 282. См. т. 70, письмо № 189.

[4] См. письмо № 456.

[5] Повестка на заказное письмо.

[6] [падение,]

* 469.

1897 г. Октября 26. Я. П.

26 окт.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич],

Сейчас получил ваше письмо № 24, № же 22 я получил в свое время и не помнил, а теперь не помню, отвечал ли на него; но помню хорошо его содержание и то, что хотел ответить: именно то, что хотя предмет вашей полемики с B[ruce] W[ollace] [1] и очень интересен и важен, я теперь о нем писать не могу, тем более, что мне кажется, что я уже много раз высказывал то самое, что вы ему высказали или по крайней мере в том же направлении.

Закреплять же ваши слова своим авторитетом я считаю неприличным потому, главное, что не признаю никаких авторитетов и тем менее свой.

Мне кажется, что в вашем споре с B[ruce] W[ollace] ни одна сторона не может убедить другую, п[отому] ч[то] два различных мировоззрения: одни люди считают, что нужно действовать в виду указываемой нам нашим рассудком и разумом видимой цели наибольшего блага людей, и средствами, тоже указанными нам нашим рассудком и разумом; другие, — мы, — считаем, что нужно действовать для не видимой нам цели, приближение к которой достигается исполнением указанной нам в нравственном законе воли божьей, отступление от которой ради близоруких указаний наших рассудка и разума всегда

составляло главный соблазн, породивший и поддерживающий зло в мире.

Разница в том, что первые верят в свой разум, в то, что цель, указываемая им их разумом, есть действительная, настоящая цель жизни; вторые же верят в то, что исполнение воли бога — нравственного закона, как бы оно ни странно казалось нашему разуму, самым сильным, действительным и быстрым способом ведет к достижению того самого царства божия на земле, кот[орое] мы предугадываем и предчувствуем, если только мы это царство божие представляем себе несколько шире, чем Маркс [2] или Bellamy [3] и т[ому] п[одобные].

Насчет второго пункта вашего письма, к сожалению, не могу вам дать удовлетворительного ответа. Издать те повести, о кот[орых] вы говорите, немыслимо. Они ниже всякой критики.

Вот если бы мне удалось окончить «Об иск[усстве]» и написать такой рассказ, кот[орый] соответствовал бы тем требованиям, к[оторые] я предъявляю к иск[усству], что мне очень хочется сделать, тогда бы я отдал его вам. Я сделал бы это, чтобы сделать вам приятное, но, по правде сказать, тут что-то есть мне неприятное: слишком определенное практическое, умышленное.

Пожалуйста, не сердитесь на меня за то, что я высказал то, что было за душою. Если бог велит, то я сделаю то, что вы хотите.

Спасибо за то, что вы мне пишете в конце письма о моем неверии. Я, слава богу, теперь освободился от него и благодарю бога.

Вы мне мало пишете про себя, свою обыденную жизнь. Кто и кто с вами, как проходят ваши дни?

Милого Шкарвана очень благодарю за его письмо и сведения. [4] Не послать ли в «Vrede» [5] письмо в шведс[кую] газету?

Ну, прощайте пока. Целую Галю и Димочку.

Л. Т.

Ответ на письмо Черткова от 10 октября (№ 22) и 1 ноября н. с. (№ 24). Чертков сообщил Толстому, что у него завязалась полемика с издателем журнала «Brotherhood» («Братство») Брюсом Уоллесом о значении «политической деятельности», и просил Толстого высказаться по этому вопросу. Вместе с тем Чертков спрашивал Толстого, не разрешит ли он опубликовать одно из не вполне оконченных произведений: «Хаджи-Мурат» или «Евгений Иртенев» («Дьявол»).

[1] Брюс Уоллес (Bruce Wollace), пастор, издатель журнала «Brotherhood», выходившего в Лондоне в 1897—1899 гг. Брюс Уоллес напечатал в своем журнале статью по поводу опубликованной в газете «Daily Chronicle» от 2 октября 1897 г. выдержки из Дневника Толстого, в которой доказывал ошибочность «учения о безусловном непротивлении злу».

[2] Карл Маркс (1818—1883).

[3] Эдуард Беллами (Edward Bellamy) (1840—1898), американский писатель, представитель утопического социализма.

[4] Ответ Толстого на письмо Шкарвана, сообщавшего о деятельности голландских пацифистов, см. т. 70, письмо № 225.

[5] «Vrede» — газета, издававшаяся в Голландии и являвшаяся органом голландских противников войны и военной службы.

* 470.

1897 г. Ноября 18. Я. П.

Милая, дорогая Галя,

Сегодня получил ваше другое письмо со вложением письма Цец[илии]. [1] Это ужасно! Именно ужасно. Очень бы хотелось написать ему; даже чувствую, что должен написать ему. Ваше сравнение с кубиками, напротив, очень верно. — Стоит один перевернуть и не хотеть назад перевернуть его, для того чтобы вся картина смешалась и вышла бы только после величайших усилий та ужасная цельная дьявольская картина, кот[орая] нарисована на всех трех сторонах, кроме одной настоящей, с к[оторой] мы рождаемся и кот[орая] проста и ясна.

Ее ужасно жалко. Не могу забыть, как мы с ней в Москве говорили на улице и как у нее задрожали губы, когда она заговорила о том, что он любит другую. Боюсь, что она недобрая — это даже и в письме ее чувствуется, но тем более она жалка, и тем более он виноват, и тем еще более он жалок. — Часто с радостью замечаю в себе некоторую перемену привычек, суждений, кот[орой] я обязан христианству, и радуюсь. Так теперь мне ее жалко, я вижу ее дрожащие губы, но когда подумаю хорошенько, что должен чувствовать он, находясь или в ошалелом и злобном (непременно злобном) эгоистическом влюбленьи с равнодушием и сухостью ко всему миру, или в минуты просветления, когда он, сильный духом, гордый человек, должен чувствовать, что он последний.... и что ни от людей, ни от себя, ни от бога скрыть этого нельзя, и мне его прямо серд-

цем жалко. Так что чувствую, что, как ни плохо я исполняю закон Христа, закон этот все-таки пробрал и меня, и мне жалче преступника, чем жертвы, и в тысячи раз предпочел бы быть на месте жертвы. Напишу, надеюсь, что напишу ему. Как он не видит жестокости своего поступка? Вот это-то ослепление жалко.

Все вы мне мало, мало про себя, про свою интимную жизнь пишете, а я жажду знать *именно* это.

Я всё в Ясной живу один. Алекс[андр] Петр[ович] [2] явился и переписывает мне, и мне удивительно хорошо, как говорит всегда Мар[ия] Ал[ександровна]. [3] Видел ее дней 5 назад, она была здорова. Был в Пирогове у брата, и там прекрасно. Что записки Новикова писаря? [4] Нельзя ли их прислать назад? У нас нет другого экз[емпляра]. Написал маленькое предисловие к статье Карпентера, переведенной Сережей для Рус[ского] Вест[ника]. [5] Иск[усство], кажется, совсем кончил. И приятен промежуток между работой. Вл[адимир] Гр[игорьевич] прав, важнее всего то, что я хотел летом. [6]

Поклоны всем: Ростовцеву с дочерью, Кате, Аннушке. Таня нынче приезжает в Москву. Маша поправляется.

Написал Хилкову дурное, злое письмо. [7] Не мог удержаться.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике. Ответ на письма А. К. Чертковой от 13 и 23 ноября н. с. о том, что Д. А. Хилков разошелся с своей женой Цецилией Владимировной Винер. А. К. Черткова писала: «...происходит эта путаница жизни от путаницы понятий. (Вспоминаю, что вы когда-то давно писали Диме, как складывается картина из кубиков. Так очевидно, что если один кубик перевернуть вверх ногами, то вся картина будет непонятная, изуродованная. А если еще начать искать смысла в этом именно кубике, не сообразуясь со всей картиной, и доказывать, что он и так может стать, тогда непременно начнешь и всю картину коверкать, применяясь к этому кубику.)»

[1] Письмо Ц. В. Винер к А. К. Чертковой.

[2] Александр Петрович Иванов (1837—1912), переписчик, который время от времени жил в Ясной Поляне, переписывая рукописи Толстого.

[3] Мария Александровна Шмидт (1843—1911), единомышленница Толстого, в течение многих лет жившая вблизи Ясной Поляны. См. т. 64, стр. 55.

[4] Записки М. П. Новикова о том, как он отошел от православия. Частично напечатаны под заглавием «Старая вера» в «Материалах к истории старообрядчества и сектантства», под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, в. III, Спб. 1910.

[5] Предисловие к статье Карпентера «Современная наука», переведенной С. Л. Толстым и напечатанной в журнале «Северный вестник» 1898,

№ 3. Толстой ошибся, написав вместо «Северный вестник» — «Русский вестник».

[6] Возможно, что Толстой имеет в виду окончание драмы «И свет во тьме светит».

[7] Письмо Толстого Хилкову от 10 октября 1897 г. неизвестно.

* 471.

1897 г. Декабря 10. Москва.

Почти одновременно получил три письма ваши, дорогая, милая Галя. Последнее получил через Н[иколая] Д[митриевича], [1] старое, самое же новое — то длинное, в кот[ором] вы описываете мне вашу интимную жизнь. Это самое мне и нужно было и всегда нужно знать о тех, кого любишь. Не скучайте без сестер, а только больше натягивайте постромки всякой работы. И не скучайте, что работа ваша — не та ручная работа, к[оторая] нужна для вашего существования. Этого вы не можете и раз навсегда не помиритесь с этим, а признайте это. Смотрю я на Мар[ью] Алекс[андровну]. Ей 54-й год, она слабогрудая, почти всегда больная, не переставая работает и не позволяет себе пользоваться трудами других, и нельзя не умиляться, глядя на нее. Она теперь ослабела, устала и хочет отдохнуть, не может зимой сама носить воду и корм и наняла помощницу, но сама не переставая работает, ткет. И смотреть на нее утешительно и укрепительно. Но вы не можете этого. У вас другое: от вас другие требования, и вы с В[ладимиром] Г[ригорьевичем], как вам это ни кажется плохо, исполняете их. Мне видно это. Не будемте скучать, не будемте тосковать, — будем каяться перед собой, перед богом, а жить давайте, какие мы ни на есть, бодро и радостно. И если мы хорошенько, всей душой, покаемся, смиримся, а главное, уйдем от себя, а вступим в тот поток божеской жизни — любви, кот[орый] всегда тут же течет рядом с каждым из нас, так что нам сделать только надо броситься в него, и он понесет нас.

Я 4-й день в Москве, и главное впечатление от людей это то, что они все несчастливы. Для нас этого не должно быть. «Иго мое благо». [2] Если вы точно взяли Его иго, то не может быть недовольства, тоски, несчастья. Может не быть веселья, самодовольства, может и должно быть страдание за людей, но сами мы должны быть тверды, спокойны, радостны в неперестающей

работе, когда есть силы. А нет сил, можем покорно и опять радостно ждать, когда они вернутся или когда получим новое назначение.

Много нужно писать писем. А хотелось хоть что-нибудь написать вам. Я в Москве, и мне хорошо, даже очень. Прощайте, целую вас. В[ладимиру] Г[ригорьевичу] напишу особо.

Л. Толстой.

10 дек. 97. Москва.

На конверте: Англия. Angleterre, Sandon, Chelmsford, V. Tchertkoff.

Ответ на письма А. К. Чертковой от 23 ноября — 3 декабря н. с. и 28 ноября.

[1] Н. Д. Ростовцев, гостивший у Чертковых в Англии.
[2] Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 30.

* 472.

1897 г. Декабря 13. Москва.

Ваше письмо, дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич], вместе с рассказами Н[иколая] Д[митриевича] — он на всё нерадостно смотрит — произвели на меня, или, скорее, хотели произвести на меня грустное впечатление, но я не поддался и не поверил ни Рост[овцеву], ни вам. Жизнь и деятельность ваша полезна и очень и теперь, и еще более окажется полезной in the long run. [1] И унывать нам нельзя. Сколько бы мы ни падали, ни сбивались с дороги, ни засыпали на ней, мы знаем, что другого пути — другой жизни — нет, как та, кот[орая] дает благо неотъемлемое, и потому не можем не быть радостны и счастливы всякий раз, как вступаем опять в истинную жизнь, из кот[орой] нас на время выбрасывают наши слабости, про кот[орые], знает тот, кому мы хотим служить, тот, для кого и кем мы живем.

Вчера, выходя от Вульф, [2] заговорили с Ев[гением] Ив[ановичем] [3] о боге. Я сказал про Анненкову, [4] к[оторая] приехала в Москву, что вера в спиритизм есть признак слабости веры или вовсе неверия богу. Ев[гений] Ив[анович] сказал, что он не понимает бога внешнего, что он знает только бога в себе. Да

ведь бог в себе так связан с той человеческой личностью, в кот[орой] он проявляется, что никогда наверно не знаешь, чист ли от меня тот голос бога, кот[орый] я слышу в себе. По тому затемненному моей личностью богу, которого я знаю в себе, я знаю бога чистого, неограниченного, кот[орого] нет во мне; или иначе — я должен отрешиться совсем от своей личности, чтобы познать бога. А когда я отрешился от своей личности, то бог, кот[орого] я познаю, уж не во мне, п[отому] ч[то] тогда нет личности. Так что со всех сторон, как ни поверни, — бога можно знать только вне себя. То, что мы знаем в себе, есть только путь, ведущий к богу, пуповина, связывающая нас с богом. А сказать, что бог во мне, значит сказать, что я не знаю бога. А мы с вами знаем бога, а зная его, нельзя ни ослабевать, ни унывать, ни отчаиваться. Это знание, вера, общение с ним всё исправляет, всё спасает; делает всё то, чего ищут евангелики в искуплении. Если веришь в бога, то не нужно ни искупления, ни таинства, всё дается одной верой в него — знанием его и любовью к нему. Не думайте, что это слово: любовью — я пишу необдуманно. Я нынешним летом в первый раз испытал это чувство, именно чувство любви к богу. Теперь я не могу восстановить его, но оно было, и я знаю, какое оно, и жду его. Как же нам не радоваться?

Паскаль говорит, что христианин должен испытывать чувство презираемого, ничтожного человека, к[оторый] вдруг узнает, что он царский сын.

Человек, поверивший в бога и потому в свою сыновность ему, узнает больше этого гораздо. И потому мы должны радоваться. Или ежиться и ждать, не жить, или радоваться. Подумаешь, как несчастен я был, когда у меня не было этого духовного пристанища, и как несчастны все люди вокруг нас. И мы не ценим своего блага.

Я уже дней 6 в Москве, и мне очень хорошо. Я рад, что я приехал.

Занят всё еще иск[усством], хотя другие работы просятся наружу.

Ваша работа, может быть, и даже наверно, хороша сама в себе, но я бы советовал вам, пиша ее, [5] иметь в виду не некоторых лиц, находящихся в известном положении, а самый широкий круг людей и самых близких и по времени и по духу самых далеких. Это главное условие достоинства писания.

Ну, прощайте пока. И вы мне пишите, хоть несколько слов, но пишите.

Датируется на основании записи в Дневнике Толстого от 13 декабря 1897 г. Ответ на письмо от 14 декабря н. с., в котором Чертков писал: «Вообще я очень недоволен своим состоянием. Как-то прозябаю, а не живу, трачу массу чужого труда, никому не доставляя ни пользы, ни радости».

[1] [на большом расстоянии.]

[2] Екатерина Николаевна Вульф.

[3] Евгений Иванович Попов, в то время домашний учитель в семье Вульф.

[4] Леонила Фоминична Анненкова (1844—1914), сочувствовала взглядам Толстого. См. т. 64, стр. 157.

[5] Толстой, повидимому, имеет в виду брошюру «Где брат твой?» (Purleigh, 1898), о которой Чертков писал: «Последнюю неделю я занят статьей, которую хотел писать с самого лета, но все не было нужного вдохновения. Цель ее — достижение некоторого облегчения участи наших друзей».

* 473.

1897 г. Декабря 13. Москва.

Сейчас получил ваше сердитое письмо, милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Я совершенно понимаю вас, но жалею, что вы не имеете доверия ко мне, что я сделаю всё так, чтобы было, как можно выгоднее, для вашего—нашего дела. Сначала я хотел напечатать всю книгу сразу и тогда устроил бы так, чтобы она одновременно вышла бы в России и Англии; теперь же, решив отдать первые главы в Вопросы Философии, [1] я все-таки сделаю так, чтобы эти первые главы (вероятно, до 5-й включительно) вышли бы одновременно в Англии и России. Я писал об этом Мооду и жду ответа. [2] Удивительней всего то, что здесь на меня сердятся за то, что я непременным условием печатания в России ставлю то, чтобы в Англии вышло прежде (Грот [3] из себя выходит за это и писал неприятности [4]), а вы на меня сердитесь за то, что я здесь печатаю, как вам кажется, в ущерб вашему изданию. Как много легче поступать, как все, не стараясь поступать лучше. Пока я печатал за деньги, печатание всякого сочинения было радость; с тех пор же, как я перестал брать деньги, печатание всякого сочинения есть ряд страданий.

Я так и жду: и от семьи, и от друзей, и от всяких издателей. Предисловие к Карпентеру я взял назад из Сев[ерного] Вест[ника] и вовсе его печатать не буду тоже вследствие целого ряда страданий, таких тяжелых, что ваше недовольство уж мало подбавляет горечи. [5] Предисловие это отчасти повторяет то, что в 20-й главе, так что я его вовсе не буду печатать как предисловие, что я и не могу сделать, п[отому] ч[то] взял его назад из редакции по причине его неполноты.

Упрек ваш в неписании вам писем тоже не совсем справедлив: я пишу вам чаще, чем вы мне. — Ну так вы, пожалуйста, не сердитесь; я помню интересы ваше[го] — нашего издательства и ревниво защищаю и забочусь о них. — Завтра напишу еще. Вы же поскорее известите меня: согласны ли вы отдать 5 глав в журнал, и когда они выйдут, чтобы я по этому определил выход русского.

Очень, очень вас любящий, об вас всегда думающий

Л. Т.

На конверте: Англия. Angleterre, Sandon, Chelmsford, Essex. V. Tchertkoff.

Отрывки напечатаны: «Печать и революция» 1928, № 6, стр. 79 и 82, и «Толстой и Чертков», стр. 263—264. Датируется на основании записи в Дневнике Толстого от 14 декабря 1897 г. (т. 53, стр. 171).

Ответ на письмо Черткова от 21 декабря н. с. Чертков писал о том, что Моод затратил много времени и труда на перевод статьи Толстого «Что такое искусство?», первое издание которой на английском языке должно было покрыть убытки, понесенные издательством «Brotherhood Publishing» от других изданий. Но при переводе этой книги произошла задержка оттого, что Толстой стал предварительно передавать главы этой статьи редактору журнала «Вопросы философии и психологии», где она должна была печататься по частям. Чертков объяснял, что при таком ведении дела другие английские издатели могут наспех перевести это произведение, прежде чем выйдет перевод Моода.

[1] «Вопросы философии и психологии» — журнал, издававшийся с 1889 г. Н. А. Абрикосовым, а с 1894 г. — Психологическим обществом при Московском университете.

[2] Письмо Толстого Мооду от 6 декабря 1897 г. см. т. 70, № 244.

[3] Николай Яковлевич Грот (1852—1899), профессор Московского университета, редактор «Вопросов философии и психологии».

[4] Н. Я. Грот писал Толстому 26 ноября 1897 г.: «Я предлагал разделить статью с точки зрения литературной, а вы мне пишете о каком-то английском переводчике, до которого мне нет дела. Разве у вас с ним контракт?»

[5] Толстой имеет в виду недовольство Софьи Андреевны его намерением напечатать свое предисловие к переводу статьи Карпентера в «Северном вестнике». См. Дневник Толстого 2, 6 и 7 декабря 1897 г. (т. 53, стр. 167—169); «Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 3—7.

* 474.

1897 г. Декабря 20. Москва.

Will appear about first. [1] Could not stop. Tolstoy.

Появится около первого. [1] Не могу остановить. Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] Толстой имеет в виду печатание статьи «Что такое искусство?» в журнале «Вопросы философии и психологии».

* 475.

1897 г. Декабря 26. Москва.

Милые друзья, Таня писала вам о моем нездоровьи. [1] Нездоровье это обычное, желчное и теперь проходит. Нынче, 26[-го] с[тарого] с[тиля], вечером, чувствую себя гораздо лучше и вот спешу написать вам. Теперь о печатании: вы не можете себе представить, как мне обидно, что, несмотря на все старания мои, вышло не то, что я хотел. Целый ряд неудач. Надеюсь все-таки, что появление 5 глав, [2] к[оторые] на очень недолгое время предварят ваш 1-й том (очень хорошая мысль разделить на 2 тома по 10 глав [3]), — не повредит вашему издательскому делу. Не нужно ли написать такое предисловие, в к[отором] бы я высказал, что ваше — единственное издание, и в особенности то, что русское издание будет сокращено и извращено цензурой? Если да, то составьте мне такое предисловие. Во всяком случае если печатание в В[опросах] Ф[илософии] повредило вам, простите меня. Спасибо вам, милый друг, за ваше сердечное, правдивое письмо. Галино письмо получил и буду отвечать.

На обороте: Англия. Angleterre, Sandon, Essex. Vladimir Tchertkoff.

Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 224.

Ответ на письмо от 31 декабря н. с., в котором Чертков сообщал о том, как обстоит дело с изданием английского перевода «Что такое искусство?».

[1] В письме от 23 декабря 1897 г. Т. Л. Толстая писала, что Толстой нездоров и просит ее сообщить Черткову согласие на издание английского перевода статьи «Что такое искусство?» в двух выпусках.

[2] Первые пять глав статьи «Что такое искусство?», печатавшиеся в журнале «Вопросы философии и психологии».

[3] Английский перевод «Что такое искусство?» был издан в двух выпусках под названием: «What is Art?», translated by A. Maude., 1898, Brotherchood publishing C°.

476.

1897 г. Декабря 27. Москва.

Не будет ли годиться такое предисловие? [1]

«Предлагаемая книга по русским цензурным условиям не может быть в цельности издана в России и потому печатается в Англии в переводе, о верности к[оторого] я не имею никакого сомнения. Вышедшие в России 5 гл[ав] в журнале В[опросы] Ф[илософии] уже потерпели некоторые сокращения и изменения; дальнейшие же главы, в особенности те, к[оторые] объясняют сущность моего взгляда на искусство, наверное не будут пропущены в России, и пот[ому] я прошу всех тех, кот[орые] заинтересуются этой книгой, судить о ней только по настоящему изданию».

Англия. Angleterre, Sandon, Essex. Vladimir Tchertkoff.

Открытое письмо. Впервые напечатано: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 224.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] Предисловие к английскому переводу «Что такое искусство?».

1898

* 477.

1898 г. Января 1. Москва.

Quite well. Tolstoy.

Вполне хорошо. Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометки на телеграфном бланке. Толстой, повидимому, отвечает на несохранившуюся телеграмму Черткова с запросом о здоровье.

* 478.

1898 г. Января 9—10. Москва.

Давно не писал вам, милые друзья, Галя и В[ладимир] Г[ригорьевич].

После болезни не могу вполне оправиться, да и Москва так дурно действует, что нет умственной и вообще всякой во вне проявляющейся энергии. [1] И теперь хочу написать только несколько слов.

Всё чаще и чаще наступают времена, когда ничего не хочется в этом мире для себя и когда совсем ясно видишь (чувствуешь), что ты не то сложное телесное существо со всеми своими воспоминаниями, привычками, страстями, а что ты та духовная сущность, кот[орая] заперта в этот со всех сторон окрашенный твоими наклонностями, привычками, страстями фонарь; и что ты не можешь ничего видеть, понимать иначе, как через этот фонарь, и что ты и фонарь — две вещи разные; и что скучно смотреть через этот, тобой же разрисованный, всё тот же фонарь и хочется смотреть в себя, или подняться выше и смотреть

через окрашенные стенки туда, где нет преград и лишений. Хочется только помнить бога, быть с ним, и не хочется действовать.

Вероятно, это на время только, но теперь я особенно сильно чувствую это и рад этому, и п[отому] ч[то] знаю, что это так должно быть, уж наверное так, когда будешь умирать.

Хотел я всё это время написать художеств[енное] что-нибудь, такое, что содействова[ло бы] мною же поставленным требованиям. Но ничего не мог. Нынче бросил и начал то, что нужнее: о причинах зла, о воспитании и т. д. [2] Если бог велит написать, вы увидите. Это могу писать, п[отому] ч[то] это нужно, и я знаю, как мне кажется, то, чего большинство не знает, и, мож[ет] б[ыть], могу сказать.

Вы же, там в Англии, в разгаре работы. Это прекрасно, п[отому] ч[то] я знаю, что у вас после периода работы наступает период критического отношения с божеской точки зрения к своей работе, и поэтому работа не направится дурно.

Здесь теперь в Москве и Таня и Маша с мужем, и я ей очень рад. Она хороша, жива, несмотря на физич[ескую] слабость.

Был у меня меньшой Дитерихс [3] и очень понравился.

St. John [4] остался там, и ему, думаю, будет хорошо.

Ну прощайте. Привет всем друзьям.

Л. Т.

9 января.

Писал вчера и боюсь, что письмо это произведет на вас унылое впечатление. Это было бы несправедливо.

Если нет энергии внешней деятельности, то есть большое, давно, да и никогда не испытанное прежде спокойствие, отсутствие осуждения и раздражения против людей.

Если не смотришь на мир через надоевшие свои рисунки стекол, то больше занят разжиганием огня, света, к[оторый] горит в фонаре. А то смотреть через стекла на мир — это сновидения действительности, а смотреть на одни стекла — это сновидения во сне.

Как бы хорошо было для всех, если бы все не думали о последствиях своих дел перед людьми в этом мире, а только о последствиях их перед богом в том. Как бы всем хорошо было.

Пожалуйста, не показывайте никому всю эту чепуху. Я могу ее писать только вам, зная, что вы почти поймете. Если не

поймете (как и должно быть), то направите свою мысль на то же, на что и я. А этого я только и хотел: духовно сблизиться с вами.

Что здоровье Димы? Поправился ли?

Отрывок напечатан в журнале «Русская мысль» 1913, № 6, стр. 75.

[1] В начале января Толстой перенес небольшое недомогание. См. Дневник Толстого 13 января 1898 г. (т. 53, стр. 176).

[2] Статью эту Толстой оставил в самом начале. Это начало было затем использовано при работе над «Воззванием», которое Толстой писал в мае и июне 1898 г., но тоже не закончил.

[3] Иосиф Константинович Дитерихс.

[4] Син-Джон временно остался на Кавказе для помощи духоборам.

* 479.

1898 г. Января 16. Москва.

If possible, stop printing second part. Sendung alterations.

Если возможно, остановите печатание второй части. Посланы изменения.

Телеграмма. Датируется на основании пометки на бланке.

Толстой просил приостановить печатание второй части «Что такое искусство?», так как внес в нее изменения.

* 480.

1898 г. Января 18. Москва.

С вашим письмом разъехалось мое и телеграмма. Боюсь, что уже напечатано, а поправки важные, п[отому] ч[то] есть недобрые места, кот[орые] хотелось изменить. Если же напечатано, то что делать. Поделом.

Письма с угрозами, [1] разумеется, не действуют, только неприятно в том смысле, что есть люди, напрасно ненавидящие. А умирать постоянно готовишься, и это *дело*. Я недавно думал, и это рекомендую Гале, что когда здоров, то стараешься получше жить во вне, а когда нездоров, то учишься получше умирать. Впрочем, эти письма не имеют даже и этого достоинства: они так глупо написаны, что, очевидно, предназначены только для пуганья.

Спасибо за выписку из Хр[истианского] уч[ения]. [2] Я давно не читал его и давно занят менее, даже мало важными делами. Занят я всё тем же и с тем же малым успехом. Приятно мне только то, что последнее время, дня три, мне лучше и многое записываю в дневник, что кажется не неважным. Но будет эгоистично рассказывать про себя, злоупотребляя вашей добротой ко мне. В последнем письме вы ничего не пишете мне про себя, свои работы, я разумею по издательству. Про вашу работу над статьей [3] вы пишете, но я хорошенько не знаю ее содержания и тона. Не запинайтесь только, а кончайте. У вас есть — она и у меня есть — дурная привычка, не окончив одно, браться за другое.

Предисловие к Карп[ентеру] [4] дам переписать и на днях вышлю. Получил я письмо от G. Bedborough, издателя «The adult», письмо с вопросами о половом вопросе и с очень легкомысленной программой. Очень хочется написать, хотя и не следует при моих малых рабочих силах отвлекаться. Если бы я написал, то написал бы по-русски и прислал бы вам. Вы бы перевели? [5]

Ну, прощайте пока, целую вас всех милых друзей и Мар[ию] Ник[олаевну], и Шкарвана, и Диму, и Катю, и Аннушку.

Л. Т.

Я теперь один. Таня уехала в Петерб[ург] на неделю, а Маша была тут и уехала домой.

18 янв.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, и «Листки Свободного слова» 1898, № 1, стр. 31. Ответ на письмо Черткова от 24 января н. с. 1898 г.

[1] 20 декабря 1897 г. Толстой получил анонимное письмо. Автор угрожал убить Толстого и «всех последователей — вожаков секты» и сообщал, что будто бы с этой целью образовано «Тайное общество вторых крестоносцев» (см. «Дневники С. А. Толстой. 1898—1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 11).

[2] Выписка из рукописи Толстого «Христианское учение», приведенная в письме Черткова от 24 января н. с. 1898 г.

[3] Возможно, что Толстой имеет в виду брошюру Черткова «Где брат твой? Об отношении русского правительства к людям, не могущим становиться убийцами», изд. В. Черткова, Purleigh, 1898.

[4] Предисловие Толстого к очерку Карпентера «Современная наука».

[5] Письмо издателя «The Adult» осталось без ответа.

* 481.

1898 г. Января 21. Москва.

На днях писал вам, милые друзья, но не хочется пропустить случай еще написать. Вчера получил ваше письмо № 33. Меня смущает немного то, что вы пишете про мое как бы исключительное положение. Положение мое то самое, какого я заслуживаю, и положение очень хорошее. Пожалуйста, так и понимайте мое положение и не пишите мне про него и, главное, таких моих писем, в кот[орых] я выражаю недовольство о том, что жизнь моя не такова, какую бы мне хотелось, не сообщайте никому. Я позволю себе иногда покапризничать перед вами, но только перед вами. Об этом довольно.

Я очень радуюсь тому, что Ц[ецилия] В[ладимировна] едет к вам. [1] Я ее совсем не видал и теперь только иду к ней и надеюсь поговорить. От Д[митрия] А[лександровича] не получал ответа на мое письмо. [2] Хотелось прислать с Ц[ецилией] В[ладимировной] корректуры с поправками, [3] но пока еще не прислали, хотя должны быть готовы. Придется послать их почтой. То же и с предисловием к Карп[ентеру].

Здоровье мое получше, надеюсь быть в состоянии продолжать начатые работы. Одно из приятных впечатлений последнего времени было свидание с Репиным. [4] Мы, кажется, оставили друг другу хорошее впечатление, посылаю вам письмо Стасова, [5] чтобы дать понять его (Репина) настроение. Он очень и серьезно просит меня дать ему сюжет, и он исполнит его. И я вижу, что это серьезно, и всё не нашел еще достойного сюжета и чувствую большую ответственность.

Статья, [6] последние главы выйдут, вероятно, в феврале. Еще ничего не печатается.

Совет ваш хорош и мне нужен. Мне вообще недостает вас — вашей критики, — к[оторой] я часто пользовался и люблю пользоваться, — критикой того, что в моих писаниях не добро — не христианско. Прощайте, милые друзья, все.

Л. Толстой.

21 янв. 1898.

Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 224.
Ответ на письмо Черткова от 28 января н. с. 1898 г.

[1] Поездка Цецилии Владимировны Винер в Англию к Чертковым.

[2] Возможно, что Толстой имеет в виду свое письмо к Д. А. Хилкову от 11 ноября 1897 г., в котором, повидимому, касался семейной жизни Хилкова и его отношения к браку.

[3] Корректуры «Что такое искусство?».

[4] Об этом свидании Толстого с Репиным см. «Дневники С. А. Толстой. 1898—1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 16.

[5] Владимир Васильевич Стасов (1824—1906), художественный и музыкальный критик. Письмо В. В. Стасова о Репине в архиве Черткова не сохранилось.

[6] «Что такое искусство?».

* 482.

1898 г. Января 21? Москва.

Посылаю вам копию с письма административно ссыльного Федосеева [1] с очень важными и интересными подробностями о духоборах. Я отвечал ему. Я поправляюсь медленнее, чем прежде. Всё нет интереса и энергии для работы.

Л. Т.

Написано на копии письма Н. Е. Федосеева к Толстому. Письмо Н. Е. Федосеева, ехавшего в Якутскую область в ссылку вместе с духоборами, ссылавшимися по этапу в Сибирь после заключения в Екатеринодарском батальоне, содержало сведения о преследованиях, перенесенных духоборами. Повидимому, Толстой переслал это письмо к Черткову с Ц. В. Винер вместе с предшествующим письмом (№ 481), на что указывает и объединение обоих этих писем в архиве Черткова под одним номером. Поэтому письмо датируется предположительно тем же числом: 21 января 1898 г.

[1] Николай Евграфович Федосеев (1871—1898), революционер-марксист, сосланный в 1897 г. в Якутскую область, где он окончил жизнь самоубийством. О нем см. сборник «Н. Е. Федосеев. Один из пионеров революционного марксизма в России», Гиз, М. — Пгр. 1923. Письмо Федосеева к Толстому о духоборах напечатано в «Листках Свободного слова» 1898, № 1.

* 483.

1898 г. Февраля 2. Москва.

Простите, что на карточке. Получил ваше письмо из Лондона и порадовался за вас. Знаю, какая это радость: точно из темноты и духоты выглянуть на свет и простор. Я же в обрат-

ном положении теперь — на низу волны. Вот этим хорошо единение, чтобы поднимать друг друга. На низу я только по слабости — всё нездоровится, а духом жив и могу и хочу понимать и чувствовать вас.

Прекрасная ваша статья о лигах мира. [1] Как бы хотелось, чтобы New Order [2] имел большее распространение. Постараюсь, сколько могу, содействовать этому.

Л. Т.

На обороте: Англия. [Angleterre, Sandon, Chelmsford, Essex. V. Tchertkoff.

Открытое письмо. Датируется днем, предшествующим почтовому штемпелю.

Ответ на письмо Черткова от 6 января н. с.

[1] Статья Черткова «Мир, мир... тогда как нет мира». Напечатана в «Листках Свободного слова» 1898, № 6.

[2] «The New Order» — ежемесячный журнал, выпускавшийся с 1895 г. издательством Кенворти и его единомышленниками «The Brotherhood publishing C°».

* 484.

1898 г. Февраля 14. Москва.

Спасибо вам, милый друг, за хорошее длинное письмо. Я оставил вас, т. е. последнее письмо от вас б[ыло] из Лондона, и я думал, что ваш подъем приведет к ослаблению, и вдруг вместо этого — самое спокойное, твердое, радостное письмо.

Про себя скажу, что душевным состоянием своим был бы доволен, если бы не было недовольства за малую внешнюю производительность, — причины: и нездоровье (хотя теперь дня три мне хорошо) и суета городской жизни. Всё хочется написать и всё забываешь, что надо написать на сердце своем и что если там будет твердо написано, то уж отпечатается там, где нужно.

Нынче писал письмо в J[ournal] des Débats [1] о том, что Revue Blanche напечатала безобразный перевод двух глав, вырванных из всего и лишенных всякого смысла. [2] И это неважно,

и не надо бы, но так досадно стало, когда увидал этот перевод, что не успокоился бы, пока не написал.

Не знаете ли, Шкарван не знает ли что про Шмита? Он еще должен évoluer, [3] как мне кажется, и потому интересно, в каком он фазисе. Он немножко своей деятельностью напоминает Хилкова — очень много заботы о воздействии на других. Ох, какой это соблазн! Будем друг друга оберегать от него. У вас это есть, но есть зато и сильная внутренняя основа, так что внешнее не выворотит внутреннего. А то бывает, что внешнее так разрастется, что уже ему не на чем держаться, и оно совсем оторвется — тогда беда. А все-таки расскажите мне хорошенько о ваших издательских делах. Расскажите тоже про жизнь в новом домике и про Диму и вообще про детей ваших, Моода, Буланже, Кенворти. Не организуется ли что для них?

Что Буланже? Давно не имею о нем известий. Как я рад, что Ц[ецилия] В[ладимировна] у вас. Я уверен, что вам будет всем хорошо от этого общения, и радуюсь этому. О духоборах не имею свежих, после Суллерж[ицкого], [4] вестей и жду. Не нужно ли будет предпринять сбор в их пользу?

Прощайте, милые друзья.

Ваш Л. Толстой.

Статья Карпентера с моим предисловием будет напечатана в Сев[ерном] В[естнике]. [5]

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 226; «Листки Свободного слова» 1898, № 1, стр. 31; «Толстой и Чертков», стр. 265 и 266.

Ответ на письмо от 17—18 февраля н. с., в котором Чертков между прочим писал, что налаживает английское издание писаний Толстого.

[1] Письмо Толстого редактору «Journal des Débats» от 13 февраля 1898 г. см. т. 71, № 34.

[2] Перевод отрывков из «Что такое искусство?» был напечатан в «Revue Blanche» от 15 января и 15 февраля н. с. 1898 г.

[3] [развиваться,]

[4] Л. А. Суллержицкий, участвовавший в деле помощи духоборам, был у Толстого 3 февраля 1898 г.

[5] Предисловие Толстого к статье Карпентера «Современная наука» напечатано в «Северном вестнике» 1898, № 3.

* 485.

1898 г. Февраля 25. Москва.

Посылаю вам, милый друг, нужную вам бумагу [1] и очень рад сделать это, п[отому] ч[то] знаю, что это нужно для дела. Боюсь, что с предисловием Карпентера я опоздал. [2] Оно должно выйти первого марта. А последнюю версию я посылаю вам только с этим письмом.

Пожалуйста, не сетуйте на меня. Я постараюсь угодить вам повестью, [3] послав ее прежде всего вам. Но горе в том, что всё не пишется, да и перед богом не следует этим заниматься, если только можно не писать. Уж очень важно, нужно перед богом из последних сил тянуть тот воз, в кот[орый] мы подпряглись, вслед за Христом. Надеюсь, что вы не припишите это самомнению, а тому, что в этом только жизнь, — нести это иго и бремя по мере своих силишек. И *силишки* — говорю не из ложной скромности, а для того, чтобы знать, что всё дело огромно, что я не только не увижу осуществления его, но даже, может быть, и не почувствую, что воз тронулся, а все-таки только в этом мое и всех нас дело, и дело это больше, чем большое или малое, это дело божие. Главное, говорю это п[отому], ч[тобы] не руководиться внешним успехом, к[оторого], вероятно, не увидишь, а внутренним сознанием, к[оторое] не обманет. Пишу это п[отому], ч[то] в последнее время у меня родилось новое радостное чувство возможности уходить из мира житейского и его путаницы и усложнений в сознание исполнения хотя самого слабого, хотя отрицательного, дела божия. И такая твердость и радость. — Когда-нибудь напишу об этом подробнее. Хотя я ничего почти не работаю и желудок плох, мне очень хорошо на душе последнее время. Радуюсь, что Поша едет к вам, [4] но жаль, что не повидался с ним. Знаете ли вы Social Gospel, [5] кот[орое] издается в Америке? Если не знаете, то выпишите.

Адрес: Ralph Albertson Commonwealth G-a (т. е. Georga). [6] Это орган христ[ианской] колонии под влиянием Lloyd, [7] Crosby, Herron. [8] Первый № очень хорош. Прощайте.

Л. Т.

Отрывки напечатаны в «Листках Свободного слова» 1898, № 1, стр. 75. Датируется в соответствии с датой обращения Толстого ко всем переводчикам и издателям его произведений, которое было приложено при этом

письме. Ответ на письмо от 3 марта н. с. 1898 г., в котором Чертков просил подписать приложенное заявление, уполномочивавшее его распоряжаться первым изданием произведений Толстого за границей и вести переговоры с переводчиками.

[1] Предложение Толстого всем издателям и переводчикам обращаться к Черткову по делам первого издания за границей переводов его сочинений, см. т. 71, письмо № 49.

[2] Толстой опасался, что, послав последний вариант своей рукописи всего за несколько дней до опубликования ее в журнале «Северный вестник», лишил Черткова возможности своевременно передать ее иностранным переводчикам.

[3] «Хаджи-Мурат». См. Дневник Толстого 25 февраля 1898 г., т. 53, стр. 184.

[4] П. И. Бирюков, получив разрешение выехать за границу из г. Бауска, где он находился в ссылке, выехал в Англию.

[5] Журнал «Социальное евангелие» («Social Gospel»), издававшийся с 1898 по 1901 г. группой американцев, сочувствовавших взглядам Толстого.

[6] «Христианская колония» («The Christian Commen vealth»), основанная в 1896 г. в Георгии. В 1898 г. она имела 1000 акров земли, которая обрабатывалась совместно членами колонии.

[7] Генри Ллойд (Henri Lloyd, 1847—1903), экономист и писатель, сторонник «Христианского социализма».

[8] Джордж Херрон (Georges Herron, 1862—1925), сторонник «христианского социализма», автор книги «The christian society» («Христианское общество»), 1894.

* 486.

1898 г. Марта 2. Москва.

Получил ваши письма к Л[еониле] Ф[оминичне] [1] и послал. Галино письмо жаль не послать. Оно очень хорошо и кроме добра душе ничего не сделает. Получил тоже от М[оода]. [2] У нас потеря. Лиза Олсуф[ьева] [3] умерла скарлатиной.

Л. Т.

Англия. Angleterre, V. Tchertkoff, Mill House, Purleigh, Essex.

Открытое письмо. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письмо Черткова от 9 марта н. с.

[1] Письма В. Г. и А. К. Чертковых к Л. Ф. Анненковой были написаны в связи с самоубийством ее племянницы Варвары Владимировны Ждановой.

[2] Вероятно, письмо Моода Толстому от 10 марта н. с. с сообщением о том, как идет печатание перевода книги «Что такое искусство?».

[3] Елизавета Адамовна Олсуфьева (1857—1898), дочь знакомых Толстого А. В. и А. М. Олсуфьевых.

* 487.

1898 г. Марта 4? Москва.

Милые друзья, Галя и Дима,

Письмо это вам передаст молодой Абрикосов. [1] Он — сын богатых образованных родителей — почувствовал неудовлетворение от той жизни, которую ведет в родительском доме. Он с родителями в самых хороших отношениях, и даже отец [2] согласился на его поездку. Требования его совести христианские, и он искренне хочет удовлетворить им. Вы узнаете его и, наверное, поможете ему устроить наилучшим образом его жизнь в Англии. Познакомьте его, пожалуйста, с Кенворти и колонистами. Он хочет жить у них и с ними работать.

Пишу это письмо, только чтобы познакомить вас с ним. Другое же письмо написал вам нынче и посылаю по почте.

Привет всем друзьям.

Л. Толстой.

Письмо было послано с Х. Н. Абрикосовым. Датируется на основании утверждения Х. Н. Абрикосова, что это письмо было написано 4 марта (см. воспоминания Х. Н. Абрикосова — «Летописи», 12, стр. 383). Дата ставится с знаком вопроса, так как из текста письма и из воспоминаний Абрикосова следует, что Толстой одновременно написал другое письмо Черткову, посланное в тот же день, а между тем в переписке Толстого с Чертковым нет второго письма, которое можно датировать тем же днем.

[1] Хрисанф Николаевич Абрикосов (р. 1877), сочувствовавший взглядам Толстого. В 1898 г. жил некоторое время в Эссексе, вблизи колонии единомышленников Кенворти.

[2] Николай Алексеевич Абрикосов (1850—1936), совладелец кондитерской фабрики Абрикосовых.

* 488.

1898 г. Марта 8. Москва.

Вчера получил ваше письмо о Шкарване и о том же письмо от Буланже. Мне всегда совестно признаваться в том, что известия о болезнях, приближающих людей к смерти, не огорчают или мало огорчают меня, особенно когда, как у милого Шкарвана, это приближение не вызывает ни страха, ни противления, а только кротость и серьезность. Огорчает и заставляет страдать всё больше и больше равнодушие, жестокость, озлобление людей. Мне хочется написать отдельно Шк[арвану], [1] но если не напишу, то надеюсь, что он примет это письмо как письмо к нему вместе с вами.

Одно мучительно и ужасно видеть — это раздор, нелюбовь существ, на минутку сошедшихся в этой жизни, а болезнь, близость смерти (спасибо ей за это) уничтожает эти нелепые раздоры, непонимание друг друга и сближает людей. Вот и меня приблизила к Шкарвану. Я так живо вспомнил всего его, всё, что знаю о нем, и так живо полюбил его.

Я думаю, Поша увидится с его матерью [2] и сделает всё, что нужно, для них обоих.

У нас нынешнюю [зиму] со всех сторон такие, напоминающие об истинной, забываемой нами, жизни, явления. Ужасное самоубийство Вар[и], смерть Лизы Олсуфьевой. Это прелестное было существо — веселое, скромное, простое, доброе. Заболела скарлатиной и в 4 дня умерла. Умирала в памяти, зная, что умирает, распоряжалась делами, заплатила долг за народ в банк и т[ому] п[одобное], потом прощалась со всеми, прощалась заочно, вспоминала нас и особенно меня. Мне радостно было это. Мы с ней часто спорили о православии, от кот[орого] она не хотела отказаться. Умирая, однако, она не позвала священника. И перед смертью так же, как многие, остановила глаза на чем-то и с удивлением проговорила: а так это вот что!

Теперь же Таня уехала к Вере, [3] про которую пишут, что у нее определенная чахотка, и очень быстро подвигающаяся. Жду от Тани известий. Ах, только бы мы не цеплялись друг за друга своим эгоизмом, а любили, только бы любили.

Прощайте, милые друзья.

Л. Т.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1898, № 1, стр. 31. Датируется на основании сопоставления с письмом Толстого П. И. Бирюкову от 8 марта н. с. (см. т. 71, № 62). Ответ на письмо от 13 марта н. с, в котором А. К. Черткова писала о том, что у Шкарвана, больного туберкулезом, было сильное легочное кровотечение.

[1] Письмо Толстого к Шкарвану от 15 марта н. с. 1898 г. (т. 71, № 70).

[2] П. И. Бирюков по пути из России в Англию заехал в Австрию, где в г. Жилине проживал врач Д. П. Маковицкий, друг Шкарвана. Толстой полагал, что Бирюков увидит мать Шкарвана.

[3] Вера Сергеевна Толстая (1865—1923), племянница Толстого.

* 489.

1898 г. Марта 17. Москва.

Дорогой друг, давно не писал вам, п[отому] ч[то] слишком многое нужно написать. Главное и самое важное — это духоборы. Они пишут мне вот уж 3-е письмо о том, что им разрешено переселиться за границу, и просят помочь им. Пишут еще частные лица: Шерстобитов, [1] Потапов, [2] Андросов [3] и еще какие-то; но у них должно быть совещание о том, что делать, и вот это-то решение на совещании важно, п[отому] ч[то] из него узнаешь, сколько их выселяется, куда они желают и решат, и какая и в чем им нужда.

Но и не дожидаясь этого, я составляю и составил воззвание одно в английск[ие] и америк[анские] газеты, прося помощи всех истинных христиан, помощи: и руководительством, указанием мест, способов передвижения, и деньгами. [4] Это воззвание я пришлю вам, вероятно, завтра. Если вы найдете его нехорошим, — как всегда, даю вам carte blanche [5] исправлять его — пошлите его с письмом, кот[орое] вы составите на приложенном бланке с моей подписью в редакцию одной из больших газет: если не Times, то Daily News [6] или Daily Chron[icle]. [7] Другое воззвание, очень умеренное, я завтра снесу в Русск[ие] Вед[омости], и если они не напечатают, то пошлю в Петерб[ургские] Вед[омости]. [8] Кроме того, я написал письмо в Америку к Редактору Social Gospel (вы, верно, знаете), копию кот[орого] вам посылаю [9] и в конце кот[орого] упомянул о деле дух[оборов]. Вот это одно и самое важное, поглощающее всё мое внимание, дело. Другое — это заявление в предисловии к вашему изданию «*Что т[акое] И[скусство]*» о том, каким

искажениям подверглась эта книга в России и почему.[10] Книга, изуродованная вся духовной цензурой, до сих пор еще не вышла, но, как верно обещают, выйдет 17 марта. Я написал это заявление, вы же употребите его, как найдете нужным. Это второе дело. Третье дело — это то, что одно очень богатое лицо советовалось со мной (я не называю имени, п[отому] ч[то] лицо это боится, что прочтут письмо), как устроить за границей печатный орган, в кот[ором] печатались бы все дурные дела, совершаемые русск[им] правительством.[11] Я сказал, что обличение зла есть одно из проявлений христианск[ой] деятельности и что если бы лицо это и не желало вполне служить своими средствами делу религиозному, люди наших верований могли бы вести такую обличительную газету, и я указал на вас. Что вы об этом думаете? Лицо это будет в конце марта в Ницце, если вы думаете, что вы можете взяться за такое дело, я дам вам адрес, и вы спишитесь или свидитесь. Прощайте пока. Привет всем.

Л. Т.

На конверте: Заказное. Англия. Angleterre. V. Tchertkoff. Mill House. Maldon. Essex.

Отрывок напечатан: Б, III, стр. 528—529. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля.

[1] Василий Шерстобитов, духобор из Тифлисской губ., неоднократно выступавший по делам своих единоверцев.

[2] Василий Андреевич Потапов, духобор из Тифлисской губ., сторонник общинной жизни.

[3] Андрей Семенович Андросов, духобор, в письме от 14 марта 1898 г. описал Толстому лишения, которые испытывают духоборы, расселенные по татарским селениям Тифлисской губ.

[4] Письмо Толстого было напечатано сперва по-английски в «Daily Chronicle» 1898 от 29 апреля 1898 г., затем по-русски в сборнике «Свободное слово», 1898, Purleigh, стр. 198—205.

[5] [свободу действий]

[6] «Daily News» — либеральная газета, основанная в 1846 г.

[7] «Daily Chronicle» — либеральная газета, основанная в 1877 г.

[8] Письмо Толстого не было напечатано в русских газетах.

[9] Письмо Толстого к одному из ближайших сотрудников журнала «The Social Gospel» Д. Х. Гибсону от 11 марта 1898 г. см. т. 71, № 67.

[10] Предисловие Толстого к английскому изданию «Что такое искусство?» см. т. 30, стр. 204—206.

[11] Вероятно, Кузьма Терентьевич Солдатенков (1818—1901), московский купец, книгоиздатель-меценат.

* 490.

1898 г. Марта 18. Москва.

Посылаю вам, дорогой друг, 1) предисловие, или заявление к книге «Ч[то] т[акое] и[скусство]», 2) Обращение к англ[ийскому] и америк[анскому] народу о помощи духоборам [1] и 3) письмо Анненк[овой]. [2]

Дело духоборов всего меня поглощает. А между тем не сумел написать хорошо. Если найдете, что годится это, то переведите и пошлите в газеты и Англ[ийские] и Америк[анские]. Посылаю вам еще для этого подписанные листки, на которых вы напишете письма [3] в Times или Daily News и New-York Herald. [4]

Я получил от духоборов уже 5 писем с просьбой о помощи. Кроме того, я написал обращение и к русскому обществу, которое послал в Петерб[ургские] Вед[омости]. На ваш вопрос о новомальтузьянстве [5] — не иметь детей, почему это дурно, не думал еще и не могу ответить, знаю, что дурно, но почему, сейчас не могу сказать. И некогда думать. Ужасно мног[о], слава богу, подошло дела. Сейчас получил от Гали письмо, спасибо ей.

Л. Т.

Письма о духоб[орах] и о «Ч[то] т[акое] и[скусство]» переписываю. Пришлю завтра.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике письма и сопоставления с письмом от 17 марта, в котором Толстой обещал послать «завтра» бумаги, о посылке которых извещает в комментируемом письме.

[1] Письмо в иностранные газеты. См. прим. к письму № 489.

[2] Письмо Л. Ф. Анненковой к Чертковым по поводу самоубийства ее племянницы В. В. Ждановой.

[3] На этих бланках, подписанных Толстым, Чертков должен был написать английский перевод письма Толстого в иностранные газеты.

[4] Нью-йоркская газета, основанная в 1835 г.

[5] В письме от 16 марта н. с. Чертков просил помочь ему сформулировать мотивы отрицательного отношения к средствам, предупреждающим беременность.

* 491.

1898 г. Марта 19. Москва.

Простите, милые друзья, за то, что посылаю вам обе статьи [1] в таком нечистом виде, злоупотребляя уверенностью в том, что вы всё прочтете и поймете. Я, впрочем, внимательно перечел обе статьи, и мне кажется, что там нет бессмыслиц и бессвязностей. Впрочем, если что есть, вы поправите.

Еще надо прибавить к русскому изданию *Об иск[усстве]*, что в этом издании сделаны значительные исправления и добавления.

Можно так в конце:

Кроме восстановленных исключенных цензурою мест в изданиях, вышедших в России, в этом издании сделаны значительные исправления и добавления.

Мне не успели этого переписать, и потому, пожалуйста, если можно, пришлите мне копии того и другого и с вашими поправками.

Что ваша статья? [2]

Л. Т.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике и сопоставления с тремя предыдущими письмами.

[1] «Письмо в иностранные газеты» и «Предисловие к книге «Что такое искусство?».

[2] Статья Черткова «Где брат твой?».

* 492.

1898 г. Марта 29. Москва.

Спасибо, милая Галя, за то, что извещаете нас о нашем больном друге. Не переставайте. Не я один, а все наши друзья здесь, любящие его, хотят знать о нем. Он хорошо сделал, что написал заметку в дневник. [1] Это то самое, что должно быть и что очень радостно: что бог не в громе и буре, а в тишине, не в чем-либо особенном, а в самой простой простоте, бог, следовательно, и приближение, прикосновение к нему в смерти. Я так иногда мечтаю: жизнь наша не божия, всегда ограничена, всегда в пределах, и потому всегда матерьяльна, п[отому] ч[то] матерьяль-

ность есть не что иное, как сознание своих пределов и пределов других существ, точек плоскости прикосновения предметов, и потому, переходя из одной жизни в другую, выходя из этой, чтобы перейти в другую, переменяются, вероятно расширяются (говорю пространственно, п[отому] ч[то] мы не можем говорить иначе) пределы. Но в момент перехода из одних пределов в другие сущность жизни, частица бога, живущая в теле, на мгновение переход[а] приближается к полному освобождению; и это — близость к полной свободе от пределов к полному слиянию с беспредельным богом, хотя и мгновенная, должна быть нечто особенное. Я представляю себе это так. Хотел нарисовать, но не выходит, короткий рисунок. [2] Нарисовать я хотел то, что *я* божеское, перемещаясь из одного *я* матерьяльного в другое такое же матер[ьяльное] *я*, из одних пределов в другие, при переходе этом на мгновение остается ни в том, ни в другом и сознает себя только в боге — полное спокойствие и удовлетворение.

Вы знаете, есть старик, богатый купец Брашнин, [3] близкий нам по духу. Я уже лет 15 знаю его. У него рак печени, как определяют врачи. Я был у него раз зимою. Он был очень плох, худ, желт, но на ногах еще. С неделю тому назад Алекс[андр] Никиф[орович] [4] зашел ко мне утром с известием, что Брашнин умирает и прислал мальчика звать проститься с ним. Мы пошли и застали его умирающим. Первое мое слово было: спокоен ли он? Совершенно. Он в полной памяти и ясности ума поблагодарил меня, простился со мной, и я с ним, как прощаются с вперед уезжающим путешественником. С грустью поговорили о том, что его жена, дети — все язычники, но без упрека им. Я сказал, что увидимся еще. Он спокойно ответил: нет уже. Простился, поблагодарил за наше общение.

Всё так просто, спокойно, серьезно. И по заметке Шкарвана и по речам Брашнина — оба они живы и, мож[ет] б[ыть], переживут нас с вами, — но видно, что близость смерти, к[оторую] они чувствуют и знают, не нарушает их обычного хода душевной жизни. Я думаю, что это происходит, главное, оттого, что нет в их сознании лжи, кот[орая] теперь при близости смерти ясно бы обнаружилась и сделала бы смерть мучительною. Нет ни причастия, ни Иверской, [5] ни дорогих врачей, ни завещаний, ни соборований. Правда, и в том и в другом случае нет особенно мучительных страданий, затемняющих сознание. И это счастье,

по крайней мере так кажется нам. Но когда они есть — они, верно, нужны.

Ах, боюсь я за приезд его матери. Говорят, она прекрасная женщина, но сумеет ли удержать привычный и как будто требуемый, а со всех сторон ненужный, пафос. Еще молодому можно жалеть себя за разлуку с молодым, а старому — о чем жалеть, если веришь в бога и что мы в нем и живем и умираем? Прощайте пока. Целую милого Шкарвана и всех друзей.

Л. Т.

Датируется на основании пометы Т. Л. Толстой на копии этого письма в копировальной книге писем Толстого. Ответ на письмо А. К. Чертковой от 3 апреля н. с. 1898 г. о болезни А. Шкарвана.

[1] Запись, которую сделал Шкарван в своем дневнике после кровоизлияния из легких, происшедшего на почве туберкулеза. Шкарван писал, что «тихое спокойствие... было главным явлением, сопровождающим болезнь». А. К. Черткова переслала Толстому выписку из дневника Шкарвана.

[2] В письме нарисован круг, в верхней части которого написано «Здешняя жизнь», а в боковой части: «Освобождение».

[3] Иван Петрович Брашнин (1826—1898), московский купец, сочувствовавший взглядам Толстого.

[4] А. Н. Дунаев.

[5] Иверская икона божьей матери, считавшаяся чудотворной.

* 493.

1898 г. Марта 29. Москва.

Хотя вы и не велите этого, пишу вам последнему, усталый после кучи писем. Правда, письмо Гале писано и вам. Теперь же вам о делах. Я послал письмо в Пет[ербургские] Вед[омости, призывая русское общ[ество] к помощи. Соф[ья] Андр[еевна] была в это время в Петерб[урге], [1] и я попросил ее узнать у Ухт[омского], напечатает ли он мое письмо. Она телефонир[ала] ему, он приехал и сказал ей, что, по его мнению, лучше всего поселить духоб[оров] в Манджурии, что можно бы устроить так, чтобы правительство на свой счет выслало их туда. Край же это мирный, миролюбивый, китайский, а между тем благодаря строящейся русск[ой] жел[езной] дороге в связи с Россией. Всё это очень мне понравилось. Ухт[омский] хотел

приехать в Москву и переговорить обо всем, но вот прошла неделя и его нет. [2] Накашидзе, [3] к[оторый] был в Петерб[урге], виделся с ним, и они составляли с Меньшиковым [4] записку для подачи Правит[ельству] об этом деле. Всё это до сих пор в самом неопределенном положении. Когда что решится, напишу вам. Мне же этот план очень нравится. Есть в Москве два молодых человека Гучковых, [5] сыновья богатого фабриканта. Они образован[ные] люди и Дон-Кихоты в хорошем смысле слова — ищут случая служить людям, жертвуя собой. Ездили на голод, на холеру, в Армению защищать армян от курдов, один ездил к молоканам, у кот[орых] отняли детей, и потом ездил к архиер[ею], к губерн[атору], и хотел ехать к Победон[осцеву], когда Тане удалось кончить это дело. [6] Так один из этих братьев уже в Манджурии служит офицером в охран[ной] страже китайск[ой] жел[езной] дороги, а другой уехал вчера. Я просил его разузнать там всё и сообщить.

Ваш план с Кипром тоже хорош, но надо узнать условия. Еще я сделал через знакомого запрос в Техас. [7] Бог решит, как лучше. До сих пор не получаю ответов на вопросы, к[оторые] я послал духоб[орам]. [8] Пожертвования начну собирать, когда решится, напечатает ли Ухт[омский] мое письмо или нет.

Из письма к Буланже [9] узнаете о том, что касается предполагаемого издания. Очень хорошо бы было, если бы это лицо не побоялось прислать вам мое письмо и устроить свидание с вами.

Вот и всё пока.

Что-то давно нет душевного общения с вами и не чувствую вас. А мне это сердечно нужно.

Л. Т.

Поша, Поша дорогой у вас. Как я рад за него и за всех вас. Когда пишу вам, Гале, Буланже, пишу и ему. Но напишу в первый письменный день ему отдельно.

Датируется на основании пометы, сделанной Т. Л. Толстой на копии в копировальной книге. Ответ на письмо от 3 апреля н. с., в котором Чертков писал о своей деятельности по переселению духоборов.

[1] С. А. Толстая ездила в Петербург на концерт, в котором исполнялась симфония Танеева, и пробыла там с 19 по 24 марта.

[2] Редактор «С.-Петербургских ведомостей» Ухтомский обратился к министру иностранных дел М. Н. Муравьеву с письмом о том, что желательно использовать духоборов для колонизации Манчжурии. Министр внутренних дел Горемыкин высказался против этого проекта, заявив, что «письмо кн. Ухтомского является, очевидно, отголоском агитации, происходящей, по имеющимся у меня сведениям, под руководством известного писателя гр. Л. Н. Толстого и в которой принимают участие лица, совершенно неизвестные и никем не уполномоченные на заботы по устройству быта духоборцев» («Дело 1 стола распорядительного отделения канцелярии главноначальствующего гражданских сил на Кавказе о разрешении духоборам выехать за границу» по описи № 260 — XII, ч. 1, л. 28 (ГМТ). Об этом письме-записке, составленной Ухтомским, Толстой сообщает Черткову.

[3] Илья Петрович Накашидзе (1866—1923), сочувствовал взглядам Толстого и помогал духоборам.

[4] Михаил Осипович Меньшиков (1859—1919), журналист, сотрудник реакционной газеты «Новое время».

[5] Гучковы Александр Иванович (1862—1935) и Николай Иванович, впоследствии видные деятели партии октябристов. «Офицер в охранной страже китайской железной дороги» — А. И. Гучков.

[6] Т. Л. Толстая посетила в конце января 1898 г. обер-прокурора Синода Победоносцева и получила от него обещание вернуть молоканам отнятых у них детей.

[7] О возможности получить землю в Техасе писал Толстому Виллард из Чикаго (см. письмо Толстого Вилларду, т. 71, № 176).

[8] Письмо Толстого к духоборам от 19 марта 1898 г. См. т. 71, № 82.

[9] Письмо Толстого к Буланже от 29 марта 1898 г. См. т. 71, № 102.

* 494.

1898 г. Апреля 4. Москва.

4 апреля.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич],

После того, как я писал вам, случилось вот что: утром говорят мне, что приехали два человека с Кавказа. Это были духоборы: Планидин Пав[ел] Вас[ильевич], ваш знакомый, [1] и Чернов. [2] Они приехали, разумеется, без паспортов, чтобы сообщить сведения и узнать всё касающееся их дела. Переговорив с этими дорогими друзьями и узнав всё, я решил послать их в Петерб[ург], к Ухтомскому, от к[оторого] я всё не получал ответа. Они поехали, пробыли там день и вернулись — видели Ухтомского, Сыромятникова (Сигма), [3] к кот[орому] послал их Ухтомский, и Дитерихсов — дедушку [4] и И[осифа] К[онстантино-

вича]. Ухт[омский], как я вижу, ничего не может сделать. Он даже не напечатал мое письмо, а это бы очень нужно, и до сих пор ничего не отвечал мне определенного. Планы его мне тоже перестали нравиться. Он говорит уже не о Манджурии, а о китайском Туркестане около Кульджи. Главное то, что, как говорят Планидин и Чернов, выселиться туда, где русское правит[ельство] может опять захватить их, им нежелательно. Кроме того, они твердо держатся того, что написано в их прошении по инициативе Веригина, [5] что они желают выселиться в Америку или Англию. Главное же то, что я понял из беседы с ними, это то, что им нельзя уходить, оставив детей в Якутск[ой] [6] и своих старичков в изгнании. И потому я думаю, что им надо ходатайствовать об освобождении. В этом смысле я написал им прошение, [7] кот[орого] копию посылаю. Они обдумают дома это прошение и тогда подадут его. Дальнейшие подробности обо всем передадут вам Шанкс [8] и Иенкен, [9] кот[орые] будут у вас, вероятно, скоро после этого письма. Так что до сих пор Кипр представляется самым удобным местом. Страшно только за нездоровый, лихорадочный климат.

Пожертвований собралось около 1500 р[ублей], но я еще не приступал к собиранию. Хорошо то, что, по рассказам Планид[ина] и Черн[ова], кроме 50 т[ысяч] [10] расселенных и Карских, если они продадут всё, соберется тысяч полтораста. Они трогательно поучительны. Планидин, видно, с любовью особенной вспоминает про вас всех в Лизиновке.

Пришлите мне, пожалуйста, по-русски «Мысли о боге» [11] и выписки из дневников. Шмит просил меня просмотреть его исправление перевода Шк[арвана], а у меня нет оригинала. [12] Что он, наш дорогой, опережающий нас путешественник? [13] Передайте ему мою любовь.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 227.

[1] Павел Васильевич Планидин, духобор, приезжал осенью 1896 г. к Чертковым в имение Лизиновку, чтобы познакомить их с положением духоборов.

[2] Дмитрий Чернов, духобор. О нем см. письмо Толстого к Т. Л. Толстой и М. Л. Оболенской, т. 71, № 331.

[3] Сергей Николаевич Сыромятников (1860—1934), псевдоним «Сигма», сотрудник газеты «Новое время».

[4] Константин Александрович Дитерихс.

[5] Петр Васильевич Веригин (1862—1924), с 1886 г. руководитель большей части духоборов. С 1887 по 1902 г. Веригин был в ссылке, сперва в Шенкурске, потом в Березове и, наконец, в Обдорске. В 1902 г. был освобожден и переехал в Канаду, где проживали переселенцы-духоборы. По совету Веригина, духоборы решили переселиться в Америку и подали в 1897 г. прошение императрице Марии Федоровне, приезжавшей на Кавказ, ходатайствуя о разрешении выехать за границу. См. т. 71, стр. 314.

[6] Молодые духоборы, сосланные в 1897 г. в Якутскую область после отбытия наказания в дисциплинарном батальоне.

[7] Прошение Николаю II, составленное Толстым 2 апреля 1898 г. от имени духоборов, см. т. 71, письмо № 107.

[8] Мария Яковлевна Шанкс (р. 1866), дочь англичанина, владевшего магазином в Москве, сестра жены Моода.

[9] Наталия Александровна Иенкен (1863—1927), художница, в то время сочувствовавшая взглядам Толстого.

[10] Общественный капитал в 50 тысяч рублей, образовавшийся от ликвидации имущества тифлисских духоборов при принудительном выселении их из сел.

[11] Мысли о боге, выбранные Чертковым из разных писаний Толстого и переведенные им на английский язык.

[12] Е. Шмит в письме от 8 апреля н. с. просил Толстого просмотреть «Мысли о боге», переведенные на немецкий язык Шкарваном.

[13] Толстой называет А. Шкарвана «опережающим нас путешественником», предполагая, что тяжело больной Шкарван близок к смерти.

* 495.

1898 г. Апреля 5. Москва.

Посылаю еще два бланка для отсылки письма. Прилагаю еще копию с письма Меньшикова, из кот[орого] вы увидите отчасти отношение правит[ельства] к этому делу. [1] Вчера был запрос о деньгах [2] — что вам расскажут Шанкс и Иенк[ен]. Буду стараться всеми средствами скрыться и не мешать своим именем делу, но перестать служить ему никак не могу. И буду вместе с вами и со всеми друзьями и братьями делать, что бог укажет.

Если можно, вычеркните из Хр[истианского] Учения в главе X параграф 5. Мысль, выраженная там, мне очень дорога, но выражена совсем дурно и не точно и вводит в соблазн людей, как я это видел на опыте. [3]

Прощайте. Что Шкарван?

Пишите кроме дела и душевное письмо.

Мне этого всегда нужно.

Л. Т.

Дата определяется путем сопоставления с письмом от 6 апреля (№ 496), написанным на другой день после комментируемого письма.

Ответ на письмо Черткова от 12 апреля н. с., в котором Чертков сообщает, что письмо Толстого в редакции иностранных газет переведено, и просит прислать бланки за подписью Толстого для того, чтобы разослать письмо в редакции разных газет.

[1] М. О. Меньшиков в письме от 28 марта написал подробно о переговорах с Ухтомским относительно переселения духоборов. Ухтомский находит желательным переселить духоборов не в Манчжурию, а в Китайский Туркестан.

[2] Запрос московского обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова в редакцию газеты «Русские ведомости» о лицах, пожертвовавших через редакцию деньги на помощь духоборам.

[3] Отвечая на предложение Толстого вычеркнуть § 5 в гл. X книги «Христианское учение», Чертков в письме от 2 мая сообщал: «У нас теперь почти вся книга набрана, стереотип сделан и шрифт разобран, так что сократить это место значило бы почти все заново набрать». Приведя ряд соображений в защиту этого параграфа, Чертков писал: «Но если вы, несмотря на то, будете настаивать, то мы, разумеется, уже беспрекословно исполним ваше желание и все наберем и будем стереотипировать вновь». Толстой согласился не вычеркивать этот параграф.

* 496.

1898 г. Апреля 6. Москва.

6 апреля.

Главная цель приезда Планидина и Чернова состояла в том, чтобы просить кого-нибудь из наших друзей съездить в Обдорск к Веригину. Они привезли на этот предмет 300 р[ублей], из пожертвованных им, прибавил еще 100. Главное, им хочется сообщить ему всё, что у них делается, об его (Веригина) родителях и о положении всей большой партии. [1] Хочется, разумеется, и получить о нем сведения и от него советы.

Мы решили просить ехать Балахова [2] — помните, молодой, умный очень, фабричный, он служит теперь у Дунаева. Дунаев нашел Балахову рыбные поручения в Обдорск. Балахов же сам человек очень умный, твердый и памятливый — он не берет никаких бумаг и всё передаст устно и, по всем вероятиям, доедет. Он поехал теперь проститься в деревню и приготовиться и завтра или послезавтра уезжает 7[-го] или 8[-го]. Он передаст Вер[игину] и прошение Гос[ударю], кот[орое] он выучил на-

изусть. Всё это я пишу только с Ш[анкс] и Иен[кен] п[отому], ч[то] считаю нужным соблюдать самую большую осторожность. Осторожность эту надо соблюдать даже у вас. Здесь до такой степени дурно настроено правит[ельство] против духоб[оров], что третьего дня б[ыло] напечатано пожертвование Моода, Сергеенко [3] и неизвестного в Рус[ских] Вед[омостях] и в тот же день в Редакцию пришла бумага от (увы!) Трепова, [4] требующая названия жертвователей и доставления денег в казначейство.

Рус[ские] Вед[омости] ответили, что деньги уже переданы мне и представили в этом расписку.

Прощайте.

Л. Толстой.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 227; Б, III, стр. 302. Письмо это было переслано Черткову с уезжавшими в Англию М. Я. Шанкс и Н. А. Иенкен.

[1] В 1886 г. духоборы после смерти их руководительницы Л. Калмыковой разделились на две партии — большую (около 14 тысяч человек), руководителем которой был П. В. Веригин, и малую (около 6 тысяч человек). Духоборы большой партии, приверженцы Веригина, подвергались преследованиям за отказ от военной службы и неподчинение властям.

[2] Петр Алексеевич Булахов поехал к Веригину, предварительно выучив наизусть прошение духоборов к Николаю II, которое должен был сообщить Веригину. В пути Булахов был задержан и выслан из пределов Тобольской губ.

[3] Петр Алексеевич Сергеенко (1854—1930), журналист.

[4] Дмитрий Федорович Трепов (1855—1906), с 1896 по 1905 г. московский обер-полицмейстер.

* 497.

1898 г. Апреля 6. Москва.

6 апреля.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич],

Получил вашу телеграмму и пишу скорее, чтобы успокоить вас. Я не прошу никаких мер помимо комитета. Я и так всегда боюсь что-нибудь решить и взять на себя, а осо-

бенно в таком важном деле, и очень рад, что есть такой комитет.

Мнение тех д[ухоборов], кот[орые] были здесь, и мнение очень основательное, такое (я думаю, что таково будет и мнение их всех): 1) что т[ак] к[ак] в прошении, сочиненном Вер[игиным],[1] сказано, что они просятся выселиться в Англию или Америку, то до нового предложения или мнения Вер[игина] они будут держаться Англии или Америки. 2) Самый главный вопрос для них — это судьба их призывных сыновей и сосланных старших, кот[орая] должна быть решена прежде какого-либо их решения; и 3) то, что во всяком случае они не могут выехать, не получив ответа от Вер[игина] и прежде уборки посеянного хлеба. Т[ак] к[ак] им препятствовали в их обычном промысле, в извозе, то оставшиеся на местах, в особенности карские, посеяли очень много хлеба, так много, что продажа этого хлеба при хорошем урожае может дать десятки, если не сотни тысяч рублей. И потому о выселении их сейчас нечего и думать. Манджурия, мне кажется, может быть избрана только в том случае, если правительство возьмется на свой счет перевезти их и даст им ручательство в том, что там они не будут принуждаемы к военной службе, что почти невозможно.[2] О свидании с Ухт[омским] и о том, что узнаю от него, напишу вам.

Подробнее пишу с оказией.

Прощайте. Привет всем друзьям.

Л. Толстой.

Ответ на неизвестную телеграмму Черткова. Повидимому, содержание телеграммы совпадало с содержанием письма Черткова от 12 апреля н. с. В этом письме Чертков сообщал, что квакеры образовали в Лондоне комитет по организации переселения духоборов, и советовал ничего не предпринимать помимо этого комитета. Комитет подготавливал переселение духоборов на о. Крит.

[1] Прошение, поданное на имя императрицы Александры Федоровны. Веригин просил ее ходатайствовать перед царем о разрешении духоборам выехать в Америку. Прошение осталось без ответа.

[2] Чертков отнесся резко отрицательно к проекту переселения духоборов в Манчжурию, предполагая, что правительство желает использовать их лишь для колонизации этого края, который оно хочет захватить. Чертков писал об этом Толстому в письме от 17 апреля н. с. 1898 г.

* 498.

1898 г. Мая 4. Гриневка.

Очень внимательно, п[отому] ч[то] с величайшим интересом и сознанием важности дела, прочел вашу статью: *Где бр[ат] тв[ой]?*[1] Что она очень понравилась мне, вы увидите по отметкам, кот[орые] я ставил в ней, цифрами, означая 5-ю то, что мне особенно понравилось, и не означая никак то, что просто хорошо, и сделав замечания там, где мне не понравилось. Конец, вами приписанный, ничего не говорит нового и ослабляет впечатление тем, что в нем слишком явно желание авт[ора] вызвать известное впечатление. Начало же 4-й главы ($3^1/_2$ стр.), если поставить их в конце с небольшими переменами и добавлениями и с прибавкой самого короткого обращения из окончания на 57 и 58 стр[аницах] или только пяти строк 58 стр[аницы].

Знаю, как вы серьезно относитесь к своим работам и в особенности к этой, имеющей большую важность, я уверен, что вы внимательно взвесите мои доводы и пересмотрите всю работу, и только тогда решите. Мне особенно нравится спокойно кроткий, призывающий к рассуждению тон, и потому надо выпустить все места, резко осуждающие церковь. Об этом предмете нельзя говорить вскользь. Говоря неуважительно, вскользь, только раздражаешь и враждебно располагаешь читателя. И нравится мне очень мысль о том, как государство, если его цель — благо народа, должно бы относиться к таким людям, как дух[оборы].

Подробное описание положения духоборов из 4-й главы с стр[аницы] 35-й надо бы перенести в дополнение. Можно бы сделать два дополнения: одно о положении дух[оборов], другое — об их отношении к гонителям (их письма). Боюсь, что запутаю вас своими замечаниями, но надеюсь, что вы возьмете то, что хорошо, и откинете то, что неисполнимо. Но не откладывайте, пожалуйста, кончайте. Это очень хорошо и важно и практически м[ожет] б[ыть] полезно. Это *доброе дело*. Главное, не бойтесь выключать. Надо как с уравнениями поступать, приводя их в простейший вид. У вас там так много хорошего, что исключение всего, отягощающего статью, только улучшит ее. Со мной всегда так бывает — выключаешь слабое, малосущественное и невольно по дороге вставляешь кое-что существен-

ное, и то, что прежде возвышалось, опускается, а возвышается совсем другое, новое, и понемногу всё меньше остается жира и всё больше мускулов. А [у] вас их тут много: и разъяснение причин неведения власти, и ложного представления о толстовск[ом] влиянии и вся программа, что делать, и, главное, дух христ[ианский], в к[отором] всё написано.

Так вот — помогай вам бог, как можно лучше и скорее окончить это дело, очень важное. Отвечаю теперь по пунктам. Письма ваши два те, с к[оторых] вы посылаете копию, я получил давно и, кажется, отвечал на них. Статью вашу сейчас отсылаю с Стаховичем, [2] к[оторый] приехал сюда и возвращается в Орел.

2) Выпускать §, о к[отором] я писал, [3] разумеется, не нужно. Ваши доводы совершенно справедливы.

3) О духоб[орах] я писал в письме к Поше. [4] Нового ничего нет.

4) О переводе на немец[кий] язык мыслей о боге [5] тоже совершенно согласен.

5) Лицо, желавшее дать деньги на журнал, видно заробело. Очень меня интересует это дело. Успех его был бы очень желателен. Пишите мне подробнее о нем.

6) Последнее и самое важное, о вашем душевном состоянии. Вы меня напугали бы, если бы я не б[ыл] уверен, что вы этого серьезно не думаете, тем, что считаете, что падение может содействовать раскаянию и подъему духовному. Я думаю (так себе представляю и в пути к совершенству: будьте совер[енны], как о[тец] в[аш] н[ебесный]), к совершенству любви в этой жизни ступени расположены прогрессивно так: что чем выше, тем и ступень выше, и потому, поднявшись на одну ступень, кажется, что или некуда, или не в силах подниматься выше, а между тем, стоя твердо и довольно без уныния на той ступени, к[оторую] одолел, утверждаешься, растешь сам. И приходит время и поднимаешься на следующую, к[оторая] совершенно не похожа на предшествующую, и потому часто сначала не видишь ее и получаешь такое же нравственное, хотя и совершенно другого характера, удовлетворение, как и то, к[оторое] получал при прежнем подъеме. Для того, чтобы это было, нужно смирение, довольство тем, что ты есть, и признание себя тем, что ты есть, а не воображение себя выше того, что ты в самом деле. Для того, чтобы подняться на высшую

ступень, надо, чтобы под ногами была не слабая насыпь, а твердая, утоптанная почва. Надо не отчаиваться на себя и знать, что, как неожиданно, непонятно поднял тебя бог (в тебе) на ту ступень, на кот[орой] ты стоишь, так же неожиданно, непонятно поднимет и на следующую. А желать пасть для того, чтоб испытать наслаждение подъема, это всё равно, что спуститься с той ступени, на кот[орой] стоишь, для того, чтобы подняться на высшую, и не для того, чтобы подниматься, а для того, чтобы наслаждаться процессом подъема. Кажется мне, что это так.

Прощайте, милый друг. Передайте мой привет всем друзьям, начиная с Гали, Поши, Буланже, Шкарвана, Абрикосова, Кенворти, Моодам, Мар[ье] Ник[олаевне], Кате, Аннушке, Димочке, Цец[илии] Влад[имировне], Марье Викторовне, Павле Николаевне — приятно перечислять и всякого вспоминать — и всем — Сукачеву. [6] На днях у меня были Линденб[ерг] [7] и учитель. [8] Да я писал про это. [9]

Сейчас воскресенье и под окнами проехали из столовых забираться. [10] Соня невестка [11] выдает. Я ничего целую неделю не пишу, но мне довольно хорошо. Кажется, что после московской суеты укладываются по местам впечатления и выделяются нужные мысли. Прощайте, милые друзья, очень, очень люблю вас.

Еще перечел, дочтя до конца, кот[орый] мне не нравится, и думаю, что три с половиной стр[аницы] с начала 4-й главы надо перенести в самый конец. И тут прибавить краткое обращение к читателю хотя бы с стр[аницы] 58, из окончания.

Доводы же — очень важные — о том, что правительство, разорившее духоборов, обязано помочь их выселению, поместить там, где говорится о мерах, к[оторые] должно принять.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 229; «Толстой и Чертков», стр. 268. Ответ на письма Черткова от 14 апреля и 2 мая н. с. В первом из этих писем Чертков писал, что посылает рукопись своей неоконченной статьи «Где брат твой?» и просит просмотреть ее «с карандашом в руке». Во втором письме Чертков писал, что находится «в распущенном душевном состоянии», но все же отдает много времени издательским делам и переселению духоборов.

[1] В. Чертков, «Где брат твой? Об отношении русского правительства к людям, не могущим становиться убийцами», Purleigh, 1898.

[2] Михаил Александрович Стахович (1861—1923), знакомый семьи Толстых, в то время орловский предводитель дворянства.

[3] § 5 в гл. X книги «Христианское учение». См. письмо № 495.

[4] Письмо к П. И. Бирюкову от 1 мая 1898 г. (т. 71, № 124).

[5] Чертков писал в письме от 2 мая н. с., что Толстой напрасно тратит время на исправление немецкого перевода «Мыслей о боге», так как после издания этой работы на русском языке и точного английского перевода проверить переводы на другие языки сможет кто-нибудь иной.

[6] Владимир Сукачев, молодой человек, эмигрировавший из России. Одно время был в Канаде учителем среди духоборов. В 1902 г. покончил жизнь самоубийством.

[7] Герман Романович Линденберг, один из сотрудников Толстого по работе во время голода 1891—1892 гг.

[8] Учитель Губонин из Полтавы.

[9] См. письмо Толстого к Бирюкову (т. 71, № 124).

[10] Толстой писал это письмо из имения своего сына И. Л. Толстого Гриневки Чернского уезда Тульской губ., где он жил с 23 апреля по 27 мая, организуя помощь пострадавшим от неурожая.

[11] Софья Николаевна Толстая (1867—1934), жена И. Л. Толстого.

* 499.

1898 г. Мая 23. Гриневка.

Мне пишет редактор журнала «Humanitarian», London, Paternoster Row, 34, V. Martin, [1] что он желал бы поместить какое-либо мое писание, хотя бы и из прежних. Если вы найдете, что это стоит того, войдите с ним в сношения.

Мне скучно без ваших писем. А здесь долго не приходят. Спасибо за длинное последнее № 43. [2]

На обороте: Англия, Angleterre, V. Tchertkoff, Mill House, Maldon, Essex.

Открытое письмо. Датируется днем, предшествовавшим дате штемпеля отправления.

[1] Письмо V. Martin'a в архиве Толстого не разыскано, и сведений о нем найти не удалось.

[2] Чертков в письме от 17 мая н. с., помеченном № 43, высказывал мнение о статье Толстого «Carthago delenda est» («Карфаген должен быть разрушен»).

* 500.

1898 г. Июня 6...7. Я. П.

Посылаю вам, дорогие друзья, очень интересное и важное письмо Comings'а [1] о месте для поселения дух[оборов]. Мне кажется, очень хорошо.

Я около месяца не имею никаких известий о вас (кроме записочки от Поши). Предполагаю, что вы пишете с кем-нибудь.

Я был болен, [2] теперь совсем поправился и живу в Ясной.

Л. Т.

[1] Письмо Comings'а не разыскано, и установить его содержание не удалось.

[2] Толстой был болен дизентерией с 30 мая по 5 июня.

* 501.

1898 г. Июня 24. Я. П.

Après rechute rétabli convalescent. Lettre suit.

Tolstoy.

После повторного приступа выздоравливаю. Письмо следует.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометки на телеграфном бланке. Ответ на телеграфный запрос Черткова о здоровье Толстого.

* 502.

1898 г. Июня 24. Я. П.

Дорогие друзья,

Сейчас отослал телеграмму и пишу 4-е письмо, из чего вы можете судить, что я совсем поправляюсь. Болезнь моя была сначала дисентерия, потом очень большие боли и жар и слабость. Теперь всё прошло. У меня живет Жозя, [1] но, к сожалению, завтра уезжает. Не переставая думаю о духоборах и кое-что делаю и буду делать, если бог велит. Напишите, что у вас сделано, сколько собрано? Куда решено? Сколько переселяющихся? Очень рад б[ыл] вашему письму, дорогой В[ла-

димир] Г[ригорьевич]. Это самое мне нужно от вас, нужно знать ту внутреннюю работу, к[оторая] идет в вас.

Не согласен я с последним, что нужно общаться с несчастными East-End'a, [2] по-моему, нет: это праздно мучительно. Нельзя руками останавливать поезд, давящий людей, или присутствовать при этой давке, если есть возможность быть на тендере и управлять паром, остановить. Только бы чувствовать, что отдаюсь на это весь. Много хочется поговорить и поговорю после, а теперь прощайте. Что Шкарван? Мне рассказал Абрик[осов], [3] и я очень порадовался. Что Хилков? [4] Как я рад, что он с женой и с вами. Дай бог ему всего хорошего. Шкарвану не знаю, чего желать. Только бы он оставался, каким есть. Ему хочется написать. Ну, прощайте. По переменкам, но пишите почаще. Мой привет всем.

Л. Т.

Датируется 24 июня, так как в этот день Толстой послал упоминаемую в письме телеграмму. Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 230.

[1] Иосиф Константинович Дитерихс, гостивший в Ясной Поляне с 21 июня.

[2] Ист-Энд (East-End) — восточная часть Лондона, населенная беднотой.

[3] Х. Н. Абрикосов писал Толстому из Швейцарии об улучшении здоровья Шкарвана.

[4] Д. А. Хилков, приехав в Англию, принял участие в переселении духоборов и осенью 1898 г. уехал в Канаду, где вел переговоры о предоставлении земли для духоборов.

* 503.

1898 г. Июня 28. Я. П.

Дорогой Влад[имир] Гр[игорьевич]. Передайте это письмо Д[митрию] А[лександровичу], [1] разумеется, всё для всех. Передайте мою любовь Ивину и Махортому [2] с их семьями и расскажите им всё, что писано в письмах. Хотел написать нынче же на Кавказ о том, чтобы они составили точную смету отъезжающих и расхода, к[оторый] они знают, но затеряли адрес верный. Напишу, когда приедет Жозя. Если у вас есть адрес, то напишите о смете.

Это первое и главное дело: сколько нужно денег, и потом, сколько недостает.

Не могу без ужаса думать о вчерашнем известии.[3] Истинно, гораздо легче мне бы — именно мне, к[оторый] и так наверно не увидит уж никого из вас — узнать о смерти кого-либо, чем это. Ведь ужасно то, что если мы не выдержим и недобро поступим с человеком, чуждым по вере, то это только признак слабости, грех, «сорвался», но когда возникает нелюбовь, вражда между нами, исповедующими одну веру — веру в то, что жизнь только в служении богу, а служение только в любви, то это признак, что кто-нибудь из двух, или оба, не верят и обманывают сам[их] себя. Неужели это так? Это ужасно. Мне это, теперь больному, особенно видно, п[отому] ч[то], когда чувствуешь себя близко к смерти и за ней к богу — яснее, живее чувствуешь, что ему от нас нужно. Простите, милые друзья. Целую вас.

Л. Толстой.

На конверте: Англия, Angleterre, V. Tchertkoff, Mill House, Purleigh.

Датируется 28 июня, так как письмо А. К. Чертковой, о котором упоминается, было получено Толстым 27 июня (см. т. 53, стр. 199).

[1] Письмо Д. А. Хилкову о переселении духоборов.

[2] Иван Васильевич Ивин и Павел Васильевич Махортов, уполномоченные, посланные духоборами за границу для ведения переговоров о переселении.

[3] Письмо А. К. Чертковой о столкновении между В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым и П. А. Буланже из-за разногласий по поводу редактирования журнала, подготовлявшегося Чертковым и Бирюковым, и споров при выборе места для переселения духоборов.

* 504.

1898 г. Июня 30? Я. П.

Какое ужасное известие вы мне сообщили, милая Галя. Не могу опомниться и примириться. Вы пишете кратко, но сущность дела ясна. Недостало терпимости, смирения, любви, и между кем же? Между людьми, в сознании своем всем пожертвовавши[ми] для служения богу. Как очевидно мы обманываем

себя! И как правы наши враги, обвиняя нас в лицемерии. Мало они бранят и презирают нас и мало мы пользуемся их уроками. Искренно говорю «мы», не только не исключая себя, но вполне признавая себя виноватым (сотни раз) в том, что так огорчает меня в других: в несмирении, гордости, упрямстве, в забвении бога. Главное, как очевидно из этого, до такой степени мы обманываемся насчет себя (разумеется, мы не лицемеры сознательно, но мы фарисеи, довольные собой) и как забываем тотчас же то, что одно важно, и во имя таких пустяков, как дело и свой взгляд на него, жертвуем этим. Мы говорим о боге, о любви, об исполнении его воли и что в этом жизнь, а как только явятся противники нашей воли, мы всё забываем. Если уж мы не можем во всех делах жизни ставить выше всего его волю, то по крайней мере признаем, что мы не знаем бога, не верим в бога и не поставили свою жизнь в исполнении его воли. Тогда у нас будет больше смирения, и мы найдем средства общения доброжелательного с людьми. А то мы считаем себя исполнителями воли бога, разжигаем свою гордость и при всяком столкновении не можем совладать с своей разросшейся от гордости личностью. Всё это говорю прежде всего о себе. Я с сыновьями не могу (не со всеми) стать в любовные отношения, — на днях огорчился на Льва и огорчил его [1] — не могу часто с женою, — а думаю, что служу богу, что в этом полагаю жизнь. Нет, еще далеко до этого. И лучше знать свою плохоту и смириться. Тогда легче уживешься.

Ужасно это стыдно. Но будем знать это, спустим мнение о себе, сколько возможно. Напишите поскорей поподробней. Я всё еще не справился и очень слаб.

Жозя вчера уехал. Я его полюбил. Обещался приехать с Ольгой. Очень буду им рад.

Л. Т.

Moneta [2] из «Vita internationale» пишет мне, прося прислать ему статью Carthago Delenda, но я послал ее вам. Я пишу ему, чтобы он обратился к В[ладимиру] Г[ригорьевичу]. Прилагаю его письмо. Дайте ему экз[емпляр] статьи, если это не помешает вам.

Ответ на письмо А. К. Чертковой, сообщившей о разногласиях между В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым и П. А. Буланже. Комментируемое письмо написано несколько позднее, чем предыдущее письмо, так как

Толстой здесь уже сообщает об отъезде из Ясной Поляны И. К. Дитерихса, который жил там до 28 июня.

[1] Столкновение Толстого с сыном произошло из-за напечатанной в газете «Новое время» повести Л. Л. Толстого «Прелюдия Шопена». Об этом см. Дневник Толстого 22 июня 1898 г., т. 53, стр. 199.

[2] Монета (Moneta), редактор миланского журнала «La vita internationale» («Международная жизнь»), который просил Толстого высказать свое отношение к войне и милитаризму. Толстой предложил Moneta обратиться к Черткову с просьбой предоставить статью «Carthago delenda est», посланную Черткову для опубликования за границей. Статья была напечатана в «La vita internationale» от 20 сентября 1898 г

* 505.

1898 г. Июля 6. Я. П.

Получил оба ваши письма, милые друзья, и ваше, В[ладимир] Г[ригорьевич], совершенно согласившись с ним, по желанию вашему уничтожено. Ваше же, А[нна] К[онстантиновна], прочел с особенным интересом. То, что вы пишете о воспитании, очень интересно и важно. Нельзя быть достаточно внимательным и строгим к себе и другим в этом отношении. По нашему религиозному мировоззрению, все наши дела — как вы верно пишете — должны быть совсем иные, новые, в особенности воспитание, но к некоторым вещам мы так привыкли, что не видим их противоречия с нашей верой, и вот тут и надо нам помогать друг другу. Один видит одно, а не видит другого, и наоборот. Ваш разговор с Моодом служит этому прекрасной иллюстрацией. Я уверен, что в другом отношении этот же милый Моод укажет вам и мне того верблюда, которого мы проглатывали, не замечая, и кот[орый] ему виден.

Простите, что я вам в предшествующих письмах писал как бы укоризны и обличения. Я никакого не имею права на это, права в своей совести. Это я от нездоровья. Теперь я совсем здоров. Несмотря, однако, на то, что я был слаб и нездоров, когда писал, одно я и теперь повторяю, а именно просьбу о том, чтобы составить смету нужных расходов для переезда дух[оборов] и прислать мне. [1] Еще думаю, что нехорошо временно селиться на Кипре. Надо сразу ехать на то место, где останутся.

Жду Жозю с Ол[ьгой] К[онстантиновной] с обещанными более подробными сведениями.

Передайте мою любовь Шкарвану. Живо [2] представляю себе его душевное состояние, временами возмущения животного, и всей душой желаю и верю, что возмущения эти всё реже и реже, что дух преобладает и он живет им. Напишите мне про него и от него что-нибудь. —

Прощайте. Рад слышать, что вы не унываете. Не унывайте и когда разъедутся друзья, [3] мы все вместе, если только мы с богом.

Только горе в том, что сказать это легко, а точно жить для одного бога ужасно трудно. Но можно и будем стараться.

Таня больна, лежит 3-й день, дизентерия. Нынче получше.

Вчера была Анненкова и Дунаев. Разумеется, говорили и думали про всех вас.

Л. Т.

6 июля.

Письмо ваше о воспитании очень хорошее.

На конверте: Англия. Заказное. Angleterre, Mill House, Purleigh, Maldon, Essex. V. Tchertkoff. Черткову, Эссекс Registered.

Ответ на письмо от 26 июня н. с., в котором А. К. Черткова писала о вопросах воспитания и преподавания.

[1] Смета на переселение духоборов была прислана Чертковым в письме от 1 сентября н. с. После исправления она была напечатана в «Листках Свободного слова» 1898, № 2.

[2] *В подлиннике:* Живу

[3] А. К. Черткова писала Толстому, что из Англии уезжают М. Н. Ростовцева, А. Шкарван и Х. Н. Абрикосов.

* 506.

1898 г. Июля 14. Я. П.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич],

Получил оба ваши письма № 45 и 46. На 45 отвечаю отчасти в письме к Гале. [1] Перевод Х[ристианского] У[чения] очень хорош. 6 листочков с подписями посылаю. [2]

Теперь на № 46.

О болезнях и приближении к смерти мне всегда неприятно думать. Всё это — как, где, когда умрем — в области нам

недоступной, божьей, и в нее вмешиваться не следует. Но вы так настаиваете, что я постараюсь исполнить ваше желание. Видеться с вами, разумеется, я хочу и в моих desultory [3] мечтаниях еду в Англию и живу в Эссексе со всеми друзьями и работаю свой огород.

Теперь о делах, о духоб[орах].

Так как выяснилось теперь, как много еще недостает денег для переселения духоборов, то я думаю вот что сделать: у меня есть три повести: Иртенев, [4] Воскресен[ие] и О. Сергий (я последнее время занимался им и начерно написал конец). Так вот я хотел бы продать их на самых выгодных условиях в англ[ийские] или америк[анские] газеты (в газеты, кажется, самое выгодное) и употребить выручен[ное] на переселение духоборов. Повести эти написаны в моей старой манере, кот[орую] я теперь не одобряю. Если я буду исправлять их, пока останусь ими доволен, я никогда не кончу. Обязавшись же отдать их издателю, я должен буду выпустить их, tels quels. [5] Так случилось со мной, с повестью Казаки. Я всё не кончал ее. Но тогда проиграл деньги и для уплаты передал в редакцию Р[усского] В[естника]. Теперь же случай гораздо более законный. Повести же сами по себе, если и не удовлетворяют теперешним требованиям моим от искусства — не общедоступны по форме — то по содержанию не вредны и даже могут быть полезны людям, и потому думаю, что хорошо, продав их как можно дороже, напечатать теперь, не дожидаясь моей смерти, и передать деньги в комитете для переселения духоб[оров].

Вот это, написанное между двумя чертами, [6] я писал так, чтобы можно было, переведя, напечатать как предисловие к этим повестям или вообще, как окажется нужным.

Теперь, как устроить, чтобы получить, как можно больше денег? Я думаю, что следует вам, близким друзьям: Вы, Поша, П[авел] А[лександрович], Кенворти, Моод (в особенности имею уважение к практичности Моода) и решить, как наилучше поступить, чтобы выбрать больше денег, и напишите мне. Я же надеюсь не встретить дома больших препятствий, если же и встречу — надеюсь побороть их. Здесь я еще никому не говорил про это. Надобно и среди вас, пока не решится, не распро-

странять про это, и если не надеетесь на discretion [7] друзей, то скажите только Мооду и с ним решите. Я же сейчас принимаюсь за приведение в наилучший порядок этих вещей.

Эта мера поможет мне еще в том отношении, что, отдав эти свои сочинения для дела переселения, мне будет удобнее обратиться к разным богатым лицам с просьбой о пожертвованиях на дело переселения.

Насчет человека, к[оторый] бы помог дух[оборам] в переезде, нет никого лучше Суллерж[ицкого], кот[орый] как раз писал мне на днях, предлагая свои услуги духоб[орам]. Затруднение в том, позволят ли ему, и потому я думаю написать с этой же почтой Голицыну, [8] прося его разрешения.

Деньги, кот[орые] собраны здесь, около 5000, находятся частью на мое имя, частью на имя Дунаева, в банке и потому не подвергаются никакой опасности и могут быть нужны здесь. Так что я их подержу еще здесь. Вот покамест всё. Жду ответа поскорее.

Л. Т.

14 июля 1898.

Нынче же прочел рассказ Иртенева и думаю, что не напечатаю его, а ограничусь Воскресеньем и Отц[ом] Серг[ием]. Самое же главное, надо найти переводчика. Хорошо бы было, если бы взял на себя этот труд Моод. Он прекрасно переводит.

Целый день не отсылал письма, и потому всё приписываю. Иртенева нехорошо печатать, п[отому] ч[то] мотив один и тот же, что в О[тце] С[ергие].

Отрывки напечатаны в «Листках Свободного слова» 1898 № 1; Б, III, стр. 310.

Ответ на письмо Черткова от 20 июля н. с., в котором Чертков писал, что в случае серьезной болезни Толстого он будет добиваться разрешения на временный приезд в Россию, и потому просит напомнить Т. Л. Толстой ее обещание сообщать о каждом заболевании отца. Далее Чертков сообщал о заседании квакерского комитета помощи духоборам, на котором было решено немедленно переселить 3500 духоборов, расселенных в горах Терской области, на о. Кипр. Сообщая смету на переселение, Чертков писал, что необходимо немедленно собрать еще 75 тысяч рублей для осуществления этого плана.

[1] См. письмо № 507.

[2] Чистые листки, подписанные Толстым и предназначенные для обращения в английские газеты с просьбой опубликовать призывы о помощи духоборам.

[3] [несвязных, неопределенных]. Повидимому, эти «мечтания» были вызваны обострившимся в это время желанием уйти из Ясной Поляны. См. письмо Толстого А. Ернефельту от 17 июля 1898 г. (т. 71, стр. 410).

[4] «Иртенев» — первоначальное заглавие повести «Дьявол». Историю писания и печатания этой повести см. т. 27.

[5] [таковыми, каковы они есть.]

[6] *В подлиннике часть письма от слов:* Так как выяснилось теперь *и до:* Вот это *заключена между двумя чертами.*

[7] [скромность]

[8] Григорий Сергеевич Голицын (1838—1907), главноначальствующий гражданской частью на Кавказе с 1897 по 1904 г. В ответ на письмо Толстого Голицын разрешил приезд Суллержицкого на Кавказ для сопровождения духоборов.

* 507.

1898 г. Июля 14. Я. П.

Милый друг Галя,

Спасибо, что пишете мне такие обстоятельные и хорошие письма. Я по ним, кажется, понял всё, что у вас было, если только можно назвать, что что-нибудь *было.*

Мне представляется всё дело так: Поша не изменился к вам. Этого и не может быть. Но он по сложным внутренним душевным требованиям желает теперь жить один, независимо. Лучше бы было жить с вами и помочь вам, но кто же не знает тех душевных состояний, в кот[орых] человек чувствует себя негодным для жизни с другими, для служения другим, а нуждается в более или менее полном уединении. Я думаю, что Поша находится в этом состоянии и нисколько не изменился. Не скажу даже, чтоб П[авла] Н[иколаевна] имела на него влияния, такого, к[оторое] было бы несогласно с его душевными требованиями. Этого не может быть, п[отому] ч[то] Поша не подчинится такому влиянию, и, главное, п[отому] ч[то] сама П[авла] Н[иколаевна] такой хороший человек, что не может иметь такого влияния. А просто, живя с нею, П[оша] не может не согласоваться с ее желаниями. Это не может быть иначе. Это так и должно быть и вам, В[ладимир] Г[ригорьевич], надо брать П[ошу], какой он есть (а он, как мы знаем, очень хорош), с его связью с П[авлой] Н[иколаевной], к[оторая] тоже, мы знаем, очень хороша. Если же бы и было, чему я не верю, недоброе расположение к вам, то это ее дело, ее ошибка,

и вам тем более надо не впадать в нее, как вы и пишете и как и делаете. Пускай П[оша] едет, и я уверен, что этот его переезд только скрепит вашу связь, как вы или В[ладимир] Г[ригорьевич] пишете.

Получил с этой же почтой письма В[ладимира] Г[ригорьевича] и Поши [1] и сейчас буду отвечать им, особенно В[ладимиру] Г[ригорьевичу] об очень важных делах. Лева написал уж, что может и согласен исполнить его желание. [2]

О ваших [3] ничего не знаю и каждый день ожидаю их.

Здоровье мое хотя и не совсем, слабость желудка, но хорошо настолько, что могу жить, т. е. работать. Шкарвану, милому, напишу, а пока передайте ему и Абрик[осову] и Мане мою любовь.

Л. Т.

П[авлу] А[лександровичу] я писал вчера.

14 июля.

Ответ на письма А. К. Чертковой от 14 и 18 июля н. с., в которых она писала об отношениях между В. Г. Чертковым, П. А. Буланже и П. И. Бирюковым.

[1] П. И. Бирюков писал Толстому о трениях, которые происходили у него с Чертковым, и сообщил, что намерен уехать в Швейцарию. Письмо Толстого к Бирюкову от 14 июля см. т. 71, № 192.

[2] Среди писем Л. Л. Толстого к Черткову есть одно, относящееся, повидимому, к 1898 г., в котором Л. Л. Толстой пишет, что, по предложению Черткова, переведет ему заимообразно до января 1899 г. 10 000 рублей.

[3] И. К. и О. К. Дитерихс.

* 508.

1898 г. Июля 18. Я. П.

Только что написал вам о своем намерении отдать в печать написанные рассказы, причем написал глупость о том, чтобы вы собрались все обсуждать этот вопрос, глупость, к[оторую] прошу считать comme non avenue [1] и за к[оторую] простите меня. Взялся было за пересмотр и поправку Воскр[есения], и дело пошло хорошо, как случилось опять такое обстоятельство, к[оторое], к стыду моему, растревожило меня так, что

не могу работать, [2] и прошу тоже и мое предложение считать пока, comme non avenue. Про Жозю я ничего не знаю, не знаю, где он.

Телеграмму вашу получил сегодня. Если она относится к посылке Суллер[жицкого], то я написал уже о нем, прося разрешения Голицына. [3] Ответа не получил. Просил ответить телеграммой. Простите, что пишу на не любимом вами письме. [4] Физическое мое здоровье хорошо, но духовное плохо, боюсь не выдержать задаваемого экзамена. А я еще других учу. Прощайте пока.

Л. Т.

18 июля

На обороте: Англия. Angleterre. V. Tchertkoff. Purleigh. Maldon. Essex. England.

Письмо закрытое (секретка). Отрывок напечатан: В. Жданов, «Любовь в жизни Толстого», кн. 2, М. 1928, стр. 168.

[1] [как не бывшую]

[2] Толстой, повидимому, имеет в виду семейные неприятности, о которых он сделал запись в своем Дневнике 17 июля 1898 г. (см. т. 53, стр. 203 и 502).

[3] Письмо Толстого к Голицыну см. т. 71, № 193.

[4] Чертков не раз просил Толстого не писать на бланке закрытого письма (секретках) и на открытках, так как определенный размер этих бланков заранее ограничивает размер письма.

* 509.

1898 г. Июля 21. Я. П.

21 июля 1898 г.

Получил вашу телеграмму о том, чтобы не писать на Кавказ до получения вашего письма (письма еще не получил, вероятно сейчас привезут с почты, тогда я припишу, если надо будет), а между тем нынче получил две телеграммы: одну от Голицына, разрешающего приезд Суллерж[ицкого], а другую от Борисова, [1] извещавшего, что они выезжают и желают помощника. Я телеграфировал Суллеру, чтобы он ехал, и он, вероятно, поспеет во-время.

Теперь о деньгах:

Сейчас я с этой почтой пишу Дунаеву, [2] чтобы он перевел в Лондон около 2000, к[оторые] у него, а остальные не посылаю, не столько п[отому], ч[то] и здесь нужны будут деньги, сколько п[отому], ч[то] я не совсем имею право послать эти деньги, 1000 и 2000, присланные мне для голодающих, духоборам, до тех пор, пока не получу определенного разрешения от жертвователей. — Вот и всё. Теперь о моем намерении напечатать для дух[оборов] мои повести. Я не оставляю этого намерения, хотя предвижу много трудностей, и внешних и внутренних, и хотя сам в дурном состоянии для работы. Несмотря на это, понемножку работаю над «Воск[ресением»] и с удовольствием и $^1/_4$ сделал.

Ольга и Мар[ия] Конст[антиновны] [3] были у нас. Я был очень рад им, много говорил с О[льгой]. Она мне читала письма. Заметка о религиозн[ом] воспитании очень хороша и полезна. [4] Жозя теперь у нас, приехал из Тулы на день. Он в неопределен[ном] состоянии. Ему хочется ехать, но боится, что неопределенно предстоящее ему дело, [5] а главное, ему предлагают выхлопотанные его отцом места и, отказавшись от них, он огорчит отца. Он, верно, уж писал вам.

Пошина статья о смертной казни очень хороша: искренна и проста. [6] Пока больше ничего, нечто то, что до меня касается.

Никому не читать.

Я плох. Я учу других, а сам не умею жить. Уж который год задаю себе вопрос, следует ли продолжать жить, как я живу, или уйти, и не могу решить. Знаю, что всё решается тем, чтобы отречься от себя. И когда достигаю этого, тогда всё ясно. Но это редкие минуты.

Прощайте, пишу о себе, и потому ничего путного не напишу.

21 июля.

Л. Т.

Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 232. На подлиннике помета рукой В. Г. Черткова «Не читать никому» и рукой А. К. Чертковой: «Переписывать самому В. Г.». Ответ на телеграмму Черткова, повидимому не сохранившуюся в архивах.

[1] Федор Петрович Борисов, духобор, телеграммой от 20 июля 1898 г. из Батума просил Толстого прислать человека для сопровождения духоборов за границу.

[2] В письме к А. Н. Дунаеву от 21 июля 1898 г. Толстой просил выполнить желание Черткова и перевести в Англию деньги, собранные для духоборов (см. т. 71, № 202).

[3] Мария Константиновна Дитерихс (1877—1924), в замужестве Де-Ферран, сестра А. К. Чертковой.

[4] Заметка А. К. Чертковой, оставшаяся ненапечатанной.

[5] И. К. Дитерихс получил в это время предложение от Черткова поехать осматривать земли, которые намечались для переселения духоборов.

[6] Рукопись П. И. Бирюкова «О смертной казни. Обращение к английскому обществу», которую автор прислал Толстому при письме от 20 июля н. с. 1898 г.

* 510.

1898 г. Августа 12. Я. П.

Дорогие друзья.

Вот уже скоро месяц, что я не получаю от вас ни одного письма [1] (я не считаю последнего письма Гали от 10 авг[уста], очень мало и смутно объясняющего положение дела) в такое время, когда знать очень много нужно и когда я уже 4 недели тому назад писал вам о моем плане отдать мои повести для помощи переселяющимся и спрашивал о переводчике, о том, как и куда их лучше отдать, и ожидал какого-нибудь ответа. Между тем каждый день получаю телеграммы, из кот[орых] ничего не понимаю. Единственное объяснение то, что письма мои пропали. [2] Предлагая это, да и вообще для уяснения положения, считаю [нужным] написать всё, что я знаю и думаю о занимающем нас деле.

Дело мне представляется так.

Всех переселяющихся дух[оборов] 7500 ч. — 3300 расселенных, 1100 в Елисаветп[ольской] и 3100 — Карских. У расселенных от продажи их имущества собралось 30 000 р[ублей], у Елисаветп[ольских] по меньшей мере — 100 000 р[ублей], у Карских — 150 000 р[ублей], общественного капитала 52 т[ысячи] р[ублей]. В Англии, как вы пишете, 50 т[ысяч] р[ублей], итого 380 000 р[ублей]. На паспорты нужно по 1 р[ублю] на чел[овека], т[ак] к[ак] 10 чел[овек] соединяются в один паспорт, — 7500 р[ублей]; на переезд в Америку, в Канаду (хотя я и не получил сметы, я по разным соображениям полагаю) будет стоить номинально по 80 р[ублей] на чел[овека] при

уступке же, кот[орая] сделана и при переводе на Кипр с 25 р[ублей] на 10 р[ублей] и при уменьшении цены на детей от 7 до 13, при бесплатности детей до 7 л[ет], переезд в Америку должен лечь рублей по 30 на голову, но скажем даже по 40, то денег на переезд достанет.

Нужно еще на пищу и на обзаведение. Вот на это и будем собирать денег. Здесь в России я выручу тысяч 30 за две повести; [3] за границей у англич[ан], немц[ев] и французов надо выручить по стольку же с каждой национал[ьности], да будем еще собирать, прося у богатых людей, так что надо надеяться, что денег достанет. Перевозить же надо не всех вдруг. Сначала расселенных. Потом Елисавет[польских]. Карские же во всяком случае пробудут до октября. А могут и прозимовать. Все эти подробности я знаю от Планидина и Постникова, [4] кот[орые] у меня были и всё мне веско разъяснили.

Так что если в Кипре хорошо и можно жить, то пускай едут туда и остальные расселенные, если же плохо, то надо всем ехать в Канаду по письму г[осподи]на из Торонто [5] или в другое место, где предлагают земли. Вот как мне представляется дело. —

Понятно, что для этого надо съездить кому-нибудь в Америку и осмотреть и выбрать. Это самое, как я понимаю из писем Гали, вы и делаете. Жозе же никуда ехать не нужно. Отыскивать земли в Сербии или Турции и с великим риском и расходами поселяться там, я думаю, неблагоразумно. [6]

Он уже был готов ехать и взял паспорт и деньги, но потом мы раздумали. Я отсоветовал и ввиду дела и ввиду его лично. Он вполне готов пожертвовать личными выгодами (я узнал его ближе и очень полюбил). Но жертвовать личными интересами, отношениями с отцом для не только неопределенного, но бесполезного дела, небла[го]разумно. Если я ошибся, отсоветовав ему, то простите меня. Я делал это, любя его и обдумав, как умел, дело.

Л. Толстой.

Сейчас попрошу Таню найти копию с моих последних писем и приложу. Простите и, пожалуйста, не сердитесь на меня.

Братски приветствую всех друзей.

Ужасно грустно, что я совсем потерял общение с вами.

Сейчас получил письмо Хилкова о Кипре. Насколько Кипр удобен или неудобен для поселения, должны решить сами духоб[оры]. Если они решают отрицательно, то надо скорее принимать меры к устройству в Америке, где, кажется, самое удобное — Канада.

Сережа давно уже, полушутя, говорил: «Коли нужно, я поеду в Америку». Нынче я сказал ему, что, мне кажется, он бы был полезен, и он согласился, и вот я посылаю вам телеграмму, ответ на к[оторую] решит дело.

Искал свое письмо к вам, копию с него о печатании повестей. Вероятно, оно не копировано, и потому повторю всё существенное.

Думаю напечатать две свои неотделанные повести: «Воскресение» и «От[ец] Серг[ий]», для того, чтобы вырученные за них деньги отдать переселяющимся, и прошу вас сообразить, как наилучшим образом эксплоатировать этот товар.

В Париже есть Иван Яков[левич] Павловский [7] (7, rue Gounod, Paris). Он знает в Париже всех издателей америк[анских] и франц[узских]. Он был на днях у меня. Я просил его устроить мне это дело, и он охотно взялся. Так что если вам некогда, то пусть он делает. И если он выговорит условия выгодные более, чем те, к[оторые] предложены вам, то пусть он, окончив дело, передаст деньги вам в Комитет.

Еще я написал несколько, 5, писем русским богатым лицам, прося их помочь. Успех этих 5 писем покажет мне, нужно ли продолжать посылать такие письма (у меня до 30 адресов). До сих пор — прошло дней 5 — не получил ответа.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 273.

Датируется на основании слов Толстого о том, что письмо с предложением отдать повести для помощи переселяющимся написано «четыре недели тому назад» (см. письмо Толстого Черткову от 14 июля).

[1] Из письма Черткова от 1 сентября н. с. видно, что его письмо от 5 августа н. с. дошло до Толстого с опозданием.

[2] По имеющимся данным, все письма Толстого за это время дошли до Черткова.

[3] Повесть «Отец Сергий» была напечатана только после смерти Толстого. Гонорар за «Воскресение» был определен издателем А. Ф. Марксом в 1000 рублей с листа, причем Маркс уплатил аванс 12 000 рублей.

[4] Семен Захарович Постников, духобор из Карской области. Повидимому, о приезде Постникова и Планидина писала С. А. Толстая в днев-

нике 2 августа: «Кстати, два духобора сюда приехали, и я их должна скрывать в павильоне, и мне это крайне неприятно» («Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 72).

[5] Джемс Мэвор (James Mavor), профессор из г. Торонто в Канаде, оказывавший содействие при переговорах с правительством Канады о переселении духоборов. О нем см. т. 71, стр. 416.

[6] Чертков предполагал поручить И. К. Дитерихсу поиски земель для поселения духоборов на Балканском полуострове. Поездка И. К. Дитерихса не состоялась.

[7] Иван Яковлевич Павловский — вероятно, Исаак Яковлевич Павловский (р. 1872), участник революционного движения 70-х годов, одно время живший в Париже как эмигрант. В конце 80-х годов получил право въезда в Россию. Сотрудничал в газете «Новое время» под псевдонимом «И. Яковлев».

* 511.

1898 г. Августа 12? Я. П.

Dounaeff send two thousands.[1] Now have no more money.

Tolstoy.

Дунаев шлет две тысячи.[1] Сейчас не имею больше денег.

Толстой.

Телеграмма. На телеграфном бланке пометка о получении 24 августа, то есть 12 августа с. с. Датируется условно 12 августа, так как телеграмма могла быть послана и получена в один и тот же день.

[1] О посылке этих двух тысяч рублей см. письмо № 509.

* 512.

1898 г. Августа 17. Я. П.

Я более месяца не получаю ответа на очень для меня важные вопросы и никаких прямых сведений о занимающем нас деле и других делах. Нынче получил два письма от А[нны] К[онстантиновны], но о других делах. Очень грустно, но это лучше. Пожалуйста, напишите, получили ли мои три

письма с вопросами, и опишите положение дела. И[вану] М[ихайловичу] написал, также и Е[лене] П[етровне]. [1]

Л. Т.

На обороте: Angleterre, Essex, Purleigh, Tchertkoff.

Письмо открытое. Датируется днем, предшествующим дате почтового штемпеля. Ответ на письма А. К. Чертковой от 22 и 23 августа н. с., в которых она писала об отношениях И. М. Трегубова и Е. П. Накашидзе.

[1] Письма Толстого к И. М. Трегубову от 17—18 августа и к Е. П. Накашидзе от 17 августа 1898 г. см. т. 71, №№ 219 и 221.

* 513.

1898 г. Августа 27. Я. П.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич],

Опять получил от вас телеграмму, но ни одного письма, если не считать записочки, вложенной в копии с писем колонистов [1] и вашего к духоборцам, [2] копии, из которых я узнал очень мало о деле духоб[оров], — всё старое, и ничего о переводе и печатании моих повестей.

Нынче, 27 авг[уста], приехали два духоборца Зибаров, [3] Ив[ан] Обросимов, [4] собирающиеся в Англию. Они хотели взять с собой и Суллер[жицкого], но я думаю, что это не нужно, и направляю их одних, дав им подробный маршрут. Суллержицкому же думаю, что нужно оставаться в России для найма пароходов и помощи отъезжающим. Кроме того, у него в настоящую минуту нет паспорта, кот[орый] застрял у него на Кавказе и кот[орый] он ждет каждый день. Главное же, нет ответа от агентства Messagerie Mar[itime], кот[орое] мы запросили телеграфом о ценах перевозки в Канаду, и кот[орый] мы ждем каждый день. Сул[лержицкий] говорит, что цена — ему сказали — вероятно, между 30 и 35. Так что приехавшие к вам дух[оборы] расскажут вам о положении их братьев, и все мы должны теперь спокойно ждать определения цены переезда (удивительно, что этот самый важный пункт никак не можем узнать) и известий от Моода об условиях поселения в Канаде — есть ли земли, где и пр[очее]. — Главное, спокойно ждать, а по получении благоприятных известий о том и другом, к[оторые], вероятно, и будут благоприятны, отправ-

лять расселенных, на те средства, к[оторые] есть (Суллерж[ицкий] будет это делать), а для отправки дальнейших и перевозки с Кипра — приготавливать средства. На телеграмму вашу я отвечал, что слов будет около 45 000. Это в Воскресении. Послать я его еще не могу, п[отому] ч[то] много переделываю, кроме того, если бы и хотел (что я мог бы) послать первые части, то не знаю, кому послать, кто будет переводить. — Чувствую, что тон моего письма неприятный очень. Пожалуйста, простите меня и не заразитесь им. Происходит это от отсутствия писем, в кот[ором], вероятно, не вы виноваты, и отвратительных для меня телеграмм, кот[орые] сотворены только, чтобы путать людей. Если можно, пишите мне письмами, а деньги за телеграммы отдавайте духоб[орам].

Вчера получил Листок [5] Буланже. Очень бы хорошо было, если бы не было тут выступающей неприятной личности Л. Н. Толстого.

Посылаю вам статейку «Две войны». [6]

Всё одно и то же.

Пожалуйста, не сердитесь на меня.

Л. Толстой.

Ничего не знаю про Свободное Слово. [7] Вышло или нет?

Датируется на основании слов: «Нынче, 27 августа».

[1] Члены колонии единомышленников Кенворти — Арчер, Элоарт, Провер и Син-Джон. В письме от 23 августа н. с. 1898 г. они писали духоборам, что собрали для них 12 000 рублей. Чертков перевел это письмо на русский язык и послал духоборам.

[2] Чертков писал духоборам о преимуществах переселения в Канаду.

[3] Николай Савельевич Зибаров, видный деятель духоборческого движения. Его рассказ о сожжении оружия тифлисскими духоборами был записан А. К. Чертковой и В. Д. Бонч-Бруевичем и издан отдельной брошюрой: Н. Зибаров, «О сожжении оружия духоборами», «Свободное слово», 1899.

[4] Иван Парамонович Абросимов или Обросимов, духобор из Тифлисской губ.

[5] «Братский листок», журнал, который начал издавать в Англии П. А. Буланже. Вышел один номер.

[6] Статья Толстого «Две войны», оконченная 15 августа 1898 г. Впервые напечатана в «Листке Свободного слова» 1898, № 1.

[7] «Свободное слово», № 1. Периодический сборник под ред. П. И. Бирюкова, изд. Черткова, Purleigh, 1898.

* 514.

1898 г. Августа 29...30. Я. П.

Боюсь, что вы сетуете на меня, милые друзья, что я задержал Суллера и направил к вам одних духоб[оров]. Из всех сил стараюсь сделать, как лучше. Если в чем ошибся, — простите. Дело, мне кажется, определяется и приближается к совершению. Всё только за известиями из Канады, кот[орые], надеюсь, будут благоприятны.

Деньги же недостающие — я считаю на переезд около 50 р[ублей] на душу — я уверен, что соберутся, и приложу к этому всевозможное старание.

Милый Сережа едет к [вам] и всё разъяснит из того, что нам известно.

Я думаю, что лучше всего было бы, если на Кипре нехорошо, перевезти Кипрских, высвободить деньги, к[оторые] там, [1] а потом расселенных, а потом уже Елизаветп[ольских] и Карских, а потом уж, если можно и нужно, достать деньги для обзаведения на местах.

Сережа расскажет вам надежды, кот[орые] я возлагаю на Сибирякову, [2] и почему. Посылаю вам копию с телеграммы агента Messager[ie] Mari[time]. [3] Хорошо бы было съездить кому-нибудь в Марсель и поторговаться там.

Впрочем, что же я советую, ничего не видя и очень мало зная. Вы всё лучше знаете, и у вас есть такие практические советчики, как квакеры и милый брат Bellows, [4] кот[орому] передайте мою любовь.

Вчера, 29 августа, получил ваше письмо от 5 авг[уста] нового стиля. Ужасно досадно это прегражденне нашего общения, кот[орое] теперь особенно нам важно. И зачем это?

Тут теперь Ухт[омский], [5] к[оторый] мне очень понравился; слушая его, невольно пожалеешь об этом несчастп[ом] молодом человеке, царе, поставленном в такое тяжелое положение, и пожелаешь успех таким людям, как Ухт[омский], которые желают его из него вывести. Я поправляю теперь Воскресенье. Прохожу по нем 2-й раз, много изменяю, и мне кажется, что это будет не дурное сочинение. По крайней мере работа над ним меня радует. Оно настолько готово, что могу посылать тетрадями для перевода.

Вчера получил хорошие письма от Вандервера, Шкарвана и Абрикос[ова]. Особенно тронула меня выписка из письма отца Абрикосова.

Прощайте, милые друзья. Пожалуйста, любите меня, как я вас, и любите не любящих вас.

Л. Толстой.

29 или 30 авг[уста]

Копия с телеграммы выслана Суллерж[ицкому]. [6]

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 253.

[1] Толстой имеет в виду деньги, которые администрация Крита потребовала внести в качестве гарантии в том, что те духоборы, которые переселены на Крит, не будут нуждаться в общественной помощи, и средства, вложенные в аренду земли и хозяйство духоборов на Крите.

[2] Анна Михайловна Сибирякова, дочь золотопромышленника, пожертвовавшая духоборам 1000 рублей.Толстой надеялся,что Сибирякова даст значительную часть суммы для переселения духоборов, но эта надежда не оправдалась. См. письмо Толстого к Сибиряковой (т. 71, № 254).

[3] Пароходство «Messagerie Maritime» предлагало перевезти духоборов в Канаду, но цена за проезд оказалась слишком высокой.

[4] Джон Беллоуз (John Bellows, 1831—1902), квакер, посетивший Толстого зимой 1892/93 г., секретарь квакерского комитета помощи духоборам.

[5] О пребывании Ухтомского в Ясной Поляне см. «Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. «Север», М. 1932, стр. 76.

[6] Вероятно, копия с телеграммы агента «Messagerie Maritime», о которой Толстой упоминает в этом письме.

* 515.

1898 г. Августа 29. Я. П.

First novel forty five thousand words. [1] Sibaref, Abrossimof starting today England. Saulerzizky remains.

Tolstoy.

Первая повесть сорок пять тысяч слов. [1] Зибарев, Абросимов выезжают сегодня в Англию. Суллержицкий остается.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] Толстой имеет в виду первую часть «Воскресения».

* 516.

1898 г. Августа 30. Я. П.

Son Serge starting England Thursday. [1]

Tolstoy.

Сын Сергей выезжает Англию четверг. [1]

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] С. Л. Толстой выехал в Англию 3 сентября 1898 г.

* 517.

1898 г. Сентября 1. Я. П.

1) Просить телеграфировать в Батум Суллержицкому и мне, как только получится благоприятный ответ из Канады о земле.

2) Снестись с Messagerie Maritime в Марселе, когда может выступить следующий эмигрантск[ий] пароход, сколько мест, и поторговаться с ними о цене. Не уступят ли против назначенного в телеграмме.

3) Если получатся из Канады благоприятные известия и цена переезда из Батума будет около 80 т[ысяч] [рублей] и денег этих нет в распоряжении Комитета, то не лучше ли прежде всего везти в Канаду тех, кот[орые] на Кипре, с тем чтобы освободить заложенные там деньги.

4) Если же этого нельзя, то не лучше ли прежде других выселяться Елисаветпольским, у кот[орых] есть на это деньги, и потом Карским, кот[орые] тоже имеют достаточно для переезда денег. Расселенных же перевозить последних, когда соберутся нужные для того деньги.

5) Если же этого нельзя, то известить поскорее, сколько есть денег, и потому сколько недостает до 80 т[ысяч], нужных для первого рейса расселенных, с тем чтобы я мог постараться собрать или занять эти деньги.

6) Известить, сколько дают за повести (две) [1] (около 80 т[ысяч] слов) издатели, имея при этом в виду то, что будет произ-

ведено одновременное печатание в России, и можно ли и сколько можно получить вперед, и кто будет переводить.

7) Суллержицкий остается в России для того, чтобы вернее узнать условия отправки — могут ли в пароход на 1450 мест с 1-м классом поместиться все 1500 взрослых и 500 детей, и, главное, чтобы быть в Батуме и Тифлисе для руководства дела переселения.

8) Письма ко мне, кот[орые] прошу очень писать, адресовать: Société Anonime des Hauts Fourneaux de Toula, Mr Ries, pour remertre à B. [2]

9) Сообщить нам, что известно о жизни на Кипре: возможна ли жизнь там.

По словам А. К. Чертковой, это письмо представляет собой запись поручений для передачи Черткову. Л. Н. дал этот листок С. Л. Толстому, уезжавшему в Англию, который перед отъездом 1 сентября был в Ясной Поляне. Письмо датируется этим числом.

[1] «Воскресение» и «Отец Сергий».

[2] [Анонимное общество Тульских чугуноплавильных заводов, господину Рису, для передачи Б.] Рис был директором завода, находящегося в 5 верстах от Тулы. Толстой дал этот условный адрес, надеясь, что письма, адресованные на имя Риса, не будут подвергаться перлюстрации.

* 518.

1898 г. Сентября 2? Я. П.

Вчера получил ваш № 49 со всеми бумагами. Не получаем был мною долго (месяц) № 48, 5 авг[уста]. Пишите попрежнему, но не на Риса, как я давал вам адрес в последнем письме. Рис испугался и прислал сказать, чтобы я не получал письма через него. Попробуем посылать с обратной распиской. Если дать Марксу [1] исключит[ельное] право на год, он дает 1600 р[ублей] за лист. Если же не давать никакого исключительного права, то он дает 500 р[ублей] за лист. Это все-таки даст тысяч 10, и больше. Что дадут заграничные?

Здесь же я решил не давать исключит[ельного] права, т. е. не отступать от прежнего заявления. Об ошибке моей сметы — 52 т[ысячи] вместо 47, я думаю, что я прав, п[отому] ч[то]

Планидин сказал мне, что есть еще 5 т[ысяч] р[ублей]. Ну, да всё это неважно. Благодарю вас за письмо. Что, нет известий от Поши? [2]

Л. Т.

На обороте: Англия. England. V. Tchertkoff. Purleigh. Essex.

Закрытое письмо (секретка). Датируется на основании сопоставления даты штемпеля получения с датами других писем Толстого. Толстой сообщает о получении письма Черткова от 1 сентября н. с. № 49.

[1] Адольф Федорович Маркс (1838—1904), издатель еженедельного журнала «Нива», владелец книгоиздательства и типографии.

[2] Толстой ждал известий от П. И. Бирюкова, поехавшего на о. Кипр в связи с переселением духоборов.

* 519.

1898 г. Сентября 3. Я. П.

Completely.

Полностью.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на письмо от 1 сентября н. с., при котором Чертков послал ряд деловых бумаг (смета на переселение духоборов и т. д.), прося телеграфировать: «полностью», если они все дойдут.

* 520.

1898 г. Сентября 3? Я. П.

Получил ваше письмо № 49. Задержалось на месяц только письмо от 5 авг[уста]. Всё в вашей смете почти сходится с моею. Про 5 т[ысяч] сверх 47 мне говорил Планидин. Телеграмму от Маркса посылаю вам для соображения. Над Воскресеньем работаю с увлечением, к[акого] давно не испытывал. Пожалуйста, не оставляйте меня без известий, особенно из Канады и с Кипра. Мои богачи купцы, 6 человек, не отвечали ни один на мои письма, [1] но я почти уверен, что нужные деньги найдутся.

Пожалуйста, не сетуйте на меня, что я не посоветовал Жозе ехать на Кипр и задержал Суллера. На Кипре я не знаю, зачем нужен человек. И если нужен, то Поша объяснит, и мы найдем

такого; Суллер же необходимо нужен будет здесь, и ему разрешено быть на Кавказе. А что он мог рассказать вам, расскажет Зиб[аров] и другие и, главное, Сережа. Получил милое письмо от Вандерв[ера], Шкарв[ана] и Абрик[осова]. На Риса не пишите. Он испугался. Прощайте, милые друзья. Я рад, что Сер[ежа] увидит вас. Это как будто немножко я.

Л. Т.

Сопоставление этого письма с письмами №№ 514 и 518 позволяет предположить, что комментируемое письмо написано вслед за ними. Оно является ответом на письмо от 1 сентября н. с. 1898 г. (№ 49), в котором Чертков писал, что приступает к переговорам относительно издания двух повестей Толстого за границей с целью получения средств на переселение духоборов. Среди бумаг, приложенных к письму Черткова, находилась копия письма Черткова к Толстому от 5 августа, которое не было своевременно получено Толстым, так как, повидимому, было надолго задержано при перлюстрации на почте. В письме от 5 августа Чертков сообщал причины, по которым квакерский комитет в Лондоне поселил первую партию духоборов на Кипре, и высказывал свое мнение относительно переселения их в Америку вместе с остальными духоборами.

[1] Письма Толстого к Л. И. Бродскому, Лаз. И. Бродскому, С. Т. Морозову, В. А. Морозовой, А. М. Сибиряковой, К. Т. Солдатенкову от 4 и 5 августа 1898 г. о помощи духоборам см. т. 71, стр. 417—424.

* 521.

1898 г. Сентября 11. Я. П.

Дорогие друзья,

Обращаюсь к В[ладимиру] Г[ригорьевичу], но пишу ко всем — Сереже, о кот[ором] получил радостную телегр[амму], и Вандерверу, к[оторый] должен быть у вас, [1] и Шкарвану и Абрикосову, от кот[орых] получил письма (хорошие письма, на кот[орые] не знаю, куда отвечать). Последнее полученное мною письмо, это письмо Гали от середы, со вложением писем Поши. Получены объявления на письма в Ясенки, и, вероятно, завтра получу то письмо, о к[отором] она пишет, и, м[ожет] б[ыть], еще от вас. От Поши и мне было письмо, но очень, к сожалению, коротенькое, из кот[орого], так же, как и из письма к вам, нельзя заключить, насколько удобно поселение на Кипре, — следует ли оставаться там переехавшим и следует ли перевозить туда и остальных расселенных. Вы и Галя в своих письмах

как будто стараетесь доказать мне, что переселение на Кипр было вызвано необходимостью и не было ошибкой, происшедшей от необдуманности с вашей стороны. Да я, во-первых, никакого права, да и возможности, не имею судить, а во-вторых, ни минуты не сомневался и не сомневаюсь, что вы поступаете в этом деле, как только можете лучше, и не самопроизвольно, а в связи с решениями комитета. Вопрос теперь в том, как дальше поступать. Я думаю, что духоб[оры] везде уживутся, где люди живут, и потому уживутся и на Кипре, но вопрос в деньгах обеспечения (что деньги обеспеченья пожертвованы, или даны только, как обеспеченье?). [2]

Суллер[жицкий] пишет о предложении Марсельск[ой] компании — вероятно, и вам тоже. Судя по этим данным, переезд обойдется ниже 50 р[ублей] на голову. Если ваши Ливерпульск[ие] или др[угие] английские берут дороже, то надо остановиться на Messagerie Marit[ime], разъяснив вопрос, сколько будет стоить переезд от незамерзшего порта в глубь страны. И потому дело, во-1-х, за тем, чтобы узнать, принимает ли Канадск[ое] правит[ельство] и на каких условиях (это вы, я думаю, узнаете скоро от Моода), во-2-х, за тем, чтобы решить, каким ехать прежде других (это должен написать Суллер), и, в-3-х, за деньгами. И вот этот 3-й пункт приводит меня к вопросу о повестях.

Нынче я кончил пересмотр всего до конца и с завтрашнего дня начну переписывать и посылать вам сначала. Но вы не пишете мне, получили ли вы какие-либо предложения и какие? и что пишет Павловский. [3] Вы телеграфируете (между прочим, пожалуйста, поменьше телеграфируйте — мне всегда жалко денег, а главное, ничего не поймешь и часто путает), что нужна повесть для переговоров. Я думаю, что нет. Хотят они дать и сколько *(за букву)*, и тогда мы решим, отдавать ли им, или нет. А смотреть товар им нечего.

Теперь Воскресенье в таком виде, что я буду безотлагательно посылать листа по 2 печатных в неделю (разумеется, если не случится чего-нибудь особенного), так что может быть выслано месяца в 2. Так скоро, я думаю, им и не нужно. Но прежде, чем выслать, я желаю знать их условия.

Вот всё о делах духоборов. Нечто прибавлю то, что мои письма к богачам — я послал 6 писем — до сих пор остаются без ответа.

Письма Суллера, хотя я думаю, что он писал вам тоже, — прилагаю.

Скажите Вандерверу, если он с вами, что я получил его прекрасное письмо и совершенно согласен с ним в том, что он сказал двум пасторам, и очень люблю его за его желание всё оставить и идти по миру, проповедуя христианскую жизнь, но всегда боюсь за сознательную проповедь — иную, чем бессознательная проповедь своей жизнью.

Шкарвану скажите, что его прекрасное письмо очень порадовало меня, что напишу ему, когда он даст мне свой адрес в Швейцарии, и что советую ему писать свои признания. [4] Он умеет заглядывать себе в душу, и у него тверда точка зрения, с кот[орой] интересно и важно заглядывать в нее.

Милому Абрикосову тоже написал бы в ответ на его письмо и сделаю это, когда узнаю, где он. Если же будет случай, передайте ему, что очень благодарен ему за выписку из письма его отца, к[оторая] до слез тронула меня.

Вчера, к стыду своему, в первый раз удосужился перебрать все свои письма и нашел в них нераспечатанным прекрасное, особенно дорогое мне письмо Кенворти.

Написать предисловие, хоть маленькое, к его Anatomy of misery [5] для меня радость, и я знаю, что сказать. Нынче ночью думал об этом. Непременно напишу. То, что он пишет мне о колонистах, отдавших свои последние деньги духоб[орам], глубоко трогает меня. Какая радость быть в общении с такими людьми — не слов, но дела. Как бы я желал с ними более тесного общения, более, яснее понять *их*. Впрочем, их — каждый, вероятно, с своими особенност[ям]и миросозерцания.

Сереже я советую постараться сблизиться с ними.

Еще дело: не помню, писал ли вам Richmond, [6] кажется, кот[орый] хотел приехать. Лучше не надо.

От П[авла] А[лександровича] получил письмо, но еще не ответил ему. Скажите ему, что беспрестанно вспоминаю о нем. Боюсь за его здоровье.

У нас всё хорошо. Маша с мужем купили имение (усадьбу) сестры. [7] Я этому рад. Маша, кажется, беременна и довольно хорошо носит.

Прощайте, пишите.

Л. Толстой.

На конверте: Англия. England. Заказное. Vladimir Tchertkoff. Purleigh. Essex. Registered.

Датируется на основании сопоставления даты почтового штемпеля отправления и даты письма от 12 сентября (№ 522), написанного после комментируемого письма. Ответ на телеграмму от 20 сентября н. с., в которой Чертков сообщал о приезде С. Л. Толстого и просил выслать первую часть «Воскресения», так как, не имея рукописи, нельзя вести переговоры с издателями.

[1] Голландский антимилитарист Вандервер, наборщик по профессии, приехал к Чертковым, чтобы помочь в организации типографии.

[2] Денежная сумма, обещанная квакерами как поручительство в том, что духоборы проживут на земле, арендованной для них на о. Крит, не меньше определенного срока.

[3] В письме от 15 сентября н. с. Чертков сообщил Толстому, что не получил ответа от Павловского, которого просил подыскать переводчиков и издателей «Воскресения» во Франции.

[4] Воспоминания Шкарвана изданы Чертковым под заглавием: А. Шкарван, «Мой отказ от военной службы. Записки врача», Purleigh, 1898.

[5] Книга Кенворти «The Anatomy of misery» на русском языке впервые напечатана под заглавием «Анатомия нищеты» в сборнике «Свободное слово» 1898, № 2. Толстой в 1900 г. написал к книге Кенворти предисловие, напечатанное в третьем ее издании в том же году.

[6] Ричмонд (Richmond) — английский издатель.

[7] Дочь Толстого Мария Львовна купила усадьбу М. Н. Толстой.

* 522.

1898 г. Сентября 12. Я. П.

Вчера отослал вам длинное письмо, милые друзья, и вчера же вечером получил ваши № 51 и Галино интимное. Я очень рад за Андрюшу. С[офье] А[ндреевне] еще не говорил. Пускай Анд[рюша] сам скажет. Я очень, очень рад. Рассуждаю и о неравенстве лет [1] и об его нетвердости, но непосредственное чувство, когда узнал, и теперь, когда подумаю, — радость за него, что он таким неожиданным путем придет к нам — радость. Ее письмо к вам лучше всего мне показало ее душу. Вы упрекаете меня поделом за то, что мне досадно было на установившееся между нами молчание, но незаслуженно за то, что это молчание могло бы иметь какое-нибудь влияние на мою любовь к вам. Чувство это вне всякой опасности. Переписывали с Ал[ександром] Петр[овичем] и на днях начнем высылать вам. Медлил, потому что боишься переменять потом в переводе.

Если будете писать, буду рад, не будете, тоже буду рад. Писать больше некогда и нечего.

Л. Т.

На обороте: England. Vladimir Tchertkoff. Purleigh. Essex.

Закрытое письмо (секретка). Датируется на основании даты почтового штемпеля. Ответ на письмо А. К. Чертковой, сообщавшей о предстоящей женитьбе Андрея Львовича Толстого на ее сестре О. К. Дитерихс, и на письмо Черткова от 15 сентября н. с. с просьбой безотлагательно «прислать для переводчиков хотя бы первые главы романа «Воскресение».

[1] О. К. Дитерихс родилась в 1872 г., а А. Л. Толстой в 1877 г.

* 523.

1898 г. Сентября 30. Я. П.

30 сент.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич],

Боюсь, что давно не писал вам. Если этим [был] неприятен или вреден — простите. И дела много, и стар. Вчера приехал Сер[жа]. Очень хорошо всё рассказал, и, как кажется, всё двигается недурно. У меня есть пожертвованных денег 12 т[ысяч], и жду приезда или письма от Маркса, [1] Суворина, [2] или Живоп[исного] Обозрен[ия]. [3] Я заявил требование 1000 р[ублей] за лист, за право первого печатания, и 20 т[ысяч] вперед. Если кончу с кем-нибудь, то, разумеется, уговором поставлю напечатать в известный определенный срок, к[оторый] будет зависеть от иностранных переводчиков. Сережины démarches [4] в Париже хороши, и я думаю, что лучше всего отдать Illustration. [5]

От Суллер[жицкого] давно ничего не знаю и жду с волнением. Напишите, куда направить деньги? Я думаю, что самое лучшее в агентство Messagerie Maritime. Много писем от богачей осталось неотвеченными. Только один дал 10 т[ысяч], — другой 1000 и двое ответили отказами. А всех я написал 12 писем, нынче буду писать еще. Надеюсь на Сибирякову, кот[орая] ответила, что не получила письма, п[отому] ч[то] оно в Алупке, а она в Петерб[урге]. Ответит, когда получит. [6]

Я очень поглощен переделкой Воскр[есения]. Большая половина готова, но еще не переписана. Переписывают Маша с мужем очень хорошо, внимательно, но медленно. Хотим взять переписчика.

Ал[ександр] Петр[ович] запил и ушел. — Очень жаль. Сережа провез мне ваши издания. «Своб[одное] Сл[ово]» мне очень понравилось. [7]

Написать к Воскр[есению] предисловие, какое вы говорите, хорошо бы было, да надо, чтобы оно хорошо написалось.

Сережа мне очень хорошо про вас рассказал, и ваша жизнь, к[оторая] вам кажется столь дурною, мне показалась завидной. Поддержи вас бог обоих. — С пунктами вашими, всеми, кажется, согласен. [8] Первые главы посланы. Доверия не может не быть, как к себе. [9]

Телеграмма была напечатана в World (№ 9) Sept[embre] 4, page 23. [10]

Андрюшин роман с Ольгой очень трогателен. Он очень добр и двигается, но он на самом начале пути. И дурные привычки распущенности очень укоренились в нем. Хорошо то, что он любит, очень любит ее и любит добро. Он теперь в Москве живет праздно, зубы вставляет. И эта жизнь его там очень опасна. Я вчера писал ему.

Если что забыл и не ответил, простите.

Мне очень хорошо последнее время на душе. Очень все добры ко мне. Вчера уехала сестра М[ария] Н[иколаевна], с к[оторой] мы очень дружно, как никогда любовно, прожили месяц. И со всеми своими хорошо. Хуже всех с Левой, но, надеюсь, исправиться.

Прощайте. Любите и вы меня. Андрюша еще сблизит нас. А за него я как рад. Настоящее воскресение.

Л. Т.

Телегр[амма] в World была такая:

«Results of declarations will be words. Universal peace can be attained only by selfrespect and desobedience to stats requiring taxes and military service for organised violence and murder». [11]

Кажется, что так. Копия пропала.

На конверте: Англия. Черткову. Эссекс. Заказное. Angleterre. Maldon. V. Tchertkoff. Essex. Registered.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 233. Ответ на письмо от 30 сентября н. с., в котором Чертков советовал Толстому написать к «Воскресению» и к «Отцу Сергию» предисловие, которое заканчивалось бы обращением к читателям о пожертвованиях в пользу духоборов.

[1] Представитель А. Ф. Маркса был у Толстого 5 и 6 сентября и вел с ним переговоры о печатании «Воскресения» в журнале «Нива». 12 октября Толстой написал Марксу, что согласен отдать роман для «Нивы», определив гонорар в 1000 рублей за печатный лист в 35 000 букв, с немедленной уплатой аванса в 12 000 рублей. См. т. 71, письмо № 279.

[2] Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912), редактор-издатель газеты «Новое время».

[3] «Живописное обозрение стран света», иллюстрированный еженедельный журнал, издававшийся с 1872 по 1911 г.

[4] [шаги]

[5] «Illustration» — французский иллюстрированный журнал. Договор с «Illustration» не был заключен, и право первого издания «Воскресения» было предоставлено газете «Echo de Paris».

[6] А. М. Сибирякова ответила Толстому 7 октября 1898 г., что хочет помочь духоборам, но деньги будет иметь в своем распоряжении не раньше, чем в декабре или январе.

[7] «Свободное слово»— сборник под ред. П. И. Бирюкова, изд. В. Г. Черткова, Purleigh, 1898, № 1.

[8] В письме от 28 сентября н. с. 1898 г. Чертков ответил по пунктам на письмо Толстого, которое было послано с С. Л. Толстым. Большая часть пунктов касалась дел, связанных с переселением духоборов. В пункте восьмом Чертков излагал план издания за границей переводов «Воскресения» и намечал желательный порядок пересылки рукописи и корректур.

[9] Толстой, очевидно, имеет в виду замечание Черткова в письме от 28 сентября н. с. о том, что надо, не полагаясь на обещания иностранных издателей относительно гонорара, собирать средства для духоборов.

[10] Телеграмма, посланная Толстым в ответ на запрос редакции газеты «The Sunday World», просившей высказаться относительно предложенной русским правительством конференции по предотвращению войн.

[11] [«Следствием декларации будут слова. Всеобщий мир может быть достигнут только самоуважением и неповиновением государству, требующему податей и военной службы для организованного насилия и убийства».] Перевод этот был напечатан в «Листках Свободного слова» 1898, № 1, Purleigh.

* 524.

1898 г. Октября 9. Я. П.

9 окт. 1898 г.

Сейчас получил ваши два письма 51 и 52 и 2 дня тому назад телеграмму. Я не торопился высылать по телеграмме деньги, во-1-х, дожидаясь объяснения в письме, а во-2-х, п[отому],

ч[то] Сережа мне объяснил, что деньги эти понадобятся только тогда, когда первая партия отправится. Деньги эти у меня есть, и я, вероятно, завтра вышлю их вам.

Теперь 2-й пункт о том, чтобы не продавать исключительного права. Я так и решил, т. е. чтобы не продавать. Это дело вот как стоит. Маркс прислал ко мне своего завед[ывающего] делами и согласился на мои условия по 1000 р[ублей] за лист в 35 000 букв без всякого исключ[ительного] права, только за право первого печатания, и 20 000 вперед за одно Воскресенье. Так много пришлось работать над *Воскресеньем* — работа и теперь далеко не конченная во 2-й половине, — что мне страшно было продать необделан[ным] «О[тца] С[ергия]». Когда же мы стали считать, сколько выйдет листов из того, что теперь есть в *Воскр[есении]*, вышло противно моим расчетам, меньше того, что я предполагал (притом вымарки неизбежные цензуры), а именно листов 12 maximum теперь. Мож[ет] быть, разрастется 2-ая часть, но мне теперь не хочется брать больше 12 т[ысяч]. Если же к этому времени не подойдет еще пожертвований, то возьму после, когда понадобится, столько, сколько нужно для пополнения обещанных 30 т[ысяч]. Мне хочется окончить и «О[тца] С[ергия]» и еще другую из голодн[ого] года, [1] п[отому] ч[то] обе имеют значение и стоят работы, и продать ее на тех же условиях, но обязываться очень не хочется. С Марксом обстоит так: он привез мне 20 т[ысяч], но я не взял их, обещаясь дать решительный ответ через неделю — срок во вторник, и я отвечу, что беру теперь только 12 т[ысяч].

Теперь о переводах. В Французскую иллюстрацию я согласен отдать (хотя бывший на днях у нас редактор из Monde illustré [2] говорит, что дешево франк за строчку), и пишу нынче редактору Illustration Marc, что я поручаю вам с ним кончить дело, а что иллюстрации взялся делать Пастернак, наш лучший иллюстратор (он был здесь, прочел и начал работать и сам снесется с Illustration).

Время начала печатания должно быть 1-ое января, как говорил зав[едывающий] дел[ами] Маркса. Вообще Марксу, как дающему нам большую сумму, следует назначить время появления. Vizewa [3] прекрасный переводчик, но надо внушить ему хорошенько всю важность соблюдения рукописи в тайне. Перепечатка и перевод ее прежде Маркса поставит меня

перед ним в самое неприятное положение. Вот мое положение дел. Боюсь, что вы разочаруетесь, ожидая гораздо большего, но не унывайте. Я написал более чем к 20 богатым людям, и надеюсь получить от них еще. Теперь у меня пожертвованных 12 200, да из прежних (голодающих) я могу à la rigueur [4] отделить 2800, хотя на время. Так что против того, на что вы рассчитываете, у меня недостает только 5000.

Я не посылаю вам теперь остальных 15 т[ысяч], во-1-х, п[отому], ч[то] я их еще не получил, а во-2-х, п[отому], ч[то] теперь еще нет спеха, а мне желательно, смотря по тому, как собираются деньги, сколько, куда и когда они нужны, решать, что делать.

По вашему последнему письму я вижу всё ясно и надеюсь, к тому времени, когда нужны будут платежи за пароход, приготовить всю сумму и прислать, куда вы мне скажете. — Кипрским, мож[ет] быть, тоже удастся помочь, но до сих пор ничего еще не знаю. [5]

Спасибо вам за ваше письмо о деле [6] и письмо Archer'a, [7] всё так ясно, хорошо, — и за письмо о том, чтобы не продавал исключит[ельной] собственности. Если я не запродаю вперед и другие повести, то причина некот[орое] поднявшееся неудовольствие дома. Но очень малое и, надеюсь, преходящее. Получил и Галино письмо, за к[оторое] очень благодарю, получил и маленькое письмо, к[оторое] пропадало не по вине почты.

Простите, что мало и дурно пишу. Очень издерживаюсь (старость) по утрам в работе, а кроме того, и был нездоров, простудился последнюю неделю.

Простите, привет всем друзьям.

Л. Т.

Послал вам еще несколько глав.

Андрей хорош, [8] как говорит Таня, приехавшая из Москвы. Я как вспомню об этом, так робко радуюсь. [9]

Ответ на письмо от 13 октября н. с. (№ 52), в котором Чертков писал, что до него дошел слух, будто Толстой предполагает на некоторое время продать право собственности на новые свои произведения с целью получить средства для помощи духоборам. Чертков доказывал, что такой поступок противоречил бы принципу отказа от права собственности на лите

ратурные произведения, ибо такая передача права собственности существенно отличается от предоставления права первой публикации и не может быть оправдана, даже если будет сделана ради помощи духоборам.

[1] «Кто прав?». Рассказ этот остался неоконченным и был напечатан после смерти Толстого

[2] «Le Monde illustré» — иллюстрированный еженедельный журнал, издававшийся в Париже с 1856 г.

[3] Теодор де Визева (Teodor Wyzewa), переводчик и журналист, автор книг: «Ecrivains étrangers», Paris, 1897, и «Le roman contemporaint à l'étranger», Paris, 1900. «Воскресение» в переводе Визева, напечатанное первоначально в «Echo de Paris», впоследствии вышло отдельным изданием.

[4] [строго говоря]

[5] Среди духоборов, находившихся на Кипре, начались в это время эпидемические заболевания с значительной смертностью. А. К. Черткова в письме от 7—11 октября н. с. сообщила Толстому, что Чертков поставил в лондонском комитете помощи перед квакерами вопрос о переселении духоборов с Кипра в Канаду, куда уже переселялись духоборы, еще остававшиеся на Кавказе.

[6] Письмо Черткова от 15 октября н. с., содержащее подробные сведения о переселении духоборов.

[7] Герберт Арчер (Herbert Archer), единомышленник Кенворти, помогал Черткову при переселении духоборов и при издании «Воскресения» за границей. В 1899 г. Арчер поехал в Канаду с целью помочь духоборам, которые туда переселились.

[8] *Слово:* хорош *вставлено карандашом рукой Т. Л. Толстой.*

[9] Толстой имеет в виду предстоявший брак А. Л. Толстого с О. К. Дитерихс.

* 525.

1898 г. Октября 12. Я. П.

Send ten thousands London International banc.

Tolstoy.

Посылаю десять тысяч Лондон Интернациональный банк.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

Ответ на телеграмму от 13 октября н. с. и письмо от 15 октября н. с., в которых Чертков сообщал, что Канадская ж. д. согласилась перевезти 2000 духоборов за половину цены при условии немедленного внесения денег.

* 526.

1898 г. Октября 15. Я. П.

Сейчас получил ваше письмо с письмами Моода и не скрою от вас, милый друг, что оно произвело на меня самое тяжелое впечатление, от которого стараюсь и никак не могу освободиться.

Во-1-х, ваше требование немедленно высылать вам все, какие есть, деньги. Я уж писал вам, что для того, чтобы собирать их (что для меня страшно нравственно трудно), мне нужно иметь простор и ясное представление о том, для чего, сколько и когда нужно. Как я писал вам, это мне нужно знать, чтобы с этим сообразовать свои demarches. [1] Кроме того, здесь в России, я ближе к месту действия и лучше вас могу знать, что и куда нужно. Перевести же повсюду можно в день по телеграфу. Это одно неприятное впечатление — неприятное тем, что я должен не согласиться с вами, а мне это больно. Теперь это только теоретические соображения, п[отому] ч[то] денег теперь у меня немного: остаются тысяч 5 с голодающ[их], [2] а 12000 от Маркса еще не получены. Второе неприятное впечатление это письмо Моода. Изо всех его переговоров с Канадск[им] правительством так неприятно выступает этот ужасный, бессердечный, практический John Bull, [3] кот[орому] нужны hands [4] в его колонию и кот[орый] выторговывает, что может, требуя, чтоб ему доставили здоровых людей, а что, если подохнут они где-то там, — ему всё равно. Разумеется, это не может быть иначе, но все-таки больно за этих дорогих людей, и невольно приходит мысль: стоило ли столько трудов и отступлений от требований христианства для того, чтобы от одного бессердечного и жестокого хозяина перейти к другому, не менее, если еще не более, бессердечному. Чувствуется, что и в Канаде не может быть ладу у духоборов с правительством тамошним, если только дух[оборы] будут так же, как теперь, проводить в жизнь требования христ[ианской] жизни. Третье неприятное впечатление это ваше требование писать какие-то конспекты издателям. Мне было неприятно и, покаюсь, оскорбительно ваше требование давать читать первые главы издателям. Я бы никогда не согласился на это и удивляюсь, что вы согласились на это. А уж конспекты для меня представляют что-то невообразимое. Хотят они или не хотят, а подавать на их одобрение,

я удивляюсь, что вы, любя меня, согласились. Я помню, америк[анские] издатели не раз писали письма с предложениями очень большой платы, и я полагал, что дело так и будет и так и поведется вами, но если надо показывать товар и дожидаться le bon plaisir[5] покупщиков, то, как мне ни желательно собрать деньги для духоборов, я не могу на это согласиться, п[отому] ч[то] это и непрактично, и есть средство, кроме унижения без всякой причины, еще и продешевить товар.

Так что я бы просил вас, если вы ничего еще не сделали, оставить это дело и предоставить его мне. Я думаю, что я сделаю его лучше, по крайней мере не буду ни на кого досадовать.

Ну, вот, я и не удержался, и мое дурное расположение духа вышло наружу, и я боюсь, что оскорбил и огорчил вас. Пожалуйста, простите меня за это или выговорите за мою несправедливость.

Насчет конспекта повести соображения тоже теоретические, п[отому] ч[то] первая часть написана, вторая же пока не напечатана, не может считаться окончательно написанной, и я могу ее изменить и желаю иметь эту возможность изменить.

Так что мое возмущение против конспектов и предварительного чтения есть не гордость, а некоторое сознание своего писательского призвания, кот[орое] не может подчинить свою духовную деятельность писания каким-либо другим практическим соображениям. Тут что-то есть отвратительное и возмущающее душу. Вообще жалею, что решился на этот шаг, тем более, что вы не облегчаете мне его, как вы во многих случаях, любя меня, делали, и напротив, заставляете меня в нем раскаяться.

Ну, простите, пожалуйста, любящего вас, как всегда,

Л. Толстого.

На конверте: Angleterre. Vladimir Tchertkoff. Purleigh. Maldon. Essex. Черткову. Эссекс.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 274 и 275. Датируется 15 октября, потому что Толстой в письме от 16 октября упоминает, что написал комментируемое письмо вчера. Ответ на письмо от 18—19 октября н. с. 1898 г., в котором Чертков сообщал о переговорах с канадским правительством и просил Толстого немедленно перевести в Лондон все собранные для духоборов деньги, так как за наличный расчет можно органи-

зовать переселение на более выгодных условиях. В этом же письме Чертков просил выслать первую главу «Воскресения» и конспект этого романа, так как издатели отказываются иначе вступать в переговоры.

[1] [шаги.]
[2] Остаток денег, пожертвованных разными лицами в пользу голодающих.
[3] Джон Буль — нарицательное имя рядового англичанина.
[4] [руки]
[5] [хорошего настроения]

* 527.

1898 г. Октября 16. Я. П.

16 окт.

Вчера написал вам письмо, милый друг, и оно и то, какое впечатление оно произведет на вас, не выходит у меня из головы. Пожалуйста, покройте всё, что там есть нехорошего, любовью. Средний пункт, о том, что торговля Моода с Кан[адским] правительством вызвала во мне тяжелое чувство и сомнение во всем деле переселения, до вас не касается, но два крайние пункта: о деньгах и об издании перевода, могут неприятно подействовать на вас, п[отому] ч[то] в них выражается как бы недоверие к вашей практичности. И нынче, обдумав свое письмо, я понял, что в этом сущность дела. Вы очень гордитесь своей практичностью, а я прямо не доверяю ей. Я не говорю, что я прав, но только высказываю свое мнение. Мне кажется, вы всегда набираете слишком много, не по силам, дела, и оно не двигается от этого. Вы от преувеличенной аккуратности копотливы, медлительны, потом на все смотрите свысока, grandseigneur'ски, [1] и от этого не видите многого и, кроме того, уже по физиолог[ическим] причинам, изменчивы в настроении — то горячечно-деятельны, то апатичны. По этому всему думаю, что вы, вследствие хороших ваших свойств, очень драгоценный сотрудник, но один — деятель непрактичный.

Вследствие этого я и хотел бы знать, что и как делается, и участвовать в решениях.

О последнем же пункте, мож[ет] быть тут есть и дурное чувство гордости, но дело в том, что это невозможно, т[ак] к[ак] я постоянно меняю. Главное же, не сердитесь на меня, и если я ошибаюсь в вашей практичности, то тем лучше.

Вчера получил письмо от Сибиряковой, кот[орая] обещает помочь, — и думаю в значительной, хотя она и не обозначает, в какой степени, но не теперь, а в декабре или январе.

Нынче получил письмо от одного Литошенко, [2] кот[орого] я видел два раза, но кот[орый] произвел на меня впечатление восторженного, искреннего, но очень несуразного человека. Он просит у меня адрес моих англ[ийских] друзей (посылаю вам его письмо), и я послал ему в Кале ваш адрес. Знаю, что такая семья есть страшная тяжесть, но я ничего не мог сделать. Я всеми силами отговаривал его уезжать из России и теперь пишу ему, что вам очень трудно будет помочь ему, но что вы, вероятно, дадите ему работу. Но раз он там один, нельзя бросить его. Жена его прекрасное существо. [3] Так вот простите меня за всё и не переставайте любить.

Л. Т.

На конверте: Angleterre. Purleigh. Maldon. Essex V. Tchertkoff. Registered. Черткову. Эссекс. Заказное.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 275 и 276.

[1] [по-барски,]

[2] Дмитрий Абрамович Литошенко, сочувствовавший взглядам Толстого. В 1898 г. Литошенко переехал с семьей за границу, надеясь дать там более правильное воспитание детям, и оказался в очень тяжелом материальном положении. Письмо Толстого к Литошенко от 16 октября 1898 г. см. т. 71, № 284. Литошенко просил Черткова подыскать для него работу в Англии, но Чертков ответил, что работу для него найти невозможно.

[3] Ольга Андреевна Литошенко.

* 528.

1898 г. Октября 20. Я. П.

20 окт.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Пишу вам со страхом о том, что мои последние письма были неприятны вам и что получу от вас выражение этих неприятных чувств, и это парализует меня. Но думаю, что, если мы оба обратимся к главной станции, кот[орая] нам обоим известна, то мы поймем друг друга.

А дело, о котором мне нужно писать вам, очень важное, и потому хотелось бы, чтобы вы взглянули на него только с точки зрения главной станции, т. е. только перед богом. — Я получил письмо от Mr. Marlsden [1] из Петерб[урга], письмо, в к[отором] он пишет мне, что он агент по переселению в Гавайские ост[рова], приехал нарочно в Россию, чтобы переговорить со мною о переселении 3000 (он знает только о 3000, к[оторым] разрешено переселение) духоб[оров]. Он знает, что это трудолюбивый, нравствен[ный], земледельческий народ (Русский, д[октор] Руссель, [2] живущий в Гавае, сообщил ему об этом), и желал бы их привлечь в свою землю. Я счел своим долгом, несмотря на то, что дело в Канаде уже так далеко зашло, пригласить его. Он вчера был, и меня поразила сравнительная выгода условий переселения на Гав[айские] остр[ова]. Климат, как вы знаете, лучший в мире, ни жарко, ни холодно, плодородная земля, изобилие леса и воды, дешевизна жизни и высокий заработок круглый год. Компания плантаций сахарного тростника гарантирует 30 р[ублей] в месяц (26 дней) (работа 10 часов в поле и 12 в помещении) мужчине и 20 р[ублей] женщине и 16 р[ублей] ребенку. Притом дает каждому семейству дом, огород, воду, дрова и деньги (заимообразно) на продовольствие. Земли же для поселения дешевы и отдаются с платою 8% их стоимости (кажется, 5 доллар[ов] за акр). Так что часть могла бы работать на плантациях, часть устраиваться на земле. Климат так хорош, что можно жить в шалашах или бараках. Переезд туда стоит 50% дороже (мож[ет] б[ыть], и меньше), чем в Канаду. Компания плантаций дает деньги за половину переезда, если переселенцы обязуются отработать эти деньги. О том, сколько будет стоить переезд, агент обещал мне дать положительный ответ, также и о том, сколько денег даст компания на переезд. Всё это очень может быть теперь уже несвоевременно, но дело так важно, так разумна пословица: «десять раз отмерь, один — отрежь», что я счел необходимым сообщить всё это и вам и на Кавказ. Напишите, что вы думаете об этом и квакеры. — Я всё так же напряженно занят своей работой над Воскресеньем. Кончил пересмотр 28 глав. Это большая половина, и посылаю вам. Нынче получил от Маркса 12-ть т[ысяч], т[ак] что у меня около 16 т[ысяч] есть.

Прощайте, пишите скорее.

Л. Т.

Окончив это письмо, получил письмо от Суллера, [3] в котором он пишет, первое, что пароход будет готов не ранее 20 нояб[ря] ст[арого] ст[иля], и потому спеху нет никакого и, второе, что денег у переселенцев достанет и на переезд и на железн[ую] дор[огу], поэтому чтобы я имеющиеся у меня деньги приберег к будущему. От вас же получена телеграмма с требованием денег с необъясненной поспешностью. Я денег не посылаю и не пошлю. Получил и ваше письмо, на к[оторое] буду отвечать. Теперь же только скажу, что помощников интеллигентн[ых] надо, по-моему, брать только таких, какие могут ехать на свой счет, и то с большой осторожностью. Они могут навредить, такие, как Эл[лен] Пет[ровна], [4] и подобные.

Прощайте до след[ующего] письма.

Не успел отправить и эту приписку, как получил от Дунаева [5] отчаянное письмо со вложением вашей телеграммы о деньгах, и опять immédiatement. [6] У него никаких денег давно нет. Все переведены ко мне.

[1] Письмо Marlsden'a сохранилось в архиве Толстого. На нем имеется пометка: б[ез] о[твета]. Переговоры о переселении духоборов на Гавайские острова остались безрезультатными.

[2] Доктор Руссель — фамилия, которую принял Николай Константинович Судзиловский (1856—1930), участник революционного движения 70-х годов, эмигрировавший из России и окончивший за границей медицинский факультет. В начале 90-х годов поселился на Гавайских островах. Доктор Руссель писал Толстому, что, прочитав в журнале «Неделя» о предстоящем переселении духоборов, советует направить их на Гавайские острова, где они легко могут найти работу на сахарных и кофейных плантациях, а через три или четыре года смогут стать фермерами.

[3] Л. А. Суллержицкий находился в то время на Кавказе, подготавливая переселение духоборов.

[4] Е. П. Накашидзе хотела сопровождать духоборов в Америку, но Толстой полагал, что у нее нет достаточного жизненного опыта и организационных способностей, нужных для этого дела.

[5] А. Н. Дунаев в письме от 20 октября писал Толстому, что получил от Черткова телеграмму с предложением перевести 2000 рублей.

[6] [немедленно.[

* 529.

1898 г. Октября 29. Я. П.

Réçu lettres Archer, [1] Anna. Envisagez miennes, comme non avenues, pardonnez chagrin.

Получил письма Арчера,[1] Анны. Рассматривайте мои, как не полученные. Простите огорчение.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на письма Арчера и А. К. Чертковой от 1 ноября н. с.

[1] Арчер (Archer) — англичанин, которого Чертков пригласил как помощника для работы, связанной с переселением духоборов.

Арчер и А. К. Черткова, отвечая на письма от 16 и 20 октября, в которых они объясняли, почему, в интересах дела, желательно иметь деньги для переселения духоборов в Англии. Одновременно Чертков послал Арчера в Россию к Толстому с материалами о переселении духоборов и об издании переводов «Воскресения» за границей.

* 530.

1898 г. Октября 31. Я. П.

Приписываю несколько слов, чтобы сказать, что я очень полюбил Арчера и что, благодаря вашей доброте, считаю наше печальное недоразумение оконченным, так что можем забыть о нем. [1] Я жду Суллерж[ицкого] каждый поезд. Вчера получил письмо от Веригина. [2] Вообще приезд А[рчера] и пребывание его здесь, думаю, будут очень полезны и для практич[еского] и для духовного дела.

Л. Т.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 277. Письмо является припиской к письму Арчера. Датируется по почтовому штемпелю на конверте письма Арчера.

[1] В Дневнике Толстого от 2 ноября 1898 г. имеется запись: «Был недоволен Ч[ертковым] и увидал, что виноват я... Вчера б[ыл] Archer, приехавший от Ч[ерткова], полюбил его» (т. 53, стр. 211).

[2] Толстой имеет в виду письмо П. Веригина, которое накануне привез духобор В. Позняков. Толстой ответил Веригину 1 ноября (см. т. 71, № 301).

* 531.

1898 г. Ноября 1. Я. П.

Милые друзья.

Получил вчера строгое Галино письмо, кот[орое] с смирением принял, как заслуженное. Посылаю вам с милым Арчером всякие сведения и книжку дневника, [1] кот[орую] поскорее верните.

Очень меня радостно поразил тот человек, [2] про кот[орого] вам расскажет Арчер. Боюсь и здесь написать его фамилию, как бы не попало каким-нибудь необычайным случаем врагам и не повредило ему. Какая удивительная ясность сознания мысли и чувства, и при этом и выдержка, и энергия, и, сверх всего, внешняя привлекательность. Пора уж ему быть обратно, но до сих пор нет. Страшно боюсь за него, хотя он один из тех людей, кот[орые] сами ничего не боятся. Вот такое нужно общество, где вырабатываются такие люди. И общество это есть. Поразительную и несколько грустную новость он сообщил мне, это то, что Ольховик [3] перешел к революционерам. Но зато Егоров, [4] псковский, он говорит, удивительно твердый и кроткий человек.

Сережа завтра отправляется к Суллерж[ицкому] на Кавказ. Я написал, как умел, письмо Голицыну, [5] но боюсь, что не подействует. Тогда напишу Горемыкину и государю. Это было бы ужасно и глупо и дурно, если бы не допустили никого помогать и руководить д[ухоборами] в их переселении. Пишу теперь в комнате Маши. Она очень мила и хороша духовно и хорошо переносит свое горе. У ней на днях прекратилось движение ребенка, и надо ожидать выкидыша.

От Андр[юши] и Ольги ничего не имею. Андр[юша] был не скажу хорош, но поразительно лучше, чем он б[ыл] когда-нибудь. Он очень неудержим и был резок и груб с матерью. Со мною же он трогательно хорош. Также и Сережа. И Илюша с женой близки и милы. Сашу же вы бы не узнали: большая, румяная, красивая и наивно добрая, и не быстрая в понимании, но простая в хорошем смысле.

Детище же мое, Воскресение, растет не по дням, а по часам, и до сих пор радует. Нынче я продиктовал Арчеру содержание и думаю, что не отступлю от него — могу только расширить и прибавить.

Да точно как будто забыл про Таню. Она тоже очень хороша и радостна. Слава богу, пока свободна от любвей. Суллержицкий с ней копируют рассказ для вас. Суллер[жицкий] молодец. Какие у нас чудные друзья. Поша, я думаю, с вами.

Обнимаю его, П[авлу] Н[иколаевну] и вас обоих.

Л. Т.

Письмо датируется 1 ноября, так как послано с Арчером, который был в Ясной Поляне 1 ноября. Ответ на письмо А. К. Чертковой от 8 ноября н. с., в котором она писала о тех трудностях, с какими столкнулся В. Г. Чертков при переселении духоборов без наличных денег. А. К. Черткова сообщала, что В. Г. Чертков всегда готов передать это дело другому лицу, если Толстой недоволен его деятельностью.

[1] В письме от 4 ноября н. с. Чертков просил Толстого послать свои Дневники и дать ему возможность выписать из них некоторые мысли.

[2] Василий Николаевич Позняков (1868—1921), духобор. За отказ от воинской службы был сослан в Якутскую область. Впоследствии Позняков, не одобрявший ту исключительную власть, которой пользовался Веригин среди духоборов, вышел из канадской общины. См. статью В. Познякова «Правда о духоборцах», «Ежемесячный журнал» В. С. Миролюбова, 1914, №№ 5—10.

[3] Петр Васильевич Ольховик (р. 1874), крестьянин. За отказ от военной службы был заключен в дисциплинарный батальон, а затем выслан в Якутскую область.

[4] Егор Егорович Егоров — крестьянин Псковской губ., отказавшийся от оружия и присяги при призыве на военную службу и сосланный в Якутскую область после заключения в дисциплинарном батальоне.

[5] Письмо к Г. С. Голицыну, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, с просьбой разрешить Суллержицкому, высланному с Кавказа, вернуться на Кавказ для сопровождения духоборов за границу (см. т. 71, № 308).

* 532.

1898 г. Ноября 23? Я. П.

Сейчас получил от вас письмо, милая Галя, и благодарю за него. Жаль, что В[ладимир] Г[ригорьевич] не пишет, — мне хочется его слышать и чувствовать. Я в очень хорошем душевном настроени и потому часто думаю о нем и хочется сказать то, что думаю.

Crosby прислал мне книгу «The soul of a people» Fielding'a. [1] Очень хорошее и, главное, необыкновенно suggestive [2] сочинение. Достань[те] его. Многое думается и хочется писать, да весь поглощен Воскр[есением]. Я телеграфировал, что М[аркс] согласен отложить до марта. [3] Он напечатал, что появится в янв[аре], до моего письма, и он изменит. Ох, как противна денежная сторона дела. А надо, и я не каюсь. Мне кажется иногда, что в Воск[ресении] будет много хорошего, нужно[го], а иногда,

что предаюсь своей страсти. — Будет ужасно нецензурно, и нынче я подумал, что напечатание вполне за границей может вызвать запрет печатания в Ниве с выпусками.

От Сережи получил телеграмму: *Разрешено.* [4] *Едем в Батум 17-го.* Я горжусь дипломатичностью моего письма Голицыну и приписываю ему успех.

Как я рад тому, что вы пишете о Поше, и как больно, что П[авел] А[лександрович] [5] не с вами. Archer пишет о Воскр[есении], о сроке. [6] Скажите, что до марта отложено. Когда перееду в Москву и увижу кого-нибудь из едущих в Петерб[ург], постараюсь отложить и до апреля. Корректуры исправленные не посылаю, п[отому] ч[то] хочется прежде всего довести до конца и тогда начать сначала. До конца же остается 20 гл[ав]. 40 гл[ав] набраны, 20 глав завтра или послезавтра пошлю для набора и остальные 20 (всех будет около 80) надеюсь кончить до 1 декабря (срок, в кот[орый] я обещал жене переехать в Москву).

Теперь то, что набрано 40 гл[ав], составляет, по расчету Маркса, 8 листов (35 т[ысяч] букв каждый). Еще будет по крайней мере столько же. Так что если для издания в России за вычетом нецензурного будет листов 12, то для заграничной печати будет более 16-ти. Пусть это имеют в виду.

Что вы делаете? Уезжаете ли из Purleigh? [7] Когда и куда?

Прощайте, милые люди. Очень любящий вас

Л. Т.

Отрывки напечатаны в «Листках Свободного слова» 1899, № 2, стр. 47. Датируется на основании помет Черткова на подлиннике о дате получения. Ответ на письмо А. К. Чертковой от 28 ноября н. с.

[1] Русское издание: Фильдинг, «Душа одного народа», перевод П. А. Буланже, «Посредник», М. 1902.

[2] [побуждающее, дающее толчок]

[3] А. Ф. Маркс в ответ на письмо Толстого телеграфировал о согласии отложить печатание «Воскресения» до марта 1899 г.

[4] С. Л. Толстой сообщал о разрешении Суллержицкому сопровождать духоборов.

[5] П. А. Буланже.

[6] Толстой имеет в виду переговоры Черткова с иностранными издателями о печатании переводов «Воскресения».

[7] Осенью 1898 г. Чертковы временно уезжали из Перлея на берег моря в Walton on Naze, графство Essex.

* 533.

1898 г. Декабря 5. Москва.

Сейчас прочел Листок Св[ободного] Сл[ова]. [1] Прекрасно всё, исключая последней страницы: обращения к пожертвованиям. [2] Обращение это никаких пожертвований не вызовет, а роняет как-то достоинство редакции. Мне кажется, что пожертвования, если вызывать, то вызывать надо частным образом, а в печати это нехорошо. Остальное же всё — весь тон — всё прекрасно. Немножко бы только поменьше Толстого и хоть какое-нибудь сведение о правительственных грехах общих, а не исключительно религиозного гонения.

Всё время читаешь и думаешь: как бы сделать, чтобы все или как можно больше людей прочли. Кажется, — вероятно, я ошибаюсь — что на всякого непредубежденного, не вполне испорченного человека должно чтение это произвести неотразимое впечатление. И письма духоб[оров], и Шкарв[ана], и статья Крап[откина], очень мне понравилась. [3]

Теперь о наших молодых. [4] Сейчас приехал Андр[юша]. Вы, милая Галя, удивляетесь, что я против их поселения в деревне. А я удивляюсь, что вы удивляетесь. Жизнь в деревне, на своей земле, в своем доме, есть, во-1-х, самая роскошная жизнь. Тут неизбежны и устройство дома, и экипажи, и лошади, и, не успеешь оглянуться, и собаки; и, во-2-х, главное, покойная, гордая и самоуверенная, как будто занятая праздность. Еще понятно, жизнь в деревне в большом имении — устройство, усовершенств[ование] хозяйства, или жизнь на земле с работой личной и скромная, как ваша в Деменке, а это будет только халат, в к[отором] покойно и из кот[орого] не хочется выйти и в к[оторый] уйдут и все средства и, главное, вся энергия жизни. У нее будут дети, а у него охота и соседи, и лошади и т. п. Я это вижу на Илье, на добром, прекрасном Илье и его доброй и прекрасной жене. Из всех образов жизни, к[оторые] они могут избрать, жизнь в своем именьи самая дурная по своему влиянию. Мы только привыкли к тому, что нечего делать, так ехать в деревню, но поехать в деревню, чтобы жить там, не работая, есть самое невыгодное положение. Что же делать? Что они хотят и могут, но *делать*. Два молодые энергические человека точно старики поедут в деревню в свое имение, чтобы спокойно жить! Главное, что будет вовсе не

спокойно, а кончится тем, что проживут, что есть, нарожают детей и будут нуждаться и тяготиться. Вы опять скажете, что̀ именно делать? Не могу сказать другому, что̀ делать, п[отому] ч[то] не знаю, к чему лежит его сердце, но знаю, что надо иметь в виду дело, а не спокойную жизнь.

Сейчас у меня приехавший на день Д. Чернов расспросить о том, насколько справедливо заманивание Гамбург[ского] пароходн[ого] агента в Арканзас. Кажется, что я успокоил его и их старичков, приславших его. Вчера приехала Хирьякова [5] с своей приятельницей. Думаю, что они поспеют к первому пароходу и будут полезны.

Я теперь в Москве. Пишите сюда. Целую вас, Пошу и всех друзей.

Л. Т.

На конверте: Англия. Angleterre. Essex. Purleigh. V. Tchertkoff.

Отрывки напечатаны: «Листки Свободного слова» 1900, № 11. Датируется 5 декабря, так как духобор Д. Чернов, упоминаемый в письме, был в Ясной Поляне в этот день.

[1] «Листки Свободного слова». Повременное издание под редакцией В. Черткова, № 1, ноябрь 1898 г.

[2] «Обращение к читателям» с просьбой присылать пожертвования для издания «Листков Свободного слова».

[3] В № 1 «Листков Свободного слова» напечатаны письма П. В. и И. В. Веригиных и других духоборов, статья Шкарвана о голландце Вандервере, отказавшемся от военной службы, и статья П. А. Кропоткина «По поводу убийства императрицы австрийской».

[4] Андрей Львович Толстой и его невеста О. К. Дитерихс.

[5] Евфросинья Дмитриевна Хирьякова (1859—1938), фельдшерица, сопровождавшая духоборов в Канаду и некоторое время работавшая среди них.

* 534.

1898 г. Декабря 12? Москва.

Ваше письмо, В[ладимир] Г[ригорьевич], № 62 [1] получил и был очень рад ему. Теперь весь поглощен тем большим письмом, которое пишу неизвестным друзьям. [2]

Л. Т.

Приписка к письму Толстого к Арчеру от 12? декабря 1898 г.

[1] Письмо Черткова от 11 декабря н. с.
[2] Роман «Воскресение».

* 535.

1898 г. Декабря 12. Москва.

Любезный друг В[ладимир] Г[ригорьевич]!

Письмо это, адресованное Арчеру, лежало еще не запечатанным, когда я получил ваше № 63 (Таня привезла его из деревни). Кроме того, привезла и письмо от Моода, писанное с парохода. [1] Я сейчас ему отвечу и буду просить его взять на себя весь труд, как печатания, так и духоб[орческого] переселения.

Спасибо за ваше письмо. Я теперь решительно не могу ничем другим заниматься, как только *Воскр[есением]*. Как ядро, приближающееся к земле всё быстрее и быстрее, так у меня теперь, когда почти конец, я не могу ни о чем, нет, не не могу — могу и даже думаю, но не хочется ни о чем другом думать, как об этом. Сейчас получил корректуры до 70 гл[авы], и очень мне не понравились некот[орые] места. Нынче послал письмо в Якутск и Александровскую тюрьму, под Ирк[утском], братьям. [2] Ужасает меня то количество людей, кот[орое] собирается присоединиться к духоб[орам]. Люди хотят обсохнуть в их среде. Но насколько они высушатся, они внесут сырости к духоборам. Как-то они вынесут этот наплыв? А между тем, видно, так надо. Всем жить надо и всем помогать друг другу.

Андрюша приезжал из Петерб[урга] и поехал к Илье. Он мил, но ужасно слаб и легкомыслен. За него я, не переставая, радуюсь, но за Ольгу боюсь, что ей будет трудно. Ну, прощайте пока. Поше собираюсь писать.

Л. Т.

На конверте: Англия. England. Заказное. Registered. V. Tchertkoff. Purleigh. Essex.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1899, № 2. Датируется 12 декабря, так как в этот день написано письмо Мооду, упоминаемое Толстым. Ответ на письмо от 19 декабря н. с., в котором Чертков сообщал,

что считает необходимым передать Мооду дела, связанные с переселением духоборов в Канаду.

[1] Письмо Моода от 10 декабря н. с., написанное по дороге из Америки в Англию.

[2] Письма Толстого духоборам в Якутск и Александровскую тюрьму неизвестны.

* 536.

1898 г. Декабря 16. Москва.

Виноват, милые друзья, что пишу вам последним после 5 писем, да нельзя было иначе. Пишу, чтобы сказать две вещи: первое, что ваше одобрение, обоих, «Воскр[есения»] мне было очень приятно и поощрительно. Я завтра буду писать эпилог. Всех теперь 87 глав, так что вы знаете $^3/_4$.

Другое, что хотел вам написать, это то, что советую для здоровья Гали ехать в Рим. [1]

Я получил ваши оба письма. [2] Новых сведений о духоб[орах] не имею никаких и жду известий от Сережи. [3] Мы едем 19[-го] недели на 3 в Ясную. Колечка Ге приехал дня два тому назад такой же хороший. Радуюсь, очень радуюсь, восстановлению ваших братских отношений с П[авлом] А[лександровичем]. Я видаю здесь Русановых, Горб[унова] и Дунаева.

Приветствуйте всех друзей. Прощайте.

Л. Т.

Если списки, присланные вам, нехороши, то я на днях пришлю вам корректуры. Я попросил из Редакции еще оттисков и буду высылать вам по мере окончательного исправления, к[оторое] начну через неделю, не позже.

Мне хочется прежде всё иметь в корректурах и тогда начать исправлять окончательно и один оттиск отсылать Марксу и два — вам. Что с франц[узским] изданием? Вандервер мне написал прекрасное, душевное письмо; скажите ему, что я очень благодарю его, но чтобы он извинил, что не отвечаю.

На конверте: Англия. Angleterre. V. Tchertkoff. Purleigh. Essex.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 21 декабря н. с., в котором Чертков писал, что здоровье А. К. Чертковой ухудшается и, может быть, придется отвезти ее в Италию, но заботы об издательстве удерживают его в Англии. В том же письме Чертков писал, что читал дома вслух первые 60 глав «Воскресения», и этот роман произвел глубокое впечатление на всех слушавших чтение.

[1] Поездка В. Г. и А. К. Чертковых в Рим не состоялась.

[2] Письма Черткова от 19 и 21 декабря н. с.

[3] С. Л. Толстой подготавливал в это время в Батуме отъезд третьей партии духоборов, переселявшихся в Канаду. Духоборы отплыли из Батума в сопровождении С. Л. Толстого 21 декабря.

* 537.

1898 г. Декабря 31. Я. П.

31 дек. 1898.

Получил ваши длинные письма, дорогие друзья, а отвечаю коротко. Простите меня. Я был нездоров (инфлуэнца), и теперь еще не совсем поправился. Письмо ваше произвело на меня грустное впечатление: во-1-х, то, что издательство ваше, такое хорошее дело, так précaire, [1] а во-2-х, что вы несогласны со мной насчет вреда для Ан[дрюши] и О[льги] чернской деревенской жизни. Если бы вы знали, как я, ту среду и слабость Анд[рюши], вы бы были согласны со мной. Но я ожидаю все-таки лучшего от них, так же настроены и сестры. Я не перестаю радоваться за Анд[рюшу]. Вот скоро увижу их. Нехорошо, что он очень роскошествует.

У нас сейчас Колечка Ге, едет в Конотоп, и Булыгин, [2] и мне очень радостно с ними, такие они хорошие, — вас любят. О муравьевск[ом] памятнике [3] не совсем хорошо. Очень желчно без уяснения, во имя чего отрицается.

Нынче написал длинное письмо одному бывшему фельдфеб[елю] [4] о невозможности соединения войны и христ[ианства], и что из этого выходит. Попрошу послать вам копию.

Не унывайте, милые друзья, что жизнь ваша не такая, как хотелось бы. Всякая разумная жизнь есть не что иное, как непрестанное развязывание узлов, кот[орые] постоянно завязываются, надо не скучать этим и не ожидать гладкой нитки. Целую вас.

Л. Т.

Посылаю вам письмо, [5] как оно написалось. Я не послал его, но переделывал; вам же посылаю, п[отому] ч[то] вам иногда интересно, что меня занимает.

Ответ на два письма Черткова, написанные в один день — 21 декабря н. с. Чертков писал о том, что, как ему кажется, он «слишком торопился», когда выразил желание передать дело переселения духоборов Мооду. Далее он сообщал, что будет попрежнему отдавать силы созданному им в Англии издательству, которое нуждается в материальной поддержке, и поэтому необходимо привлечь людей, могущих оказать денежную помощь.

[1] [непрочно,]

[2] Михаил Васильевич Булыгин.

[3] Статья «Герой-вешатель», помещенная в «Листках Свободного слова» 1898, № 2, за подписью В. Б[онч-Бруевич]. Статья написана по поводу постановки в г. Вильно памятника гр. Муравьеву, жестоко подавившему польское восстание в 1863 г.

[4] Письмо к бывшему фельдфебелю М. П. Шалагинову см. т. 72, стр. 37—40.

[5] Копия письма к Шалагинову.

1899

* 538.

1899 г. Января 12. Москва.

12 янв. 99.

Получил ваше письмо, дорогой друг, и Галины. Если сейчас не на всё отвечу, простите меня. Всю эту зиму — гнилую — дела у меня очень много, и здоровье стало хуже — не переставая болит спина и общая слабость. Ваше издательство очень интересует меня и очень желаю помочь ему. Повестью едва ли помогу. Все те манипуляции, к[оторые] приходится делать с Воскр[есением], и страхи о том, «как бы чего не вышло» и кто-нибудь не был обижен, так тяжелы, что не хотелось бы вновь повторять это. На то же, чтобы найти богатого человека, к[оторый] помог бы делу, имею большую надежду. Завтра же буду говорить с тем лицом, к[оторое] хотело помочь. [1]

Работа моя почти кончена. Остались не поправлены и не отосланы в набор 5 глав, к[оторые], как скоро просмотрю, возьмусь за корректуры. Вымарок ценз[урных] очень много. Арчер писал, что он разрешил англ[ийскому] издателю напечатать in bookform [2] за две недели до выхода русского. [3] Не сделает ли это беды? Пожалуйста, пожалуйста, остановите это, если может быть беда.

Очень, очень радостно восстановление ваших отношений с П[авлом] А[лександровичем]. Поша хорошо говорил, что если мое недоброжелательство к человеку = 0, то, как бы он ни был сердит, при умножении получится = 0.

Хилков пишет, что лучше имеющиеся деньги употребить на обзаведение переехавших, чем на перевоз кипрских. Я всё надеюсь, что соберутся деньги на то и на другое. А то оставлять кипрских слишком жестоко.

Галя, ваши письма очень мне приятны. Я вижу по ним вашу душу, и смотреть на нее приятно.

Молодых я видел в день свадьбы. [4] Дай бог им дела. Они милы, в особенности Ольга.

Прощайте за то, что мало и плохо пишу. Пришлю два моих письма на днях [5] и 17 глав. И то и другое готовится.

Л. Т.

Получил ваше последнее. В Стокгольме ничего не продано. Напротив, нынче же пишу, чтобы обратились к вам. [6]

Л. Т.

Ответ на письма В. Г. Черткова от 1 января и А. К. Чертковой от 31 декабря н. с. 1898 г. и 8 января н. с. 1899 г.

[1] Возможно, что Толстой имел в виду богатого купца, издателя К. Т. Солдатенкова, пожертвовавшего 5000 рублей на переселение духоборов.

[2] [в форме книги]

[3] Толстой опасался, что появление отдельного издания «Воскресения» в Англии до выхода романа в России может вызвать протест русского и французского издателей этого романа.

[4] А. Л. и О. К. Толстые, свадьба которых состоялась 8 января 1899 г.

[5] Вероятно, письма «Группе шведской интеллигенции» (т. 72, № 3) и бывшему фельдфебелю М. П. Шалагинову.

[6] См. письмо Толстого шведскому писателю Стадлингу, т. 72, № 11.

* 539.

1899 г. Января 23. Москва.

Крестьяне эти, два, присланные от общества, [1] у меня сейчас в Москве. Они приехали, чтобы посоветоваться. Хилков советует им ехать двоим ходоками в Канаду. Я не советую им этого. Рад бы рассоветовать им их переселение в Канаду, но они подали прошение и твердо решились. Им действительно очень трудно от притеснений. Как вы думаете, как им ехать? При найме парохода Карским имейте это в виду. Если им нельзя будет уехать нынешней весной, что будет очень им жалко, то надо им это знать весной, чтобы сеять в свое время, в первых числах марта. Люди это очень хорошие, сколько могу видеть, сильные духом, и рабочие и все мастеровые, такие же, как духоб[оры]. Очень жаль мне наваливать новую заботу,

но т[ак] к[ак] от вас идет наемка пароходов, то нельзя вас миновать.

Мне всё нездоровится, и ныне особенно. Спасибо Гале, что пишет мне. Вчера получил ее письмо карандашом с добрыми вестями о П[авле] А[лександровиче].

Ваш Л. Т.

Приписка к письму Т. Л. Толстой к Черткову от 23 января 1899 г. о том, что крестьяне из села Павловки «в числе 216 душ» задумали переселиться за границу.

[1] Крестьяне села Павловки Сумского уезда Харьковской губ. Василий Яковлевич Прядко и Василий Федорович Павленко, приехавшие к Толстому как ходоки с просьбой помочь их переселению в Америку. Крестьяне села Павловки, отошедшие в конце 80-х годов от православия, подвергались преследованиям со стороны администрации и православного населения. Поэтому они подали прошение о разрешении выезда за границу, но получили ответ, что переселение не может быть разрешено тем из них, кто подлежит призыву на военную службу, и запасным. В Америку переселилось всего лишь несколько семейств.

* 540.

1899 г. Января 24. Москва.

Сейчас получил и прочел вашу статью. [1] Читал без карандаша, да едва ли мог что-либо отмечать. Статья очень хороша. В особенности начало. Идет слабее, и не слабее, а более растянуто с 14 стр[аницы]. Можно бы сжать, кое-что выключить: выключить то, что говорится на 16 и 17 стр[аницах] о личном труде. Это будет чуждо для большого большинства, для кот[орого] всё остальное доступно и неопровержимо. Еще выкинул бы или заменил слова вроде: *словоизвержение*, слова осудительные и несерьезные. И вообще смягчил бы выражения по всей.

Странно, вы всегда, и справедливо, осуждаете меня и призываете к мягкости, а я вас.

Вообще статья очень хорошая и сильная.

Странно, или, скорее, не странно, что в некоторых мыслях мы слились, как вы увидите из посылаемого нынче и в Швецию и вам моего ответа шведам. [2]

Посылаю вам еще письмо полтавского крестьянина. [3] Мож[ет] быть, оно пригодится вам. Оно длинно, но очень содержательно.

О денежной помощи вашим—нашим изданиям ничего не могу сказать утешительного. То лицо, на к[оторое] я надеялся, отказало, — сказало: раздумал. Верно, боится. Я не теряю [4] надежды найти в другом месте. А если нет, то, мож[ет] быть, и повесть предложу вам, но только после окончания *Воскр[есения]*, а это будет нескоро. Теперь у меня готовы первые 30 гл[ав], и я посылаю их завтра окончательно Марксу и вам.

Милую Галю прошу не сетовать на меня, что не пишу. Ужасно полон день трудами и слабостью. На душе нехорошо часто. Бывает время, что то, что мучает, обращаешь в радость, а бывает, что не можешь. Нынче была радость о приезде Сережи. [5] Задерживают меня в работе Воскр[есения] фактические неточности, из-за к[оторых] много надо переделывать.

Статья ваша очень хороша и сильна местами. Ну, прощайте, милые друзья. Я забыл написать Мооду, что я, разумеется, очень рад тому, что он будет переводить, как он пишет, мои статьи. Он отлично переводит. Передайте ему мой привет.

Л. Т.

Вчера после того, как написал вам, пришли Зонов, [6] некто Ушаков, [7] Л[изавета] П[рохоровна] Кутелева [8] и Никифоров, [9] и я им вслух прочел вашу статью. И первое впечатление мое о ней усилилось и подтвердилось. Она очень, очень сильна в своей первой части. И на всех произвела такое же впечатление очень сильное. Во второй части есть тоже хорошее. Мне особенно понравилась мысль о том, что во внутрен[нем] управлении возможен обман закона, а в международном уже нет этого, но все-таки — очень последняя часть ослабляет всё чтение. У меня была мысль или, скорее, чувство, слушая ее, что жалко, что вы так безжалостно обрисовали роль Н[иколая II], сжигаете свои корабли. Я отчеркнул те места, кот[орые] можно бы пропустить или смягчить. Неприятно слово: *преподносят*, просто — предлагают.

С этой же почтой отправляю вам корректуры окончательные 30 гл[ав]. Получил через Шкарвана письмо Гали. Будем стараться помочь П[авлу] А[лександровичу]. Получил от Шк[арвана] письмо. Боже мой, боже мой! Как просто всем прощать и со всеми быть в любви и в особенности с врагами, т. е. с теми,

на к[ого] есть зуб. А мы не делаем. Письмо к фельдфебелю прилагаю в окончательной форме. Будем, будем прощать всем и любить всех.

Отрывок напечатан в журнале «Единение» 1917, № 4, стр. 4. Датируется на основании слов Толстого, что он посылает «завтра» первые 30 глав «Воскресения» Марксу. Главы эти были посланы 25 января.

[1] Рукопись статьи Черткова «Мир, мир! Тогда как нет мира», написанная по поводу созыва Гаагской конференции. Напечатана по-английски в журнале «The Fortnightly Review» в апреле 1899 г., по-русски в «Листках Свободного слова» 1899, № 6.

[2] Ответ Толстого на письмо группы шведов о том, не следует ли добиваться включения в программу Гаагской конференции вопроса об освобождении от военной службы людей, отказывающихся от нее по религиозным и нравственным мотивам. См. т. 72, письмо № 3.

[3] Письмо полтавского крестьянина напечатано под заглавием «Сообщение из Полтавы» в «Листках Свободного слова» 1899, № 6.

[4] *Написано:* не теряя

[5] Вероятно, сообщение о прибытии в Канаду парохода «Lake Superior», на котором С. Л. Толстой ехал вместе с второй партией духоборов.

[6] Алексей Сергеевич Зонов (1870—1919), редактор «Календаря для всех», издававшегося «Посредником».

[7] Федор Андреевич Ушаков (1871—1927), служащий Русского страхового общества.

[8] Елизавета Прохоровна Кутелева (1861—1913), фельдшерица-акушерка. О ней см. К. С. Шохор-Троцкий «Памяти отошедших друзей» — «Ежемесячный журнал» В. С. Миролюбова, 1915, № 1.

[9] Лев Павлович Никифоров (1848—1917), участник революционного движения 60-х годов, сотрудник издательства «Посредник».

* 541.

1899 г. Февраля 5. Москва.

Очень давно не писал вам, дорогие друзья, главное, оттого, что нездоровится, слабость большая, физическая и умственная. Только чувствуешь, что пропасть дела нужно делать, что время идет и ничего не делаешь, чувствуешь себя неспособным делать, и хочется спрятаться куда-нибудь, чтобы никто тебя не нашел и не трогал. Первое и самое главное: духоборы, и духоб[оры] Кипрские. Что будет делаться с ними? Вы меня очень озадачили и смутили, написав, что для их отъезда нужно 40 т[ысяч] и деньги эти должен достать я. Я попытался это

сделать, но кроме очень неприятных минут ничего или почти ничего из этого не вышло. Если можно, напишите, что намерены делать, об этом. Сколько есть денег? Дают ли квакеры хоть взаймы? Нанимается ли пароход и как и за сколько? Другое дело это мое писанье, в кот[ором] я не могу ничего двигать, т[ак] к[ак] нездоровится и мне прямо противно это писанье, особенно конец. А Маркс просит прислать конец, чтобы, судя по нем, цензура решила, можно ли пропустить начало. Надеюсь, что моя спячка пройдет, а теперь хочется не поправлять и прибавлять, а всё черкать.

Третье дело это письмо мое шведам. [1] Я хотел исправить его (оно нескладно) и спросил телеграммой, успею ли? Мне ответили, что письмо уже отпечатано и послано в Англию, так что исправленную версию я пришлю вам, чтобы вы поступили с ней, как знаете. [2]

Письмо фельдфебелю посылаю в окончат[ельном] виде.

Как страшно положение Кипрских по письму фельдшерицы. [3] Надо всеми силами помочь. Я не отчаиваюсь. Может, и набежит помощь. Сережа написал одно письмо из карантина. [4] Хирьякова и ее друг [5] были очень полезны и добры, особенно Хир[ьякова], не страдающая морской болезнью.

Что вы думаете о переселении Павловских? Я боюсь, что они не получат разрешения к времени отъезда карских. [6]

Прощайте, целую вас.

5 фев. Лев Толстой.

Скажите Л. Я. Моод, [7] что я получил ее письмо и прошу простить, что не отвечаю. Ошибку я поправлю, очень рад и благодарен ей за перевод.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1899, № 3, стр. 48.

[1] Письмо «Группе шведской интеллигенции» от 7—9 января 1899 г. по поводу Гаагской мирной конференции. См. т. 72, стр. 9—13.

[2] Исправленная версия была напечатана Чертковым под заглавием «Письмо к шведам» в «Листках Свободного слова» 1899, № 6.

[3] Чертков переслал Толстому письмо фельдшерицы, находившейся с духоборами на Кипре и сообщившей об эпидемических заболеваниях среди них.

[4] С. Л. Толстой и духоборы, которых он сопровождал в Канаду, провели 24 дня в карантине, так как на пароходе был случай заболевания оспой.

[5] Е. Д. Хирьякова и М. А. Чехович, фельдшерицы, сопровождавшие духоборов.

[6] Карские духоборы выехали из Батума в мае 1899 г. Павловские крестьяне не смогли к ним присоединиться.

[7] Луиза Яковлевна Моод, переводила «Воскресение» на английский язык.

* 542.

1899 г. Февраля 12...19 Москва.

Получил нынче последнее письмо ваше, милый друг, № 68. Не огорчайтесь, пожалуйста, и не тяготитесь, а делайте, и бог поможет. Я всей душой с вами и желаю помочь вам. О Кипрских я без вашего письма писал и Поше и Хилкову, [1] что, хотя я не могу решать ничего, мне кажется жестоким задерживать Кипрских, если есть хоть малейшая возможность перевезти их. Мне кажется, что это для нас нравственно обязательно. Но как сделать? Что дадут переводы, что собрано в Америке, я не знаю.

Я с своей стороны постараюсь сделать, что могу. Но мало надеюсь. Т. е. не скажу, что не надеюсь, напротив, надеюсь, но не хочу ни вас, ни себя обнадеживать. Всё это в руках бога. Нам же надо делать свое и главное свое дело: не сердиться ни на кого, не обвинять никого, а радоваться, когда есть случай прощать и любить нелюбящих. Простите, милый друг, я не вам, а себе, не переставая, читаю эту мораль. Вам же тоже она кстати, судя по тону вашего письма. Делать дело надо только затем, и жить надо, чтобы делать дело, но, делая дело, надо постоянно отлеплять его от себя, чтобы не прилипнуть к нему, не слиться с ним, а быть готовым всегда с спокойным духом оставить его, если так угодно Хозяину, а то не успеешь оглянуться, как слипнешься с ним. А, главное, дело, и самое дело делается нехорошо, когда не стоишь от него на должном расстоянии. Я вчера думал это о *Воскр[есении]*, но мало того, что надо быть готовым бросить такие пустяки, как Воскр[есение], * надо быть готовым бросить всё великое дело духоб[оров], если бог велит. И ясно, что всякое дело может быть отнято у меня, только не дело моей души. Тут очень возможно misunder-

---

* Ради бога не думайте, что я нарочно скромничаю, я так чувствую.

standing, [2] но вы, наверно, поймете меня, как я понимаю. Только бы помнить, что одно, одно-единственное дело, хоть не любить, но не не любить никого.

Маркс наверное не давал никому рукописи. [3] Но я все-таки напишу. Послал вам корректуры.

Прощайте, милые друзья, будем во всю силу прощать и любить, а там что выйдет, не наше дело. Целую вас и очень, очень люблю. Сейчас со слезами на глазах пишу это.

Л. Т.

Написано не ранее 12 февраля, так как письмо Толстого к Хилкову, упоминаемое в комментируемом письме, написано 12...15 февраля, но не позднее 19 февраля, потому что 20 февраля он уже написал другое письмо Черткову. Ответ на письмо Черткова № 68, не разысканное в архивах. По предположению А. К. Чертковой, В. Г. Чертков писал Толстому о разногласиях с Д. А. Хилковым, желавшим употребить собранные средства в первую очередь на хозяйственное обзаведение уже перевезенных в Канаду духоборов, а не на переселение туда духоборов, находившихся на о. Кипре.

[1] Письма П. И. Бирюкову от 24? января и Д. А. Хилкову от 12—15? февраля 1899 г. см. т. 72, стр. 49 и 63—64.

[2] [недоразумение,]

[3] В. Д. Бонч-Бруевич, принимавший участие в переселении духоборов, по поручению Черткова писал 1 февраля Толстому о том, что за границей появились объявления разных издателей, обещающих выпустить полный перевод «Воскресения» почти одновременно с издательством Маркса, в связи с чем Чертков сделал заявление о том, что «Воскресение» в издании Маркса будет напечатано с цензурными сокращениями, а за границей полностью текст сможет быть опубликован лишь теми издателями, которые получат его от Черткова. В. Д. Бонч-Бруевич написал Толстому, что заявление Черткова утратит смысл, если Маркс передаст другим издателям полный текст «Воскресения».

* 543.

1899 г. Февраля 15. Москва.

Получил ваше письмо, милый друг, и послал копию Павловцам. Кроме Павловцев, хотят ехать 28 душ из Судж[анского] уезда, [1] где б[ыл] Кудиненко, [2] (приезжал ко мне один), и еще из Речек 10 человек, преимуществ[енно] из семьи Ольховика. [3] Не думаю, чтобы им разрешили, но если разрешат, то ко 2-му пароходу, и тогда я спишусь с вами.

Я всё стараюсь набирать денег. Отрывок истор[ии] мат[ери], [4] как вы, м[ожет] б[ыть], видели, б[ыл] почти слово в слово напечатан в «Р[усских] в[едомостях»]. Это меня огорчило. Я предложил Марксу через Сергеенко этот отрывок. Он выговорил у него 2000 р[ублей]. Я еще не брал денег. Теперь нельзя ли и у вас, т. е. за границей, эксплуатировать этот рассказ. Еще мне пожертвовали для дух[оборов] 5500 р[ублей]. Мне хочется собрать столько, чтобы и Хилков мог там обзавести и Кипрск[ие] бы были перевезены. Это главное. Вчера я от них получил умоляющее письмо и от St. John письмо, [5] в к[отором] он пишет про некот[орые] слабости их. Несколько человек пьют и об украденном обратились к полиции. Я думаю, болезнь ослабляет и тело и дух. Зато из Канады приехал Бакунин [6] и говорит, что он ехал с недоверием, но то, что он увидал, превзошло всё, что он слыхал. У меня живет француз Sinet [7] — живописец, первый француз радикальный христианин. Я с ним пошел на выставку Ярошенки, [8] увидал там его жену, а главное, особенно живо вспомнил вас — Галю: и курсистка, и в Кисловодске, и Димочка-бебияка, [9] а сходство необыкновенное до сих пор.

Прощайте пока, целую вас братски.

У меня всё болит спина и слабость и отвращение к Воскресенью, за к[оторое] не могу взяться.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 235. Датируется на основании приписки к этому письму Т. Л. Толстой с датой 15 февраля.

[1] Группа крестьян с. Лужки Суджанского уезда Курской губ., порвавших с православной церковью и отрицавших ее обряды.

[2] Федор Терентьевич Кудиненко, крестьянин Сумского уезда Харьковской губ., сосланный в Закавказье за отказ хоронить сына по обряду православной церкви.

[3] О Петре Ольховике см. письмо № 531. Толстой имеет в виду семью брата Петра Ольховика, Игнатия, который был выслан из Харьковской губ. как штундист вместе с несколькими односельчанами в Польшу. Семьи высланных штундистов уехали в Канаду в 1900 г., а впоследствии туда выехали и находящиеся в ссылке Игнатий Ольховик и его единоверцы.

[4] «История матери» осталась незаконченной. Отрывки напечатаны в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. III, М. 1912. Отрывок, прочитанный 19 декабря 1898 г. на литературно-музыкальном вечере в театре Корша, был подробно изложен в газете «Русские ведомости» 1898, № 290.

[5] Англичанин Син-Джон участвовал в переселении духоборов с Кипра в мае 1899 г. Ответ Толстого на его письмо см. т. 72, письмо № 41.

[6] Алексей Ильич Бакунин (р. 1875), врач-хирург, сопровождавший первую партию духоборов в Канаду.

[7] Эдуард Сине, французский художник, отказывавшийся от военной службы.

[8] Николай Александрович Ярошенко (1846—1898), художник, и его жена Мария Павловна, знакомые Чертковых. Н. А. Ярошенко изобразил А. К. Черткову в картинах «Курсистка» и «В теплых краях».

[9] Этюд — портрет сына Чертковых Димы, сделанный в 1890 г., когда он был маленьким мальчиком.

* 544.

1899 г. Февраля 20. Москва.

Вчера получил ваше письмо с вырезк[ами] из газет. Как хороши все статьи Кенворти. [1] Всё до конца додумано и потому всегда ясно. О денежных делах напишу в другой раз. Всё хочется сразу всё кончить. Теперь пишу несколько слов, чтобы сказать 1) что посланная вам копия письма послана по ошибке. Это письмо, на кот[орое] я отвечаю, и ответ пришлю вам, а 2) что Hamon, 3, Boulevard Berthier, Paris, издатель Humanité Nouvelle, [2] просит присылать ему для перевода и напечатания все мои писанья. Это, кажется, хорошего духа издание, и ему можно бы послать письмо шведам. Он просит только переписанное ремингтоном. [3]

Здоровье мое лучше, и я опять взялся за Воскр[есение], боясь пропустить этот хороший период, не окончив. Ваше и Галино замечание, что к политическим должны быть выставлены свойственные действительности тени, показывает, как вы оба верно чувствуете. Я это самое думал и уже начал делать.

Не жалуйтесь на свое положение. Я думаю, что вы будете вспоминать добром это время. Оно важное.

Лев Толстой.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1899, № 3, стр. 48. Ответ на письмо от 24 февраля н. с. 1899 г., в котором Чертков писал о впечатлении, произведенном романом «Воскресение» на читателей. Вместе с тем В. Г. Чертков писал, что и он сам и А. К. Черткова, радуясь тому, с какой симпатией изображены в романе политические заключенные, думают, однако, что надо показать и «обратную сторону медали».

[1] Чертков послал Толстому вырезки из английских газет с статьями Кенворти. Среди них была статья «О войне и мире», опубликованная в газете «Echo» от 23 февраля н. с. 1899 г., впоследствии переведенная на русский язык и напечатанная в «Листках Свободного слова» 1899, № 6.

[2] Адрес Амона (Hamon), издателя журнала «Humanité nouvelle».

[3] Пишущая машинка, системы ремингтон.

* 545.

1899 г. Марта 2? Москва.

Милые друзья.

Посылаю почтой, а не телеграфом (за это простите) 8000 из Москвы и 2000 из Петерб[урга], т. е. прошу Маркса выслать, и уверен, что он исполнит. Америк[анскому] издателю письмо я подписал. [1] Стараюсь достать еще денег. До сих пор без успеха. Здоровье лучше. Много переделываю Воскр[есение].

Целую вас.

Л. Толстой.

Мооду или, скорее, милому Кенворти (какой прекрасный № «New Order» [2]) [скажите], что я очень хочу написать предисловечко к его книге, но еще не успел.

Когда идут пароходы? [3] Где Суллер?

У меня есть провожатый студент, очень хороший человек. Он был у духоб[оров]. Они знают его. *Струменский.* [4]

Письмо датируется предположительно 2 марта, так как, повидимому, оно написано одновременно с письмом к А. Ф. Марксу от 2 марта, в котором Толстой просит перевести Черткову 2000 рублей.

[1] По предположению А. К. Чертковой, Толстой имеет в виду письмо к издателю журнала «The Cosmopolitan Magazine», желавшему получить письмо от Толстого до начала печатания «Воскресения».

[2] «The New Order», ежемесячный журнал, издававшийся при ближайшем участии Кенворти.

[3] Пароходы, на которых должны были быть перевезены третья и четвертая партии духоборов.

[4] Степан Евгеньевич Струменский, студент, желавший сопровождать четвертую партию духоборов. В 1902 г. жил у Черткова в Англии, помогая ему в издательской работе. Впоследствии служил в русском консульстве в Шанхае.

* 546.

1899 г. Марта 5. Москва.

Marks avec raison déplore publication allemande sans coupures. Rétractez [1] annonce.

Маркс основательно жалуется издание немецкое без урезок. Возьмите назад объявление.

Телеграмма. Датируется по пометкам на телеграфном бланке. Телеграмма вызвана письмом Маркса от 2 марта (см. прим. к письму № 547).

[1] *Написано:* récactez *Рукой Черткова поправлено:* rétractez.

* 547.

1899 г. Марта 5. Москва.

Сейчас получил это письмо. Если можно, сделайте, милый друг, такое объявленье, распоряжение, письмо, кот[орое] удовлетворило бы Маркса. [1] Целую вас.

Л. Толстой.

Написано на письме, которое Толстой получил от А. Ф. Маркса и послал Черткову. Письмо, повидимому, написано одновременно с телеграммой от 5 марта.

[1] Письмо А. Ф. Маркса было вызвано заявлением Черткова, напечатанном в «Berliner Literarisches Echo» от 27 февраля 1899 г. Маркс сообщал, что немецкий издатель F. Fontans заявил, будто в России появится лишь одна четвертая часть романа, тогда как в первых 28 главах сокращена цензурой только одна двадцатая часть текста.

* 548.

1899 г. Марта 9. Москва.

Посылаю вам, милый друг, 50 р[ублей], собранные Грауберге-ром [1] для изданий. Что пароход? [2] Еще высылаются вам 3000 р[ублей], пожертвованные Коншиным [3] для Кипрских. Не сердитесь на меня, пожалуйста, за телеграмму и за то, что деньги послал не по телеграфу. Очень мне и трудно, и скучно, и одиноко. И боюсь я неприятностей, т. е. того, чтобы люди на меня сердились. А люди сердятся. Всё деньги. Не нужно было и

духо[борам] деньги. Лучше бы было, если бы они оставались на месте и страдали, и для нас, и для мира. Но так [как] мы — я — живу дурно в роскоши и роскошной среде, то мне нельзя было не делать. А делаю, и всё выходит скверно и грех. И жду еще больше с Марксом, с его запрещением перепечатывать до окончания всего.[4] Всё это не доказывает того, что деньги на что-нибудь, как на дурное, нужны, а только то, что я дурно живу.

Спасибо за ваши письма — Галя давно не пишет. Целую вас.

Л. Т.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 13 февраля н. с., в котором Чертков писал, что типография его устроена хорошо, но для бесперебойной издательской работы желательно было бы собирать в России некоторую сумму денег в форме ежемесячной подписки.

[1] Федор Христофорович Граубергер (1857—1919), народный учитель из Саратовской губ., садовод, разделял взгляды Толстого.

[2] Пароход, нанятый для того, чтобы перевезти в Канаду духоборов, находившихся на о. Кипре.

[3] Александр Николаевич Коншин, сын фабриканта. Сопровождал в Канаду четвертую партию духоборов.

[4] Маркс напечатал в «Ниве» предупреждение, что одновременное печатание «Воскресения» в других органах будет преследоваться в судебном порядке, так как право первого издания принадлежит ему («Нива» 1899, № 11).

* 549.

1899 г. Марта 12...14. Москва.

Телеграмму и письмо ваше 21 получил. Исполнить ваше желание сию минуту не могу. Главы от 40 до 50 не переписаны; в них была большая ломка, теперь посылаю Марксу, прося набрать и прислать, так что буду в состоянии выслать не раньше недели. Тогда же сообщу и распределение глав. Что делать! Иначе буквально невозможно.

Еще получил неприятное письмо от Бодянского.[1] Он пишет — отвечать ему в Лондон. Вы, верно, увидите его, так, пожалуйста, передайте, что я ему ни в чем не препятствовал, крестьян не смущал, ни слова не говорил им о том предположении, о ко-

тором говорил ему Линденберг. То, о чем я ему говорил, есть только отдаленный план, о котором я навожу справки в Петербурге и упомянул Линденбергу.

Пишущий вам очень мне представляется надежным и искренним человеком. Я очень устал и запутался в своей работе. Если эта задержка расстроит дело с Америкой, — что ж делать. Иначе не мог.

Прощайте. Не сетуйте на меня и продолжайте любить меня. Мне это дорого.

Л. Т.

Написано не ранее 12 марта, когда Толстой получил письмо от Бодянского, и не позднее 14 марта, так как 15 марта Толстой написал Черткову, что уже писал о задержке глав «Воскресения», упоминаемых в комментируемом письме.

Первая часть письма до слова «Линденбергу» написана под диктовку. Письмо является припиской к письму, написанному, повидимому, С. Е. Струменским, который предлагал Черткову свои услуги для сопровождения духоборов в Канаду.

[1] Александр Михайлович Бодянский (1845—1916), бывший землевладелец Харьковской губ., отказавшийся от земли. В 1892 г. был выслан из Харьковской губ. сперва на Кавказ, затем в Лифляндию, откуда уехал за границу, где жил некоторое время в Канаде среди духоборов. О нем см. т. 72, стр. 52. Перед отъездом за границу Бодянский написал Толстому, что слышал от Г. Линденберга, будто бы Толстой хлопочет о переселении в Манчжурию крестьян-штундистов Харьковской губ., которые желают покинуть Россию из-за религиозных гонений. Бодянский писал, что он в свое время советовал этим крестьянам переселиться в Канаду. Поэтому Бодянский выражал опасение, что такие различные советы не принесут пользы этим крестьянам.

* 550.

1899 г. Марта 15. Москва.

Сейчас получил ваше письмо, дорогая Галя, и то, что в нем нет приписки Димы, и то, что вы мне пишете о всех его трудах и неприятностях, очень меня огорчило и пристыдило. Так мне неприятно всякое недовольство от других людей, хотя бы от Маркса, что я спешу устранить его, а между тем забываю, что, устраняя от себя, я надвигаю на Диму,[1] кот[орый] и так задавлен и в более тяжелых условиях, чем я. Если бы

я подумал тогда и кто-нибудь напомнил мне, я, разумеется, не сделал бы этого.

Я сижу в Москве, в комнате, отведенной Ольге с Андрюшей, и милая Оля сидит рядом со мной и тоже пишет. Сейчас мы говорили с ней, и я только больше и больше радуюсь за Андрюшу.

Напишите мне, как стоят дела денежные с наймом парохода. Сколько мы должны квакерам? и т. п.

Я очень задержал главы от 30 до 50. Как писал вам, надеюсь выслать их через неделю. Надеюсь, что это не помешает.

У меня радость, что съехались Таня, Андр[юша] и Оля, а горе то, что жена больна.[2] У ней что-то с сердцем. Ее поддерживают возбуждающими. Если нет возбужд[ающих], кофеин, шампанск[ое], то падает пульс. Она очень смирна, кротка, больная. Сейчас оторвали.

Так простите, милый В[ладимир] Г[ригорьевич]. Сколько раз я это говорю, но ведь не 7, а 7 × 70. Целую вас.

Л. Т.

Датируется на основании пометы «15 марта 1899 г.», сделанной рукой О. К. Толстой на подлиннике. Ответ на письмо от 24 марта н. с., в котором А. К. Черткова писала о том, что, по предположению В. Г. Черткова, цензурные урезки в следующих частях «Воскресения» в издании А. Ф. Маркса должны быть очень значительны, если даже в первой части, наиболее цензурной, выпущено 250 строк. Объясняя причины, по которым В. Г. Чертков сделал заявление в заграничной печати о том, что полный текст «Воскресения» переводчики могут получить только у него, А. К. Черткова объясняла, что это заявление не может принести убытка А. Ф. Марксу. Далее А. К. Черткова сообщала о том, что В. Г. Черткову удалось выпустить в дешевом издании на английском языке «Сказку о Иване-дураке» и «Христианское учение», которые, повидимому, будут иметь успех.

[1] См. письмо и телеграмму Черткову от 5 марта (№№ 546 и 547).

[2] С. А. Толстая была вынуждена пролежать в постели с 11 марта по 8 апреля вследствие ослабления деятельности сердца.

* 551.

1899 г. Марта 28. Москва.

Bontch-Brouevitch[1] inutile. Avons deux personnes sûres, prêtes accompagner.[2] Informez départ vaisseau.

Tolstoy.

Бонч-Бруевич [1] не нужен. Имеем двух надежных людей, готовых сопровождать [2]. Сообщите отход судна.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

[1] Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955). С 1894 г. принимал участие в революционном движении. Был вынужден уехать в 1896 г. за границу и вернулся в Россию в 1905 г., принимал участие в предпринятом Чертковым собирании архивных материалов о русских сектантах, в 1899 г. сопровождал четвертую партию духоборов в Канаду. В 1917—1920 гг. управляющий делами Совнаркома, в 1932—1939 гг. директор Государственного Литературного музея.

[2] А. Н. Коншин и С. Е. Струменский. Телеграмма Толстого была получена, когда квакерский комитет помощи духоборам уже выдал доверенность на имя Бонч-Бруевича. Поэтому из двух лиц, намеченных Толстым для сопровождения духоборов, поехал только А. Н. Коншин.

* 552.

1899 г. Апреля 4. Москва.

Не могу вам выразить, милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич], как мне больно, что я, все-таки я, во всех смыслах, был причиной тех отвратительных неприятностей, к[оторые] вам пришлось перенести. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Удостоверение, к[оторое] посылаю, видно, что составлено вами, так оно умеренно и достойно деликатно.[1] Утешаюсь только тем, что это пройдет и забудется. Сережа всё очень хорошо рассказывал и с любовью к вам не по одному тому, что знает, как я люблю вас, но и потому, что сам любит вас и справедлив.[2]

Простите, милая Галя, что не отвечаю на ваши дорогие письма — ужасно много суеты, поглощающей всё мое время. Милая Оля помогает мне, и я радуюсь на нее.

Л. Т.

Кроме этих двух провожатых никого, кроме врачей и фельдшериц, не нужно. Хирьякова— едет. Когда выйдет пароход за Карскими? Коншин уже поехал на Кавказ. Другой провожатый, Струменский, ожидает здесь.

Датируется днем, предшествующим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 13 апреля н. с., в котором Чертков писал о том, в какое затруднительное положение его поставила телеграмма Толстого

от 5 марта и действия А. Ф. Маркса. Чертков указывал, что он сделал заявление в газетах не по своей инициативе, а по просьбе немецкого издателя «Воскресения», который просил его печатно подтвердить свои слова о цензурных сокращениях в русском издании «Воскресения». Между тем Маркс, ссылаясь на письмо Толстого, напечатал в немецких газетах письмо, опровергающее заявление Черткова. Для того чтобы быть реабилитированным в глазах иностранных издателей и переводчиков, Чертков просил подписать доверенность, уполномочивавшую его вести все дело издания произведений Толстого за границей.

[1] Заявление Толстого в редакции иностранных газет о том, что Чертков является его полномочным представителем за границей по издательским делам. См. т. 72, письмо № 82.

[2] С. Л. Толстой на обратном пути из Канады заезжал в Англию и посетил Чертковых.

* 553.

1899 г. Апреля 25. Москва.

Посылаю вам, дорогой друг, подписанное письмо в Америк[анские] газеты;[1] только, признаюсь, лучше бы было, если бы можно было обойтись без него. Так неприятно ссориться, кого-то — кого я и не знаю — обижать. Да и можно ли в газетах добиться и высказать правду? В этом мире всегда более наглый и бессовестный aura le dernier mot.[2] Как бы не было так и здесь. То же, что вы возвратили чек и остановили печатание, очень хорошо. Целую вас.

Л. Толстой.

Датируется на основании приложенного к подлиннику письма Толстого в американские газеты от 25 апреля 1899 г.

Ответ на письмо от 24 апреля н. с., написанное по поручению Черткова его помощником англичанином Ames. Чертков сообщал, что редактор американского журнала «The Cosmopolitan Magazine», который приобрел право первой публикации романа, печатает его с изменениями и сокращениями. Чертков вернул полученный аванс в 2000 долларов и просил Толстого заявить, что перевод этот не имеет его авторизации.

[1] Письмо Толстого в редакции иностранных газет см. т. 72, стр. 115.

[2] [будет иметь последнее слово.]

* 554.

1899 г. Мая 5. Москва.

5 мая.

Простите меня, пожалуйста (впрочем, на моей бумаге для писем можно бы эти слова напечатать, т[ак] к[ак] всегда они начинаются совершенно справедливо так — покаянием), за то, что не отвечал, и, главное, за то, что задерживаю перевод и печатание поправками. Причина и того и другого одна: невозможность успеть и потребность исправлять скверное. Вы пишете о том, чтобы дать вам повесть для наших изданий. Да я теперь закаялся так печатать, так я измучился. Дело в том, что, как умный портретист, скульптор (Трубецк[ой]),[1] занят только тем, чтобы передать выражение лица — глаз, так для меня главное — душевная жизнь, выражающаяся в сценах. И эти сцены не мог не перерабатывать. Если большое затруднение переделывать, печатайте, как прежде было, только жалко. — После этих глав всё пойдет, надеюсь, гладко. Следующие за 43 вышлю через два дня. Их нет у меня. Маркс высылает вам правильно, но т[ак] к[ак] вы боитесь его коварства (он не коварен, а груб и глуп), я буду высылать от себя. Спасибо Колечке,[2] к[оторый] работает, как вол, помогая мне. Деньги я вам выслал духоборческие, п[отому] ч[то] лицо, давшее деньги, обещало привезти их, а вам нужно скорее.

С американск[ими] издателями делайте, как находите нужным.[3] Я лично не запретил бы. В будущем нельзя же запретить. Сейчас сажусь за работу. Сведения о Якутских посылаю.[4]

Целую вас всех.

Всё это неважно. Важно всем нам любить друг друга, главное, никого не не любить. А мы это-то (я) и делаем. Простите, что пишу такие пошлости. Что делать, коли я, кроме этих пошлостей, ничего не нахожу новым, современным и интересным.

Л. Т.

На подлиннике приписка Н. Н. Ге, извещавшего Черткова о том, что одновременно посылает гл. 41—43 «Воскресения».

Ответ на письмо от 9 мая н. с., в котором Чертков писал о денежных затруднениях, мешающих ему печатать книги в созданном им издательстве, и спрашивал, не найдет ли Толстой возможным предоставить ему право первого печатания за границей одной из своих новых повестей, чтобы таким образом покрыть убытки от издания других писаний Толстого.

[1] Павел Петрович (Паоло) Трубецкой (1867—1938), скульптор, неоднократно лепивший Толстого.

[2] Н. Н. Ге, сын художника, переписывал «Воскресение» и помогал Толстому держать корректуры.

[3] Толстой имеет в виду запрещение редактору-издателю «The Cosmopolitan Magazine» печатать «Воскресение» с сокращениями и изменениями.

[4] Сведения о духоборах, сосланных в Якутскую область.

* 555.

1899 г. Мая 5. Москва.

Chapitres de 41 à 50 [1] changements essentieles. Manuscrit suit.

Tolstoy.

В главах с 41 до 50 [1] существенные изменения. Рукопись следует.

Толстой.

Телеграмма. Датируется по пометке на телеграфном бланке.

[1] Гл. 41—50 первой части романа «Воскресение».

* 556.

1899 г. Мая 5. Москва.

Mille quarante quatre par depêche [1] Londres, International Bank.

Tolstoy.

Тысяча сорок четыре телеграфом [1] Лондон, Международный банк.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] Деньги, о которых Толстой писал в письме № 554.

* 557.

1899 г. Мая 13. Москва.

Chapitres 45—50 [1] envoyés, le reste immédiatement.

Главы 45—50 [1] высланы, остальное без промедления.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] Корректуры гл. 45—50 первой части романа «Воскресение» с поправками Толстого.

* 558.

1899 г. Мая 14. Москва.

Посылаю вам окончательно отданные в печать главы, с 50 по 57 и с 1-й по 4, 2-й части, итого 11 глав.[1] Надеюсь, что дальнейшие пришлются очень скоро, так как они все написаны, набраны и только исправляются. Нынче я уезжаю в деревню, так что впредь адресуйте в Ясенки. Если я много — очень много — задерживал и делал неприятности вам и переводчикам, то, пожалуйста, простите меня. Очень тяжела мне была нынешняя зима. Оля очень помогала и помогает мне. Карские плывут,[2] и беспокоюсь за них. Помогай вам бог в ваших трудах, милые друзья.

Л. Т.

Датируется на основании слов: «Нынче я уезжаю в деревню». Толстой уехал в Ясную Поляну 14 мая.

[1] Корректуры конца первой и начала второй части романа «Воскресение», окончательно исправленные Толстым.

[2] Пароход с духоборами из Карской области, вышедший из Батума 29 апреля.

* 559.

1899 г. Мая 26? Я. П.

После обычного вступления — сознания своей вины — с робостью излагаю мои просьбы.

Посылаю последние главы 1-й части, с 51 по 58, в окончательном виде, также и 9 глав 2-й части, и прошу, если можно, вне-

сти все эти поправки во все переводы. Если же нельзя, то по крайней мере в русское издание. А затем сделаете, как сможете. За всё же, что сделаете, сердечно благодарю.

Познакомился с милой Хрущевой.[1] Телеграмму Фонтану[2] послал. Очень много нынче работал и устал, что не мешает мне, однако, думать о вас и желать возобновить наше духовное общение, прерванное практическими делами. За всё время — месяца два — не писал дневника. А на душе недурно. Хочется рассказать вам, почему.

Л. Т.

Датируется предположительно на основании даты получения письма, помеченной Чертковым на подлиннике.

[1] Елена Александровна Хрущова, жена врача. Бывая в Англии у своей матери англичанки, познакомилась там с Чертковым и перевозила в Россию его письма и издания.

[2] Фонтан Ф., немецкий издатель «Воскресения». Телеграмма Толстого неизвестна. Вероятно, она касалась недоразумений при издании «Воскресения» в Германии, которые вызвали полемику между Марксом и Фонтаном.

* 560.

1899 г. Мая 28. Я. П.

Милый мой друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Сейчас я нездоров (немного), не работаю и потому много думаю и живо чувствую. И подумал о вас обоих, вас и Гале, и мне ужасно стало жалко вас. Я перенесся совсем в вас, в вашу жизнь: живут где-то, в каком-то гадком Эссексе — одни: Галя — слабая, больная. Вы тоже, то апатичный, то нервно-возбужденный, и завалены делами, кот[орые] трудны и не ладятся, и нет с вами близких, сердечных друзей, каким я себя чувствую и хотел бы быть. А последнее время все эти пустяковые дела заслонили, затуманили нашу связь. И мне стало грустно и жалко и захотелось сбросить всё, что мешает, и почувствовать опять ту дорогую, п[отому] ч[то] не личную, а через бога, связь мою с вами, очень сильную и дорогую мне. Ни с кем, как с вами (впрочем, всякая связь особенная), нет такой определенной божеской связи — такого ясного отношения нашего через бога. Я ни с кем так, как с вами, не чувствую ясного различия

между всеми нашими плотскими, мирскими гадостями, кот[орых] в нас много, в обоих, и тем, что в нас настоящее божие. В других это больше смешано, слитно, а в нас с вами это очень отлепляется, отдельно. И за это я вас особенно люблю. Так вот это хотел сказать вам.

Я очень поглощен своей работой. И постоянно, когда только увижу корректуры или Маркса, мне тошно и больно. Форма работы мне мучительно противна самим писанием, кот[орым] постоянно недоволен, постоянно так занят, что влагаю невольно в него все силы. Еще другие идут во мне душевные движения, но, слава богу, вижу свет, и всё больше и больше. Всё чаще и чаще чувствую себя не хозяином своей жизни, а работником, и не думаю о том, что выйдет из того, что делаю, а только о том, что делаю и как. Часто и большей частью на душе хорошо. И чувствую себя одним, но не одиноким. Так вот мне больно за вас, что вам обоим нехорошо. Как бы вам отдохнуть от работы, сойти с бесконечного ремня, на кот[орый] вы встали, и так же, как теперь я, почувствовать свое место,[1] себя к богу. Дай бог вам этого. Это большое, единственное благо. Да, верно, оно и есть у вас.

До свиданья, милый друг. Не пишите мне в ответ на это письмо, а примите его только как крик любящего сердца.

Л. Толстой.

28 мая.

На конверте: Англия. Angleterre. Purleigh. Maldon. Essex. V. Tchertkoff.

[1] *После слова*: место *в подлиннике, повидимому, пропущено какое-то слово.*

* 561.

1899 г. Июня 3. Я. П.

Получил третьего дня начало вашего личного письма, а сегодня конец — после поездки в Лондон. В промежутке вчера из Тулы получил ваше и Жука деловое письмо и соответственно ему написал Марксу.[1] Очень рад был получить хорошее письмо ваше. Хорошо, если это состояние продолжится, а если и не продолжится, то в период сонный будет действовать так, как

загипнотиз[иру]ете себя — внушите себе в состоянии духовного бдения. Это прекрасно устроено.

Я работаю напряженно и над душой своей [2] и над Воскресением. Прощайте, милые друзья. Что Поша? Мне грустно без общения с ним.

Вчера получил письмо от Якут[ского] доктора.[3] Он еще в пути. Пишу со станции.

На обороте: Англия. Angleterre. Purleigh. Maldon. Essex. Vladimir Tchertkoff.

Датируется днем, обозначенным на почтовом штемпеле, так как Толстой упоминает, что письмо написано на станции.

Ответ на письма Черткова от 4—6 и 9 июня н. с., являющиеся началом и концом одного и того же письма, и на письмо от 5 июня, написанное по поручению Черткова его сотрудником В. Жуком. Чертков писал, что особенно сильно чувствует потребность душевного общения с Толстым и надеется, что оно станет более «сконцентрированным», когда уляжется «тягостная суета» в связи с переселением духоборов и изданием за границей «Воскресения». В. Жук писал, что переводчики опасаются, как бы «Нива» не перегнала их в публиковании «Воскресения», а это может привести к тому, что издатели расторгнут контракты с Чертковым. Немецкий переводчик писал им, что «Нива» опередила немецкие журналы на две главы и надо просить Маркса, чтобы он задержал печатание романа на неделю, а в дальнейшем соблюдал бы свое обещание не опережать иностранные издания и придерживался бы точно составленного им расписания публикаций «Воскресения» в номерах «Нивы».

[1] См. письмо Толстого к А. Ф. Марксу от 3 июня 1899 г., т. 72, стр. 135.

[2] *Написано:* свой

[3] Прокопий Нестерович Сокольников (1867—1899), врач, якут, возвращавшийся в Якутск после окончания учения; ехал вместе с женами духоборов, переселявшимися с Кавказа к мужьям, находившимся в ссылке.

* 562.

1899 г. Июня 7. Я. П.

Простите, что злоупотребляю вашей снисходительностью и посылаю корректуры очень нечистыми.[1] Случилось, что нет переписчиц — на днях будут. — Всё, однако, просмотрено внимательно. Всё готово дальше и не замедлит.

Приветствую вас, милые друзья.

Мне горе — умерла Анна Михайловна Олсуфьева.[2]

Л. Т.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике. Отрывок напечатан: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 213.

[1] Письмо написано на обрывке корректуры «Воскресения», на которой имеется зачеркнутая Толстым вставка.

[2] Анна Михайловна Олсуфьева, в имении которой Никольское-Оболяново Толстой неоднократно гостил.

* 563.

1899 г. Июня 8. Я. П.

На мое письмо Марксу он отвечает мне, что остановить печатание он не может, а сделает следующее: в № 26 будут напечатаны главы 7—9; в № 27 — гл[авы] 10—13, а в № 28 — гл[авы] 14—15, так что с 26 № будет напечатано против прежнего распределения на 2 гл[авы], с № же 28 на 4, т. е. получится тот же результат, кот[орый] был бы достигнут приостановкой на одну неделю. — Я думаю, что это удовлетворит издателей, но я все-таки написал Марксу, прося его отложить печатание на неделю. Не знаю, что он ответит.[1]

Ваш верный друг Л. Т.

Ольга с Андр[юшей] вчера в ночь уехали в Петерб[ург]. Известий еще не имеем.[2]

На обороте: Англия. Angleterre. Purleigh. Maldon. Essex. V. Tchertkoff.

Закрытое письмо (секретка).

[1] А. Ф. Маркс ответил согласием на письмо Толстого от 8 июня с повторной просьбой отложить печатание романа на неделю после выхода № 26 «Нивы».

[2] О. К. Толстая и А. Л. Толстой выехали в Петербург к внезапно заболевшему К. А. Дитерихсу, отцу О. К. Толстой и А. К. Чертковой.

* 564.

1899 г. Июня 11? Я. П.

Милые друзья, посылаю окончательно исправленные главы с 1-й по 9-ю второй части. Главы 56 и 57 первой у вас есть без цензурных исключений; так что вы не смотрите на то, что в Ниве.[1] Впрочем, кажется, нет цензурных изменений. Если это

неясно, то простите. У меня нет — или я не могу найти черновых — этих двух глав. Сделайте, как найдете лучшим. Для следующих буду аккуратнее.

Сейчас у меня нет ни Колечки, ни Ольги. И тот и другая должны скоро вернуться. Если запутанно написаны прибавки, то простите. Следующие главы от 9 до 31 второй части вышлю на днях.

Письма ваши, В[ладимир] Г[ригорьевич], получил и рад за вас.

Ужасно хочется спать. Как я рад за Олю и Галю, что была ложная тревога.[2]

Л. Т.

Надеюсь, что с Америк[анским] издателем[3] процесса не будет. Crosby пишет, что вы согласились высылать ему рукопись, а также о том, что разрешили в Америке Dodd Mead Comp[any].[4]

Я ему пишу по его просьбе так:

This Englisch versia of Res[urrection] is publish [ed] by D[odd] M[ead] C[ompany] by my authority.[5]

Вы ничего не имеете против?

Датируется 11 июня (?), так как в этот день были посланы Марксу те же корректуры, какие Толстой отправил Черткову при комментируемом письме.

[1] Гл. 56 и 57 «Воскресения» напечатаны в «Ниве», № 24 от 12 июня 1899 г.

[2] Тревога, вызванная заболеванием К. А. Дитерихса.

[3] Издатель журнала «The Cosmopolitan Magazine», которому Чертков перестал посылать рукописи «Воскресения» (см. письмо № 554), угрожал судебным процессом, о чем Кросби писал Толстому (см. т. 72, стр. 143).

[4] «Воскресение» было издано в Америке под заглавием: «Resurrection» A Nove by L. Tolstoy Translated by Mrs Loise Maude, New-York Doddand C°, 1900.

[5] [Этот английский перевод печатается фирмой Dodd Mead and Company с моей авторизацией.]

* 565.

1899 г. Июня 21. Я. П.

Дорогие друзья,

Посылаю 9 глав, от 10 — до 19, окончательно исправленные. Задержал несколько не по своей воле.

Дальнейшее не замедлю. Задержала меня еще болезнь.

С нынешнего дня чувствую себя вполне хорошо.

Простите, что корректуры нечисты. Чтобы выслать более чистые, надо было бы еще помедлить.

Я радостнее после ваших последних писем [1] думаю о вас.

Л. Т.

Датируется на основании упоминания Н. Н. Ге в письме к Черткову от 9 июля о том, что корректуры гл. 10—19 второй части «Воскресения» посланы 21 июня одновременно с комментируемым письмом.

[1] Возможно, что Толстой имеет в виду письмо, которое Чертков писал несколько дней (13—16 июня н. с.). В этом письме Чертков сообщал, что чувствует себя, «точно вышел на свежий воздух», и испытывает подъем сил, после пережитого им состояния вялости и душевной усталости.

* 566.

1899 г. Июня 27? Я. П.

Publication ne va arrêtée une semaine. Pas encore reçu réponse. A demandé deux semaines.[1]

Печатание не будет задержано [более] недели. Еще не получил ответа. Просил две недели.[1]

Телеграмма. Послана из Москвы 28 июня. Датируется условно 27 июля, потому что Толстой жил в это время в Ясной Поляне и отправлял не он, а, вероятно, кто-либо из гостей, уезжавших в Москву.

[1] См. письмо Толстого к Марксу от 24 июня (т. 72, № 140).

* 567.

1899 г.? Май...июнь? Я. П.

Это очень длинно. Я бы начал с того места, где загнуто. Сказать, что я считаю важным в искусстве, я теперь, не имея своей статьи,[1] не могу. Нечто так можно сказать: важно то, что или служит указанием на радость единения людей между собой — привлечение людей к единению, или то, что указывает людям на страдания, происходящие от разъединения; или еще так: важно то, что заставляет людей понимать и любить то, чего они прежде не понимали и не любили. —

Вы пишете, чтобы я намекнул, вот я и намекаю.

Написано на листке, на котором рукой Черткова сделана надпись: «Цель издания общедоступных воспроизведений с лучших картин». Повидимому, эта надпись — заглавие рукописи Черткова, на первом листке которой Толстой написал это письмо. На подлиннике помета Черткова: «Май или июнь 99 г.», на основании которой датируется письмо. Возможно однако, что дата неверна — слова «май или июнь» показывают, что помета Черткова сделана не в момент получения письма. Чертков еще в конце 1890 г. начал выпускать в издании «Посредника» репродукции картин, идея которых была ему близка (Ярошенко «Всюду жизнь» и др.). Чертков неоднократно обращался тогда к Толстому с просьбой составлять тексты подписей под картинами. Если дата, поставленная Чертковым, верна, то можно думать, что он хотел возобновить в Англии это издание. По сообщению А. К. Чертковой, В. Г. Чертков действительно предполагал также издавать в Англии такие же репродукции картин русских художников. Однако не исключена возможность того, что комментируемое письмо относится к началу 90-х годов.

[1] Толстой начал статью об искусстве в 1889 г. Закончена эта работа была лишь в 1897 г. Письмо Толстого не дает указаний, какую редакцию статьи «Что такое искусство?» он имеет в виду.

* 568.

1899 г. Июля 7. Я. П.

Dix — quatorze envoyés deux fois. [1] Tout possible ai fait.

Десятая — четырнадцатая посланы два раза.[1] Всё возможное сделано.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

[1] Корректуры гл. 10—14 второй части «Воскресения» были получены Чертковым своевременно.

* 569.

1899 г. Июля 9. Я. П.

Дела с переводами замучили меня. Воображаю поэтому, как они замучили вас. Нынче я думал вот что: бросить все контракты с переводчиками и написать в газеты следующее:

Печатание романа «Воскресение» предпринято было мною с целью оказания помощи пострадавшим от гонения и терпев-

шим тяжелую нужду духоборам. Нужда эта до сих пор не прекратилась. Первое право печатания было для этой цели продано мною в «Ниву», а также и право первого печатания переводов в Англии, Америке, Франции и Германии. Гонорар за первое право печатания в русском журнале был получен и поступил в духоборческий фонд, но первое печатание переводов, которое должно было быть одновременно и кроме того соображаемо с выходом частей романа в России, встретило так много затруднений и вследствие исправлений и изменений, которые я делал в романе, как и вследствие необъяснимой пропажи на почте высылаемых частей романа, что мы [1] вынуждены были отказаться от платимого издателями за право первого печатания гонорара и тем лишили духоборов значительной суммы, на которую мы рассчитывали и которая им крайне необходима, т[ак] к[ак] нужда их в настоящее время не только не прекратилась, но еще усилилась после истраченных ими последних средств для переезда в Канаду. Нужда эта так велика, что в настоящее время духоборы, не имея средств для приобретения скота, сами с женами запрягаются в плуги и пашут человеческой силой под посев свою землю. Ввиду этого прошу как издателей, которые будут перепечатывать роман и переводы с него, равно и читателей романа вспомнить тех людей, для которых мною начато было это печатание, и по мере сил и желания помочь духоборам, внося свою лепту в духоборческий фонд в Англии. Адрес.

Л. Толстой.

Что-нибудь в этом роде. Как вы думаете?

Приписка к письму Н. Н. Ге к Черткову от 9 июля. Ответ на неизвестное письмо Черткова, в котором он сообщал, что одновременно посылает письмо о необходимости задержать печатание «Воскресения» в «Ниве», чтобы переводчики могли без опоздания публиковать переводы в иностранных журналах.

[1] *Зачеркнуто:* Что мы решили вместе с заведующими переводами Чертковым и Бирюковым уничтожить контракты с издателями, отказавшись от платимого ими за первое право печатания переводов вознаграждения. Отказ этот лишает духоборов значительной суммы денег, более чем когда-нибудь прежде нужной им теперь в Канаде, где они находятся в таком положении, что, не имея средств для обработки земли, сами запрягаются в плуги и человеческой силой пашут землю.

* 570.

1899 г. Июля 13. Я. П.

Получил Галино письмо к Саше и записочки 9, 10, 11. — Всё очень хорошо. Хорошо, п[отому] ч[то] на первом месте стоит дело духовное. — Я на днях хворал. Теперь мне хорошо.

В Зендавесте [1] сказано: святые мысли, святые речи, святые дела. Всё дело в мыслях — они сила. В тишине они приходят нам, и если мы внимаем им с желанием добра, они настраивают нас на дела. Дела вытекают из них.

Всё очень занят. Кажется, теперь не задержу нисколько.

Л. Т.

Сейчас получил еще 12, Галину приписку, письмо радостное очень Буланже [2] и копию Суллер[жицкого], кот[орое] получил вчера от него.

На обороте: Англия, Angleterre, Essex, Maldon. V. Tchertkoff, Purleigh.

Открытое письмо. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письмо, которое Чертков начал писать 9 июня н. с. и отправил неоконченным 14 июля н. с. Письмо состоит из отдельных отрывков, обращенных к Толстому, и листков из дневника Черткова. Чертков просил сохранить эти листки и перечислить, какие из них получены.

[1] «Зендавеста» — священная книга последователей древнеиранского пророка Зороастра.

[2] Чертков послал Толстому копию письма Буланже, который писал, что хочет работать в качестве помощника А. К. Чертковой в издательстве Чертковых.

* 571.

1899 г. Июля 28? Я. П.

Получил вчера ваше длинное хорошее письмо, часть к[оторого] возвращаю. Я очень понимаю и одобряю ваше решение жить без употребления денег. Это очень важно, и я бы, кажется, сделал это, если бы был свободен, т. е. не был неразрывно связан с людьми, за меня употребляющими деньги. Не знаю, до какой степени это справедливо при слабых существах — больная жена, ребенок, — рассчитывающих на вашу денежную помощь? Вопрос это[т] решается в сознании каждого. Если

употребление денег так же очевидно преступно, как для нас употребление оружия, то, разумеется, оно становится невозможным. Дай бог, чтобы это сделалось так же очевидно (что оно преступно, в этом нет сомнения). Нехорошо, коли это не вследствие невозможности, а вследствие рассуждения. Но и то нехорошо для того, кто не выдержит, а для других хорошо. Это потуги, подвигающие роды.

Письмо Кенворти отобрали у Абр[икосова].[1]

Письмо об издании — уничтожении контракта — не буду писать. Если это вас не освободит, то незачем. Остановку в Ниве еще постараюсь устроить. От редактора Cosmopol[itan] получил прилагаемое письмо и вот что отвечаю ему.[2]

Простите, что мало пишу. Любящий вас обоих очень

Л. Т.

Датируется предположительно 28 июля, так как письмо Черткова, которое Толстой упоминает, было послано 3 августа н. с., то есть 22 июля с. с., и могло быть получено Толстым около 27 июля. Чертков писал Толстому о своем решении отказаться от употребления денег, которые считает источником всякого зла. А. К. Черткова с этим не согласилась и взяла на себя все хозяйственные дела и заведывание издательством. В другом письме (от 28 июля н. с.) Чертков писал, что рад был бы порвать все контракты с переводчиками и издателями, как предлагает Толстой, но это нельзя сделать, так как для переводчиков такой отказ был бы бедствием, а издатели вправе были бы возбудить судебный иск. Поэтому надо посылать попрежнему гранки корректур издателям, объяснив причины задержки, и ждать, когда они сами откажутся от контракта, так как в «Ниве» «Воскресение» печатается раньше, чем у них.

[1] Х. Н. Абрикосов, возвращаясь из Англии, вез Толстому письмо от Кенворти и часть дневника Черткова. Бумаги эти были отобраны у Абрикосова на границе.

[2] Ответ Толстого на письмо редактора журнала «The Cosmopolitan Magazine» Дж. Уокера см. т. 72, № 146.

* 572.

1899 г. Августа 8. Я. П.

Получил ваше письмо с Аннушкой,[1] и по той радости, к[оторую] испытал, увидав Аннушку, почувствовал, как вы мне дороги. Она привезла немного вашей интимной (одной стороны) жизни.

Был очень рад и письму, — тому бодрому и довольному людьми настроению, к[оторое] в нем выражается, — но ваши планы об изданиях прямо ужаснули меня.

15 т[ысяч] в год — это нечто немыслимое и, главное, погибельное. Если издерживать 15 т[ысяч] в год, то надо и выручать их. А разве это возможно? Если бы и *случилось невозможное* чудо, что у вас бы были эти 15 т[ысяч], то это было бы страшно опасно, п[отому] ч[то] непременно делалось бы 30 т[ысяч] долга, и в следующий год еще больше и т. д. Мне кажется, что никакое дело не может так затянуть в долги, как издание. Гуревич [2] кончила 200 т[ысяч] долга. Да и зачем это? Если дело нужное — как был ваш русский «Посредник», — то нашелся Сытин. И потом зачем начинать на такую большую ногу? Надо начинать с маленького, и если маленькое поведется успешно, понемногу расширять. Потом самое ведение дела, мне кажется, неверно. Вы пишете, что у вас готовы или готовятся статьи о голоде, студентах, Финляндии. [3] Всё это должно было явиться полгода тому назад. Теперь всё это старо: назрели новые события. Нужно быстро и бойко, по-герценовски, по-журнальному, писать о современных событиях. А вы добросовестно исследуете их, как свойственно исследовать вечные вопросы. Для меня совершенно очевидно, что вы этими изданиями отравите себе жизнь — вашу жизнь, такую хорошую и важную. Вот я сказал, что думаю. Если нехорошо сказал и ошибся, простите.

Я всё хвораю, всё лето. Оттого редко пишу. «Воскр[есение]» берет всё время и силы.

Спасибо за сухарики. Планидину [4] я послал 1000 р[ублей], к[оторые] у меня были, жертвованные в мое распоряжение. Якутским я второй раз послал 500 р[ублей]. Надеюсь послать еще. Боюсь, как бы посылка Планидину не вызвала дурных чувств. Я послал через M[a]c-Creary.

Сейчас отправляю главы 34—37 и целый день писал, и потому простите, если письмо плохо; а хочется ответить. Я послал вам письмо из Cosmopolitan. Деньги возвращены ли ему? — Сколько греха от этого издания.[5]

Прощайте. Передайте мой почтительный привет Лизавете Ивановне. Очень жаль было услышать, что она болеет ногами. У нас все болеют. Маша выкинула третий раз, лежит, Таня слаба, только Оля здорова, милая и дорогая мне.

Л. Т.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 287. Ответ на письмо от 12 августа н. с., в котором Чертков писал, что созданное им издательство идет успешно, но нуждается в средствах. Из-за недостатка средств задерживается печатание серии брошюр об общественном движении в России и правительственных репрессиях, полное русское издание «Воскресения» и №№ 8—12 «Листков Свободного слова». Чертков определял сумму, нужную для надлежащего развития издательства, в 10—15 тысяч в год.

[1] А. Г. Морозова, служившая у Чертковых, приезжала в Россию в отпуск и по поручению Черткова побывала у Толстого.

[2] Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940), издательница журнала «Северный вестник» с 1892 по 1897 г. О ней см. т. 66, стр. 380.

[3] Материалы о студенческом движении в России и о преследовании прогрессивных общественных течений в Финляндии царским правительством, впоследствии были изданы Чертковым отдельными брошюрами: «Студенческое движение 1899 г.», сборник, составленный В. и А. Чертковыми, Purleigh, 1899, и «Финляндский разгром», сборник под ред. В. Черткова, Christchurch, 1900.

[4] П. В. Планидин, организовавший в Канаде духоборческую общину «Терпение», просил выслать 1000 рублей на покупку лошадей. Толстой выслал деньги на имя Mac-Creary (Мак-Крири), агента канадского правительства по делам духоборов.

[5] Издатель «The Cosmopolitan Magazine» Уокер требовал возвращения аванса, уплаченного за право первого печатания в Америке «Воскресения». Чертков отказался в свое время принять этот аванс у комиссионера и потому предложил Уокеру получить деньги от комиссионера, у которого они находились.

* 573.

1899 г. Августа 28. Я. П.

Дорогие друзья,

Сейчас приехал посланный от Павловцев посоветоваться.[1] Им разрешено переселение, как кажется, и с правом продать свои наделы, хотя это неясно. А подлинной бумаги у них нет. Если разрешат, то у них будет рублей около 1000 на семью.

Как им быть? Как ехать? И куда? Кто теперь в Канаде заведует делами? Кого просить о назначении им от правительства Канад[ского] земли? Пожалуйста, известите меня.

Нужно мне еще знать, кто в Канаде заведует делами переселения, для того, чтобы передать те тысяч 6, кот[орые] у меня собрались духоборческих.[2] Якутским я послал 500 р[ублей] и Планидину через М[а]с-Creary 1000 р[ублей].

Я ужасно напряженно занят и радостно, но при этом всё болею, так что очень мало могу делать, и потому вы простите меня, что мало и плохо пишу. Близость моя с вами та же, ц[отому] ч[то] она через главную станцию. От Поши сейчас получил ответ. Целую и его.

Л. Т.

Датируется на основании пометы на подлиннике.

[1] Василий Яковлевич Прядко, ходок от крестьян села Павловки.
[2] Гонорар, полученный за «Воскресение» сверх первоначально предусмотренной суммы в связи с тем, что объем романа во время писания увеличился,

* 574.

1899 г. Сентября 6. Я. П.

Дорогой В[ладимир] Г[ригорьевич],

Получил ваше письмо. Очень жалею, что написал вам свою критику вашей деятельности. Знаю, как неприятно легкомысленное, поверхностное суждение о деле, к[оторое] поглощает все силы.

Все-таки боюсь за вас, за то, что денежная сторона дела много доставит вам тяжелых минут и поглотит (денежная сторона дела) много ваших сил, к[оторые] могли бы быть употреблены на другое.

Буду стараться помочь вам, хотя мало надеюсь.

Я не знаю, где письмо о запаздывании «Воскр[есения]» и пр[очем].[1] Сыщу и пришлю, изменив. Но лучше бы ничего не заявлять. Теперь мы решили остановить печатание до половины окт[ября] или начала ноября. Надеюсь, что это удовлетворит переводчиков.

Письмо изд[ателю] «Cosmopolitan» у Тани, а ее нет. Но сыщем с Ольгой и пришлем. Она уже спит, а я пишу, чтобы скорее известить вас.

Не думайте, что я только для того, чтобы успокоить вас, пишу о том, что согласен с вами. Я действительно по вашему письму увидал всё ваше дело изнутри, и до какой степени оно срослось с вами. О пользе его, как о всех мирских делах, мы не можем судить; но что оно руководимо хорошими желаниями,

не противными нашему пониманию добра, в этом не может быть сомнения.

И потому работать для этого дела можно.

Одно — денежная сторона всякого дела — ужасает, отталкивает, пугает меня, вызывает во мне физическое чувство страха и тоски и стыда.

Прощайте и простите.

Любящий вас брат Л. Т.

На конверте: Англия. England. Littlestown on sea. Kent. V. Tchertkoff.

На конверте можно разобрать лишь штемпель с датой получения. Письмо датируется с учетом этой даты, причем предполагается, что оно шло пять дней.

Толстой отвечает на письмо от 3 сентября н. с., в котором Чертков подробно писал о начатом им издательстве в Англии. Чертков просил прислать письмо, которое Толстой получил от издателя журнала «The Cosmopolitan Magasine».

[1] В письме от 3 сентября н. с. Чертков просил Толстого снова прислать проект письма от 26 июля 1899 г. в редакции иностранных газет с объяснением причин задержки переводов и печатания «Воскресения» за границей.

* 575.

1899 г. Октября 6. Я. П.

Вот, дорогой друг, письмо к Simond.[1] Если годится, пошлите. Письмо от Хилкова должно быть переслано вам.[2] О листочке с выписками из Герцена не помню, писал ли. В то время как я получил его, я только что перечел письма к старому товарищу,[3] и восхищался ими и читал всем вслух. О вашем предисловии не писал, но отослал с заметками. Немного длинно, и, главное, нужно знать то, к чему это предисловие.

Деньги, 500 р[ублей], мне бы не хотелось посылать на лекар[ства] и переезды.[4] Хочется послать, да и должен, по желанию жертвователей, послать прямо нуждающимся д[ухобор]ам.

Деньги за излишние листы Воскр[есения] я еще не получил, а думаю послать с теми 2000, к[оторые] есть, или Коншину, к[оторому] я писал (жду ответа), или Суллеру, от к[оторого] желал бы получить весточку. Напишу ему. —

Я работаю очень дурно над 3-й частью. Всё переменяю и всё недоволен. Всё нездоровится, из 5, 6 дней едва один хороший, свободный. Унылое и физически мрачное настроение. Мысли же и состояние души хорошее.

Нынче получил уже телегр[амму] от Маркса. Уже он торопит. Отпуск кончился. Как я рад, что вам и Гале нравится до сих пор Воскр[есение].[5] Об ней ни разу не подумал, пиша сцену на жел[езной] дороге. Она совсем в другом, любовном ящике.

Л. Т.

Датируется на основании пометы О. К. Толстой в копировальной книге. Ответ на письмо от 12 октября н. с., в котором Чертков сообщал, что посылает свое предисловие к серии брошюр «со сведениями о происходящем в России» и просил высказать мнение об этом предисловии и листке, посланном Толстому с выдержками из Герцена.

В этом предисловии, отпечатанном в «Листках Свободного слова» 1899, № 8, Чертков писал: «К разряду таких нецензурных тем, как известно, принадлежат, с одной стороны, почти все наиболее жизненные проблемы развивающегося человеческого сознания, всякое стремление отдельных лиц и собраний к свету и свободе, каждое проявление пробуждающейся среди русских людей потребности отстаивать свои естественные права, свое человеческое достоинство, требования своей совести. Сюда же, с другой стороны, относятся всевозможные преследования и притеснения людей за то самое со стороны русского правительства и вообще все то, что обнаруживает те или другие отрицательные стороны существующей в России государственной организации, как все в совокупности, так и в действиях отдельных ее представителей».

Чертков сообщал также, что М. Визева (Wyzewa), переводчик «Воскресения» на французский язык, попал в затруднительное положение, вследствие задержек с пересылкой ему корректур, в связи с чем желательно, чтобы Толстой написал письмо редактору газеты «Echo de Paris» Симону.

[1] Письмо Толстого к Симону о причине задержки корректур «Воскресения» для перевода и печатания в «Echo de Paris» см. т. 72, стр. 205.

[2] Письмо Толстого к Черткову от 28 августа 1899 г. по ошибке было отправлено Хилкову.

[3] А. И. Герцен, «Письма к старому товарищу (М. А. Бакунину)». Статья написана в 1869 г. и напечатана в сборнике посмертных произведений Герцена в 1870 г.

[4] Чертков писал Толстому о том, что фельдшерицы, сопровождавшие духоборов, не имеют средств на обратный путь из Канады, и просил выслать 500 рублей из средств, собранных для духоборов.

[5] А. К. Черткова в письме от 25 сентября н. с. писала Толстому, что ей очень нравится окончание второй части «Воскресения».

* 576.

1899 г. Ноября 4. Я. П.

Santé meilleure. Enverrai dans quelques jours.[1]

Здоровье лучше. Вышлю через несколько дней.[1]

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] Корректуры первых глав третьей части «Воскресения».

* 577.

1899 г. Ноября 6. Я. П.

Посылаю вам первые 4 главы.[1] Простите, что плоха калиграфия. Всё проверено. Следующие 15 глав готовы, остальные 9 набираются. Здоровье слабо. Нынче получил ваш 8 листок.[2] Послал духобор[ам] через М-с Creary, St. John'a около 10 т[ысяч].[3]

Любящий вас брат
Л. Т.

[1] Корректуры четырех глав третьей части «Воскресения».
[2] «Листки Свободного слова», № 8.
[3] Толстой, отправив деньги в адрес канадского агента по переселению Мак-Крири, просил передать их А. Син-Джону для духоборов.

* 578.

1899 г. Декабря 15. Москва.

Письма ваши получил, дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич], и вчера — статью о студенческих беспорядках.[1]

Статья очень хороша, по крайней мере мне очень понравилась, выразив то самое, что я думал об этом предмете. Я изменил только несколько слов. В некоторых местах, н[а]п[ример] в a linea [2] первой стр[аницы], и др[угих], я бы смягчил выражения. Статья по содержанию своему так сильна, что резкость выражений только ослабляет, подрывая доверие к спокойному беспристрастию автора. (Мы друг друга поправляем в одном и том же.) Я, когда думал об этом же предмете, думал

еще то, что успех протеста молодежи надо приписать тому, что он был миролюбивый, только отрицательный (неучастия), тот самый протест, к[оторый] один может победить насилие.

Я отослал 3-го дня последние главы «Воскр[есения»], кот[орыми] я недоволен, но чувствую, что дело это кончено, и с радостью и надеждой колеблюсь в выборе работы.

Здоровье еще нехорошо. Вчера была маленькая rechute,[3] нынче гораздо лучше.

Удивительно и радостно мне, что я очень полюбил болезнь — то состояние, кот[орое], разрушая эту форму, приготавливает к вступлению в новую; прямо жалко выздоравливать. Это в первый раз я испытывал в эту болезнь и очень рад этому. Содействовали много этому те последнее время всё больше и больше занимающие меня и уясняющиеся мысли о жизни, в кот[орой] смерть есть только один из эпизодов, которые я надеюсь изложить ясно. Может быть, они помогут и другим людям так же, как помогают мне и жить и, идя ей навстречу, ожидать такую нестрашную, а радостную смерть.

Очень мне хорошо, и со мной много любимых и любящих людей, из которых Ольга [4] начинает занимать всё большее и большее место.

Очень радостно было видеть Бул[анже].[5] Он очень возмужал духовно, и радостно было чувствовать его любовь к вам.

Были на днях Bel[lows] и Br[ooks].[6] Боюсь, что они дурно взялись за дело. Жду от них известия. Bel[lows] — так же б[ыло] радостно и по той же причине, как Буланже. Ну прощайте, целую вас, Галю, Димочку.

Л. Т.

На конверте: Англия. Angleterre. Purleigh. Maldon. Essex. V. Tchertkoff. Registered. Заказное.

Отрывок напечатан: «Листки Свободного слова», № 11, стр. 3—4. Датируется на основании пометы в копировальной книге. Ответ на письма Черткова от 11 и 20 декабря н. с. Чертков писал, что посылает рукопись своей статьи о студенческом движении в России и просит Толстого высказать мнение о ней.

[1] Статья Черткова «По поводу студенческого движения» напечатана в «Листках Свободного слова», № 10.

[2] A linea — там, где начинается новая строка.

[3] [возврат,]

[4] *Слово:* Ольга *пропущено в подлиннике. Восстанавливается на основании письма Толстого от 1 января* 1900 г.

[5] П. А. Буланже вернулся в Россию в ноябре 1899 г.

[6] Джон Беллоуз и Эдмунд Брукс, квакеры, приезжавшие в Россию, чтобы хлопотать о русских сектантах, в частности просить правительство разрешить духоборам, сосланным в Якутскую область, выехать за границу вместе с остальными духоборами. Ходатайство Беллоуза и Брукса было отклонено.

* 579.

1899 г. Декабря 18. Москва.

Santé meilleure. Encore faible.[1] Aucun danger. Manuscrit envoyons.[2]

Здоровье лучше. Еще слаб [1]. Никакой опасности. Рукопись посылаем. [2]

Телеграмма. Датируется на основании пометки на телеграфном бланке.

[1] Толстой с 20—21 ноября по 5 декабря находился в постели в связи с болезнью печени, после чего долго не мог поправиться.

[2] Вероятно, последние главы «Воскресения».

1900

* 580.

1900 г. Января 1. Москва.

Письма ваши, Галино и ваше, милые друзья, получил и, сейчас 12 часов, новый 1900 год начинаю тем, что пишу вам. Письма ваши порадовали меня, дали почувствовать вас обоих, милых мне друзей. Разумеется, я писал об Ольге.[1] Ее всё больше люблю и ценю. Как я рад, что кончил «Воскр[есение»] еще потому, что кончились с вами деловые отношения, хотя косвенные, но всегда отравлявшие для меня вашу, нашу дружбу. Я поправляюсь, но не отказываюсь от своего сознания близости к переходу и некот[орого] удовольствия при этом. Умственной нет энергии последнее время и сердечного влечения писать, а только рассуждаю, что надо. Есть теперь две маленьких темы, к[оторые] надо исполнить прежде всего другого.

Л. Т.

Как неожиданна была кончина К[онстантина] А[лександровича].[2] Знаю, как грустно Гале, что она не была с ним. Сочувствую ей.

На конверте: Англия. England. Essex. V. Tchertkoff. Maldon. Purleigh.

Датируется на основании слов: «сейчас 12 часов, новый 1900 год». Ответ на письмо Черткова от 7 января н. с. 1900 г.

[1] Толстой имеет в виду свое письмо от 15 декабря, в котором было пропущено слово «Ольга».

[2] К. А. Дитерихс.

* 581.

1900 г. Января 2. Москва.

Написал вам, милые друзья, вчера словечко, а нынче пришла Аннушка,[1] и хочется с ней написать. Хотел бы и переслать с ней кое-что, да думаю, что еще скорее задержат, как у Абрикосова, у нее, чем по почте. Все-таки пошлю с ней. — Простите за самомнение, что думаю, что она вам будет интересна настолько, что вы будете трудиться разбирать ее. Это не самомнение, а вы вызвали это своим несоответственным значению пристрастием [2] к моим мыслям.

Вы хорошо сделаете, разграничив себя от революц[ионеров]. Это нужно и важно. Письмо ваше было хорошее, писано в том добром, улыбающемся духе, в кот[ором] я помню и люблю вас.

Перемен и добавлений в Воскрес[ении] я не буду, да я думаю, и не могу делать: пуповина отрезана.

Две небольшие работы, кот[орые] теперь загораживают мне дорогу к другим работам, если только будут силы для них, что очень сомнительно, п[отому] ч[то] последнее время чувствую всегдашнюю боль в желудке, мешающую свободе и энергии мысли. Чувствую [3] себя духовно упавшим в последнее время. Я только не зол — и за то благодарю бога — но вял и бесполезен и легкомысленен. Две темы следующие: одна — письмо духоб[орам] Канадским об их жизни, об обмане соблазна собственности.[4] Я начал писать, но не вышло. А хочется очень показать молодым увлекающимся людям из них, какой то и тонкий и грубый обман—желание собственности и обеспечения.

Другая тема: о том, что Афанасий казнач[еевский] [5] помните, (служит теперь весовщиком на Казанск[ой] дороге), рассказал мне, что там грузчики работают 36 часов сряду. Я ездил туда и видел этих людей и эту работу и хочется рассказать то, что довелось думать об этом.[6] Ну, пока прощайте. И сейчас ноет живот. Поговорю с Аннушкой и отдам ей это письмо. Получил письмо Моода. Непременно напишу о переводе его жене.[7]

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Листки Свободного слова» 1900, № 11, стр. 4; «Толстой и Чертков», стр. 290. Датируется на основании пометы на листке из копировальной книги писем Толстого. Ответ на письмо от 16 декабря

н. с., в котором Чертков сообщал, что хочет писать статью об отличии «религиозного понимания жизни» от «общественного или государственно-революционного».

[1] А. Г. Морозова была вторично у Толстых перед отъездом в Англию.
[2] *Написано:* пристрастию
[3] *Написано:* чувствуя
[4] Письмо канадским духоборам было закончено 15 февраля 1900 г. и было издано Чертковым в количестве 2000 экземпляров для распространения среди духоборов.
[5] Афанасий Агеев, крестьянин из деревни Казначеевки.
[6] Статья «Рабство нашего времени» сначала озаглавлена Толстым «Самый дешевый товар». Впервые напечатана в издании «Свободного слова» (Chistchurch, 1900).
[7] Перевод «Воскресения», сделанный Л. Я. Моод.

* 582.

1900 г. Февраля 28. Москва.

Дорогие друзья Вл[адимир] Гр[игорьевич] и А[нна] К[онстантиновна].

Приезжающие от вас: Коншин, Суллер, Буланже [1] спрашивают у меня, получил ли я ваши письма и переписанные рукописи. Все получил давно, очень благодарен и прошу простить за неаккуратность, что не сообщил о получении. Жаловаться на нездоровье не могу, но чувствую себя много ослабевшим, и потому прошу вас, друзей моих, быть ко мне снисходительней и, главное, не приписывать моему молчанию значение охлаждения. Кем вы были для меня — одними из самых дорогих мне людей, общение с кот[орыми], знание, что они существуют, дает мне лучшие, балующие меня радости жизни — так это осталось и не может не остаться навсегда, навечно, п[отому] ч[то] вечно то, во имя чего мы соединены. Слаб я, главное, оттого — и неаккуратен в переписке, что, чувствуя упадок сил не по существу, а по времени — я всю энергию сосредоточиваю на время работы, в остальное же время чувствую себя exhausted.[2]

Странное дело, это не только не ослабляет способность работы, но (м[ожет] б[ыть], я грубо заблуждаюсь) чувствую, что усиливает ее. По времени короче, но по интенсивности гораздо сильнее. Очень м[ожет] б[ыть], что другие будут иного мнения, и для других это так и будет, но для меня-то я знаю, что это

так. Часто бывает очень, очень хорошо, так хорошо, как никогда не бывало прежде. Вот хотелось писать о вас, а кончил тем, что пишу о себе, глупо хвастаясь, — простите. О вас же я хотел писать вот что: Буланже сказал мне то, что я предвидел, что письмо Маши было вам неприятно.[3] Я знал это и, хотя понимаю ее — не понимаю, а чувствовал, что ею руководило какое-то хорошее побуждение, очень жалею, что она послала его. В сущности же это письмо ничего не говорит, кроме того, что она хочет быть свободна для того, чтобы свободно делать то, что вы хотите. С моей же стороны не может быть в этом отношении желания, не согласного с вашим. Я знаю, что никто не относится с таким преувеличенным уважением и любовью к моей духовной жизни и ее проявлениям, как вы. Я это всегда и говорю и пишу, и это написал в записке о моих желаниях после моей смерти, прося именно вам и только вам поручить разборку моих бумаг. И потому я всегда сообщал и буду сообщать вам первому то, что считаю стоящим обнародования. Если в этом отношении вам может показаться, что я не всегда это исполнял, то это происходит от чувства, кот[орое] вы поймете, желания не приписывать самому значения всяким своим писаниям. Очень жалею, что письмо М[аши] огорчило вас, пожалуйста не сердитесь на нее и не осуждайте. И перестанем говорить про это.

Б[уланже] живо рассказал мне про вашу жизнь, ваше настроение, и, хотя постоянно чувствую вас, я живее по его рассказу почувствовал всю тяжесть и напряженность вашей жизни, и мучительно захотелось помочь вам, облегчить ваше положение, разделить тяжесть его.

Вы писали как-то, выражая мысль, что я не сочувствую вашей деятельности. Мое отношение к вашей деятельности особенное. Не могу я не сочувствовать изданиям, к[оторые] распространяют те истины, к[оторыми] я живу, и еще более тому, что в них передаются те мои мысли и опыты внутренней духовной жизни, к[оторые] того стоят, и передаются и отбираются человеком, к[оторый] мне особенно близок по духу, и потому делает это дело наилучшим образом. Но эта вторая сторона дела имеет в себе сторону личного удовлетворения, славы людской, и потому я невольно сдерживаю свое сочувствие к этой стороне вашей деятельности. Пожалуйста, не упрекайте меня ни в лишней скромности, ни гордости, перенеситесь в меня и поймите это.

Еще обстоятельство, вследствие к[оторого] я не сочувствую внешней форме этого дела, или, скорее, сочувствие мое к нему уменьшается, состоит в том, что для него нужны деньги, кот[орых] нет, кот[орые] надо добывать, да и вообще деньги, и всё нечистое, безнравственное, связанное с ними. — Главное же обстоятельство, уменьшающее мое сочувствие, это то, что оно поглощает до страдания обоих вас, милые друзья, и заставляет вас тратить духовные большие силы на дело, к[оторое] ниже ваших сил (я разумею денежную сторону) и, вероятно, времена[ми] заставляет приносить в жертву высшие требования низшим. Я не возражаю вам, не осуждаю вашу деятельность, знаю, что в вашем положении эта деятельность дает смысл вашей жизни (я вычеркнул слово «одна», п[отому] ч[то] этого не может и не должно быть: смысл истинный независим от какой-либо деятельности). Я только указал на те drawbacks,[4] к[оторые] за вас мучают меня. Может быть, нескладно, но я совершенно точно высказал мое отношение к этому делу; отношение же к вам нечего высказывать — оно глубже слов.

Я, кажется, кончил маленькую статью о патриотизме [5] и теперь работаю над статьей, распространяющейся и очень меня занимающей, о рабочем вопросе.[6] Кажется мне, что я имею сказать кое-что новое и ясное.

Прощайте, милые друзья. Хотел бы вам сказать: почаще поднимайтесь на ту высоту, с к[оторой] все практ[ические] дела кажутся крошечными и идущими так, как им должно, но уверен, что и сами это делаете. Без этого нельзя жить. Потолкаешься о препятствия, неприятности мирских дел, и невольно вспомнишь, что есть крылья и есть небо и можно взлететь, пока хоть на время, чтобы набираться сил на работу.

Лев Толстой.

Отрывки напечатаны: «Дневник Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 243; в «Листках Свободного слова» 1900, № 18, стр. 15; в книге В. Г. Черткова «Уход Толстого», М. 1922, стр. 104. Ответ на письма от 5 и 10 февраля н. с. В первом из этих писем Чертков писал о своей издательской деятельности и о работе по подготовке к печати произведений Толстого. Во втором письме Чертков подробно объясняет, почему изданием неопубликованных писем и произведений Толстого должно ведать одно лицо и пишет о недоразумениях и затруднениях, которые возникли вследствие того, что П. И. Бирюков начал переводить и печатать в иностранных газетах письма Толстого к разным лицам, не сообщая об этом предварительно Черткову.

[1] А. Н. Коншин и Л. А. Суллержицкий на обратном пути из Канады навестили Чертковых, а П. А. Буланже получил разрешение вернуться из Англии в Россию.

[2] [исчерпанным.]

[3] М. Л. Толстая писала Черткову о том, что не считает для себя обязательным посылать ему первому письма Толстого для опубликования в «Листках Свободного слова» и в других изданиях, но не отказывается посылать их ему наравне с другими.

[4] [скидка с настоящей цены,]

[5] «Патриотизм и правительство». Статья впервые напечатана в «Листках Свободного слова» 1900, № 16.

[6] «Рабство нашего времени». Напечатана в изд. «Свободного слова», Purleigh, 1900.

* 583.

1900 г. Марта 7. Москва.

7 марта 1900 г.

Получил сейчас от Bellows'a [1] письмо о том, что духоборы взбулгачились ехать в Калифорнию, и слух есть, что я сочувствую этому и даю на это деньги. Я отвечаю ему заявлением, что это вздор, и вот еще пишу письмецо духоборам, к[оторое] прошу послать им поскорее.

Л. Т.

[1] Беллоуз, принимавший участие в переселении духоборов в Канаду, был встревожен слухом об их намерении переселиться в Калифорнию и опасался, что будет поставлен в неловкое положение перед правительством Канады. На самом деле духоборы не собирались переселяться из Канады в Калифорнию и лишь несколько человек направились туда, с тем чтобы выяснить, нельзя ли там затем поселиться.

* 584.

1900 г. Марта 7. Москва.

Посылаю вам, дорогой друг, письмо мое к духоборам.[1] Пожалуйста, отправьте его, как вы знаете, поскорее и повернее.

Пока больше писать не могу.

Я в делах своих растерялся: начал еще три вещи.[2] И всё хочется писать, и сил всё меньше.

Ваш брат и друг

Л. Т.

Датируется 7 марта, потому что этим числом помечено письмо Толстого к канадским духоборам, приложением к которому является комментируемое письмо Толстого к Черткову.

Ответ на письмо от 9 марта н. с., в котором Чертков сообщал, что многие духоборы, переселившиеся в Канаду, собираются ехать в Калифорнию в надежде найти там более легкий заработок.

[1] Письмо Толстого к духоборам от 7 марта 1900 г., в котором он советует им не переезжать в Калифорнию, так как при этом они злоупотребят доверием людей, хлопотавших перед правительством Канады о предоставлении им земли. См. т. 72, № 257.

[2] Вероятно, Толстой имеет в виду драму «Живой труп», первый конспект которой был набросан 27 января 1900 г., «Рабство нашего времени» и «Патриотизм и правительство».

* 585.

1900 г. Марта 10? Москва.

Сейчас видел вас во сне, милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Будто — длинная история — тут и Лиз[авета] Ив[ановна] переводит вслух с немецкого какую-то трогательную историю, и пришли священник с дьяконом, надели ризы и готовятся служить, и дожидаются, когда Лиз[авета] Ив[ановна] кончит, а она не замечает, и всем неловко; а вы лежите на диване подле меня и начинаете говорить негромко, обращаясь к священнику и называя его Повладыко, и я, хотя и удивляюсь, но понимаю, что это значит, что он помощник архиер[ея]. И вы про себя говорите: сказать, погубить, или не сказать и не погубить, и я чувствую, что вы хотите что-то сказать, что погубит вас — лишит возможности вернуться в Россию. И я и рад, и мне ужасно жалко, что вас не увижу. И на этом меня разбудили, и я проснулся с этой жалостью и любовью к вам.

Получил вашу статью о ст[уденческих] бес[порядках] [1] и читал вслух и видел не одобрение первой части, а неотразимую убедительность 2-й части. Мучает меня теперь то, что схвачены Зонов, Ушак[ов] и Назаров.[2] И я ничего не могу сделать и чувствую, что должен бы страдать я, а страдают другие. Сейчас хочется писать о войне.[3] Пишу, думая о вас. Целую вас, Галю.

Л. Т.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике: «Около 10 марта».

[1] В. Чертков, «По поводу студенческого движения», «Листки Свободного слова», № 10.

[2] Алексей Сергеевич Зонов, Федор Андреевич Ушаков и Николай Владимирович Назаров, сочувствовавшие взглядам Толстого, были арестованы в начале 1900 г. за распространение и печатание на даче Зонова под Москвой на гектографе не разрешенных цензурой сочинений Толстого.

[3] Вероятно, статья Толстого «Патриотизм и правительство», написанная в связи с англо-бурской войной.

* 586.

1900 г. Апреля 1—3? Москва.

Деньги эти предназначены для ваших изданий.[1] Л. Т.

Письмо ваше [2] с моим к дух[оборам] получил. Благодарствуйте. Буду писать с случаем.

Датируется предположительно на основании пометы Черткова на подлиннике о дате получения. Датировка подтверждается при сопоставлении с письмом Толстого к Черткову от 3? апреля.

[1] Тысяча рублей, пожертвованная К. Т. Солдатенковым.

[2] Вероятно, письмо А. К. Чертковой от 16 апреля н. с., присланное одновременно с письмом Толстого к духоборам от 15/27 февраля 1900 г., которое Чертков отдельно издал для распространения среди духоборов в Канаде.

* 587.

1900 г. Апреля 3? Москва.

Хотел всё написать вам с случаем о том, кто прислал тысячу, к[оторую] я послал вам. Это Солдатенков.[1] Он б[ыл] у меня и говорил, что очень сочувствует вашим изданиям и не даст им погибнуть от недостатка средств. Я поддержал его в этих добрых намерениях и передал об этом Коншину.[2] Целую вас. Я здоров и духом не очень скверен, чего и вам желаю.

Л. Т.

Датируется на основании проставленной Чертковым на подлиннике даты получения письма.

[1] Кузьма Терентьевич Солдатенков (1818—1911), богатый московский купец, издатель-меценат.

[2] По сообщению А. К. Чертковой, деньги, пожертвованные К. Т. Солдатенковым для изданий Черткова, Толстой послал с А. Н. Коншиным, уезжавшим в Англию.

* 588.

1900 г. Мая 7. Пирогово.

Дорогие друзья,

Получил ваши посылки и письмо. Кенворти очень мил, и, кажется, он, намекнув на особенные заботы об издании моих писаний и встретив мое равнодушие и указание на то, что всё это делаете вы, и так хорошо, что более ничего нового предпринимать не нужно, успокоится. Говорил тоже об иллюстрациях своих, тоже не вызвал во мне сочувствия. Жалко, что он очень озабочен внешними последствиями своей деятельности. Я же никогда очень не интересовался этим, теперь же мне прямо неприятно думать об этом. С одной стороны, я знаю, что всё хорошее — если оно есть — наверно не пропадет, а это только и нужно знать. С другой стороны, знаю, что я никогда не угадаю того, что будет. Третье — не надежен для ц[арства] б[ожия] взявшийся за плуг и огляд[ывающийся] назад. Говорил с ним о молитве, и он как будто равнодушен к этому.

Прошение духоборов с вашим письмом пошлю по почте.[1] Единст[венное] лицо,[2] к[оторому] я бы мог передать (и то сомнительно, п[отому] ч[то] я уже два раза недавно посылал через него прошение молокан, просящихся в Канаду, 5000 Карских и 3000 Эриванских), не в Петербурге, и потому я пошлю по почте, а St. John пускай напишет начальнику комиссии прошений.[3] Письмо ваше и прошение всё очень хорошо, но без человека, который бы принимал это к сердцу и хлопотал бы там, всё это канет в воду по всем вероятиям. Но если есть хоть одна вероятность из тысячи, то все-таки надо посылать. Я живу у Маши 4-й день, и, несмотря на то, что она бедняжка больна — выкинула, мне так хорошо у нее, что я чувствую себя особенно счастливым.

Всё доканчиваю две статьи: о патриот[изме] и о рабочих. И очень хочется с Кенворти послать их вам. Прощайте, милые друзья, всегда близкие и дорогие.

Л. Толстой.

На конверте: Англия. England. Essex. Maldon. Purleigh. V. Tchertkoff.

Ответ на письма Черткова от 2 и 12 мая н. с. Чертков писал о том, что Кенворти собирается в Россию, чтобы повидать Толстого. По сообще-

нию Черткова, Кенворти находился в это время в состоянии, близком к душевной болезни, строил грандиозные планы о своей будущей издательской деятельности и временами бывал очень возбужден.

[1] Прошение на имя Николая II от духоборов, переселившихся из Карской области в Канаду, с ходатайством о том, чтобы им выслали деньги, вырученные администрацией от продажи их имущества после их отъезда с Кавказа.

[2] Александр Васильевич Олсуфьев (1843—1907), генерал-адъютант, помощник начальника императорской главной квартиры.

[3] Комиссия по принятию прошений на высочайшее имя.

* 589.

1900 г. Мая 10. Пирогово.

Посылаю вам эту статью,[1] милые друзья. Простите, что злоупотребляю вашей добротой, перемарал ее и, не переписав, посылаю ее с милым Кенв[орти].

С статьей делайте, что найдете нужным. Печатайте, если найдете ее стоящей того, или верните, чтобы исправить. Хотя я очень много раз ее исправлял, я могу еще почистить ее. Есть в ней, мне кажется, нужное, но она как-то не задалась и не нравится мне. Впрочем, я столько ковырял в ней, что уже потерял чутье. Вторая статья «Новое рабство»,[2] кажется, лучше. Тоже кончил, но не успел перечитать до отсылки с Кенв[орти]. Пришлю после.

Кенворти мне очень понравился. У него много очень хорошо и прекрасно выраженных им мыслей. Ничего мистического он не высказывал, хотя как будто нащупывал меня в этом отношении. Я старался выражать мое несочувствие этому, также и его издательству. В общем же я получил от него очень хорошее, радостное впечатление. Желал бы и надеюсь, что это взаимно. Я очень сблизился с ним и полюбил его. И очень рад этому. Также ближе сошелся и полюбил более St. John'a.[3] Прощайте, милый друг. Мне очень хорошо здесь.

Л. Т.

10 мая.

Написано на обороте последнего листка рукописи «Патриотизм и правительство», которую Толстой послал Черткову с Кенворти.

[1] «Патриотизм и правительство».

[2] «Рабство нашего времени».

[3] Син-Джон приезжал в Россию и был у Толстого одновременно с Кенворти.

* 590.

1900 г. Мая 23. Я. П.

Ясная Поляна.

Получил оба ваши письма, любезный друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. (И ваше, милая Галя.) Первое, длинное, направл[енное] в Москву, и второе, короткое, с предисловием к Финляндц[ам] и выкинутым местом о борьбе с правительством.[1] Предисловие к Финл[яндцам] *мне не* нравится. Опять тот же нехороший, грубый, вызывающий тон с резкими эпитетами, к[оторые] ничего не только не прибавляют к вескости доводов, но ослабляют их. Совсем нехорошо. Видите, как я вас люблю и ценю, как неприятно говорю. О борьбе же с правительством — хорошо, и не п[отому], ч[то] хочу смягчить неодобрение первого, а просто хорошо и стоит того, ясно и специально об этом высказаться.

Я уехал от Маши в Ясную. У меня был чудный holiday, так 15 дней. Но и здесь налажусь. Кончил «*Рабство наш[его] времени*», но последнюю главу изменял, даже 2 последние главы. Если Бул[анже] вам послал, то имейте это в виду. Я его жду сюда дня через два и тогда отдам ему конец.

У меня случилась беда: разбирая письма за 2 недели, отложил № Пошиной «Своб[одной] Мысли»[3] и ваши два листа о Финляндии и теперь не могу их найти. Так что, если можно, пришлите мне еще о Финляндии. У Ольги есть два следующие листа, а начала нет.

Кенв[орти], вероятно, уже у вас. Со мной он был очень хорош, хотя постоянно был озабочен внешним успехом, но на Ольгу произвел нехорошее впечатление. Об изданиях я ему повторил несколько раз, что всё это дело отдано вам, и всякое печатание моих сочинений я прошу его делать только с вашего согласия.

Мои статьи, к[оторые] придут к вам, пусть пока заменят вам мое письмо. Написал я еще здесь — не совсем кончил — три предисловия: одно к Anatomy of misery,[4] другое, к Япон-

скому обзору политэконом[ических] теорий нашего мира Japonese Nations of European Political Economy by Tentjaro Makato.[5] Хочу предложить издать по-русски, и еще к «Bütnerbauer»,[6] роман Поленца — немецкий. Он был переведен в прошлом году в Вести[ке] Европы. Превосходное произведение. Хотел бы написать предисловие к «Ткачам», как вы — Галя — того хотите,[7] да как-то не пишется. Боюсь, не выйдет. Впрочем, перечту и попытаюсь. Ну вот пока всё.

Целую вас всех.

Л. Толстой.

23 мая 1900

На конверте: England. Essex. Purleigh. Maldon. V. Tchertkoff.

Ответ на письма Черткова от 23 и 28 мая н. с. и письмо А. К. Чертковой от 12 мая н. с. В первом письме Чертков писал об издании произведений Толстого на английском языке. Во втором письме Чертков сообщал, что посылает свое предисловие к брошюре о притеснениях финнов русским правительством и просит дать отзыв об этой статье.

[1] Отрывок, исключенный Чертковым из его послесловия к сборнику «Финляндский разгром», изд. «Свободное слово», Purleigh 1900.

[2] [праздник,]

[3] «Свободная мысль» — журнал, издававшийся П. И. Бирюковым в Женеве в 1900—1901 гг.

[4] Предисловие к новому изданию книги Кенворти «Anatomy of Misery» («Анатомия нищеты»). См. т. 34

[5] Предисловие к книге Tentjaro Makato, «Japonese Nations of European Political Economy» («Японский обзор европейской политической экономии»). См. т. 90.

[6] Предисловие к роману В. Фон-Поленца «Крестьянин», изд. «Посредник», М. 1902. См. т. 34.

[7] А. К. Черткова в письме от 12 мая н. с. просила Толстого написать предисловие к русскому переводу драмы Г. Гауптмана «Ткачи». Предисловие не было написано.

* 591.

1900 г. Июня 8. Я. П.

Получил ваше письмо с ответом на мою критику, и брошюру об отнош[ении] к госуд[арству],[1] которая мне очень приятна, и первые листы (2) о Финляндии. Конец тоже есть, недостает

середины, с 32 по 64. Je maintiens mon dire.[2] В последнем листке есть ваша заметка о суде над Ч[реватенко].[3] Заметка прекрасно написана, я ее 2 раза читал вслух, но как раз в ней слова: *пьяный поп*, к[оторые] я бы заменил просто *священником*, и в конце слово *преподносит*, к[оторое] я бы заменил словом *предлагает*. Более месяца не писал писем, и теперь разобрал, и предстоит ответить 11-ти.

Я здоров, но хвалиться работой не могу. Мараю и перемарываю статью «Раб[ство] наш[его] вр[емени]» и всё не кончаю, хотя тружусь усердно и очень хочется писать другое.

Прощайте, милые друзья.

Л. Толстой.

Ясная Пол[яна]

8 июня 1900 г.

На конверте: Англия. Purleigh. Maldon. Essex. England. V. Tchertkoff.

Ответ на письмо от 10 июня н. с., в котором Чертков писал, что, перечитав свое послесловие к сборнику «Финляндский разгром», он не может согласиться с возражениями Толстого; к тому же письмо с критическими замечаниями пришло тогда, когда послесловие было уже напечатано.

[1] Л. Н. Толстой, «Об отношении к государству. Три письма: 1. К редактору немецкого журнала. 2. К либералам. 3. К редактору английской газеты». Брошюра эта, изданная впервые Чертковым в 1897 г. в Лондоне, была переиздана в 1900 г.

[2] [Я воздерживаюсь от суждения.]

[3] В «Листках Свободного слова» 1900, № 14, было помещено сообщение о суде над крестьянкой Т. И. Чреватенко, обвинявшейся в кощунстве, выразившемся в «насмешках» над поклонением иконам и другими обрядами. Сообщение сопровождалось заметкой от редакции, написанной Чертковым.

* 592.

1900 г. Июля 20. Я. П.

Хоть вы и не любите этих писем,[1] пишу только, чтобы облегчить свою совесть перед вами. Все ваши письма получил и первое, хорошее, и тяжелые о К[енворти]. Вчера получил от него еще целую корреспонденцию. Да, он душевно болен. В вчерашнем письме пишет, что я обещал ему отдать мои писания и в том числе the story Resurection,[2] но вы и Моод отняли у него. Ужасно противны его глупые клеветы на вас и желание припи-

сать вам что-то такое, что немыслимо для величайшего негодяя. Он напоминает мне Ильина,[3] возившего картину Ге. Он сумасшедший, но в сумашествии, как в пьянстве, проявляется то, что таилось прежде. Что мне делать? Хотел написать ему, но, думаю, лучше молчать. И вам бы советовал молчать на всё, что бы он ни делал. Это экзамен — юродство. И отчего же не нести его? Целую вас и люблю нежно обоих. Не писал п[отому], ч[то] все силы тратил на статью.[4] Теперь кончил и пошлю с случаем, но не через Буланже.[5] Его опять таскают.

Л. Т.

20 июля.

Закрытое письмо (секретка). Ответ на письма Черткова от 24, 25 июня и 16 июля н. с. В первом из этих писем Чертков писал, что переживает состояние душевного подъема, а в следующих двух письмах сообщал, что Кенворти под влиянием психического заболевания предъявляет разного рода обвинения своим друзьям, в том числе и Чертковым.

[1] Открытых писем и секреток.

[2] [«Воскресение»,]

[3] Николай Дмитриевич Ильин, частный поверенный, в 1890 г. возивший за границу картину Н. Н. Ге «Что есть истина?» После того как выставки этой картины за границей дали убытки, Ильин выступил против Н. Н. Ге, напечатав «Дневник толстовца», Спб. 1892.

[4] «Рабство нашего времени».

[5] Син-Джон был 4 июня 1900 г. арестован на даче у Буланже и выслан за границу. Осенью Буланже получил предупреждение от московского полицмейстера о том, что будет снова выслан за границу, если не прекратит участия в делах сектантов и в распространении запрещенных произведений Толстого.

* 593.

1900 г. Июля 27. Я. П.

Сейчас получил ваше последнее письмо, милый друг, и очень болею сердцем о вас и Гале. Он совсем больной. И я думаю лучше всего не отвечать ему. St. John написал ему прекрасное письмо, Галя тоже, но и то и другое имело обратное действие. Надо, надо подняться выше, чтобы не задевало. Это приучает летать.

Очень люблю вас обоих.

Л. Т.

Открытое письмо. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Толстой, повидимому, отвечает на письмо от 29 июля н. с., в котором Чертков писал, что Кенворти под влиянием душевного расстройства продолжает выдвигать разного рода обвинения против своих друзей и единомышленников. Чертков советует Толстому написать Кенворти «решительное, отрезвляющее письмо».

* 594.

1900 г. Августа 9. Я. П.

Милые друзья. Я думаю, что вы получили уже мои статьи.[1] Статью о Гумберте [2] я немного переделал и завтра вышлю ее. К «Рабству н[ашего] в[ремени]» составил маленькое послесловие и прибавил еще эпиграф, к[оторые] тоже вышлю завтра. Письмо ваше последнее, письмо от 12[-го], получил. Отвечу после. Я б[ыл] болен, теперь лучше. У нас Стасов, порадовал нас рассказом про вас.[3]

Целую вас. Братски любящий Л. Т.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике.

[1] «Рабство нашего времени» и статья «Не убий», первоначально названная «Кто виноват?».

[2] Гумберт I (1844—1900), итальянский король. Статья «Не убий» написана по поводу убийства этого короля, которое было совершено анархистом Бросси 29 июля 1900 г. Впервые напечатана в «Листках Свободного слова» 1900, № 17.

[3] В. В. Стасов, гостивший в Ясной Поляне 7—10 августа, незадолго до этого был в Англии и навестил Чертковых.

* 595.

1900 г. Сентября 1. Я. П.

Дорогой В[ладимир] Г[ригорьевич].

По пунктам:

1) Поправки я не хотел делать, но ваш вызов заставил меня пересмотреть, и я посылаю некоторые изменения. Больше ни в каком случае не намерен делать, надеясь, что некоторые неясности, неточности, происходящие от меня, а иногда от переписчиков, вы сами поправите, на что я вам даю, как всегда,

carte blanche. Меня смущает мысль, не выпало ли и не пропало ли место, где я сравниваю овладение правительством войском с старичком из 1001 ночи.[1] Или это в другой статье, в «Патр[иотизм] и Пр[авительство»], было? Напишите мне, п[отому] ч[то] у меня теперь нет «Патр[иотизм] и Пр[авительство»]. Если этого нигде нет, то это выскочило из этой статьи «Раб[ство] н[ашего] вр[емени»], и я бы желал включить туда.

2) Гальперину [2] я не обещал, и вы не давайте единовременного печатания. А делайте так, как вы намереваетесь, т. е. могут переводить после появления по-русски.

3) Письма копирует Оля и пришлет вам.

4) Fifield'у [3] я, может быть, напишу. Подумаю.

5) Лебединский [4] — честный и хороший малый. Если он написал грубо, то это главное от невоспитанности.

6) Анархизм [5] получил я в 2-х экз[емплярах]. Книга хорошая. Изложение моих взглядов в высшей степени основательно и добросовестно. Я писал автору мое мнение о книге. Если письмо скопировано, попрошу Олю послать вам. Анархизм вступает в ту фазу, в к[оторой] был социализм 30 лет тому назад, — получает в мире ученом право гражданства.

Братски приветствую вас, милые друзья.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Листки Свободного слова» 1900, № 18, стр. 15—16.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике. Ответ на письмо от 4 сентября, в котором Чертков спрашивал Толстого, внесет ли он еще поправки в статьи «Рабство нашего времени» и «Не убий». Чертков также сообщал, что получил письмо от переводчика Гальперина, который писал, будто Толстой позволил ему перевести «Рабство нашего времени» на французский язык раньше, чем оно будет издано другими издателями, и разрешил попросить для этого копию рукописи у Черткова. Чертков писал, что перестал получать копии писем Толстого к разным лицам. Напоминая, что эти копии нужны для того, чтобы составить полное собрание писаний Толстого, Чертков спрашивал, кто копирует письма.

[1] «Рабство нашего времени», гл. XIV первоначальной редакции.

[2] Илья Данилович Гальперин-Каминский, переводчик.

[3] А. Файфильд, организовавший издание произведений Толстого на английском языке («The Free Age Press»). Средства для этого издательства давал Чертков, принимавший ближайшее участие в этом деле. Файфильд спрашивал Черткова, не согласится ли Толстой написать письмо, которое

показывало бы, что издания «The Free Age Press» выходят с ведома и одобрения Толстого.

[4] Иван Филиппович Лебединский, железнодорожный служащий, эмигрировал из России в 1900 г. Сочувствовал анархизму. Лебединский выразил желание продавать издания Черткова, но, узнав условия, на которых эти издания могут быть отпущены для продажи, написал ему резкое письмо.

[5] Книга Эльцбахера «Анархизм» (P. Eltzbacher, «Der Anarchismus», Berlin, 1900).

* 596.

1900 г. Сентября 6. Я. П.

Сейчас прочел Мысли о боге.[1] Там есть хорошее, и я умилялся, читая их. Но издание их преждевременно. Их надо было издать после смерти (недолго). А то очень страшно жить с такой программой жизни. Сейчас подумал это и потом устыдился. Разве не всё равно, если жить не перед людьми, а перед богом? Перед людьми жить очень хлопотно — всем потрафить, от всех заслужить доброе мнение, скрыть от них свои гадости. Очень трудно. А как покойно и легко перед богом. Перед ним трудиться, скрывать и рисоваться нечего. Он знает, каков я и чего я стою. Это одно и большое преимущество служения богу, а не людям.

Еще читая эти мысли, вспомнил то, что недавно думал об этом. Думал то, что нельзя говорить: бог есть любовь или бог есть логос, разум. Через любовь и разум мы познаем бога, но понятие бога не только не покрывается этими понятиями, но так же отличается от бога, как понятие глаза или зрения от света. Почти то же там есть.

Прощайте и меня и Лебединского,[2] к[оторый] просит прислать ему для продажи книги.

Л. Т.

6 сент.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1900, № 18, стр. 16.

[1] «Мысли о боге» Льва Толстого, изд. «Свободного слова», Purleigh, 1900.

[2] См. т. 72, стр. 449.

* 597.

1900 г. Сентября 9. Я. П.

Дорогая Галя,

Заглавия глав я писал для себя на память, и их совсем надо выпустить или составить свои, или исправить — как хотите. О том, что 15, а не 10 лет, разумеется, исправьте.

Воззвание к л[юдям] [1] пересмотрю и тогда пришлю ответ. Постараюсь прислать.

Прощайте, целую вас, милые друзья.

Л. Т.

Оля [2] переехала. Я один. Сейчас у меня милая девушка Чайковская.

На конверте: Англия. England. Vicarage Haylings. Hants. V. Tchertkoff.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля.

Ответ на письмо от 15 сентября, в котором А. К. Черткова писала, что названия некоторых глав в «Рабстве нашего времени» желательно изменить, например вместо «Работа грузчиков *37 часов*» поставить: «37-часовая работа грузчиков». А. К. Черткова напоминала Толстому, что его книга «Так что же нам делать?» написана не десять лет назад, как он указывал в статье, а почти пятнадцать лет назад.

[1] «Воззвание к людям» — первоначальное название статьи Толстого «Неужели это так надо?», которую хотел напечатать Чертков.

[2] О. К. Толстая переехала в имение своего мужа Таптыково.

* 598.

1900 г. Сентября 29...30. Я. П.

Галя мне задала задачу: Напечатать то, что я называл Воззванием.[1] Я стал пересматривать и поправлять. И одну кончил и посылаю, а другую на днях пришлю; тоже переправил. Всё это старо и плохо и сказано в других местах; только во второй, в длинной, есть кое-что новое о религии и то не кончено, а кое-как набросано. Впрочем, мне уж пора знать, что кончать некогда. Делайте с этим, что хотите, и, пожалуйста, вы и Дима выпускайте, поправляйте, главное, поправляйте,

где нехорошо. Я, впрочем, просмотрел это доволь[но] внимательно. — Что вам сказать о себе? О себе в зависимости с вами — то, что часто думаю о вас и I miss you both [2] очень. Хочется сказать такое, что вам только можно. О себе отдельно — то, что очень много хочется писать и худож[ественного] и нехудож[ественного], а настоящего, и всё это, очевидно, не будет написано. Нынче, читая о наказаниях китайцев во имя христианства,[3] ужасно захотелось написать послание китайцам,[4] в к[отором] сказать им, что те христиане, к[оторых] они знают и к[оторые] их мучают, самозванцы и клевещут на Христа, а что Хр[истос] любил бы и помогал бы им, и любя, и готов помогать им. И т. п.

Целую вас братски обоих.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Листки Свободного слова» 1900, № 18.

Датируется 29...30 сентября, так как Толстой в день написания письма читал номер «Русских ведомостей» от 28 сентября, в котором помещена упоминаемая им статья о репрессиях против китайцев, а газеты приходили обычно в Ясную Поляну на следующий день.

[1] А. К. Черткова прислала Толстому наброски двух «воззваний», написанных им в 1897—1898 гг. Толстой назвал одну из этих статей «Где выход?», другую «Неужели это так надо?». Первая статья была послана Черткову одновременно с комментируемым письмом.

[2] [мне недостает вас обоих]

[3] В статье «Отголоски и впечатления», напечатанной в газете «Русские ведомости», № 270 от 28 сентября 1900 г., сообщалось, что жилища 15 000 китайцев, живших на русском берегу Амура, сожжены, а население частью бежало, частью уничтожено. Три тысячи китайцев, выгнанных из Благовещенска, вынуждены были вплавь переправляться через Амур, причем многие потонули. По сообщению газеты, генерал-губернатор Гродеков объявил, что восстановление китайских поселков на российской территории не будет допущено.

[4] Эта рукопись не была окончена Толстым. Варианты напечатаны под общим заглавием «Обращение к китайскому народу», т. 34, стр. 339—342.

* 599.

1900 г. Октября 1. Я. П.

Письма ваши оба длинные с дневником и последнее с воззванием И[вана] М[ихайловича] получил. Спасибо за первое большое письмо. После напишу об этом.

О втором же письме, то, что ваша приписка к Шлиссельб[ургской] крепости [1] мне очень понравилась, и жалею, что не успел написать вам об этом. Это хорошо, что у нас никого нет сторонников, кроме нашей совести.

Посылаю это письмо только pour accuser réception.[2]

Л. Т.

1 окт.

Получил и Галино письмо и постараюсь исполнить.

Потерял ваше письмо — последнее с адресом, и потому адресую на старый.

Ответ на письма Черткова от 28 сентября н. с. и 3 октября н. с. 1900 г. К первому из этих писем были приложены листки из дневника Черткова, а ко второму составленное И. М. Трегубовым воззвание «К рабочим всего мира», в котором предлагалось рабочим всего мира объявить 25 декабря 1900 г., в день, когда исполнится «девятнадцать столетий со дня рождения Христа», забастовку и прекратить производство вооружений. Чертков отказался напечатать это воззвание, находя предложение Трегубова неосуществимым и наивным.

[1] «Тринадцать лет в Шлиссельбургской крепости», записки Л. А. Волкенштейн, изд. «Свободного слова», A. Tchertkoff, Purleigh, 1900. В конце брошюры помещена составленная Чертковым заметка, о которой пишет Толстой.

[2] [чтобы подтвердить получение.]

* 600.

1900 г. Октября 2—3. Я. П.

2 окт. 1900 г.

Написал 8 писем и, наконец, добрался и до вас, милые друзья. Я оставляю вас на закуску всегда, п[отому] ч[то] вам я пишу без задержки, что и как думается и чувствуется.

Передо мной ваши два большие письма: одно с дневниками, другое с проектом Ив[ана] Мих[айловича].

По порядку:

О первом:

У каждого свой особенный путь, но tous chemins mènent à Rome, [1] т. е. к богу, и все наши бедствия только от распадения с ним.

Вы знаете, что у меня всегда есть дорогие мне, п[отому] ч[то] нужные для моей жизни мысли, к[оторыми] я руководствуюсь, лечусь, подкрепляюсь, как духовн[ым] лекарством. И всегда бывает так, как в матерьяльном лекарстве, — организм притерпится к лекарству, и оно уже не действует. Последнее же время, больше месяца, у меня есть лекарство, удивительно помогающее и до сих пор действующее. Лекарство это предназначено против того самого, от чего вы страдаете, — от разлучения с богом. У меня оно выражается — хотел сказать: приготавливается — так: я напоминаю себе, как могу чаще, что во мне божеское начало — есть бог, такое существо, к[оторое] не может ни огорчаться, ни сердиться, ни бояться, ни стыдиться, ни гордиться, а может только делать то, что бог, «что̀ Отец делает, то и сын....», только делать добро людям — любить. И вот, часто напоминая себе это в спокойные минуты, когда один и можешь молиться, приучаешь себя к тому, чтобы вспоминать это, сознавать в себе бога в трудные минуты жизни, когда ты огорчен, обижен, раздражен, испуган. И стоит только вспомнить, кто ты, и такое устанавливается спокойствие, — если и не всегда любовь к обидевшему или огорчившему, то уже наверно отсутствие раздражения, недоброты. Даже какое-то особенное, почти физическое чувство радости и успокоения испытываешь. На меня это действует удивительно; но ведь все мы идем отдельными путями. Попробуйте, мож[ет] б[ыть] и вам годится. На меня же ни одно из моих духовных лекарств не действовало так благотворно и продолжительно.

Теперь о приписке к Волкенштейн.[2] Об этом писал. Это очень хорошо — как должно.

Об Ив[ана] Мих[айловича] воззвании. Я согласен, что наивно, но все-таки хорошо, и я бы не отказал, не имел бы духу отказать в печатании. Это не значит, что я советую напечатать, а то, что высказываю мое впечатление.

Теперь еще самое важное: хотел написать Fifield'у, но едва ли успею. Сейчас приехал Илья с женой. Попытаюсь:

Dear Sir,

Я получил уже изданные вами мои книги и листки и программу дальнейших изданий. От души благодарю вас. Издавая так, как вы издаете, вы исполняете самое близкое моему сердцу желание иметь своим читателем большую публику, рабочего,

трудящегося человека и подвергнуть свои мысли его решающему суду.

Не могу не выразить при этом сожаления о том, что я слишком много потратил времени на удовлетворение вкусов малой утонченной и развращенной публики, к к[оторой] сам принадлежал, и слишком поздно стал иметь в виду того читателя, который составляет везде $^{9}/_{10}$ всего человечества.

Your truly L. T.[3]

Ничего не вышло; но, может быть, вы на этой канве что-нибудь придумаете прибавить, изменить, выпустить.

Издания его поразительны.

Теперь еще дело:

Это письмо Цибульск[ого] [4], отказавшегося от воинс[кой] повинности. Посылаю пока.

Прощайте пока.

О земельной собственности я вам послал.[5] Теперь кончил другое и на днях пошлю.[6]

Сейчас, 3 окт[ября], получил вашу телеграмму.[7] Я не помню изменений, предложенных Моодом, помню только, что они не неважны, можно и по-новому, можно и по-старому.

Отрывки напечатаны: «Листки Свободного слова» 1900, № 18, стр. 16—17; Б, IV, стр. 16. Толстой отвечает на письма Черткова от 28 сентября и 3 октября н. с., на которые частично отвечал и в предыдущем письме.

[1] [все дороги ведут в Рим,]

[2] Заметка от редакции, напечатанная в книге Л. А. Волкенштейн. (См. письмо № 599.) Людмила Александровна Волкенштейн (1859—1906), член партии «Народная воля». В 1884 г. приговорена к смертной казни, которая была заменена каторжными работами на 15 лет. Находилась в заключении с 1885 по 1896 г., затем сослана на поселение на Сахалин.

[3] Включая в текст письма к Черткову письмо к заведующему издательством «The Free Age Presse» Файффильду, Толстой, очевидно, предполагал, что Чертков переведет его на английский язык и пришлет для подписи. Но, поскольку сам Толстой признал это письмо неудавшимся, Чертков составил другой проект письма, не одобренный Толстым. Окончательный текст письма был подписан Толстым 24 декабря 1900 г. и адресован издательству «The Free Age Press» (см. т. 72, письмо № 438).

[4] Даниил Никодимович Цибульский, сектант-штундист, отказавшийся от военной службы в 1898 г. и приговоренный к четырехлетнему тюремному заключению. Письмо Цибульского напечатано в «Листках Свободного слова», № 23.

[5] «Где выход?».

[6] «Неужели это так надо?».

[7] Телеграмма Черткова, повидимому, содержала вопрос, как согласовать первоначально присланный текст «Рабства нашего времени» и присланные Толстым поправки к этой статье. По этому поводу у Черткова были разногласия с переводчиком статьи Моодом.

* 601.

1900 г. Октября 3. Я. П.

Changements inutiles.

Изменения бесполезны.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке. Эта телеграмма является ответом на телеграмму Черткова по поводу поправок к статье «Рабство нашего времени».

* 602.

1900 г. Октября 13. Я. П.

Собирался писать вам нынче вечером, и сейчас получил ваше письмо № 4 или № 5, и нынче пишу вам не последнему, но первому, отчего качество моего письма едва ли улучшится. Качество будет нехорошо уже наверное каллиграфически, п[отому] ч[то] я вчера, гуляя в саду по грязи в резинов[ых] калошах, упал на руку так сильно, что не владею ей для больших движений и пишу с трудом, с особенными приспособлениями.

Писать я хотел нынче по делу. Я очень долго исправлял, дополнял второе начало *о рабочих*, кот[орое] я назвал «Неужели это так надо?», и, нужно ли оно вам будет или нет (это будет третье повторенье того же), я решил теперь отправить его вам. И нынче Ал[ександр] Петр[ович] делает другую копию, и завтра отошлю.

Обе эти статьи, если печатать их, надо обозначать тем числом и годом, когда они писаны, прибавив: пересмотрено тогда-то.[1] Можно от вас, издателя, прибавить: как и почему они печатаются, если будут печататься. Об этой «Неуж[ели] т[ак] н[адо]?» повторяю то же, что̀ всегда, т. е. даю вам carte blanche делать всякие изменения.

Как бы не забыть: статья «Le mensonge Chinois»[2] — не моя, и ничего не знаю о ней и ее не видел.

В «Раб[стве] н[ашего] вр[емени]» изменения, к[оторые] вы сделали в 14 главе, к[оторых] я не видел, я вперед одобряю, хотя я и не намерен б[ыл] делать изменения, и Моод б[ыл] прав. Присланный мною последний текст был тот, на к[отором] я окончательно остановился. Если я спрашивал о сравнении с стариком, то п[отому], ч[то] забыл, выключил ли я его или нет. Оказалось, что я его сознательно выключил. У меня остался последний текст. Повторяю, что вперед уверен, что тот trillage,[3] к[оторый] вы сделали, хорош. Неудобство только в том теперь, что, жалея сравнение с стариком, я включил его в статью «*Неуж[ели] это т[ак] на[до]?*» И теперь уже вам придется выпустить его[4] из этой статьи, если будете ее печатать. Вот и всё об этом деле.

Вы мне решительно не даете баловаться. Только что я взялся за легкомысленную драму,[5] как Галя прислала эти две статьи. Я очень благодарен за это. Как они подействуют на других, а на меня они действовали уже очень полезно. Теперь опять хотел резвиться, вы напоминаете о китайском обращении. Спасибо вам. Теперь я остыл. Авось мой друг Вильгельм[6] подсвежит нужное для этого чувство. Я, кажется, писал вам, что главное в этом это серьезно не только возмущающая, но больно оскорбляющая меня клевета на христианство, к[оторым] я живу. Неприятно, что под моим именем печатают какую-нибудь неясную, слабую, пошлую статью; но каково же, когда под именем христианства проповедуют самые ужасные требования. Ну это что будет, то будет, но хотел бы. Завтра отошлю «*Не[ужели] т[ак] н[адо]?*» и останусь disponible.[7]

Я совершенно здоров, и мне очень хорошо на душе. Всё больше и больше не то что убеждаюсь, но всем существом чувствую нереальность этого мира, того, в к[отором] мы живем. Не то что нереальность, что всё это мечта, что его нет, а то, что он есть только одно из *бесчисленных* (если уже считать) проявлений жизни, а не то, что мы все думаем в детстве и юности, а многие и до смерти — что это настоящий единственный мир и другого нет. Ужасно жить, думая так. Чтобы хорошо жить, радостно, спокойно в этом мире, надо *чувствовать*, что этот мир одна точка, как точка настоящего во времени или какого-нибудь места в пространстве. Надо непременно чувствовать, как Эмерс[он]:

ч[то] «I can get along without it».[8] Нынче, гуляя, очень чувствовал это и, зная, что вы и в бестолково выраженных моих мыслях находите родственные черты, пишу вам это.

Прощайте, милые друзья, Привет милому Жозе.

Л. Толстой.

Отрывки напечатаны: «Листки Свободного слова» 1900, № 18. Датируется на основании слов Толстого о том, что он ушиб руку «вчера», то есть 12 октября. Толстой отвечает на письмо Черткова от 17 октября н. с., в котором он писал о насилиях, совершаемых над китайским народом, и о том, какое значение имело бы выступление Толстого в его защиту. Чертков полагал, что если бы Толстой обратился с письмом к китайцам, то можно было бы, сделав перевод на английский язык, перевести его с английского языка на китайский язык. Чертков писал, что в журнале «Revue des Revues» появилась статья о событиях в Китае, напечатанная за подписью Толстого, но, судя по некоторым фразам, написанная не им.

[1] В примечаниях к статьям «Где выход? и «Неужели это так надо?» Чертков указал, что они написаны начерно в 1898 г., а затем вновь пересмотрены и переработаны Толстым.

[2] [«Китайский обман»]. Статья, напечатанная в журнале «Revue des Revues» 1900, № 19, за подписью Толстого.

[3] [отбор,]

[4] *В автографе:* ее

[5] «Живой труп».

[6] Вильгельм II, германский император. Толстой называет его своим «другом» иронически, так как неоднократно выражал свое возмущение милитаристическими речами Вильгельма II.

[7] [совершенно свободным.]

[8] [Я могу обойтись и без него.] Слова, сказанные американским философом и писателем Ральфом Эмерсоном (1803—1882) в ответ на утверждение о близком конце мира.

* 603.

1900 г. Октября 31. Кочеты.

Милая Галя,

Всей душой сочувствую вашему беспокойству, но почему-то почти уверен, что оно не имеет основания.

А если бы и имело?

Прекрасная легенда Авраама, приносящего сына в жертву.[1] Надо приближаться к Аврааму. Без этого жить тяжело. Я две недели живу у Тани без писем.[2] Нынче получил ваши и листки

4-й и 5-й, а 3-го нет.[3] Вышлите, если можно. Прощайте и не унывайте, милый друг. Все наши страдания, все наши потери приближают нас к богу, если мы верим в него. Он выступает там, где уничтожается то, что мы теряем, и заменяет с излишком собою, если мы связаны с ним, не разорвали или восстановили связь с ним.

Что большой Дима?[4] Напишите поскорее в Москву. Я, если бог велит, намерен быть там 3-го. Надеюсь, что напишете добрые вести. Братски целую вас всех 4-х. Димочку и Жозю.

На конверте: Англия. Angleterre. Essex. Maldon. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1900, № 18, стр. 18 Датируется на основании записи в Дневнике от 31 октября. Ответ на письмо А. К. Чертковой, сообщавшей о болезни сына.

[1] Библия, «Книга бытия», гл. 22.

[2] Толстой гостил в имении Сухотиных с 17 октября и вернулся в Москву 3 ноября.

[3] По сообщению А. К. Чертковой, Толстой имел в виду листы «Рабства нашего времени», присылавшиеся Чертковым по мере печатания книжки.

[4] В. Г. Чертков.

* 604.

1900 г. Ноября 5. Москва.

Получил ваше длинное письмо, милый друг, с брульоном к Файфильду. Я написал было по-вашему, а потом мне сделалось неприятно. Это б[ыло] похоже на рекламу. А это так ужасно отвратительно, и мне особенно неприятно. И я написал, как прилагаю. Очень рад буду, если годится. —

Статья «Le mensonge Chinois» очень слабая, по тому огромной важности предмету, которого касается, и, кроме того, церковная, восхваляющая миссионеров, главных виновников всего. Буду благодарен вам за разоблачение обмана.

Лебединского мне очень жалко. То, что он выслан из Франции, — правда.[1] Он прислал мне приказ начальства, по к[оторому] его выслали. Жалко тоже, что вы не видали его. Он один из тех, к[оторые] ужасно страшны в письмах и очень скромны и кротки в личных сношениях.

Очень рад, что вы не так мрачно смотрите на болезнь Димочки, как Галя. Я получил и ее покаянное письмо. И писал ей, но боюсь, что поставил недостаточный адрес: Essex, Maldon. Дошло ли? Я прожил две недели у Тани. Она беременна 6-й месяц и здорова и хороша духовно, хотя и в совершенно иных, чем хотелось бы не только мне, но и ей, условиях. На меня нашла спячка духовная, я все эти две недели и теперь два дня в Москве ничего не пишу. Содействует этому сначала ушиб всей руки (правой, больной). Теперь она поднимается, хотя и больно, а потом прищипленный в вагоне, в двери, большой палец на правой же руке, к[оторый] и до сих пор болит и не дает действовать рукой — пишу с трудом.

Прощайте, целую вас. Пишите скорее о Димочке и о себе.

Л. Т.

5 ноября

На конверте: Англия. Черткову. Pine Holme. Westbourne. Pk. Rd. Bournemouth. England. V. Tchertkoff. Заказное. Registered.

Отрывки напечатаны в «Листках Свободного слова» 1900, № 18, стр. 18.

Ответ на письмо от 4 ноября н. с., в котором Чертков просил Толстого написать письмо не на имя Файфильда, а издательству «The Free Age Press». Чертков посылал проект такого письма и сообщал подробности об общедоступных изданиях произведений Толстого, выпускаемых издательством» «The Free Age Press» при ближайшем участии Файфильда.

[1] Лебединский был выслан из Франции в начале октября 1900 г. за продажу журнала Бирюкова «Свободная мысль» и переселился в Англию.

* 605.

1900 г. Декабря 7. Москва.

Дорогие друзья,

Посылаю вам болгарскую газету с отказом от воинс[кой] повинности.[1] Верните мне ее и выдержку из русс[кой] газеты об ужасах, совершенных в Благов[ещенске]. Статья важна тем, что знающий дело и не думает отрицать того, что было, а только выгораживает кого-то.[2]

Мне грустно, что так давно ничего не знаю про вас. Нынче получил откр[ытое] письмецо от Гали. И за то спасибо. Это не мешает мне очень любить вас.

Л. Т.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике.

[1] Газетный отчет о военном суде над болгарином Г. С. Шоповым, присужденным к трем годам тюрьмы за отказ от военной службы.

[2] Вероятно, Толстой имеет в виду письмо в редакцию газеты «Восточный вестник» от 25 сентября 1900 г., № 77, с подробным описанием потопления в Амуре китайцев, живших в Благовещенске. Вырезка из этой газеты сохранилась в архиве Черткова.

* 606.

1900 г. Декабря 8. Москва.

8 дек. 1900 г. Москва.

Получил сейчас ваши письма, милые, дорогие друзья.

По пунктам:

1) Очень жаль, что так много б[ыло] хлопот по отрицанию «Mensonge Chinois». Нельзя ли написать такое письмо, к[оторое] бы свидетельствовало о том, что вы уполномоченный всего, что касается моих писаний?

2) Прочел переписку с Файф[ильдом]. Вполне согласен с вашим письмом к нему. Также вполне согласен на обращение к Free Age Press, только боюсь, как бы отрезание обращения не привело бы к каким-нибудь затруднениям. Если вы не спешите, то перепишите письмо и исправьте, верно есть ошибки, с обращением к F[ree] A[ge] P[ress], и я перепишу и пришлю. Если же не боитесь отрезать, то и так хорошо.

Мое нежелание содействовать чему-либо, похожему на рекламу, уничтожается отсутствием copyright.[1]

Долго вы мне не писали, В[ладимир] Г[ригорьевич]. Спасибо за это последнее письмо. Зачем вы велите его уничтожить? Жду продолжения.

Я тоже много переживал последнее время, похожее на ваше, только я по годам моим невольно впереди. Как хороша китайская мудрость, к[оторая] говорит, что человек должен быть более всего внимателен к себе, когда он один, и забота его должна быть одна, чтобы ничего не было дурного в его сердце.

Эта уединенная работа могущественно помогает, и сейчас, при первом столкновении с людьми, уже видишь, как легче сначала не показывать зло, потом и не быть злым, потом и быть добрым. — В этом кое-как подвигаюсь, чего и вам желаю. В чем же очень успел, это сначала в пренебрежении к смерти, а потом в равнодушии, а потом в желании ее. Я сначала думал, что это нехорошо, но это неправда. Мы всегда желаем идти вперед: из дитяти стать юношей, из юноши — мужем; я желал и старости, и желаю смерти, п[отому] ч[то] это всё ближе и ближе к благу. Нынче особенно живо, умиленно чувствую это и, любя вас, не могу не желать вам. В виду смерти как-то особенно хорошо, нежно и спокойно любишь людей, чувствуя, что люди проходят, но не проходит та связь любви, к[оторая] соединяет с ними. Часто не только думаю, но чувствую в мире только любовь и соблазны нелюбви, скрывающие, давящие ее, с к[оторыми] она борется; что это только есть, точно есть, а всё то, что мы считаем реальностью: типографии, Файф[ильд], Буры,[2] Чемберлен,[3] Ноги,[4] Николай II, китайцы — это всё только поводы, к которым придираются соблазны и любовь в своей борьбе. Я пишу по-старому вам, надеясь, что вы, живя одной со мной жизнью, поймете меня.

Я скоро 2 месяца ничего не пишу и je m'en trouve très bien.[5]

Прощайте, милые друзья; братски нежно целую вас. Всё прекрасно, всё хорошо, если мы станем туда, где ничто не достает, и всё хорошо. А стать туда мы всегда можем.

Л. Т.

Ответ на письма Черткова от 26 и 28 ноября н. с. В первом из этих писем Чертков сообщал, что переехал с семьей в городок Christchurch, где приобрел собственный дом. Чертков объясняет, почему надо было, чтобы письмо Толстого об издательстве «The Free Age Press» было адресовано не лично Файфильду, а издательству, и указывает, что оно нужно для того, чтобы сообщить читателям, что в этих изданиях дается наиболее верный текст сочинений Толстого. Во втором письме Чертков спрашивает, что Толстой может сказать по поводу статьи «Le mensonge chinois», которую «Revue des Revues» ложно приписало ему.

[1] Copyright — право собственности на произведения. Издания «The Free Age Press» могли свободно перепечатываться.

[2] С октября 1899 г. по март 1902 г. Англия вела войну с бурами, стремясь уничтожить их политическую независимость.

[3] Джозеф Чемберлен (1836—1916), английский политический деятель, консерватор, один из организаторов войны против буров.

[4] Ноги, японский генерал, выдвинувшийся во время войны Японии с Китаем, впоследствии командующий армией во время русско-японской войны.

[5] [я себя чувствую очень хорошо.]

* 607.

1900 г. Декабря 12. Москва.

12 дек.

Получил вчера ваши вторые письма о делах переводов со вложением ст[атьи] «Revue B[lanche]».

Я никакому Блуменау не давал авторизации, кажется и не получал от него письма.[1] Я знаю, как важно для дела и, главное, для вашего спокойствия, чтобы я твердо держался установленного порядка, чтобы за границу все мои писания проникали только через вас, и потому строго держусь и буду держаться этого.

Драму [2] я, шутя, или, вернее, балуясь, я написал начерно, но не только не думаю ее теперь кончать и печатать, но очень сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь это сделал. — Так много более нужного перед своей совестью, и так я себя чувствую вот уже скоро 2 месяца неспособным к умственной работе, не чувствую потребности к ней. Сначала это меня огорчало, а теперь думаю, что это хорошо. Душа не chome pas [3] — идет другая работа, м[ожет] б[ыть] — лучшая.

Как хорошо, что вы довольны своими помощниками.

Затея издания кончилась.[4] Я жалею, но не себя. Это поощряло бы меня писать легкомысленное.

Прощайте, целую вас. Присылайте мне, что напечатаете. Так вы никогда не верьте, чтобы я кому-либо дал разрешение без вас, и, пожалуйста, имейте ко мне доверие, что я не то что доверие к вам имею — между нами не м[ожет] б[ыть] такого слова, а что я благодарен, и то не хорошо, а просто радуюсь, что вы есть и что вы делаете дело, к[оторое] мы думаем, что оно не наше, а его. И то боюсь думать. Его дело только то, чтобы стараться быть совершенным, как он, а это так — только п[отому] ч[то] надо же что-нибудь делать.

На конверте: Англия. England. Christchurch. Hants. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 292.

Ответ на письма В. Г. и А. К. Чертковых от 19 декабря н. с. об издательских делах. Чертков писал, что необходимо все дело переводов и издания произведений Толстого за границей сосредоточить в одних руках, причем иностранные издатели должны знать, что Чертков не извлекает из издательской работы никакой материальной выгоды и доставляет произведения Толстого бесплатно издателям. А. К. Черткова спрашивала, давал ли Толстой авторизацию на перевод своих произведений Блюменау и кто такой этот Блюменау, заявляющий о своих правах на переводы произведений Толстого на немецкий язык.

[1] Писем Блюменау в архиве Толстого нет.

[2] «Живой труп».

[3] [бездействует]

[4] Группа единомышленников Толстого предполагала издавать журнал, но не получила разрешения от Главного управления по делам печати.

* 608.

1900 г. Декабря 24? Москва.

Посылаю письмо F[ree] A[ge] P[ress]. Боюсь, как бы кто-нибудь (Моод) не огорчился. [1] Тогда вы будете виноваты. Получил все ваши 3 письма: Галино первое и второе с письмом К[ропоткина] [2] и ваше.

Более важное, что я пишу, это — заметки в дневник.

Если можно, пришлите мне побольше ваших моих писаний, в особенности: «Как чит[ать] Еванг[елие]» и «Христ[ианское] учение».

У меня ничего нет.

Прощайте, спасибо вам за любовь. Как здоровье?

Л. Т.

Отрывки напечатаны: А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 49. Датируется предположительно 24 декабря, так как этим числом помечено присланное одновременно письмо Толстого к издательству «The Free Age Press».

[1] В письме к издательству «The Free Age Press» Толстой, по предложению Черткова, упомянул о своем отказе от литературной собственности. Моод, переводивший произведения Толстого, возражал против того, чтобы на изданиях «The Free Age Press» печаталось объявление о том, что издательство не сохраняет литературной собственности на свои издания.

[2] А. К. Черткова переслала Толстому копию письма П. А. Кропоткина к Черткову от 20 сентября н. с. с критическим отзывом о статье Толстого «Не убий».

* 609.

1900 г. Декабря 28. Москва.

Получил и ваше письмо, и Ames'a, [1] и немецкую статью, и письмо Гали. Только не получил еще статьи. Спасибо за всё. О вопросе неупотребления денег я не отвечаю еще, п[отому] ч[то] собираюсь обдумать его. И тогда напишу.

Я всё так же неспособен работать, как прежде, и почти ничего не делаю.

Л. Т.

28 дек.

На конверте: Англия. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff.

Ответ на письмо от 3 января н. с. 1901 г., в котором Чертков писал о том, что сочувствует взглядам людей, считающих деньги злом и отказавшихся от пользования ими.

[1] Эмс (Ames), молодой англичанин, сотрудник Черткова по изданию произведений Толстого на английском языке, сторонник теории неупотребления денег. После неудачной попытки жить согласно своей теории отказался от нее.

1901

610.

1901 г. Января 18. Москва.

18 янв. 1901. Москва.

Давно получил ваше длинное письмо с обличением в попытке подцензурного издания. Я так люблю обличения себя, что, читая ваше письмо, совершенно соглашался с ним и чувствовал свою неправоту и не только не испытывал неприятного чувства, но, напротив, и любовь и благодарность к вам. Потом, обдумывая, менее соглашался с вами: очень меня подкупало то, что это побуждало бы меня писать художест[венные] вещи, кот[орые] я без этого не буду писать, и то, что огромный материал этического характера вещей, получаемых мною, собранных в букет, могли бы быть полезны людям. Но я все-таки рад, что не удалось, тем более, что я как будто кончил, особенно для худож[ественных] вещей, и что наверное было бы много неприятного, и, как вы пишете, невольно втянулись бы участвующие в нехорошие компромиссы.

О жизни без денег я всё внимательно прочел и обдумал. Пишу это и вам и Ames'у, кот[орого] прошу простить меня, что не пишу отдельно и по-англ[ийски]. Я думаю, что жить без денег для того, кто чувствует в себе силы для этого и возможность (если он не связан несогласной семьей), не только хорошо, но должно. Это почти то же, что отказ от воинской повинности: кто может, тот пусть делает, п[отому] ч[то] это несомненно хорошо; но требовать этого, осуждать за неделание этого нельзя. Я говорю: *почти* так же, как отказ от воинск[ой] повинности, п[отому] ч[то] это может делать человек, кот[орый] стоит еще ступенью выше (по чуткости своего нравствен[ного] сознания), чем отказывающийся от воен[ной] службы. А что и то и другое

полезно и составляет центр света, из к[оторого] далеко идут лучи, это несомненно. Но мне нужно повторять то, что эта польза, эти лучи идут только тогда, когда цель в себе, в боге, а не вне себя.

Я всё хвораю и слаб. Понемногу освобождаюсь от тела. В душе мне хорошо.

Леву жалко. [1] Жалко и Таню; [2] но я твердо верю в то, что зла нет, и если мы считаем зло, — все-таки добро.

Прощайте, милые друзья. Братски целую вас.

Опубликовано: Б, IV, стр. 18. Ответ на письмо от 15 января н. с., в котором Чертков писал, что издание подцензурного журнала, задуманное некоторыми единомышленниками Толстого, явилось бы недопустимым компромиссом с правительством.

[1] Л. Л. Толстой, у которого 25 декабря 1900 г. умер ребенок.
[2] Т. Л. Сухотина, которая в конце декабря родила мертвого ребенка.

* 611.

1901 г. Января 19. Москва.

Получил вчера ваше длинное письмо, любезный друг, и спешу ответить по пунктам:

К большому сожалению, не могу, или по крайней мере очень мне неприятно (и больше того) было бы исполнить ваше желание по 1-му пункту. Я раз навсегда отказался от своих прав на сочинения и переводы, и потому такое заявление говорило бы противное. Впрочем, всего не выскажешь, но вообще подписать такое заявление мне представляется ужасно тяжело — неприятно.

Заявить при случае, что...

На этом месте остановился и опять внимательно перечел заявление и нашел, что за исключением последней фразы в первом абзаце *о том, что я ни с кем, кроме как через Черт[кова], не буду иметь дела,* [1] и с прибавкой во 2-м абзаце к словам «meiner Werke» слов: *в их настоящем неизменном виде* и еще [с] прибавкой после слова: «übernommen» слов: *и по моему желанию передает их переводчикам и издателям без всякого вознаграждения, но только с условием правильного и точного перевода по проверенному им оригиналу.* При таких изменениях,

на кот[орые] вы, верно, согласны, я исполню ваше желание и даже постараюсь сам составить, переписать и выслать вам. Также изменю и письмо, только в смысле большей простоты.

По 2-му пункту желание ваше исполняю и прилагаю бумажку. [2]

По 3-му пункту — едва ли успею исполнить желание Bellows'a. [3]

По 4-му пункту я как раз, по случаю просьбы жен, написал государю о том, что хорошо бы было всех Якутск[их] выпустить и вообще пересмотреть законы о религиозн[ых] гонениях. [4] Письмо мягкое, послал только с целью добиться желаемого. Ответа нет. Подожду еще и постараюсь узнать, как принято.

Моод писал мне, и я отвечал ему, что хорошо бы было, чтобы он заручился вашим согласием и помощью. [5]

Вот и мой конец пунктам. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Да еще мои пункты:

Получил 4 листа «Х[ристианского] У[чения]». [6] Жалко будет, если не получу конца. Нынче получил по почте «Нов[ое] Раб[ство]» и «Где вых[од]» по-французски, а по-русски не имею и не видал «Где в[ыход]» и «Неу[жели] т[ак] н[адо]?» Если можно, пришлите.

Так прощайте и простите оба, милые друзья.

Л. Т.

Исправленное немецкое заявление пришлю отдельно. Надо переписать.

Жена велит передать Гале, что очень благодарит за портрет и еще что и сама напишет, но у нее болят глаза, и она бережет их.

На конверте: Англия. Заказное. Кристчурч. Черткову. Christchurch. Hants. Registered. V. Tchertkoff.

Ответ на письмо от 26 января н. с., в котором Чертков писал, что посылает для подписи проект заявления на немецком языке о том, что он, Чертков, является единственным уполномоченным Толстого по всем вопросам, связанным с изданием его произведений за границей. Это заявление, написанное по просьбе Толстого (см. письмо № 606), предназначалось для опубликования в газете немецкого союза книгопродавцев и книгоиздателей, где было напечатано письмо А. Ф. Маркса, утверждавшего, будто Чертков не имеет права вести переговоры с иностранными издателями как представитель Толстого за границей.

[1] В письме от 7 февраля н. с. А. К. Черткова сообщила Толстому, что смутившие в проекте письма его слова явились результатом неправильного немецкого перевода, который ни В. Г. Чертков, ни она не могли проверить, слабо зная немецкий язык. А. К. Черткова просила вычеркнуть эту фразу. Окончательный текст письма Толстого в редакции немецких газет см. т. 73, стр. 33.

[2] Чертков просил написать на бумажке слово «concern», чтобы этой бумажкой заклеить слово «company», неправильно употребленное Толстым в письме к издательству «The Free Age Press».

[3] Квакер Беллоуз просил через Черткова Толстого написать предисловие к брошюре квакера Elkington'a о духоборах.

[4] Чертков просил Толстого написать письмо царю с просьбой разрешить женам сосланных в Якутскую область духоборов переехать к мужьям из Канады. Письмо Толстого к Николаю II от 7 декабря 1900 г. см. в т. 72, стр. 514—516. Жены духоборов получили разрешение на эту поездку.

[5] Письмо Толстого к Э. Мооду от 18 января 1901 г. см. т. 73, письмо № 6.

[6] Второе издание книги Толстого «Христианское учение».

* 612.

1901 г. Января 28. Москва.

Получил ваше письмо вчера и спешу ответить. Здоровье мое как будто поправляется, [1] по крайней мере начинается умственная работа, и даже очень интересная.

Понимаю, что вы хотите приехать. Погодите еще. А то как бы не испортить. [2] Так говорю, несмотря на радость увидаться с вами.

От Моода получил недовольное, спорящее письмо. Очень жалко. Напишу ему. Получил листки Х[ристианского] у[чения] 1-й и 3-й, а дополнительного — последнего — всё нет.

Если это письмо бестолково, так не думайте, что я поглупел в уровень этого письма. Только оттого, что много писал, и все-таки хочу нынче же ответить вам.

Прощайте, милые друзья.

Л. Т.

На конверте: Англия. Кристчёрч.Черткову. Заказное. Christchurch. Hants. England. Registered. V. Tchertkoff.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 5 февраля н. с., в котором Чертков просил Толстого написать правду о своем здоровье и сообщал, что попытается получить разрешение на приезд в Россию, чтобы увидеться с Толстым, если он серьезно захворает.

[1] В январе и феврале 1901 г. Толстой чувствовал недомогание и физическую слабость.

[2] Чертков 6 февраля н. с. обратился к Николаю II с письмом, в котором просил разрешения приехать в Россию для того, чтобы увидеться с Толстым по случаю его болезни. На письмо последовал отказ.

* 613.

1901 г. Января 30. Москва.

Получил ваше письмо, милый друг Галя, и очень огорчился тем, что огорчил вас. Я послал мое письмо так, как написалось, с тем чтобы не скрывать от вас того гадкого, что есть во мне. Просто я не в духе, и мне скучно писать, вникать, и я отдаюсь дурному чувству. Но я поправил, поэтому, пожалуйста, простите меня.

А еще никогда не говорите о наших отношениях, о доверии и т. п. Всё это между нами, связанными всем тем, чем мы связаны, — неуместно.

Получил «Г[де] В[ыход]» и благодарю, но всё нет последнего, или последних, после 4-го листа полученного «Х[ристианского] У[чения]», [1] а оно так мне часто нужно.

Здоровье мое поправляется, опять хочется работать, и понемногу принимаюсь.

Как здоровье ваше и Димы (ноги). [2] Фальшивая тревога или нет?

Целую вас.

Л. Толстой.

30 янв.

Завтра Мишина свадьба—глупая, грешная, пышная свадьба. [3] Но девушка (Глебова) интересная. Теперь ничего нет, кроме молодой половой любви. Но что будет, когда устоится?

Жозю целую.

Дяде Сереже, Верочке, М[арье] М[ихайловне] передайте мою любовь. [4]

На конверте: Англия. Кристчурч. Черткову. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff. Заказное. Registered.

Ответ на письмо А. К. Чертковой от 7 февраля н. с. 1901 г. А. К. Черткова, отвечая на письмо Толстого от 19 января, писала о том трудном

положении, в котором находится В. Г. Чертков — представитель Толстого по изданию его произведений за границей и, в частности, как подорван его авторитет в Германии благодаря письмам А. Ф. Маркса немецким книгоиздателям. См. прим. к письму № 611.

[1] Последний лист «Христианского учения» дважды был послан Толстому по почте, но не доходил до него.

[2] Чертков в это время страдал от боли в ногах вследствие простуды.

[3] Свадьба Михаила Львовича Толстого и Александры Владимировны Глебовой.

[4] Последняя фраза является припиской, которую Толстой сделал по ошибке в письме к А. К. Чертковой вместо письма, адресованного Марии Львовне, жившей тогда в Пирогове.

* 614.

1901 г. Февраля 19. Москва.

Простите, милые друзья, что так долго не отвечал вам. Письма ваши я все получил: и то, кот[орое] надо передать Кон[шину], что я и сделал, и конфид[енциальное] письмо Гали, по кот[орому] постараюсь сделать, что могу. Не получил я только начало статьи о революции (ремингтоном). [1] Не отвечал я п[отому], ч[то] очень нездоровилось всё последнее время, ничего не мог делать. Зато нынче чувствую себя совсем бодрым и полным энергии. Хотя о смерти стараюсь не забывать и готовлюсь к ней так, как иначе не умею готовиться: стараясь получше жить.

Ваши соображения о Поше и его деле считаю совершенно справедливыми. Хочется ему написать об этом. [2] Не знаю, сумею ли.

Последн[ий] листок Хр[истианского] уч[ения] получил, так что составился один экз[емпляр]. Получил и то, что послано по случаю, и благодарю.

Также и «Н[еужели] т[ак] н[адо]», кот[орое] считаю очень хорошим. Выписки ваши из писем и дневников мне немножко неприятны. [3] Точно я кокетничаю своими мыслями. Не разрабатываю их, как должно, а так бросаю. Это можно прилично делать только из-за гроба.

Мооду хочу написать, но еще не сделал.

Прощайте, простите.

Л. Т.

19 февр. 1901.

Сейчас получил и ваш учебник и листки Хр[истианского] уч[ения], теперь будет другой целый экз[емпляр], если получу листки от 93 до 124 включительно.

На конверте: Англия. Chrischurch. Hants. England. V. Tchertkoff.

Ответ на письмо Черткова от 23—25 февраля н. с., которое он просил передать А. И. Коншину, и на письмо А. К. Чертковой от 27 февраля н. с. Чертков писал о своих отношениях с П. И. Бирюковым в связи с изданием произведений Толстого за границей: «Двойной одновременный выпуск одних и тех же статей при скудости наличных средств представляет напрасную трату денег и вредную якобы конкуренцию нас самих друг против друга». А. К. Черткова прислала «практический учебник английского языка», составленный ею с помощью знакомых англичан для духоборов.

[1] Начало рукописи статьи Черткова «О революции», переписанной на пишущей машинке.

[2] См. письмо к П. И. Бирюкову от 19 февраля 1901 г., т. 73, письмо № 31.

[3] Выписки из писем и Дневников Толстого, которые Чертков систематически помещал в «Листках Свободного слова».

* 615.

1901 г. Февраля 25? Москва.

Прочел вашу статью о студ[енческих] волнениях. [1] Держал карандаш в руках, но ничего не поправил — нечего. Нешто то, что правительство *само себе подставляет ножку.* Как-нибудь иначе надо. Хорошо то, что вы строго и твердо держитесь радикального взгляда, от к[оторого] делаешь невольно уступки, когда приходится говорить со студентами. Я слово в слово говорил и говорю им то, что вы пишете, но когда дело начато и тысяча их сидит, то для оставшихся товарищей является уж другой вопрос: что им делать? Я советую им одно: стараться собираться и обсудить сообща, что делать. И собираться, соединяться, п[отому] ч[то] в единении только может б[ыть] дан отпор правительству. Как? — я не знаю; но знаю, что чем больше будет единения, тем действительнее будет воздействие на людей правительства.

Пишу вам au courant de la plume, [2] собираясь ехать в баню и переговариваясь с двумя посетителями; потому не приписы-

вайте моим словам никакого значения. Если буду жив, напишу подробно.

Вы, верно, уже знаете, что волнения внешние не только не меньше, но гораздо больше и значительнее прежних волнений, особенно тем, что в них принимают участие общество и люди из народа. Положение очень серьезное, и я стараюсь быть осторожнее, чтобы не сделать ошибки в смысле нравственном при тех требованиях, кот[орые] ко мне заявляются.

Ваш Л. Толстой.

Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике.

[1] Рукопись статьи Черткова о студенческих волнениях. Статья эта была частично использована Чертковым в заметке «О значении открытых протестов», помещенной в «Листках Свободного слова», № 20.

[2] [на ходу,]

* 616.

1901 г. Февраля 27? Москва.

Santé bonne. Reçois félicitations toutes parts oukaze Synode. [1]

Здоровье хорошо. Получаю со всех сторон выражения сочувствия по поводу указа Синода. [1]

Телеграмма. Датируется приблизительно на основании штемпеля с датой получения, так как дата отправления неразборчива.

Ответ на телеграмму Черткова с вопросом о здоровье Толстого.

[1] «Определение святейшего Синода» от 20—22 февраля 1901 г. об отлучении Толстого от православной церкви, опубликованное в официальной газете Синода «Церковные ведомости» 1901, 24 февраля.

* 617.

1901 г. Марта 7. Москва.

Сведения в «Vorwärts» [1] совершенно справедливы за исключением артиллерии. Но то, что боевые патроны были выданы войскам — справедливо. Самое замечательное в этом движении то, что народ на стороне студентов, или, скорее, на стороне выражения неудовольствия. Ко мне ходят рабочие и пишут мне,

также и студенты, и я говорю всем одно: для блага людей нужно прежде всего их единение между собой, и потому чем больше общения, взаимного сочувствия, тем лучше. Но надо соединяться не во имя вражды, а во имя взаимной любви; если же это единение кажется опасным и вредным некоторым людям, то тем хуже для них. Мы и их призываем к тому же общению.

Мне страшно за то сочу[в]ствие, к[оторое] мне выражают — боюсь дурно или вовсе не воспользоваться им. [2]

Я чувствую себя физически гораздо [лучше]. [3] Духовно желал бы быть лучше.

Письма ваши и Ames'a [4] получил; буду отвечать после.

7 марта 1901 г.

О том, что люблю вас, повторяю, хотя это не нужно.

На конверте: Англия. Кристчурч, г. Черткову. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff. Заказное. Registered.

Отрывок напечатан в «Листках Свободного слова» 1901, № 21, стр. 26. Ответ на письмо А. К. Чертковой от 15 марта н. с., спрашивавшей, верно ли сообщение газеты «Vorwärts» о студенческих демонстрациях в Москве.

[1] «Vorwärts» — центральный орган германской социал-демократической партии, основанный в 1876 г.

[2] Многочисленные выражения сочувствия по поводу отлучения от церкви.

[3] *Слово:* лучше *пропущено.*

[4] Записки Эмса о своей жизни без употребления денег; Чертков их переслал Толстому.

* 618.

1901 г. Марта 20. Москва.

Милая Галя и Влад[имир] Гр[игорьевич],

У нас очень суетливо; от этого давно не писал. На днях пошлю вам, что написал по случаю всего случившегося. [1]

Письмо я, шутя, продиктовал Суллеру, а оно перепечатано. Оно так: не имея возможности благодарить всех и т. д...., передаю через вашу газету мою искреннюю благодарность за выра-

женное мне сочувствие, кот[орое] отношу никак не к своим заслугам, а к остроумию и благовременности постановления Синода. [2]

Сведений о расстрелянии киевск[ого] студента никаких точных не имею. [3] Вяземский [4] выслан, и я написал ему письмо, кот[орое] хотят подписать очень многие. Тоже вышлю вам. Вышлю три своих вещи: обращение к царю и его помощникам, [5] Чего может желать большинство русск[ого] народа [6] и письмо Вяземскому и разные сведения от разных лиц.

Целую вас. Л. Толстой.

На конверте: Англия, England, Christchurch, Hants, V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан в ТП, 3, М. 1923, стр. 133—134.

Ответ на письмо А. К. Чертковой от 28 марта н. с., которая спрашивала, насколько точно воспроизведен в немецких газетах текст письма Толстого по поводу его отлучения от церкви.

[1] Толстой, вероятно, имеет в виду студенческие волнения в Москве 23—24 февраля и демонстрацию на Казанской площади в Петербурге 4 марта, закончившуюся избиением демонстрантов. В первой половине марта Толстой написал статью «Царю и его помощникам» и письмо к Л. Д. Вяземскому в связи с демонстрацией на Казанской площади.

[2] Текст письма Толстого в редакции газет по поводу его отлучения от церкви, которое не могло быть напечатано в русской легальной прессе. Впервые напечатано по-русски в «Листках Свободного слова» 1901, № 23, стр. 24. См. т. 73, стр. 50.

[3] В. Г. и А. К. Чертковы получили сообщение из Киева о том, что студент Пиратов, отданный в солдаты, находясь в строю, дал пощечину обругавшему его офицеру. За это Пиратов был расстрелян 9 марта 1901 г. («Листки Свободного слова», № 19).

[4] Леонид Дмитриевич Вяземский, князь, член Государственного совета, вмешался в действия полиции, избивавшей демонстрантов на Казанской площади, и за это был выслан. Сочувственный адрес Вяземскому составленный Толстым и подписанный многими лицами, был впервые опубликован в «Листках Свободного слова», № 19. Письмо Толстого Вяземскому см. т. 73, стр. 49.

[5] «Царю и его помощникам». Впервые опубликовано: «Листки Свободного слова» 1901, № 20. См. т. 34, стр. 239—244.

[6] Так Толстой называет статью, которая впоследствии получила название «Единственное средство» (см. т. 34, стр. 254—269).

* 619.

1901 г. Марта 21. Москва.

Aucun changement.

Никакого изменения.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. По предположению А. К. Чертковой, телеграмма является ответом на запрос Черткова, насколько точно опубликовано за границей письмо Толстого в редакции газет по поводу его отлучения от церкви.

* 620.

1901 г. Марта 26. Москва.

Посылаю вам теперь, милые друзья, с случаем [1] то же самое, что я послал по почте. Нынче кончили переписывать все экз[емпляры], и я нынче разослал их царю, всем вел[иким] кн[язьям] и всем министрам. Царю я послал с следующим письмом (на обороте).[2]

Целую вас. Прощайте. Здоров. Понемногу работаю.

Л. Т.

На конверте: England. Christchurch. Hants. V. Tchertkoff.

Письмо датируется 26 марта в соответствии с датой письма Толстого к Николаю II, которое Толстой послал одновременно с комментируемым письмом Черткову.

[1] Вероятно, Толстой имеет в виду А. Н. Коншина, который выехал из Москвы за границу в конце марта.

[2] На обороте копия письма Толстого к царю.

* 621.

1901 г. Марта 26? Москва.

Посылаю вам то же самое по случаю. Это же посылаю, надеясь, что оно дойдет, и вы получите раньше.[1] Я здоров, но очень устал от бесчисленных требований, но и рад, что бог не лишает меня насущного хлеба.

Л. Т.

На конверте: Англия. Кристчурч. Черткову. Заказное. England. Christchurch. Hants. V. Tchertkoff. Registered.

Датируется на основании пометы на подлиннике.

[1] По сообщению А. К. Чертковой, Толстой имел в виду рукопись «К царю и его помощникам», один экземпляр которой был послан Черткову с Коншиным, а другой экземпляр одновременно отправлен по почте.

* 622.

1901 г. Марта 30. Москва.

Сейчас получил ваше письмо № 16, милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич], и устыдился за то, что мало писал вам, и за друзей. Буду настаивать, чтобы они писали вам еженедельно. Пусть это письмо, 30[-го] ст[арого] ст[иля], будет началом.

У нас происходит вот что. Назначен[ный] Ван[новский] [1] действует неопределенно; одни думают, что к хорошему, другие — обратно. Я ничего не знаю. В Петербурге, говорят, большое возбуждение в обществе. В Москве, мне кажется — тоже. Гектографир[ованной] литературы, ходящей по рукам, масса, но мало интересного. Мое обращение Ц[арю] и е[го] п[омощникам] послано, кажется, 26-го ему и в[еликим] кн[язьям] и министрам. О судьбе его ничего не знаю. Письмо С[офьи] А[ндреевны] напечатано с письмом Антон[ия]. [2] Письма ко мне увещательные от лиц, считающих меня безбожником, вызвали меня к тому, чтобы написать ответ на постановление Синода. [3] Эти дни писал, кажется кончил. Прежде всего пошлю вам.

Здоровье мое хорошо. Письма, получен[ные] по случаю отлучения, все нельзя копировать. Их сотни, но попрошу Дунае[ва] или Буланже сделать выборку и послать вам.

Спасибо за письмо, целую вас. Сейчас поправил редакцию обращения к Пет[ербургским] писателям. [4] Посылаю, хоть, мож[ет] б[ыть], еще изменится. Целую вас, п[отому] ч[то] люблю. Мне на душе большей частью твердо хорошо. Дай бог вам того же. Получил начало «О смысле жизни». [5] Кажется, хорошо.

На конверте: Англия, Черткову. Кристчурч. England. Cristchurch. Hants. V. Tchertkoff.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 293.

Ответ на письмо от 5 апреля н. с., в котором Чертков писал о том, что в английских газетах часто появляются сообщения об аресте Толстого и об обыске у него. Отсутствие писем от Толстого и друзей из Москвы не позволяет с уверенностью опровергать такие сообщения. Поэтому Чертков просил, чтобы кто-нибудь из близких Толстому людей раз в неделю извещал, хотя бы очень коротко, о том, все ли благополучно у Толстого.

[1] Петр Семенович Ванновский (1822—1904), генерал-адъютант, был военным министром с 1882 по 1898 г. В марте 1901 г. Ванновский был назначен министром народного просвещения; он стал применять репрессии для подавления студенческого движения.

[2] Письмо С. А. Толстой к петербургскому митрополиту Антонию с протестом против отлучения Толстого было напечатано вместе с ответом Антония в газете «Церковные ведомости» 1901, № 17.

[3] «Ответ на определение Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма» был напечатан в «Листках Свободного слова» 1901, № 22.

[4] Письмо комитету Союза взаимопомощи русских писателей, подписанное Толстым и многими московскими писателями и общественными деятелями, было написано по поводу закрытия этого Союза. Толстой послал Черткову первоначальный вариант, который и был опубликован в «Листках Свободного слова» 1901, № 19. См. т. 73, стр. 59—60.

[5] Начало брошюры «О смысле жизни». Мысли Толстого, собранные В. Чертковым, Christchurch, 1901.

* 623.

1901 г. Апреля 3. Москва.

Простите, что сейчас не пишу. Напишу завтра, если буду жив.

Л. Т.

Приписка к письму П. А. Буланже от 3 апреля 1901 г., адресованному Черткову и написанному по поручению Толстого (см. «Список писем по поручению», № 8).

* 624.

1901 г. Апреля 4. Москва.

Когда Бул[анже] вчера вам отвечал за меня, я обещал написать на другой день, но вот конец второго дня, и я только пишу. За поправки благодарю. Л[истки] С[вободного] С[лова] полу-

чил вчера.[1] Я здоров, но очень осуетился. Нынче кончил ответ Син[оду] и лицам, писавшим мне по этому случаю. Я этим более доволен, чем обращением «К Ц[арю] и е[го] п[омощникам]». Завтра надеюсь выслать вам. Бюллетень событий тот, что все ждут, что будет от нового министра,[2] но ничего еще нет. Я и С[офья] Андр[еевна] продолжаем получать письма и адресы. Нынче б[ыли] очень хорошие адресы от Испанских журналистов. Никифоров хотел сделать выборку из писем и адресов, и тогда пошлю вам. Надеялся через бывшего в Лондоне и вам писавшего лица получить кое-что, но он не успел.

Прощайте. Не сердитесь на меня и точно прощайте.

Л. Т.

Датируется на основании пометы на подлиннике и сопоставления с письмом № 623. Ответ на письмо от 10 апреля н. с., в котором Чертков одобрял статью Толстого «Царю и его помощникам» и указывал, что следовало было бы выпустить или иначе сформулировать некоторые фразы, которые могут быть истолкованы в том смысле, что Толстой признает некоторые законы, на самом деле им отрицаемые. Предлагая соответствующие изменения, Чертков просил Толстого немедленно сообщить о своем согласии, так как статья уже набирается.

[1] Вероятно, «Листки Свободного слова», № 18, где были напечатаны статья Л. Толстого «Где выход?» и выдержки из писем Толстого к Чертковым за 1900 г.

[2] Министр народного просвещения Ванновский.

625.

1901 г. Апреля 12? Москва.

Посылаю вам, любезный друг, доставленные мне сведения о событии 4-го марта.[1] Может быть, вы найдете нужным воспользоваться ими. Если да, то могу засвидетельствовать добросовестность лиц 1-го, 7-го и 8-го показаний. Впрочем, как эти, так и все остальные говорят сами за себя. Одно могу сказать от себя, что явление это — доведение русских людей: городовых, казаков и солдат, до такого зверского состояния, в кот[ором] они совершают дела, противные и их характеру и их религиозным верованиям, очень важно, и нельзя достато[чно] серьезно отнестись к нему, стараться исследовать, оглашать и понять его причины.

Л. Толстой.

Напечатано с сокращением в «Листках Свободного слова» 1901, № 21.
Датируется на основании пометы Черткова с датой получения письма, причем предполагается, что в пути оно находилось 5 дней.

[1] Присланные Толстым сообщения о демонстрации 4 марта на Казанской площади частично опубликованы в «Листках Свободного слова» 1901, № 21, в том числе отрывки из восьми описаний демонстрации, сделанных очевидцами и лицами, пострадавшими во время побоища, устроенного полицией.

* 626.

1901 г. Мая 7. Москва.

О свободе слова не упомянуто мною наисознательнейшим образом. Замечания всех интеллигент[ов] о том, что это необходимо включить, только еще более утверждают меня в необходимости не упоминать об этом. Все 4 пункта поймет самый серый представитель 100 миллионов. Свобода же печати не только не нужна ему, но он не поймет, зачем она, когда ему не дают книг разрешенных. Вообще я думаю, что прежде всего нужно народу, чтобы его не выделяли от других, и все 4 пункта трактуют об этом за исключением свободы совести, кот[орая] есть основа всего и сознательно нужна народу.

Я смотрю снизу от 100 миллионов, и потому понятно, что те, кто смотрит сверху от полмиллиона либералов и революц[ионеров], видят другое.

Если свобода слова, то свобода собраний, представительство и весь катехизис, исполнен[ие] к[оторого] ничего не дает, кроме воображения, что люди свободны. Теперь народ может желать того, чтобы его не выделяли из всех; потом, если он будет желать чего, то прежде всего освобождения земли от собственности, потом от податей, накладываемых кем-то, потом от солдатства, потом от суда, а не свободы печати, представительства, 8-часового рабочего дня, касс и т. п.

Мне очень жалко, что мы так не поняли друг друга.

Вашу заметку о революционерах[1] я прочел и тогда же, помнится, написал вам, что очень ее одобряю. Всё в ней хорошо и правильно. Ну, простите меня, милые друзья, если я резко возражаю вам. Мне немножко б[ыло] досадно, что вы меня не поняли и заподозрили меня в ребяческом легкомыслии в таком относитель[но] важном деле.

«Хадж[и]-Мур[ата]» я не кончил. А если кончу, то пришлю вам непременно преждевременно, а мож[ет] б[ыть], и вовсе, т[ак] к[ак] я нигде печатать не собираюсь. — Об изложении «От[ца] Сер[гия]» ничего не помню.[2] «О жизни» перевод сделан С[офьей] А[ндреевной] и весь переправлен Tasteven, [3] и перевод верный.

Благодарю за выписку из письма Крапотк[ина] и англичанки.

Прощайте пока. Я всё физически нездоров, но мне хорошо.

Голубушка Галя, вы, пожалуйста, с вашей чуткостью не огорчайтесь. Ведь если бы мы говорили и смотрели в глаза друг другу, всё бы было, как должно быть между нами — любовно, а письмо грубо. Вы его простите.

Целую милого Жозю. Чудесно его письмо П[обедоносцеву]. [4]

Отрывки напечатаны: Б, IV, стр. 26.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письма Черткова от 13 и 15 мая н. с. Чертков писал, что посылает выписки из писем о «Воскресении», полученных им от П. А. Кропоткина и английской писательницы Майо. Чертков просил выслать для издания за границей повесть «Хаджи-Мурат», об окончании которой он получил известие от П. А. Буланже, и просил закончить повесть «Отец Сергий». В письме от 15 мая н. с. Чертков писал, что он и А. К. Черткова не понимают, почему Толстой в статье «Чего желает большинство русского рабочего народа» пропустил требование свободы печати.

[1] Начало статьи Черткова «О революции».

[2] Толстой начал писать повесть «Отец Сергий», излагая начало этого произведения в письме к Черткову в феврале 1890 г. (см. т. 87, стр. 12—17). Чертков напомнил ему об этом в письме от 13 мая н. с., прося закончить эту повесть.

[3] Тастеван (Tastevan) — воспитатель и преподаватель французского языка в лицее, помогавший С. А. Толстой в переводе на французский язык статьи Толстого «О жизни».

[4] И. К. Дитерихс обратился к Победоносцеву с резким открытым письмом по поводу отлучения Толстого. Письмо было напечатано в «Листках Свободного слова» 1901, № 23.

* 627.

1901 г. Мая 21. Я. П.

Давно не писал вам, милые друзья Дима и Галя, и давно от вас не получал писем и соскучился по вас.

Последнее письмо ваше и мое было о маленькой программе, о предполагаемой вставке.[1] Программку эту и вообще не стоит

печатать по ее ничтожности и п[отому], ч[то] я начал обрабатывать ее и из нее очень может вытти полезная вещь, если бог велит. Еще в числе всяких рукописей, кот[орые] я вам послал ([2] извините за то, что посылаю такой хлам. Вы сами в этом виноваты), так в этом хламе я, кажется, по ошибке послал и начатую статью о воспитании,[3] к[оторая] может мне понадобиться и копии с кот[орой] у меня нет. От вас я кое-что получаю, за что очень благодарю. Мне всё это очень нужно. Мы переехали в Ясную. Погода — весна — чудная, но здоровьем не похвалюсь, хотя лучше, чем в Москве. И за то, и за всё не перестаю благодарить бога. Много мне он дал радостей именно в той области, кот[орая] мне дорога. Нездоровье в том, что болят члены, ноги, руки, пальцы, коленки. Стараюсь учиться у вас, Гали и у Русанова,[4] как больному жить, не переставая служить, да всё не налажусь, слишком я избалован здоровьем. — Умер Солдатенков,[5] с к[оторым] я только что говорил о нашем деле, и другие были с ним дела. Я не тужу, и мне всегда кажется, что деньгами не может делаться то, что мне важно и дорого. Я говорю только про себя. Всё получаю письма сочувственные, преимущественно из-за границы и от наших сектантов. Признаюсь, желал бы очень, чтобы они напечатали мой ответ.[6]

Прощайте, милые друзья, Галя, Дима, Жозя. Вчера б[ыл] Буланже милый. Дома у меня хорошо со всеми сыновьями. Маша здесь с мужем.

Л. Т.

21 мая 1901.

На конверте: Англия. Черткову. Заказное. Кристчёрч. England. Christchurch. Hants. Registered. V. Tchertkoff.

[1] «Программой» Толстой называет статью «Единственное средство» (см. т. 34). Предложение Чертковых вставить в эту статью упоминание о необходимости свободы печати было Толстым отклонено. См. письмо № 626.

[2] Начальная скобка отсутствует в подлиннике и поставлена редактором.

[3] Повидимому, статья о воспитании, написанная в форме письма к П. И. Бирюкову, начатого 15 апреля и оконченного 5 мая 1901 г. См. т. 73, стр. 62—68.

[4] Гавриил Андреевич Русанов (1846—1907), длительное время был прикован к постели вследствие болезни спинного мозга. См. т. 63, стр. 217.

[5] К. Т. Солдатенков умер 19 мая 1901 г. Толстой говорил с ним о материальной поддержке издательской деятельности Черткова. См. прим. к письму № 587.

[6] «Ответ Синоду». «Они» — вероятно, церковные власти.

«Ответ Синоду» был частично напечатан в «Миссионерском обозрении» 1901, № 6, но перепечатка его была запрещена.

* 628.

1901 г. Июня 6. Я. П.

Дорогой друг, я получил уже два письма от последователей Theistic Church, последнее от Charles Voysey (Annesley Lodge Platt Lane & Hampsead N. W.),[1] очень хорошее интересное с проповедью об отлучении моем и с присылкой прекрасных книг Voysey. Я нынче пишу ему (копию присылаю), а вы пошлите, пожалуйста, что можете, из моих религиозных писаний взамен его.

Церковь эта существует уже 30 лет, и мы совершенно одинаково верим. Письма мои (копию) попрошу дочерей выслать вам. Как вы здоровы? Последнее письмо ваше об унитар[ианском] конгрессе получил. Целую вас всех: Галю, Жозю, Димочку. Как жаль, что ничего не знаю о Л.[2] Постараюсь.

Л. Т.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 7 июня н. с., в котором Чертков писал, что присутствовал в Лондоне на религиозном конгрессе сектантов-унитарианцев и по их просьбе прочитал там реферат о религиозных воззрениях Толстого.

[1] Письмо А. Алтхауза (A. Althouse), датированное 6 апреля н. с. 1901 г., и Ч. Войзе (Ch. Voysey) от 7 июня н. с. 1901 г. Ч. Войзе (1828—1912) был основателем секты Атеистическая церковь (Theistic Church), отрицавшей божественность Иисуса Христа. «... ваша вера почти та же, что и моя», — писал Толстой Ч. Войзе (см. т. 73, стр. 87).

[2] По сообщению А. К. Чертковой, Толстой имел в виду «Листки Свободного слова». Речь идет, вероятно, о материальной поддержке этого издания, которую Толстой надеялся получить от состоятельных людей.

* 629.

1901 г. Июня 20. Я. П.

20 июня.

Простите меня, пожалуйста, милые друзья, за то, что так долго не отвечал, не благодарил за присылку и бумаг моих (списанных) листков. [1] Смягчающие вину обстоятельства — это моя слабость, соединенная с напряженной работой над статьей о том, чем или как рабочие могут избавиться от своих бед. (На днях пришлю ее вам.) [2] Просил Таню написать вам; она обещала и не сделала. Письма ваши я все получил, кроме того, в к[отором] вы зовете меня. [3] Спасибо вам за хорошее последнее письмо с описанием вашей жизни. Здоровье, как должно быть. Нынче болит живот, и вообще слабею. Благодарю бога, что могу работать. Последний месяц каждый день работал. Прощай[те], пожалуйста, прощайте меня и любите все, Галя, Жозя, два Димы. Привет Аннушке. Письма вашего сейчас нет у меня, оно у Тани. Буду отвечать после, а теперь спешу хоть что-нибудь. Всё очень хорош[о].

Л. Т.

На конверте: Англия. Черткову. Заказное. Angleterre. Christchurch. Hants. V. Tchertkoff. Registered.

Толстой отвечает на письма от 19 и 20 июня н. с., в которых Чертков подробно описал свою домашнюю жизнь и издательские дела. Он сообщал, что разобрал присланные Толстым черновые рукописи, переписал статью о воспитании, которую затем отослал в Ясную Поляну, и высказывал опасение, что ему придется прекратить издание «Листков Свободного слова» из-за отсутствия средств.

[1] Вероятно, «Листки Свободного слова».

[2] Статья «Единственное средство».

[3] Чертков спрашивал Толстого, не мог ли бы он приехать для свидания в какой-либо иностранный город, находящийся недалеко от границы.

630.

1901 г. Июня 28? Я. П.

Нынче мне гораздо лучше. Fruits of Philosophy[1] просмотрел. Писать об этом и возражать нельзя, как нельзя возражать на то, что человек будет доказывать, что приятно и безвредно

совокупление с трупами. Человеку, к[оторый] не чувствует того, что чувствуют слоны, что совокупление вообще есть акт, унижающий и себя и сообщницу, и потому отвратительный, в к[отором] человек отдает невольную дань своей животности и к[оторый] искупляется только тем, что исполняет ту цель, для к[оторой] непреодолимая в известное время потребность этого отвратительного, унизительного акта вложена в его природу, — такому человеку, несмотря на свою способность рассуждать, стоящему на уровне животного, невозможно объяснить и доказать этого. Не говорю уже о лживости мальтузианства, к[оторое] соображения объективные (да еще ложные) кладет в основу дела нравственности, всегда субъективного. Не говорю и о том, что между убийством, умерщвлением плода, и этим актом нет качественного различия.

Простите: стыд[но] и отвратительно серьезно говорить про это. Надо говорить и думать о том, какая извращенность или тупость нравственного чувства могла привести людей к этому. И не спорить с ними, а лечить их. Ну, право, русский безграмотный, пьяный мужик, верящий в «пятницу», [2] к[оторый] с ужасом отнесся бы к такому поступку и к[оторый] всегда на акт совокупления смотрит как на грех, стоит неизмеримо выше людей, прекрасно пишущих и имеющих дерзость приводить философию в подтверждение своей дикости.

Прощайте пока. Как хорошо, что вам душевно хорош[о]. Вчера получил ваш[и] оба письма. Мне очень, очень хорошо. Целую Галю, Жозю и Димочку.

Напечатано почти полностью в сборнике «О половом вопросе». Мысли Л. Н. Толстого, Christchurch, 1901.

Датируется в соответствии с датой письма Буланже к Черткову, потому что является припиской к письму Буланже. Но письмо Буланже, датированное 28 июня, писалось несколько дней и окончено, вероятно, позднее. Поэтому письмо Толстого датируется предположительно.

Ответ на письмо Черткова от 6 июля н. с., в котором он сообщал, что кончает печатать книжку, куда вошли мысли Толстого о половом вопросе, и просит высказаться о книжке «Fruits of Philosophy», которую посылает.

[1] [«Плоды философии»], книга, в которой защищалось ограничение деторождения путем применения средств, предупреждающих беременность.

[2] Согласно верованиям, которые были распространены среди православных крестьян, Пятница признавалась особой святой, память которой праздновалась в день Параскевы.

631.

1901 г. Июля 5. Я. П.

Mercredi amélioration sensible. Espoir rétablissement.

Среда значительное улучшение. Надежда выздоровление.

Телеграмма. Напечатана в «Листках Свободного слова» 1901, № 24. Датируется на основании пометок на бланке. Ответ на телеграмму Черткова, вызванную болезнью Толстого, который заболел в ночь с 27 на 28 июня, повидимому, малярией.

* 632.

1901 г. Июля 18. Я. П.

Посылаю вам, милый друг, статью: Единств[енное] средство. Она мне не совсем нравится, хотя я и бесчисленное число раз ее переделывал. Думаю, что все-таки она может быть полезна. Здоровье мое хорошо, но это совершенно неважно. Мое душевное состояние так хорошо, так радостно, как никогда не было. Многое хочется сказать вам, но теперь поздно. Едут на станц[ию] М-г Boyer, [1] кот[орый] отошлет вам и письмо и статью.

Спасибо вам, милые друзья, за вашу любовь и ваши письма. Любовь людей великое благо...

Ну, не договорю, целую вас.

Л. Толстой.

18 июля.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 293. Ответ на письма Черткова от 20 и 22 июля н. с., написанные по поводу болезни Толстого.

[1] Поль Буайе (Paul Boyer, p. 1864), преподаватель русского языка, затем директор школы восточных языков в Париже, неоднократно бывавший у Толстого.

* 633.

1901 г. Июля 22. Я. П.

Получил ваши два хорошие письмеца, милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. И хотя нынче мне не совсем хорошо — печень не работает — хочется вместе с П[авлом] А[лександровичем] написать вам хоть несколько слов.

Очень живо перенесся к вам, глядя на фотографии, [1] присланные Марусе. [2] Особенно хороши Жозя и маленький, ставший совсем большим, Димочка.

Смотрите, не тратьтесь на чтения. [3] Я боюсь этого за вас.

Статью мою [4] послал вам с случаем, так что это письмо, вероятно, придет к вам раньше ее. Пожалуйста, не чувствуйте себя обязанным печатать ее, если она вам не понравится. Я этим нисколько не огорчусь.

Я рад, что Лева [5] у вас. Скажите ему, что у нас всё хорошо. Нынче Маша получила письмо от Доры, [6] она беспокоится о нас. Маша ей написала. Мое здоровье совсем хорошо. Боль печени случайная, а я поправляюсь и хожу гулять.

Вы спрашиваете о моем душевном состоянии во время болезни. Я уже писал вам, что это б[ыло] очень хорошее время. Освобожденная от животной духовная жизнь, ее сознание было особенно радостно. Всё, что прежде казалось неразрешимым, так легко и хорошо разрешалось, и как всегда — всеобщей духовной панацеей: осуждением себя, смирением и любовью. Теперь животное оживает, и опять самооправдание, гордость и недоброта.

Относительно же смерти я совершенно был равнодушен. Жизнь духовная так была интересна, что, будет ли она продолжаться здесь или там, было всё равно. Так что мне надо бы сделать большое усилие, чтобы бояться перехода. Как прежде, когда я считал своим *я* — свое животное, я не мог представить себе жизни после смерти, так теперь я не могу представить себе прекращения жизни при смерти.

Одно новое и хорошее для меня последствие этой болезни — чего очень желаю вам — это ясное представление и даже как будто привычка более определенно и убежденно верить в то, что ничего не надо готовить, ни к чему готовиться, ничего ожидать, а надо только служить, по мере сил, богу. Яснее стало значение очень любимого мною стиха из Луки: «Отвергнися себя, возьми крест свой *на каждый день* и следуй за мной». Боюсь потерять это настроение: оно так разрешает всё, дает такую свободу и радость. Удивляешься только, почему всегда не жил так, почему все не живут так.

Мне и приятно и немножко неприятно писать вам это: приятно, п[отому] ч[то] вы всё это поймете точно так, как я чувствую; а неприятно п[отому], ч[то] я как будто хвастаюсь, какой

я хороший. А я бываю только хорош и знаю, что такое быть хорошим, это я знаю. Так что вы не разглашайте этого письма.

Целую вас, Галю, Жозю, Дим[очку].

Л. Т.

Увидав вашу фотографию, милый Жозя, живо вспомнил вас и серьезно (можете ли вы вернуться в Россию после вашего прекрасного письма Побед[оносцеву]? и вернетесь ли?) и шуточно: «операцию разводит на мой бедный животом». [7] Так и слышу и вижу вашу милую, спокойную, добрую не только лицо, но всю фигуру.

Л. Т.

Датируется 22 июля, так как этим числом датировано письмо П. А. Буланже, одновременно посланное Черткову. Ответ на письма от 17 и 19 июля, в которых Чертков писал, что его беспокоит болезнь Толстого.

[1] Любительские фотографии семьи Чертковых.

[2] Мария Константиновна Де-Ферран (1877—1923), сестра А. К. Чертковой и О. К. Толстой. Летом 1901 г. М. К. Де-Ферран гостила у О. К. Толстой в Ясной Поляне.

[3] Публичные лекции о Толстом и его учении, которые Чертков читал по приглашению различных обществ.

[4] «Единственное средство». Впервые эта статья была напечатана в «Листках Свободного слова» 1901, № 24.

[5] Л. Л. Толстой летом 1901 г. навестил Чертковых.

[6] Дора Федоровна Толстая (1879—1933), жена Л. Л. Толстого, гостившая летом 1901 г. в Швеции у своих родителей.

[7] И. К. Дитерихс пел однажды, в присутствии Толстого, шуточную песенку, имитировавшую русскую речь армянина.

* 634.

1901 г. Июля 28. Я. П.

В последнем письме забыл прибавить вам две вещи, милые друзья:

Во-1-х, поклон Лизавете Ивановне и выражение моего чувства грусти всегда, когда думаю о ней, что она не любит меня, упрекает меня в душе и упрекает напрасно. [1] То, на чем мы сошлись с вами (и что называют моим увлечением вас), происходит в такой области, для которой не может быть никаких соображений о земных, мирских отношениях. Люди устанавливают отношение своей бессмертной души к богу, за такое дело,

как оно ни чуждо нам, нельзя обвинять никого. Но это философия, а мне просто хотелось бы попросить Лиз[авету] Ив[ановну], чтобы она не не любила меня. Я во стольк[ом] виноват перед многими, что, вероятно, и перед ней, и я прошу ее, чтобы она простила меня. Пишу это вам. Лиз[авете] Ив[ановне] же лучше не показывать этого письма, а вы сами своими словами лучше скажете то, что бы ее смягчило ко мне.

Это одно, другое же это то, что мне пришло в голову в добавление к последнему письму о том, чтобы брать крест на каждый день, и в связи с тем, что вы пишете про В. А. Пашкова, [2] к[оторый] молится, чтобы не умереть, вероятно п[отому], ч[то] ему думается, что он может еще сделать доброе. Я думаю, что не надо желать жить, чтобы делать, т. е. служить богу, а надо п[отому], ч[то] живешь, делать, т. е. служить богу.

Я понемногу работаю, и мне очень хорошо.

Л. Т.

28 июля 1901.

Ответ на письмо от 26 июля н. с., в котором Чертков писал, о том, что к нему приехала в гости мать, и сообщал о тяжелой болезни В. А. Пашкова.

[1] Елизавета Ивановна Черткова, мать В. Г. Черткова, будучи последовательницей евангелической секты («редстокистов»), тяжело переживала религиозные разногласия с сыном и отрицательно относилась к его дружбе с Толстым.

[2] Василий Александрович Пашков (1831—1902), бывший полковник гвардии, последователь «евангелического учения» лорда Редстока, высланный из России за попытку устроить съезд русских сектантов. В. А. Пашков был женат на тетке В. Г. Черткова.

* 635.

1901 г. Августа 9. Я. П.

Health good. Crimea first September.

Tolstoy.

Здоровье хорошо. Крым первого сентября.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке. В ответ на телеграфный запрос Черткова Толстой сообщил о своем предстоящем отъезде в Крым.

* 636.

1901 г. Августа 12. Я. П.

Сейчас получил разом ваши два письма, милый друг. Одно— ответ на мое последнее с поправками, другое ответ на мое о вашей матери и о сборнике «Пол[овой] вопр[ос]».

Да, да, разумеется, лучше ничего не говорите, чем говорить не во-время и вызвать недоброе чувство. [1] Молчание никогда не испортит, а иногда и заживляет.

У меня есть листы до 80-й стр[аницы] включительно, я не читал их, но то, что вы пишете, заставило меня прочесть всё. Всё хорошо, т. е. в смысле indiscretion, [2] и есть хорошие мысли; но слишком много разом, и потому, я думаю, будет скучно читателям. Ваше предисловие тоже очень обстоятельно, несмотря на то, что касается тонких понятий, твердо и ясно.

Об «Един[ственном] сред[стве]» я думал, что вы будете меня упрекать в том, в чем я сам себя упрекаю, что слишком практично, слишком обращено внимание на выгоды приложения к жизни христианских начал, а не на самые начала.

Теперь я написал две маленькие статьи, кот[орые] до времени не хочу выпускать, [3] и начал о религии, о ее значении и об отсутствии ее в нашем мире. [4] Надеюсь и чувствую, что эта статья увлечет меня и даст возможность высказать многое, что хочется высказать. Надо торопиться. И «Хад[жи]-Мур[ат]» и вообще за художественное, за продолжение «Воскресенья», о кот[ором] думал, не позволяю себе приниматься.

Собираются в Крым. [5] Я, слава богу, почти совершенно равнодушен к этому — скорее, мне приятно. Я так живо чувствую большое путешествие, к[оторое] совершаю и в к[отором] проезжаю последнюю станцию, что эти изменения в способе путешествия мало занимают меня.

Здоровье мое теперь недурно.

Оболенскому и Маше я передал ваше поручение. [6] Они, вероятно, исполнят его — о копиях писем.

Что Галя? Как духом?

Андрей с Ольгой хотели ехать с нами в Крым. Это было бы очень хорошо для них обоих и для меня. Больше же всего

вывело бы Андрюшу из дурного Тульск[ого] общества, в к[отором] он вращается преимуществ[енно].

Привет Лизавете Ивановне, Жозе, Димочке и всем домочадцам.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 295—296. Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике. Ответ на письма Черткова от 18 и 22 августа н. с. Чертков просил высказаться о первых листах составленного им сборника мыслей Толстого о половом вопросе. Далее Чертков писал, что получил поправки Толстого к статье «Единственное средство», внес их в корректуру русского издания и перевел на английский язык для того, чтобы внести в английское издание.

[1] Чертков писал, что передаст привет Толстого Е. И. Чертковой «в добрую минуту».

[2] [нескромность,]

[3] «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка». Обе статьи вышли в издании «Свободного слова» в 1902 г.

[4] «Что такое религия и в чем ее сущность?».

[5] По совету врачей Толстой согласился провести осень в Крыму. Он выехал из Ясной Поляны 5 сентября в сопровождении С. А. и А. Л. Толстых, М. Л. и Н. Л. Оболенских и П. А. Буланже.

[6] В письме от 16 августа н. с. Чертков через Толстого просил Н. Л. Оболенского переписать и выслать копии писем Толстого к разным лицам за последнее время.

* 637.

1901 г. Сентября 14. Гаспра.

Получил здесь ваши письма — Димино № 39 и Галино с прилож[ениями]. Мне здесь, милые друзья, очень хорошо. [1] Слишком хорошо — совестно. Сюда ехали с Буланже, к[оторый] б[ыл] необыкновенно приятен, и дорогой я хворал. Но нынче 4-й день пребывания здесь, и мне значительно лучше. Сейчас еду верхом к морю, к[оторое] довольно далеко (версты 4 зигзагами). Утро работаю, но мало пока, и с трудом заставляю себя писать вам, чтобы вы меня похвалили.

Получил здесь от Ляни, как вы его называете (*Абрикосова* [2] слишком холодно), спасибо ему. Деньги, оставшиеся, надо подержать, пока встретится нужда.

В приложении к «Ед[инственному] ср[едству]» сведения обо мне, право, при жизни неуместны. Мне совестно.

О религии черновые [3] остались в Ясной, и я не жалею. Пометить мысли отрывочно — не произведет действия, а ослабит

для моей статьи. То, что вы хотите написать о моих религиозных взглядах, меня очень радует. Вы сделаете это прекрасно. Вообще все ваши соединения, [4] как и о «Пол[овом] вопр[осе]», сделаны с удивительным тактом и мастерством. Хорошо, п[отому] ч[то] руководимо любовью, к[оторую] я чувствую и за к[оторую] всегда умиленно благодарен. Только мне кажется, что хорошо, что мы не видимся, а то при свиданьи вы, наверное, почувствуете, что you overdid it. [5]

Передайте Л[изавете] И[вановне] мою благодарность за ее доброту ко мне.

О художеств[енных] работать и думать не смею. Две, включая и *О религии*, у меня есть вещи, кот[орые] я буду виноват, если не кончу до смерти. [6] Виноват, п[отому] ч[то] мог сделать это прежде.

Целую вас всех, милые друзья.

Живем мы здесь 5: я с женой, Маша с Колей и Саша. Красота здесь удивительная. И мне было бы совсем хорошо, если бы не совест[но].

Л. Т.

14 сент. 1901.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 289. Ответ на письмо от 12 сентября, в котором Чертков писал, что статья «Единственное средство» издается за границей на русском, английском, немецком и французском языках. Посылая одновременно № 24 «Листков Свободного слова», Чертков писал, что поместил в этом номере сведения о болезни Толстого и его выздоровлении, потому что многие ждут эти известия с большим интересом. Сообщая, что в «Британской энциклопедии» будет помещена статья Райта о Толстом, Чертков писал, что дополнит эту статью разделом о религиозных взглядах Толстого, и просил прислать черновики статьи о религии, над которой в это время работал Толстой.

[1] Толстой приехал 8 сентября в Гаспру, имение С. В. Паниной, предложившей Толстому провести там осень и зиму. Имение Гаспра находилось в 12 километрах от Ялты, около деревень Кореиз и Гаспра.

[2] Х. Н. Абрикосов жил в это время у Чертковых, помогая им в издательской работе.

[3] Черновые рукописи статьи «Что такое религия и в чем ее сущность?».

[4] Сборники мыслей Толстого, составленные Чертковым: «Мысли о боге», Purleigh, 1900; «О воспитании и обучении», Christchurch, 1901; «О смысле жизни», Christchurch, 1901.

[5] [вы преувеличиваете значение этого.]

[6] Толстой имел в виду статью «Что такое религия и в чем ее сущность?» и начатое письмо Николаю II. О них Толстой упоминал в Дневнике 18 августа 1901 г. (см. т. 54, стр. 108).

* 638.

1901 г. Сентября 18. Гаспра.

Santé bonne. Adresse: Coreys, Gaspra.
Tolstoy.

Здоровье хорошо. Адрес: Кореиз, Гаспра.
Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

* 639.

1901 г. Октября 13. Гаспра.

Nouvelles exagerées. Santé satisfaisante. Tolstoy. Attendons Olga.

Известия преувеличены. Здоровье удовлетворительно. Толстой. Ждем Ольгу.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке. Ответ на телеграмму Черткова, посланную в связи с известиями о болезни Толстого.

* 640.

1901 г. Октября 29. Гаспра.

29 окт.

Получил ваш № 41 с письмом Roberts, [1] к[оторому] очень желал бы ответить, но едва ли смогу — всё слаб и времени нет. В этом же письме вырезки из газет, к[оторые] очень интересны и приятны, и копия с письма Ames'a. Оттого ли, что я сам ушел в умств[енную] работу, или просто ослабел, или чую что-то не то в этом движении, [2] оно не столько интересует меня, сколько бы я хотел. — Здоровье шатается, как будто улучшается, но смерть все-таки приближается, как и должно. Мне хорошо, и работа подвигается и, кажется, à tort или à raison [3] очень важно. Есть 12 глав. [4] Еще главы 4 нужно. Хотел только сказать, что получил ваше. Не оставляйте меня письмами, а я

напишу. Гале, Жозе, Димочке, (Абр[икосову], если с вами)[5] шлю мой привет и любовь.

Л. Т.

На обороте: Англия. England. Christchurch. Hants. V. Tchertkoff.

Ответ на письмо Черткова от 23 октября н. с. 1901 г. № 41.

[1] Робертс (R. D. Roberts), журналист, писал Толстому, что читал его сочинения, которые произвели на него глубокое впечатление. По просьбе Робертса Чертков переслал его письмо Толстому.

[2] Толстой имеет в виду жизнь без употребления денег, о которой писал Эмс в письме от 4 октября н. с.

[3] [ошибочно или нет]

[4] Статья «Что такое религия и в чем ее сущность?».

[5] *В автографе:* (Абр. с вами), если

* 641.

1901 г. Ноября 6. Гаспра.

Сейчас получил ваше письмо, милый друг, — № 42, лежа в постели. И пишу в постели. Болезнь очень неважная, но неприятная. Не знаю отчего — может б[ыть], ушиб при езде верхом, но я его не заметил — ушиб яйца, большая опухоль и жар. Нынче 3-ий день, и мне лучше. Ездит очень милый доктор еврей — один из лучших здесь и не платный.[1] Два дня пропали для работы. Во всяком случае знаменатель от числителя 2 небольшой, и эти 2 дня уже значительная потеря.

Пишу я, как вы знаете, о религии, «Что такое религия?». Написано и много раз пересмотрено 12 глав, — остается едва ли 6. Читаю я прекрасную монографию Куно Фишера о Канте.[2] Он пишет там, что Кант особенно дорожил сво[им] последним сочинением,[3] а вышло оно плохо. Боюсь того же. А все-таки особенно дорожу этим писанием и приписываю ему большую важность. — Если что-нибудь новое и особенно хорошее по-англ[ийски] или др[угих] язык[ах] о философии религии, об ее определении, напишите мне. Мооду, если увидите, — что получил его перевод, благодарю и любуюсь и переводом и изданием[4].

О вашей духовной близости со мною читал с радостью, хотя знаю это. Верю, что то, что нас сближает, — истина. Говорят, что в час смерти многое открывается людям. Я говорю моим, чтобы меня спросили: верю ли я, умирая, всё так же? Если верю, я кивну головой, если нет — покачаю, если ни то ни се, подниму глаза и голову кверху. Думаю, однако, что это ребячество, и нам не надо заглядывать туда, не дано познавать истину иным путем, как усилием души — механически.

Здесь очень хорошо. Хотя я и не могу сказать, чтобы был здоров, но мне хорошо, радостно, и нельзя знать, чтобы б[ыло], если бы оставался в России. Зиму мы, вероятно, останемся здесь. Дочери, бедняжки, кроме Саши, к[оторая] перестала расти физически и стала расти духовно и в хорошую сторону, — нехороши здоровьем. Маша слаба, а Таня довела до 7 месяцев и теперь, кажется, начинает родить мертвого.

Как протекла болезнь бедного Ляни? [5] Надеюсь, что он здоров теперь. Поцелуйте его от меня.

Здесь мы живем в величайшей роскоши. Окружающая же нас роскошь Юсуповых [6] и вел[иких] кн[язей] [7] еще больше, и мы со всех сторон окружены ими.

Я, разумеется, избегаю их, но на днях явился Ник[олай] Мих[айлович], [8] ваш товарищ, и непременно желал познакомиться. Для чего ему это нужно, не понимаю. Говорил, что Шервашидзе [9] не виноват в деле духобор[ов] и в доказательство прив[одил] его доклад. Надеюсь, что я внушил ему, что он очень ошибается. Внушил я ему тоже всю степень моей заразности. Они все, очевид[но], ничего не читают, кроме Моск[овских] Вед[омостей]. Этот либеральничает; но как они мало образованы, просвещены, едва ли не меньше ваших слушателей в Oxford'е. [10] Эти ужасные заслонки, к[оторыми] закрыты души людей, и через к[оторые] ничто не проникает — ужасны. И всему причина религия ложная. Нынче читал Михайл[овского] *О религии*. [11] Что за произвольная, легкомысленная, ничего не говорящая чепуха, к[оторая], он думает, перестанет б[ыть] чепухой оттого, что он подтвердит ее Boissier, [12] Fustel de Coulanges, [13] Spencer [14] и т. д. Вот уж истинно — слепые толкуют о разных тонкостях цветов.

Не браните меня за ужасную калиграфию. Теперь кроме временного случайного недуга главная моя болезнь — боли в руках ревматические. И мне больно писать.

Утешило меня то, что Кант под старость отвечал на письма через год. Я, кажется, также скоро буду делать, но только не вам.

Как хорошо, что в Германии запретили ответ Синоду. Мы часто заблужд[аемся], становясь в положение угнетенных. Они, враги не наши, а истины, — доживают последн[ие] дни, и они жалки, а не мы, если мы только умеем понять свое положение и помнить того хозяина, которому служим.

Жаль очень Павловцев. [15] Но и то, что о них пишут, подтверждает то же. Оторвут меня от моей работы две вещи, к[оторые] хотелось бы написать: «Суждение о Народн[ых] листках» (мысли военного), Ив[ан] М[ихайлович] прислал. [16] И о том, что называется свобода совести, а что в сущн[ости] есть покушение на запугивание людей, чтобы они говорили, что мы хотим, и не говорили, чего мы не хотим. Ну, да еще, б[ог] даст, напишу, вы прочтете.

Прощайте, милые друзья.

Письмо датируется на основании даты письма О. К. Толстой к В. Г. Черткову, посланного одновременно и приложенного к подлиннику. Ответ на письмо от 21 ноября н. с., в котором Чертков писал о своей близости к Толстому, о предпринятом им издании произведений Толстого на английском языке и о других своих изданиях.

[1] Исаак Наумович Альтшулер, земский врач Ялтинского уезда. О нем см. т. 54, стр. 571.

[2] Kuno Fischer, «Geschichte der neueren Philosophie», B. IV—V, «Immanuel Kant». Русский перевод: Куно Фишер, «Иммануил Кант и его учение», Спб. 1901.

[3] I. Kant, «Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft». Русский перевод: И. Кант, «Религия в пределах только разума», изд. Яковенко, Спб. 1908.

[4] «Sevastopol and other mititary tales», translated by Louise and Aylmer Maude, London, 1900.

[5] Х. Н. Абрикосов был болен дифтеритом.

[6] Князья Юсуповы, владельцы имения вблизи Гаспры.

[7] Недалеко от Гаспры находились имения великих князей Александра Михайловича и Петра Николаевича.

[8] Великий князь Николай Михайлович (1859—1918). См.т. 73, стр. 166. Отец его был председателем комитета по обучению и образованию войск и хорошо знал отца В. Г. Черткова, Григория Ивановича, который занимал должность его помощника. Толстой называет вел. кн. Николая Михайловича товарищем В. Г. Черткова, так как они были знакомы с юности.

[9] Князь Шервашидзе, тифлисский губернатор, руководил избиением духоборов в июне 1895 г. Доклад князя Шервашидзе напечатан в книге А. К. Бороздина «Русское религиозное разномыслие», Птр. 1917.

[10] Чертков по просьбе студентов Оксфордского университета прочитал в их клубе лекцию о Толстом.

[11] Н. К. Михайловский, «Отрывки о религии», «Русское богатство» 1901, № 9-10.

[12] Г. Буасье (1823—1908), французский филолог и историк.

[13] Фюстель де Куланж (1830—1889), французский историк.

[14] Г. Спенсер (1820—1903), английский социолог и философ-позитивист.

[15] Сектанты-штундисты села Павловки Сумского уезда Харьковской губ., участники разгрома церкви (см. т. 73, стр. 160). Участники этого разгрома были избиты полицией и православными крестьянами, причем несколько человек были убиты, а 20 человек ранено. Многие павловские сектанты были затем приговорены к ссылке в каторжные работы и на поселение.

[16] И. М. Трегубов прислал Толстому «Народные листки» — противоправительственные брошюры, издававшиеся в Женеве Д. А. Хилковым. Отзыв Толстого об этих изданиях см. в его письме к Трегубову от 2 декабря 1901 г. (т. 73, стр. 169).

* 642.

1901 г. Ноября 10. Гаспра.

Rechute malaria. Aucun danger. Lettre précéde.

Возврат малярии. Никакой опасности. Письмо предшествует.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке. Ответ на телеграмму Черткова с запросом о состоянии здоровья Толстого.

* 643.

1901 г. Ноября 24. Гаспра.

Получил нынче ваш № 56. Спасибо, что пишете. Conference [1] еще не прочел. Пишу только, чтобы заявить о получении и сказать, что здоровье попрежнему, как я хотел ответить вам в телеграмме, chancelante. [2] Радуюсь и на природу, и на то, что могу работать, и на любовь друзей, и на движение вперед.

Л. Т.

24 но[ября]

На обороте: Англия. Angleterre. Christchurch. V. Tchertkoff.

Открытое письмо. Ответ на письмо Черткова от 30 ноября н. с. Одновременно с этим письмом Чертков прислал реферат, который был им прочитан в студенческом клубе Оксфордского университета.

[1] Реферат, присланный Чертковым.
[2] [шаткое.]

* 644.

1901 г. Ноября 30. Гаспра.

1901. 30 ноября.

Вот выгода того, что ваш портрет, на к[оторый] мне Ольга купила рамку, стоит передо мною: может быть, отложил бы писать вам, а теперь, благодаря портрету, пишу.

Прежде о здоровьи: впрыскивают мне мышьяк. Разницы большой нет. Если нет определ[енной] лихорадки, то боли в сочленениях продолжаются то сильнее, то слабее, но никогда не оставляют совсем. Кончу мышьячный курс через две недели и тогда надеюсь проститься навсегда со всеми лекарствами. Ну вот про это неприятное дело — кончил.

Радуюсь тому, что опять сдружаюсь с мыслью о смерти, с готовностью к ней, кот[орую] было потерял. Вчера у меня был хороший день. Я записал давно не писанный дневник, написал письмо к одному члену суда, [1] к[оторый] составил прилагаемую книжечку и пишет, что хочет бросить службу, по несогласию ее с его христианск[им] сознанием, и колеблется. Очень хорошее его письмо. А, главное, надеюсь, что кончил о религии *(Что такое религия и ее назначение)*. Нечто придется переменить, прибавить кое-что в последней 16-й главе. Как всегда, то кажется, что много там важных мыслей, хотя и дурно выраженных, то кажется, что всё нехорошо. Одно знаю, что написать это мне было нужно, и я сделал, что мог.

Получил хорошее Жозино письмо. Благодарю его за него. Дай бог ему оставаться в том же самом хорошем настроении — никуда не напрашиваться и ни от чего не отказываться.

Был у меня здесь несколько раз ваш бывший товарищ Ник[олай] Мих[айлович], сын Мих[аила] Ник[олаевича]. Что ему нужно, не знаю. Но я думаю, что разубедил его о хорошем распоряжении с духобор[ами] Шервашидзе и некотор[ых] других предметах. Он мало интересен. Слишком знакомый тип.

Читаю новый роман Поленца [2] «Der Grabenhager». Хуже «Büttnerbauer», но там есть нынче прочтенная мн[ою] глава, которая так и потянула меня к художеств[енной] работе. Теперь особенно после того, как я кончил утомившую меня одностороннюю работу о религии.

Вашу лекцию прочел и одобрил; она лучше прежних. Видаю здесь Чехова, [3] совершенного безбожника, но доброго, и Горького, [4] в к[отором] гораздо больше fond, [5] несмотря на то, что его перехвалили.

Дома хорошо. Оля с Сашей мне переписывают и всячески помогают. Нынче приезжает Андрей. Здесь он лучше, да и вообще, как ни распущен он, он не безнадежен.

Прощайте, милые друзья, целую вас.

Приех[ал] милый доктор прыскать мышьяк.

Л. Толстой.

На конверте: Англия. Черткову. Кристчерч. Angleterre. Christchurch. Hants. V. Tchertkoff. Заказное. Registered.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 297.

[1] Сергей Петрович Поляков (1856—1904), член Ковенского окружного суда. Поляков напечатал под псевдонимом «Александров» книгу «Учение гр. Толстого о жизни», Ковно, 1900. Книжка переиздана издательством «Посредник» в 1902 г. О нем и его письме к Толстому см. т. 73, стр. 166—168.

[2] В. Поленц (V. Polenz, 1861—1903), немецкий писатель, автор романов «Der Büttnerbauer (1895), «Der Grabenhager» (1897) и др.

[3] Антон Павлович Чехов, живший в то время в Ялте, впервые посетил Толстого в Гаспре 12 сентября и с тех пор неоднократно посещал его зимой 1901/2 г.

[4] Алексей Максимович Горький, живя в Олеизе, несколько раз бывал у Толстого.

[5] [глубины,]

* 645.

1901 г. Декабря 23. Гаспра.

Получил ваши письма, милый друг, и нынче вашу телеграмму. Здоровье мое хорошо. Было худо, но опять поправляется.

Ваш листок «Св[ободное] Сл[ово]» [1] мне очень понравился. Боюсь, что такое впечатление — особенно выгодное — он производит на меня, кот[орому] всё, что он содержит, особенно близко. Интересно, какое он производит впечатление на людей,

чуждых нам. Сколько я замечал, всегда делают сравнение с Колоколом Герцена и не могут привыкнуть к тому, что основы другие. Il faut persévérer. [2] Публика во многих случаях требует упорного и постоянного повторения.

Ваша заметка на Листки революц[ионные] очень хороша.

Спасибо за присылку вырезки из Daily Chron[icle]. [3] Правда, что радостно видеть, как наши взгляды получают право гражданства и с ними считаются, преимущественно за границей. У нас признак их portée [4] можно видеть только в беспокойстве и озлоблении, кот[орые] они вызывают.

Хочется написать вам многое, но воздерживаюсь до времени, боясь перлюстрации. Напишу при случае, к[оторый], надеюсь, скоро будет.

Милый П[авел] А[лександрович] [5] не совсем точно передает вам то, что я с особенной радостью думаю о возможности любви к богу, кот[орая] всегда вызывала во мне сомнения.

Любить бога можно только тогда, когда ценишь ту жизнь, кот[орая], исходя из него, дана нам, когда видишь не перестающее благо в этой жизни и такое же благо в переходе в другую жизнь. Так что радость жизни есть необходимое условие любви к богу. Если видишь только зло, как некоторые, то не можешь не ненавидеть виновника этой жизни; если видишь хоть не сплошное зло, но хотя частое проявление зла, то тоже нельзя любить виновника зла. Только когда всё — не перестающее добро, не только можно, но нельзя не любить бога, начало моей жизни и всего существующего. И это можно. И это великое счастье, кот[орое] брезжится мне. Вот смутное выражение не моих мыслей только, но иногда испытываемого душевного состояния, дающего большую радость.

Моод очень огорчителен. [6] Я не читал его статьи — он прислал ее, но хочется написать ему. Не знаю, успею ли?

Целую вас всех, милые, любимые друзья: Галя, Жозя и вы.

Л. Т.

23 дек. 1901.

Ответ на письмо от 26 декабря н. с., в котором Чертков писал, что радуется окончанию работы Толстого над статьей о религии и просит его не сдерживать свое стремление к художественному творчеству.

[1] «Свободное слово» — периодическое издание под ред. Черткова. «Свободное слово» выходило по мере накопления материалов в 1901—1905 гг. Всего вышло 18 выпусков.

[2] [надо настаивать.]

[3] «Daily Chronicle» — ежедневная английская газета.

[4] [дальность полета снаряда, значение]

[5] П. А. Буланже в письме от 23 декабря 1901 г. к Черткову изложил рассуждения Толстого о любви к богу, которые слышал от него во время совместной прогулки. Письмо сохранилось в АЧ.

[6] Толстой имеет в виду выпады Э. Моода по адресу Черткова, утверждавшего, что переводчики не должны иметь право литературной собственности на переводы произведений Толстого. В конце 1901 г. Моод опубликовал брошюру: «A Report and account of the «Resurrection» and the Difficuelty encounted Administering it. Chelmsford («Сообщение и отчет о трудностях, встретившихся в деле издания «Воскресения», Челмсфорд, 1901). Брошюру эту Моод послал Толстому. Ответ Толстого Мооду см. в т. 73, стр. 172.

1902

* 646.

1902 г. Января 4. Гаспра.

Получил ваше № 50 [1] и отвечаю по пунктам.

1) Задерживать, я думаю, не придется, так как то письмо, к[оторое] мне хотелось послать прежде, — написано мною и, должно быть, отправится через неделю или две. [2]

2) *Адам, как рассказывается в библии.* Так сделайте вставки. [3]

3) Памятка офицерск[ая] связана с солдатской, и потому пускай так и останется под заглавием «Памятка».

4) Пускай будет: полагалось нужным уничтожать. [4]

Вот и всё. Получил ваше письмо в постели. Опять что-то сделалось с сердцем. Но скоро прошло. Нынче на ногах. И всё очень хорошо, действительно в душе хорошо.

Знаете ли вы книжечку, к[оторая] вышла в этик[о]-худ[ожественной] библиот[еке] «Об обязанностях человека» Мадзини. [5] Удивительно хорошо. Пока прощайте, милые друзья. Вы, верно, получили мое письмо о вашем листке. [6] Он мне очень понравился.

Л. Т.

На конверте: Англия. Кристчерч. Черткову. Hants. Christchurch. V. Tchertkoff. Заказное. Registered.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 8 января н. с., в котором Чертков, сообщая, что получил статьи Толстого «Солдатская памятка» и «Офицерская памятка», предлагал три поправки: 1) В «Солдатской памятке» вместо фразы: «Адам согрешил против бога» написать: «Адам, как рассказывается в библейской притче, согрешил против бога». 2) Изменить заглавие статьи «Офицерская памятка», так как в армии принята лишь «Солдатская памятка». 3) В «Офицерской памятке», в §6, где говорится, что прежде враги,

против которых употреблялись войска, были или по крайней мере считались злодеями, которых «нужно было уничтожать», вместо последних слов сказать: «могли полагать нужным уничтожать».

[1] Письмо Черткова от 8 января н. с. 1902 г. помечено № 50.

[2] Письмо Николаю II, написанное в конце декабря 1901 г. и исправленное Толстым 16 января н. с., было передано вел. кн. Николаю Михайловичу для вручения царю. Толстой считал нежелательным издание «Солдатской памятки» и «Офицерской памятки» до того, как царь прочтет это письмо. Письмо к Николаю II от 16 января см. т. 73, стр. 184.

[3] Поправка к «Солдатской памятке». См. т. 34, стр. 282.

[4] Поправка к «Офицерской памятке». См. т. 34, стр. 286.

[5] Иосиф Мадзини, «Об обязанностях человека», изд. «Этико-художественная библиотека», М. 1902.

[6] Письмо № 645.

* 647.

1902 г. Января 5. Гаспра.

Santé bonne.

Здоровье хорошо.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

* 648.

1902 г. Марта 2. Гаспра.

(Под диктовку.)

Милые друзья, нынче получил ваше письмо; здоровье мое, по словам докторов, поправляется, по ощущению же моему почти всё то же самое; не могу повернуться сам со спины на бок и очень слаб. Но это не мешает мне интересоваться делом, которое à tort или à raison [1] считаю угодным богу, и потому пишите мне всё, что нужно, о делах. Кроме того, интересуюсь я: 1) что па[мятки]? Теперь нет препятствий к их изданию; 2) что о религии? [2] 3) что значат слова, переданные вашей кузиной: [3] *дано обещание не показывать* — кто обещает и кому? 4) Что издание Файфильда? [4] Продолжает ли и как идет? Видите, как много интересует меня пустяков. С Олей мы в одном доме, но не видимся. Делаю я очень мало, кое-что записываю и невольно

обдумываю самые разнообразные начатые вещи, которые, вероятно, никогда не будут кончены. На душе очень хорошо и спокойно, и вокруг меня всё хорошо и радостно. Прощайте, целую вас.

Лев Толстой.

Письмо написано под диктовку, так как Толстой был еще слишком слаб после перенесенного воспаления легких, но подписано собственноручно Толстым. Чертков писал, что получил письмо от Барятинской, сообщившей ему по поручению вел. кн. Николая Михайловича, что письмо Толстого передано Николаю II, который принял его «благосклонно» и дал обещание «никому не показывать».

[1] [ошибочно или нет]

[2] Брошюра «Что такое религия и в чем ее сущность?» печаталась в это время в издательстве «Свободное слово».

[3] Елена Михайловна Барятинская, двоюродная сестра Черткова.

[4] Переводы на английский язык произведений Толстого, выпускавшиеся издательством «The Free Age Press» при ближайшем участии Файфильда, заведывавшего технической частью дела и распространением изданий.

* 649.

1902 г. Марта 23. Гаспра.

В первый раз пробую писать сам, милые друзья, вам в уверенности, что разберете мои каракули. Силы прибывают, но очень медленно, и доктора говорят, что еще есть воспалительные фокусы и трение. Нынче 2 месяца, что я лежу. Стоять не могу, ноги, как макароны. Вчера и нынче ночью б[ыл] жар, но чувствую себя бодро. Получил ваше письмо с ответами на мои вопросы. Мне всегда радостно получать их, а теперь в болезни особенно.

Обещание никому не показывать[1] меня потому удивило, что я не просил об этом.

Видно, приходится еще жить. Как нашему брату старику ясно, что единственный смысл этой, во всяком случае, краткой прибавки к жизни только один: делать то, чего хочет от меня тот, кто послал меня в жизнь, то, зачем он послал. Как я счастлив, что знаю это, и особенно ясно узнал во время болезни — увеличивать любовь. Помните, в предсказании конца мира сказано: будут войны, глады, моры и последнее, как самое ужасное бедствие, охладеет любовь в людях...

Как мне жаль, что Пунга [2] покидает вас. Часто думаю о Димочке и не могу себе представить, какой он, знаю, что далеко не такой уж, как когда я его видел. Пишите почаще. Целую вас, устал. У меня кресло, катающееся на колесах.

Л. Т.

Датируется на основании записи в настольном календаре Толстого от 23 марта. Ответ на письмо Черткова от 24 марта н. с.

[1] Вел. кн. Николай Михайлович, передавая Николаю II письмо Толстого, просил не показывать его министрам, так как они могут только «очернить» Толстого перед царем.

[2] Герман Андреевич Пунга, социал-демократ, работавший в издательстве «Свободное слово» счетоводом и преподававший сыну Чертковых арифметику и другие предметы. В 1902 г., возвращаясь в Россию, был арестован на границе при попытке перевезти нелегальную литературу и сослан в Олонецкую губ.

* 650.

1902 г. Марта 26—28. Гаспра.

Хотя не получил еще от вас ответа на мое последнее письмо и не мог получить, пишу вам еще, во-1-х, чтобы сказать вам о себе, о здоровье: идет всё к улучшению. Одно тяжело: ночей не сплю. Во-2-х, сказать, что если вы соберетесь печатать большое Евангелие, [1] предпошлите ему маленькое предисловие (я не помню, писал я такое или нет) такого содержания:

«В книге этой есть много лишнего, в особенности все филологические необычные толкования греческих слов в таком смысле, чтобы они отвечали общему смыслу».

Буду после продолжать. Теперь отвечу на сейчас полученное от вас письмо, милый друг Галя.

27 м[арта]. Письмо ваше не то что утомило меня, а только огорчило, что коротко, так оно и интересно и приятно.

Все ваши посылки я получаю аккуратно. И теперь мне недостает только 4-го листа «О религии» (3-ий получен вдвойне). Не тужите, что печатание ваше не идет так, как бы вам хотелось. И так, как теперь, оно, думаю, делает очень определенное и заметное дело. А потом «tout vient à point à celui, qui sait attendre». [2]

Ваши письма доходят, но мне кажется, что русские письма задерживают, т[ак] к[ак] я не получаю почти совсем писем. Здоровье, как видите, понемногу поправляется — стоять еще не могу, и ночи дурно сплю, и нет сил умствен[ных] для последовательной работы. Но и то, что есть, прекрасно. Все, кого я вижу, меня любят, и я продолжаю быть в хорошем настроении болезни — всех люблю, когда помню, что в этом одном всё дело жизни.

Почему-то с этим вопросом любви сознательной у меня соединяется притча о Самарянине [3] и то, что царство божие силою берется. [4] Т. е. что для сознательной любви нужны дела, полезные или приятные тому, кого любишь, и для этого нужно усилие, т. е. нужно заставлять своего раба — низшую душу — делать это.

Я пишу так, как меня приучил писать ему Дима, — т. е. намеками, как попало, надеясь, что он поймет. И он всегда понимает.

Хотя до издания большого Евангелия еще далеко, я все-таки попытаюсь написать это маленькое предисловьице к нему. — Опять сначала.

Книга эта была писана мною в период незабвенного для меня восторга, сознания того, что христианское учение, выраженное в Евангелиях, не есть то странное, мучившее меня своими противоречиями учение, в к[отором] оно преподается церковью, а есть ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека.

Под влиянием этого восторга и увлечения я, к сожалению, не ограничился тем, чтобы выставить понятные места Евангелия, излагавшие это учение, пропустив всё остальное, не вяжущееся с основным главным смыслом, а пытался придать и темным местам подтверждающее общий смысл значение. Эти попытки вовлекли меня в искусственные и, вероятно, неправильные филологические разъяснения, кот[орые] не только не усиливают убедительность общего смысла, но ослабляют ее. Увидав эту ошибку, кроме того, что я был весь поглощен другими работами в том же направлении, я не решился опять переделывать всю работу, отделяя излишнее от необходимого, т[ак] к[ак] знал, что работа комментария на эту удивительную книгу 4-х Евангелий, никогда не может быть закончена, и потому оставил книгу так, как она есть, и теперь в том же виде предоставляю ее к печатанию.

Те, кот[орым] дорога истина, люди не предубежденные, искренно ищущие истины, сумеют сами отделить излишнее, не нарушив сущности содержания. Для людей же предубежденных и вперед решивших, что истина только в церковном толковании, никакая точность и ясность изложения не может быть убедительна.

Когда будете печатать, может быть, и пригодится это предисловьице.

Целую вас, милые друзья. Устал.

Больше не могу писать. Абрикосова очень буду рад видеть, п[отому] ч[то] очень люблю, но мне всегда радостно слышать, что он живет с вами, это почти что как со мной.

Л. Т.

Нынче, 28-го, получила Ольга письмо о разладе с Ф[айфильдом]. [5] Как трудно помнить, что люди — отношения людей — важнее дела. А если помнить, то «остальное приложится».

Отрывки напечатаны в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России», т. III, Christchurch, 1906. Ответ на письмо от 26 марта н. с., в котором А. К. Черткова сообщала, что посланы «Солдатская памятка», «Офицерская памятка» и отдельные листы «Что такое религия и в чем ее сущность?».

[1] Л. Толстой, «Соединение и перевод четырех Евангелий», первое издание в трех томах: Genève, 1892—1894. В издании «Свободного слова» вышел только первый том (Christchurch, 1906,) в котором помещено предисловие, включенное в комментируемое письмо. См. т. 24.

[2] [всё приходит во-время для того, кто умеет ждать.]

[3] Евангелие от Луки, гл. 10, ст. 30—36.

[4] Евангелие от Луки, гл. 16, ст. 16.

[5] По сообщению А. К. Чертковой, Файфильд решил в это время оставить работу в издательстве «The Free Age Press» и организовать собственное издательство.

* 651.

1902 г. Апреля 19—22. Гаспра.

Получил ваши оба письма о двух пунктах. Галя не права, думая, что мне, может б[ыть], неприятны ваши замечания. Наши отношения вне таких соображений.

О 1-м пункте я не знаю, где я говорил о том, что д[ухобор]ы предаются разврату. [1] Едва ли я когда говорил это. Я никогда

не думал этого. Что же касается земли, то нет более убежденного врага собственности земельной, как я. Но тут собственность не отрицается, а отрицается только частная внеобщинная собственность. [2] И я думаю, что это неважно и из-за этого не стоит ссориться с правительством и давать оружие против себя врагам и нарушать свою жизнь, причем придется сделать гораздо большие компромиссы, чем этот: итти в заработки на вредную работу или пользоваться чужими деньгами, приобретенны[ми] дурно. Тоже и с отказом от давания сведений. Разумеется, вы правы, что не нам судить; но, прикидывая на себя, я бы не делал этого.

Второй пункт. Меня мало интересует это движение, [3] п[отому] ч[то] я пережил его. Оно не удовлетворило меня. Я думаю п[отому], ч[то] тут самым важным ставится то, что не есть самое важное. Самое важное — одно важное — как ни звучит это труизмом — увеличивать любовь в себе и людях, и потом как можно меньше нарушать ее. Если это совпадает и пока совпадает, это прекрасно; но могут быть случаи, когда не совпадает, и тогда это не только не нужно, но вредно. Так я теперь думаю, но это не мешает мне очень, очень сочувствовать людям, живущим так. Это признак искренности, силы убеждения и свободы от уз мирских. И я люблю этих людей, но не могу интересоваться их делом.

Ночи все плохо сплю — часа 3, 4, — и оттого не могу писать, как хотел бы, а очень, слишком много, хочется писать.

Оля уехала, и это лишило меня одного связывающего с вами звена. И жалко. Нынче уехала С[офья] А[ндреевна] по делам. [4] Это показывает вам, насколько мне лучше.

Спасибо вам, милая Галя, за длинное письмо, для меня всегда коротко всё, что о вас, вашей жизни. Вижу, что Дим[очка] мало переменился. И прекрасно. Что Жозя? Что такое значит, что приходил Струменский, [5] предлагая доставить вам, что нужно, п[отому] ч[то] вы выписываете его, как помощника. Правда ли это?

Датируется на основании записей в настольном календаре Толстого от 19 и 22 апреля. Ответ на письма Черткова от 26 и 27 апреля н. с.

Чертков писал, что получил копию одного письма, в котором Толстой высказал свое несогласие с канадскими духоборами, отказавшимися подписать акт о передаче им канадским правительством земли на началах частной собственности и заявившими, что не будут давать правительству

Канады сведения о рождаемости и смертности. В этом письме упоминалось также о том, что духоборы прежде всего должны искоренить «разврат» в своей среде. Чертков писал, что не согласен с Толстым, так как духоборы поступают вполне последовательно, отказываясь от соглашения с правительством Канады. Далее Чертков писал, что сочувствует противникам употребления денег.

[1] Повидимому, Чертков имел в виду письмо Толстого к П. В. Веригину от 17 января 1902 г. (см. т. 73, стр. 198). Толстой писал, что, по его сведениям, духоборы в Канаде живут материально хорошо, но «оставили общую жизнь и предались соблазнам». Вместе с тем Толстой осуждал отказ духоборов принять предоставленную им землю в личную собственность.

[2] По законам Канады, земельный участок, гомстед, предоставлялся правительством лицу, которое его обрабатывало, и через три года превращался в его частную собственность. Многие духоборы настаивали на том, чтобы земля была передана не отдельным лицам, а всей общине. Правительство Канады отказывалось согласиться на это требование под тем предлогом, что зависимость от общины может стеснить «права» членов общины на землю.

[3] Движение противников употребления денег.

[4] С. А. Толстая уехала из Гаспры 22 апреля и, побывав в Москве и Ясной Поляне, вернулась 1 мая в Гаспру.

[5] С. Е. Струменский поехал к Чертковым, чтобы заменить в работе по издательству Х. Н. Абрикосова, возвращавшегося в Россию, но вскоре от них уехал.

* 652.

1902 г. Апреля 24. Гаспра.

Santé satisfaisante. Convalescence continue.

Здоровье удовлетворительно. Выздоровление продолжается.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

* 653.

1902 г. Мая 27. Гаспра.

Получил нынче 27 мая ваше письмо, которое давно ждал. Я поправляюсь и от тифа. Идет 5-я неделя. [1] Всё хорошо, даже два дня работаю, только не то что ходить, но стоять не могу. Ног как будто нет. Погода б[ыла] холодная, но теперь чудная, и я два дня в кресле выезжаю на воздух. Ждем поправления и укреп-

ления, чтобы ехать в Ясн[ую] Пол[яну], что, рассчитывают, может быть около 10 июня.[2] Маша уехала, б[ыла] Таня, а теперь живет Илья. Все прекрасно ходят за мной. Работать очень хочется и очень многое.

Сначала развиваются, расширяются, растут пределы физического человеческого существа — быстрее, чем растет духовное существо — детство, отрочество; потом духовное существо догоняет физическое и идут почти вместе — молодость, зрелость; потом пределы физические перестают расширяться, а духовное растет, расширяется, и, наконец, духовное, не вмещаясь, разрушает физическое всё больше и больше, до тех пор, пока совсем разрушит и освободится. — Я в этом последнем фазисе.

Целую вас всех и всех ваших.

Нынче я получил очень мне приятное длинное письмо из Англии от Шведа рабочего, живущего в Glasgow (его адрес: Victor Landgren, 138, North St. Glasgow, Scotland). Я бы хотел ему ответить и сказать, что его письмо доставило мне радость, показав духовную близость с чуждым по внешним условиям человеком. Из его письма я увидал, что он не только верно понимает меня, но что моя внутренняя работа, выраженная в моих писаниях, была полезна и нужна для его души. Узнавать таких людей доставляет мне всегда радость, к[оторая] мне кажется незаслуженной. Мне трудно вообще писать, тем более по-английски. Если бы вы написали ему, вы сделали и ему и мне, а мож[ет], и себе приятное.

На конверте: Англия. Кристчерч. Черткову. Заказное. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff. Registered.

Отрывки напечатаны: Б, IV, стр. 64.
Ответ на письмо Черткова от 5 июня н. с.

[1] Толстой заболел брюшным тифом в первых числах апреля 1902 г.
[2] Толстой смог выехать только 25 июня.

* 654.

1902 г. Июня 2? Гаспра.

Получил, любезный друг В[ладимир] Г[ригорьевич], ваше последнее письмо, где вы спрашиваете о том, что мы в России думаем о положении вещей. Я, по крайней мере, хотя и живу

в России, не могу себе составить никакого определенного мнение о том, чем всё это кончится. Вы совершенно верно пишете, что русские люди проснулись. Это несомненный, новый факт, и точно так же верно пишет мне на днях наш милый Булыгин, [1] что теперешнее правительство напоминает ему того пьяницу, который говорит: «Пить — умереть, и не пить — умереть; так уж лучше пить!» Это — два главные явления. То, что русские люди, и народ даже, проснулись или просыпаются, и потому начинают действовать; правительство же всё глубже и глубже уходит в свою раковину и хочет не только удержать настоящее положение вещей, но еще вернуться к более старому и отсталому. Из соединения этих двух явлений непременно должно выйти что-нибудь новое, но что это будет, я не могу даже гадать, да, я думаю, и никто не может предвидеть, так как история никогда не повторяется. Одно, что мы можем знать, это то, что положение очень напряженное, и всем людям, желающим помочь делу осуществления добра, более чем когда-нибудь, надобно энергично действовать. Я живо чувствую это и, как я ни плох, занят теперь статьей: «Обращение к рабочему народу», которую почти кончил и на днях надеюсь выслать вам. [2] Третьего дня, в один и тот же день, получил «Освобождение» [3] Струве и новую «Жизнь». [4] Первое очень недурно. «Жизнь» же, к сожалению, совсем не удовлетворила меня. Не говоря о несерьезности тона, главный недостаток — это нелепое, ничем не оправданное предрешение хода человеческой жизни, долженствующей будто бы неизбежно выразиться в социализме. Материала интересного там очень много. Я говорю о перечне стачек и политических наказаний и ссылок. Но в общем я не могу себе представить читателя этого журнала и того влияния, которое он может иметь. Статью о воспитании [5] — я получил первый лист и нынче — третий, но второго у меня нет. Не смущайтесь тем, что я пишу вам не своей рукой. Я совершенно в состоянии писать и пишу сам, но теперь вечер, и я особенно устал нынешний день, а хочется не оставлять вас без ответа. Я встаю, провожу целый день на воздухе и, хотя и согнувшись по-стариковски, могу пройти шагов двадцать и тридцать.

Ну вот и всё. Прощайте, милые друзья. Пишите почаще. По секрету скажу вам, что, несмотря на то, что я поправляюсь, я чувствую, что скоро уйду от этой жизни. И не то что мысль

эта не оставляет меня, но я не оставляю этой мысли, et je m'en trouve trés bien. [6] Может быть, я ошибаюсь, но мне хотелось сказать это вам.

Л. Толстой.

Отрывки напечатаны в журнале «Единение» 1917, № 2; «Толстой и Чертков», стр. 312, 313. Написано под диктовку до слов: «Ну, вот и всё». Дальше до конца рукой Толстого. Датируется на основании сопоставления слов: «Третьего дня... получил «Освобождение» Струве и... «Жизнь» с письмом Толстого к М. Л. Оболенской от 31 мая, в котором он упоминает о получении журналов «Освобождение» и «Жизнь». Ответ на письмо от 5 июня н. с., в котором Чертков просил высказать мнение о происходящих в России «волнениях».

[1] Письмо М. В. Булыгина от 17 мая 1902 г.

[2] В Дневнике от 3 июня Толстой записал, что «почти кончил» эту статью, однако он продолжал работать над ней до 22 июля. Впервые напечатано под заглавием «К рабочему народу», Christchurch, 1902.

[3] Журнал «Освобождение», орган либеральной буржуазии, издававшийся в 1902—1905 гг. сперва в Штутгарте, потом в Париже. Редактором журнала был П. Струве. Всего вышло 79 номеров.

[4] Журнал «Жизнь», издававшийся в 1899—1901 гг. в Петербурге орган легального марксизма. После запрещения журнала издание было перенесено за границу, где вышло 5 номеров. Редактором был В. А. Поссе.

[5] Л.Н. Толстой, «Мысли о воспитании и обучении». Собраны В.Г. Чертковым, Christchurch, 1902.

[6] [я чувствую себя поэтому очень хорошо.]

* 655.

1902 г. Июня 24. Гаспра.

Не отвечал долго на вашу телеграмму, дорогой друг, п[отому] ч[то] мы 4-ый раз вчера, 23-го, отложили отъезд. То холода в России, то буря, то нездоровье Саши, кот[орая] и теперь больна чем-то вроде инфлуэнцы, 38,4. Но мы, с разрешения врачей, все-таки завтра, 25-го, думаем выехать.

Ваши отчеты о собраниях в Bornemouth [1] я прочел, и мне очень понравилось. Прочел и вашу речь на унитар[ианском] собрании. [2] Очень хорошо и похоже на вас: мягко и твердо и смело. Как жаль, что люди больше дорожат преданием, чем истиной. Это заметка о молитве.

Бедный милый Пав[ел] Алек[сандрович] Бул[анже] приехал сюда за нами с вагоном на один день [3] и живет к моей радости

2-ю неделю, но боюсь, что это ему повредит и в семье и на службе. Он много переписывал, вместо Саши, все эти дни, и мне кажется, что я кончил и могу приняться за другое.

Хотел нынче отвечать вам на ваш философ[ский] вопрос, да не успел. А очень хочется ответить, тем более что я и не думаю отрицать реальности существования внешнего мира. Ответы мои на ваши вопросы есть в моем дневнике, если у вас есть список.

Жизнь человеческая в этом мире есть рост, изменение отдельного ограниченного существа. Рост или изменения в этом отдельном существе мы познаем в виде движения. Отдельность же или ограниченность этого существа — в виде материи, тела. Пределы изменений нашего существа и изменений других существ мы познаем в виде движения. Пределы отдельного ограниченного существа мы познаем в виде материи. Меру изменений отношений, изменений разных существ дает нам время; меру пределов, отношения пределов разных существ, дает нам пространство.

Так как мы познаем себя только как пределы изменений нашего существа по отношению изменений других существ и пределы своей отделенности по отношению других существ, то мы не можем не признавать существования существ вне нас. Мы узнаем некоторых из них по нашему отношению к ним и по аналогии их устройства и предельности с нашей. Некоторых же мы, хотя и прикасаемся с ними, как, н[а]п[ример], с землей, солнцем, мы, хотя и признаем их нашими пределами, мы не знаем.

Жизнь состоит в изменении, росте и расширении пределов. Сначала расширяются пределы движения и материи, потом движения и материя не поспевают за ростом, и тогда они разрушаются, и наступает смерть: уничтожение пределов как движения, так и материи в этом мире.

В какой форме переходит жизнь в новое состояние, мы не только не можем знать, но не можем и говорить. Мы скажем: «начнется новая жизнь», и скажем не то, п[отому] ч[то] слово «кончилось», «начнется» означает последовательность во времени, а в новой жизни мы не имеем права предполагать изменений и движения, т[ак] к[ак] и то и другое есть свойство только этой жизни. Точно так и в пределах отдельности в материи и пространстве, т[ак] к[ак] и то и другое — свойство только этой жизни.

Очень может быть, что мы и теперь живем, не сознавая изменений и пределов.

Будет очень странно, если вы что-нибудь поймете из всего этого. Но я очень понимаю, хотя и не умею еще высказать.

Прощайте. Целую вас всех. Здоровье мое очень хорошо. Пишите чаще.

Л. Т.

Гаспра, 24 июня 1902 г.

Ответ на письмо Черткова от 17 июля н. с., в котором он писал, что изучает философию, «преимущественно идеалистическую», но не может вполне согласиться с утверждением, что мир только наше представление и не существует в действительности. По мнению Черткова, правильнее было бы сказать, что для нас существуют только наши представления, но мы не можем сказать, вызываются ли они чем-либо действительно существующим вне нашего сознания.

[1] Вместе с несколькими англичанами Чертков начал каждую неделю устраивать в соседнем городке Борнемауте небольшие открытые собрания, на которых обсуждались различные вопросы. Собрания эти носили название «The Progress Meetings for the consideration of the problems of life» («Прогрессивные собрания для обсуждения вопросов жизни»). Отчеты об этих собраниях печатались в 1901—1904 гг. в местной газете «The Bournemouth Gardian». Вырезки из этой газеты Чертков послал Толстому.

[2] В мае 1902 г. Чертков выступил с большой речью на конгрессе унитарианцев, в которой резко высказался против церковности, пастората, общественной молитвы и богослужения, принятых у унитарианцев. Посылая Толстому текст своей речи, Чертков писал, что унитарианцы, вероятно, в другой раз не пригласят его на свой конгрес.

[3] П. А. Буланже получил для переезда Толстого и его семьи отдельный салон-вагон. Оставив вагон в Севастополе, Буланже приехал 15 июня в Гаспру и выехал оттуда с Толстым 25 июня.

* 656.

1902 г. Июня 25. Ялта.

Partons aujourd'hui.

Выезжаем сегодня.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

* 657.

1902 г. Июля 15. Я. П.

Пишу вам только два слова, милый друг или, скорее, друзья. На днях высылаю вам оконченную статью. [1]

Опровергать статьи, подписанные моим именем, не стоит: на всякое чиханье не наздравствуешься. На днях получил Open Court, № 554, июль 1902. A nearer view of Tolstoy. [2] Как я ни обстрелен, но первое чувство б[ыло] неприятное. Нет 3-х строчек без грубой лжи и направленной враждебно. Как же отвечать на такие статьи или разоблачать тех, к[оторые] пользуются моим именем?

Был Абрикосов и так хорошо и много рассказал про вас. И сам он как хорош!

А какая радость — Суллер выпущен [3] и третьего дня был у нас.

Пока прощайте.

Л. Т.

15 июля.

Ответ на письмо от 16 июля н. с., в котором Чертков писал, что посылает вырезку из американской газеты «Heart's Chicago American», содержащую подложную статью, написанную от имени Толстого, в которой взяты отдельные мысли из «Рабства нашего времени» и прибавлены высказывания, противоречащие взглядам Толстого. Чертков просил Толстого написать опровержение. В том же письме Чертков сообщал, что предоставил П. И. Бирюкову некоторые материалы для биографии Толстого.

[1] «К рабочему народу».

[2] [«Более близкий взгляд на Толстого».] Статья, напечатанная в американском журнале «Open Court»

[3] Л. А. Суллержицкий, арестованный в мае 1902 г. по обвинению в транспортировании из-за границы газеты «Искра», был освобожден после двухмесячного заключения.

* 658.

1902 г. Июля 22. Я. П.

Посылаю вам, милые друзья, эту последнюю статью. [1] Это всё то же самое, что я 20 раз говорил, но мне хотелось если не дать программу рабочему народу, то сделать попытку такой

программы. Мне кажется это нужным. Я, как всегда, много раз поправлял, но, мож[ет] б[ыть], от этого самого есть неловкости, несообразности, к[оторые] вы поправьте. Здоровье мое порядочно. Рад, что могу работать. Целую вас.

Л. Толстой.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 313.

[1] В настольном календаре Толстого 22 июля записано: «Послал к Р[абочему] Н[ароду] — Черткову».

* 659.

1902 г. Августа 5. Я. П.

Получил сейчас ваше письмо, милый друг, и очень рад был и ему, и известию о том, что моя посылка благополучно дошла до вас.

Как всегда, очень рад вашим критическим замечаниям.

На первое о том, что я как бы ожидаю и предвижу насильственное освобождение земли, я полагаю, надо сделать такую прибавку в том месте 10-й главы, где говорится, что «*изменения эти произойдут тем более значительные, чем больше распространится это сознание*». К этому месту надо прибавить следующее: «*Конечно, полное и прочное освобождение земли произойдет только тогда, когда все люди сознают грех земельной собственности и по добровольному согласию устроят пользование землей без признания ее собственностью отдельных лиц или обществ.* Но...» [1] за этим следует: «*изменения эти могут состоять и в том...*» и т. д.

На второе замечание о том, что нельзя стачки признавать безнравственными, надо прибавить слово: «*если*». «*Деятельность эта несправедлива, если* рабочие посредством стачки стараются изменить *добровольно принятые ими условия. Поступая так, они делают другим не то, что бы хотели, чтобы им делали*» [2] и т. д.

На третье же замечание я не согласен, не п[отому], ч[тобы] вы были не правы, говоря, что эти проекты непропорциональны и слишком разжевывают, а п[отому] ч[то], помещая их, я имел и имею в виду русских — да и европейских захолустных — рабочих, кот[орые] с понятием уравнения земли всегда соединяют неправильные и самые дикие понятия. Мне хотелось именно

растолковать им то, о чем они имеют самое превратное понятие. И эти проекты непременно надо оставить в русском издании. У нас теперь со всех сторон только и речи в народе о переделе земли и всегда самые дикие, необдуманные предположения. Эти проекты необходимы, очень, чрезвычайно нужны, и именно теперь.

Еще одно изменение это то, чтобы выпустить слова о социалистах, где я говорю, что есть из них обманщики.

Спасибо за присылку вырезок. [3] Вам не работается, и мне тоже 4 последние дня.

Писал «Х[аджи]-М[урата]», но стало совестно, а между тем надо кончить. И расстроился мыслями.

Здоровье недурно. На душе очень хорошо. Дай бог вам того же.

Л. Т.

Датируется на основании записи в настольном календаре Толстого от 5 августа. Ответ на письма Черткова от 7—9 августа и от 12 августа н. с. В первом письме Чертков высказывал критические замечания, появившиеся у него при чтении статьи «К рабочему народу». Он считал нужным, чтобы Толстой указал, как можно прекратить частное владение землей, не прибегая к насилию. Чертков писал, что не разделяет отрицательное отношение Толстого к стачкам. Наконец он предлагал изложение проекта национализации земли, составленного Японским обществом возвращения земли работающим, и проекта Г. Джорджа перенести в приложение к статье, так как они занимают слишком много места. Во втором письме Чертков писал о возникшем среди канадских духоборов движении «свободников», которые, сделав крайние выводы из своего учения, отказались пользоваться трудом животных, чтобы не применять к ним насилия.

[1] В процессе дальнейшей работы над статьей Толстой внес изменения, которые устранили необходимость в этой поправке, и она не вошла в окончательный текст.

[2] Поправка эта была потом заменена другим текстом.

[3] Вырезки из американских газет о движении духоборов-свободников.

* 660.

1902 г. Августа 17. Я. П.

Дорогой друг,

Я наделал кучу прибавлений к статье К Р[абочему] н[ароду]: включил краткие извлечения проектов предшественников Генр[и] Дж[орджа] [1] из книги Давидсона Морисона, [2] и отнес проект

Японск[ого] общества, по вашему совету, в прибавление. Хорошо бы туда внести, т. е. в прибавление, и краткие изложения проектов Ogilvie, [3] Spence'a, [4] Paine'a [5] и Dowe'a. [6] Может быть, я это сделаю; но это пускай не задерживает статьи. Сделаю — хорошо, а то и так сойдет.

Л. Т.

Датируется на основании записи в настольном календаре Толстого от 17 августа.

[1] Генри Джордж (1839—1897), американский буржуазный экономист, автор проекта национализации земли путем введения земельного налога, равного земельной ренте. О Г. Джордже см. письмо Толстого к нему от 27 марта 1896 г. (т. 69, стр. 76—77). Сведения о проектах Огильви, Спенса, Пэна, Доу и Генри Джорджа даны в XIII и XIV главах статьи «К рабочему народу» (см. т. 35, стр. 141—145).

[2] Дж. Морисон-Давидсон (J. Morrison-Davidson, 1843—1916), автор книги «Предшественники Г. Джорджа». Издана в переводе на русский язык в 1907 г. издательством «Посредник».

[3] Вильям Огильви (William Ogilvie, 1736—1819), профессор колледжа в Абердоне, автор книги «Исследование о праве собственности на землю».

[4] Томас Спенс (Thomas Spence, 1750—1814), бывший учитель в Ньюкестле, уволенный от должности за издание доклада о национализации земли, прочитанного им в местном философском обществе.

[5] Томас Пэн (Thomas Paine, 1737—1809), американский писатель и общественный деятель, автор книги «Права человека», противник земельной собственности.

[6] Патрик Доу (Patrick Dawe, 1815—1879), английский экономист, противник земельной собственности.

* 661.

1902 г. Августа 17. Я. П.

Получил сегодня, 17-го, ваши письма, милые друзья.

Как хорошо, что вы мне прислали письмо Гали, когда уже ей стало лучше.

Ничего не желаю тебе, милая Галя (так почему-то почувствовалась близость, что захотелось говорить «ты»), ничего не желаю в смысле матерьяльного здоровья и продолжения жизни здесь, а одного, чего себе желаю, прошу — такого душевного состояния, при кот[ором] переход от этой формы жизни к неизвестной нам форме не представлялся бы скачком, ни подъемом, ни падением, а течением жизни вечной.

Как вы, милая Галя, меня осторожно усовещиваете. Это не нужно: я вижу вашу душу и источник, из к[оторого] идет то, что вы говорите. Вы, разумеется, правы. Но не столько в осуждение вас или оправдание себя, а для того, чтобы указать на причину некоторого различия наших точек зрения, скажу, что вы, живя в Европе, видите рабочих фабричных, и они кажутся вам всем народом. Я же вижу 99% русского забитого крестьянского народа, которому, как средство выхода — спасения, выставляют борьбу классов, зло духовное и благо матерьяльное, и не могу — без досады (виноват) — видеть и слышать это. И потому увлекаюсь, и не прав. Так вы не осуждайте меня очень, а make allowance [1] и мне.

Теперь к Диме.

Посылаю еще поправки. Пожалуйста, не сердитесь, будьте терпеливы. Глава 11-ая, я думаю, теперь невредна. А проекты, т. е. один теперь Джоржевский, если хотите, поместите в прибавлении. Вообще делайте, как найдете лучшим. Как в доверенностях пишется: во всем спорить и прекословить не буду. Et que ça finisse. [2]

Много есть о чем писать, но теперь не могу. Дела всё больше и больше, а сил всё меньше и меньше, хотя на здоровье жаловаться не могу.

Получил и Жозино письмо. Целую его.

Ив[ану] Мих[айловичу] [3] скажите, что нынче хотел отвечать ему, но не успел.

Ну, простите, простите.

Л. Т.

Davidson Morrisson прислал мне книгу. Я хочу ответить ему, благодаря очень его, но если бы вы ему написали пока, то хорошо бы было.

Был у меня Моод, и о нем много надо писать, но до другого раза.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 314, 315.

Ответ на письма Черткова от 24 августа и А. К. Чертковой от 28? августа н. с. Чертков сообщал об опасной болезни, которую перенесла А. К. Черткова. А. К. Черткова писала, что в статье Толстого «К рабочему народу» есть осуждение революционного движения, несправедливое по отношению к революционерам, которые «искренно самоотверженны до самозабвения» и к которым уходит лучшая часть рабочей молодежи.

[1] [сделайте снисхождение]

[2] [И пусть с этим будет кончено.]

[3] И. М. Трегубов жил в это время у Чертковых, которым помогал в собирании материалов по сектантскому движению. Ответ Толстого Трегубову см. т. 73, стр. 282.

* 662.

1902 г. Августа 23. Я. П.

Получил ваше письмо, милый друг, и пожалел о том, что вы говоря, что не будете делать оговорок, стараетесь me dorer la pilule, autant que possible.[1] Этого совсем не нужно. Я сначала было решил, по вашему совету, выпустить главу, но потом, перечтя ее, стал исправлять, и мне кажется, что с такими исправлениями она отвечает вашим справедливым замечаниям и требованиям.[2] Самую мысль о том, что в основе мирских приемов лежит несогласие с требованиями нравственности, мне жалко. Как вы думаете? Годится ли так?

О том, почему я не желал бы выпускать в русском издании проектов, я писал. В японском же проекте надо выпустить от слов: «другие не получают того, что им следует» до слов: «мы желаем изменения обществ[енного] устройства». Еще надо в выноске к проектам сказать, что я не дословно переводил, а передавал свободно, кое-где оставляя подлинник нетронутым.

Прощайте, милый друг.

Л. Т.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля отправления. Ответ на письмо от 25 августа н. с., в котором Чертков вновь спрашивал Толстого о том, не будет ли он возражать, если изложение проектов национализации земли будет перенесено из текста статьи «К рабочему народу» в приложение.

[1] [позолотить мне пилюлю, насколько возможно.]

[2] Толстой имеет в виду гл. XI статьи «К рабочему народу».

* 663.

1902 г. Августа 31. Я. П.

Вчера получил ваше письмо, дорогой друг, с возражениями на признаваемую мною несправедливость присвоения рабочими устроенных заведений, и очень, именно очень, очень сожалею,

что не могу согласиться с вами. Я много думал, желая убедиться вашими доводами, но никак не мог этого сделать. То, что это оттолкнет от меня многих, не только не колеблет, но еще более утверждает меня в моем убеждении. Желать присвоить то, что сделали другие (устройство фабрики, не материал его), не только противно золотому правилу, но прямо безнравственно, и сказать это надо, если убежден в этом, несмотря на то, что это оттолкнет и озлобит социалистов. Впрочем, я не только не настаиваю на печатании так, как я написал, — предоставляю всё вам и спорить и прекословить не буду. То же и относительно помещения статьи Г[енри] Дж[орджа] в прибавлении, а не в тексте. В этом я почти, даже совсем согласен с вами.

О Мооде всё собираюсь, но не успеваю написать вам. [1] Он был очень хорошо [2] и не заслужил того недоверия, к[оторое] вы выражаете к нему в вашем письме. Я здоров и всё пишу «Х[аджи]-М[урата]», балуюсь. Довел до того же, до чего доведены О[тец] С[ергий] и др[угие], т. е. что связно и последовательно. Но хочется отделывать. А многое требуется более важное, как мне кажется.

Что вы мне не пишете про здоровье Гали? Нынче у нас врачи осматривают меня. [3] Я желаю оставаться в Ясной, и, кажется, на этом остановятся. Обнимаю вас.

Л. Толстой.

Отрывки напечатаны: «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», изд. А. Л. Толстой, т. II, М. 1911, стр. 236; «Толстой и Чертков», стр. 315. Датируется 31 августа, так как в этот день состоялся консилиум врачей, упоминаемый в письме. Ответ на письмо от 6? сентября н. с., в котором Чертков писал, что ему нравятся поправки, внесенные Толстым в статью «К рабочему народу». Вместе с тем Чертков писал, что не может согласиться с утверждением Толстого: «В особенности же не согласно с правилом о сделании другому того, что ты хочешь, чтобы тебе сделали, предвидимое и обещаемое в будущем социалистами присвоение себе рабочими всех орудий труда». Возражая против этой мысли, Чертков писал: «Я не чувствую, что было бы несправедливо, если бы фабрики перешли к рабочим (конечно, без насилия над личностями фабрикантов, о чем вы тут же говорите). Свое искусство и умственный труд фабриканты могли приложить только благодаря пользования денежным рабством рабочих, которые их содержали в то время, когда они измышляли способы увеличения своих доходов».

[1] Э. Моод приехал в Ясную Поляну 9 августа и уехал оттуда 13 августа. Поездка Моода была связана с собиранием материалов для задуманной им биографии Толстого.

[2] Так в автографе.

[3] Толстого осматривали врачи В. А. Щуровский и П. С. Усов, приезжавшие из Москвы, чтобы дать заключение о том, где Толстому по состоянию его здоровья лучше провести зиму.

* 664.

1902 г. Сентября 4. Я. П.

Envoi changement chapitre onze. [1]

Посылаю изменение одиннадцатой главы.

Телеграмма. Датируется на основании пометки на бланке и записи в настольном календаре Толстого от 4 сентября.

[1] Поправка к гл. XI статьи «К рабочему народу».

* 665.

1902 г. Сентября 5. Я. П.

Посылаю прибавку к 11-й главе. Боюсь, что неясно, а мож[ет] б[ыть], и неверно. Посылаю для того главное, чтобы нельзя б[ыло] перетолковать так, что я защищаю хозяев капиталистов. Впрочем, опять повторяю: даю вам carte blanche включать эту поправку или не включать ее, или вовсе всё пропустить, как вы прежде хотели. Я нынче чувствую себя очень слабым, потому больше не пишу, а отсылаю, чтобы не задерживать.

Получил Галино письмо и прочел его с большим умилением и радостью. Прощайте, пока.

Всё балуюсь Х[аджи]-М[уратом], и всё совестно.

Л. Т.

Датируется днем, предшествовавшим почтовому штемпелю отправления.

* 666.

1902 г. Сентября 7. Я. П.

Итак, по последнему письму вашему три пункта, требующие ответа:

1) Ваш план издания листков для народа («Друг народа», кажется, хорошо). [1] Я думаю, что это будет хорошо, и только жалею о том, что я писал таким дурным, мало доступным народу, языком.

2) О выпуске места в 11-й главе. Я послал изменение. Если все-таки найдете недостаточным, выпустите всё. Еще надо сделать маленькое изменение в последней главе. Прилагаю его. Еще надо в тексте или примечании, там, где говорится об Огильви, Спенсе и др[угих], сказать, что сведения эти взяты мною из прекрасной книги Давид[сона] Морисон[а]. Еще при изложении проектов как Г[енри] Джор[джа], так и Японск[ого] Общества, сделать выноску о том, что проекты эти не дословно переведены мною, а изложены свободно. [2]

3-ий пункт. О письмах мне бы не хотелось писать то, что вы желаете. Это имеет вид, что я пишу письма людям, имея в виду публику, а этого мне не хочется, и этого нет в действительности. Я думаю, что можно списаться с теми, у кого письма. Да и вообще это не стоит того. Пожалуйста, не сетуйте на меня за отказ.

В последние дни я не совсем здоров — желудком и сердцем, но нынче лучше. Пожалуйста, пишите мне о здоровье Гали.

Я был очень рад письму Жози. [3] Благодарю его за него. Много поучительного в его рассказе о колонистах. Совершенно согласен с вами о том, что нельзя не радоваться на действия авангарда колонистов и духоборов, как бы далеко они ни оторвались вперед от всей армии.

Я благодарен вам за то, что вы напомнили мне об их значении.

Прощайте пока.

Ваш Л. Толстой.
7 сент. 1902.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 309.

Ответ на письмо от 12 сентября н. с., в котором Чертков писал, что решил приступить к изданию серии книжек, обращенных к «простому народу» и написанных вполне общедоступно, причем в первую очередь

выпускать соответствующие произведения Толстого. Серию предполагается назвать «Друг народа». Далее Чертков писал, что ждет ответа на вопрос об изменении в гл. XI «К рабочему народу», что хотя Толстой и разрешил ему пользоваться для издания всеми собранными им рукописями, в том числе и письмами Толстого к разным лицам, однако желательно получить это разрешение в письменной форме, так как юридически письма являются собственностью лиц, к которым адресованы.

[1] Задуманная В. Г. и А. К. Чертковыми серия общедоступных изданий в конце концов была названа ими «Листки для народа». Всего было выпущено 14 книжек, причем первой издана брошюра Л. Толстого «К рабочему народу».

[2] См. письмо от 17 августа 1902 г.

[3] Письмо И. К. Дитерихса о колонии англичан, сочувствовавших взглядам Толстого, в архиве Толстого не сохранилось.

* 667.

1902 г. Сентября 11. Я. П.

Я получил все листы «Что ж нам делать» [1] (14), но недостает 2-го листа с 16 стр. до 33-й. Вероятно, ошибка произошла оттого, что на 1-ом листе поставлена цифра 2. Если можно, пришлите мне недостающее. Жду от вас писем и, любя, приветствую всех.

11 сент. 1902.

Л. Толстой.

Сейчас получил письмо от в[еликого] к[нязя] Николая Михайловича. Он мне дает нужные материалы [2] и между прочим просит, чтобы вы прислали на его имя книги «О религии» и «К рабоч[ему] нар[оду]», когда они выйдут.

[1] Книга Толстого «Так что же нам делать?», печатавшаяся Чертковым в серии «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России».

[2] Архивные материалы для повести «Хаджи-Мурат».

* 668.

1902 г. Октября 11. Я. П.

Давно, очень давно не получал от вас писем, милые друзья, и не смею сетовать, п[отому] ч[то] сам давно не писал. Отвечаю вам обоим вместе. Вам, В[ладимир] Г[ригорьевич], во-первых,

пишу о том, что «К Р[абочему] Н[ароду]» получил вполне, но «Ч[то] Н[ам] Д[елать]» — всё недостает листов; во-2-х, о том, что черновые, как есть, непременно пришлю при первом случае; [1] в-3-х, о Мооде. Мне кажется, что он огорчен разладом с вами и оскорблен тем, что вы не хотите видеть его и иметь с ним дело. Посылаю вам ту записку, кот[орую] он оставил мне. Когда он был тут, я понимал вполне его желания, и мне думается, что желания его справедливые и хорошие. Теперь же я забыл, в чем дело. Одно знаю, что, кроме его достоинств как переводчика, вам нехорошо быть в недобрых отношениях с человеком.

Простите, если я советую как будто, а не вполне понимаю дело, побуждает меня моя любовь к вам. Нет ничего тяжелее, как иметь недоброе чувство к человеку и, не видя этого человека, думать, говорить о нем и заводить в своей душе уксусное гнездо недоброжелательства, к[оторое] имеет свойство быстро разрастаться.

Теперь обращаюсь к милой Гале, об ее заботах об Ольге. Давно я не видал Ольгу и не имел случая узнать о них подробнее, что намерен сделать. К несчастью, я могу только узнать, но повлиять в желательном смысле не могу. Я хотя и, разумеется, меньше — но и не меньше иногда, чем вы, страдаю, думая о них, но твердо уверен, что сделать ничего не могу, не могу пробить тех лат, которые надевает на себя всякий человек, живущий дурно и знающий это. Но не отчаиваюсь и жду воскресения души, к[оторое] всегда может совершиться. Ольга же, мне кажется, избрала лучший выход терпения и кротости. Только бы еще больше кротости. В особенности трудно от полов[ых] отношений. Они путают всё и затрудняют общение духовное. Грустно, но нам с вами надо только делать, что *мы можем*. И я буду стараться.

О себе скажу вам обоим, что поправляюсь. Кончил Х[аджи]-М[урата], к[оторый] в неотделан[ном] вполне виде отложил [2] и при жизни не буду печатать. Очень тяжело пишу К духовенству [3] и по вечерам чуть-чуть художественное.

Прощайте пока, милые друзья.

Л. Т.

11 окт. 1902.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 315.

Ответ на письма А. К. Чертковой от 2 октября и Черткова от 15 октября н. с. А. К. Черткова писала о семейных отношениях А. Л. и О. К. Толстых, а В. Г. Чертков писал о том, что Моод попрежнему считает, что выпады против деятельности Черткова по организации переводов «Воскресения» и издания этого романа за границей были «прекрасным и необходимым поступком». Об этих разногласиях между Моодом и Чертковым см. письмо Толстого к Мооду от 23 декабря 1901 г. (т. 73, стр. 172—173).

[1] Чертков решил устроить в своем доме в Christchurch безопасное от пожара хранилище для рукописей Толстого. В связи с этим он просил Толстого выслать черновые рукописи и другие архивные материалы, а Марию Львовну и ее мужа Н. Л. Оболенского — выслать ему для хранения в устроенном им хранилище черновые рукописи Толстого, не нужные ему для текущей работы. По указанию Толстого, значительная часть этих рукописей, копии писем к разным лицам и некоторые другие материалы были посланы Черткову для хранения.

[2] Толстой сделал запись об окончании «Хаджи-Мурата» в настольном календаре 18 сентября, но затем продолжал эту работу.

[3] Толстой начал эту статью в сентябре, а окончил 1 ноября 1902 г. Впервые напечатана в брошюре: Л. Н. Толстой, «1. Восстановление ада, 2. Обращение к духовенству», изд. «Свободного слова», Christchurch, 1901.

* 669.

1902 г. Октября 25. Я. П.

Légère attaque billieuse. Complétement rétabli. Attends lettre.

Tolstoy.

Легкий приступ желчи. Совершенно поправился. Жду письма.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на телеграфный запрос Черткова о здоровье Толстого.

* 670.

1902 г. Ноября 8? Я. П.

Посылаю вам, дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич], статью «К духовенству». Как всегда, я много работал над ней и, дойдя до того пункта, когда дальше не могу уже улучшать,

посылаю ее вам. Как всегда, ожидаю от вас всегда нужного мне искреннего вашего суждения. Простите, что нечетко написано.

Письма ваши получил и пожалел о том, что вы так много пишете, а, главное, думаете и чувствуете о Мооде. Это такая напрасная трата душевных сил. А они вам нужны для ваших работ. Пишу коротко, п[отому] ч[то] устал. Как хорошо, что В[еригин] доехал до нас и едет в Кан[аду].[1] Передайте ему мою любовь.

Л. Т.

Да, если можно, пришлите мне, пожалуйста, 2-й, 15-й и 19-й листы «*Что ж нам делать?*». Так жалко, что такая славная (по внешности) книжечка разрознена. Я не то что не согласен с вами в деле Моода — я не могу быть ни согласен, ни не согласен, п[отому] ч[то] по существу дело не интересует меня, — но только вижу, как много траты сил, где всё могло разрешить прощение — любовь.

Я совершенно здоров и теперь пишу легенду о дьяволе,[2] к[оторая] должна служить иллюстрацией к «К Д[уховенству]». Ив[ану] Мих[айловичу] [3] привет.

Л. Т.

Письмо написано, повидимому, не ранее 8 ноября с. с., так как является ответом на письмо А. К. Чертковой от 14—16 ноября н. с., которое, вероятно, было получено в Ясной Поляне 8—9 ноября.

Комментируемое письмо было послано вместе с рукописью «К духовенству», о которой Толстой писал 11 ноября, что она послана несколько дней назад. См. письма к Е. Е. Лазареву и вел. кн. Николаю Михайловичу от 11 ноября 1902 г. (т. 73, стр. 321, 323). Поэтому письмо датируется 8? ноября 1902 г.

Ответ на письма В. Г. Черткова от 8 ноября н. с. и А. К. Чертковой от 14—16 ноября н. с. Чертков писал, что тяготится разрывом отношений с Моодом, но не знает, как их можно было бы восстановить. А. К. Черткова сообщала о том, что в Англию приехал руководитель духоборов П. В. Веригин.

[1] П. В. Веригин, получив разрешение выехать из России, проездом навестил Толстого 30 и 31 октября, затем выехал в Канаду через Англию, где виделся с Чертковым. Толстой опасался, что, несмотря на разрешение выехать за границу, Веригин будет арестован на границе.

[2] «Разрушение и восстановление ада».

[3] И. М. Трегубов.

* 671.

1902 г. Ноября 17. Я. П.

Получил ваше конфиденциальное письмо, дорогой друг Галя, и хотя и сочувствую вашему горю о душевном состоянии Жюзи, не приписываю этому такой же важности, как вы. Ходы душевной жизни совсем особенные, и нам никак нельзя уследить за ними. Вы говорите о матерьялистическом, антирелигиозном мировоззрении. Нынче с осени мне пришлось с разных сторон натолкнуться на это мировоззрение, и я обдумывал и теперь иногда обдумываю статью об этом: о ницшеанстве, к[оторое] в сущности есть не что иное, как последовательный вывод из матерьялизма. Хотелось бы это написать, но, вероятно, не придется, как не придется написать 20-й доли того, что хочется.

«Х[аджи]-М[урата]» я оставил и, разумеется, рад дать списать его для вас (хотя, право, не стоит в теперешнем виде) с уговором не выпускать его из рук, даже и не давая чужим читать.

Теперь, кажется, кончил о чертях.[1] Если годится, напечатайте. Я пришлю вам. Прощайте, милые друзья.

Лев Толстой.

17 нояб. 1902.

Ответ на письмо от 14—16 ноября н. с., в котором А. К. Черткова по поручению В. Г. Черткова просила выслать копию с рукописи «Хаджи-Мурат», обещая ее не печатать и никому не давать. В том же письме А. К. Черткова писала о «пессимистическом, материалистическом настроении» ее брата И. К. Дитерихса.

[1] «Разрушение и восстановление ада». Толстой продолжал работать над этим произведением, окончание которого отмечено в настольном календаре 30 ноября 1902 г.

* 672.

1902 г. Декабря 3. Я. П.

Не считайте этого за письмо, милый друг. Отвечаю только на ваши вопросы об изменениях. С первыми двумя безусловно согласен, последнее же ослабляет мою мысль, т[ак] к[ак] я не считаю верою утверждение того, что верит, как и объясняю.

Впрочем, как всегда, согласен и по-вашему. Я всегда вам верю, п[отому] ч[то] вы дорожите тем же и так же, как я, а со стороны виднее. Прощайте пока.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письмо от 6 декабря н. с., в котором Чертков писал, что в статье «К духовенству» желательно сделать следующие поправки: «На стр. 16 вашей рукописи... вместо «не может удержаться никакое разумное, твердое убеждение» лучше было бы сказать: «мировоззрение» или «жизнепонимание», «понимание жизни», так как у верующих в троицу, искупление и т. п. часто бывают самые разумные и твердые убеждения по разным частным предметам, но действительно не может быть разумного жизнепонимания. Стр. 22... вместо «делаются самыми вредными проповедниками...» лучше было бы: «делаются сознательно или бессознательно самыми вредными проповедниками...» Стр. 38... вместо: «вы не можете не ответить себе, что нет, не верите» точнее было бы так: «вы — многие из вас — не можете не ответить себе, что нет, не верите». Ибо если не так много среди русского духовенства, зато пока еще довольно много среди протестантского, ответили бы себе искренно, «перед богом, памятуя о смертном часе»: «да, верую», так глубоко въелись здесь эти суеверия».

См. статью «К духовенству» и историю писания и печатания этого произведения — т. 34, стр. 299—318 и 588—589.

* 673.

1902 г. Декабря 10. Я. П.

Pouls, température bons. Faiblesse continue.

Tolstoy.

Пульс, температура хороши. Слабость продолжается.

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на телеграфный запрос Черткова о здоровье Толстого.

* 674.

1902 г. Декабря 17. Я. П.

Amélioration. Certaine faiblesse. Envoie changement clergé.

Улучшение. Некоторая слабость. Посылаю изменение духовенству.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке. Ответ на телеграфный запрос Черткова о состоянии здоровья Толстого, болевшего 5—12 декабря инфлюэнцей.

* 675.

1902 г. Декабря 19. Я. П.

Получил сейчас ваше письмо, милый друг, листы критики богословия посланы вам, да если бы и не были посланы, не затрудняйтесь печатать.

Я лежу еще слабый, и хотя ничего особенного нет, не могу ходить и сидеть.

Главное, важное для меня в вашем письме, это болезнь милой, дорогой Гали. Что вы пишете про ее страдания, очень огорчило меня. Как она страдала? Без перерыва или с отдыхами и как переносила? Храни ее бог. Мне она очень дорога, да и всем, кто ее знает, не говоря о вас и Диме. Известите подробнее об ее положении. Вообще люди, а особенно женщины, для кот[орых] высший и живой идеал есть пришествие царства бога, особенно редки. А она именно такая. Очень люблю ее и очень скорблю о ней. Так и скажите ей.

Л. Т.

19 дек. 1902.

О заблуждении Ames'a [1] очень сожалею.

В голове идет хорошая работа, и в сердце хорошо, спокойно, только пасмурное настроение, вероятно от печени.

Ответ на письмо от 24 декабря н. с., в котором Чертков писал, что не получил от Толстого последние корректурные листы «Критики догматического богословия». В этом же письме Чертков сообщал, что больна А. К. Черткова, и спрашивал о здоровье Толстого.

Начало письма до слов: «главное, важное для меня» и приписка написаны рукой М. Л. Оболенской.

[1] Чертков писал, что один из его друзей, Эмс, стал увлекаться спиритизмом.

1903

* 676.

1903 г. Января 11. Я. П.

11 янв. 1903 г.

Милые друзья, получил ваши письма и рад, что знаю и понимаю теперь болезнь Гали, и тому, что она поправляется.

Я всё слаб: день лучше, день хуже, но в общем все-таки идет как будто к лучшему, хотя это ничего не значит.[1]

Были у меня безденежные англичане.[2] Мне очень трудно переносить фальшь спиритизма, но грех судить, и не будем.

Послал вам прибавку к Легенде, коли поспеет, хорошо, не поспеет, и не надо. Это очень неважно. Да кстати: как озаглавить: «Легенда о разрушении ада и в[осстановлении] е[го]», или просто: «О разрушении а[да] и в[осстановлении] е[го»]? Как найдете лучшим, так и сделайте.

Нынче жена перебирала бумаги и нашла письмо Победоносцева, ответ на мою просьбу передать Александру III мое письмо о помиловании убийц Александра II. Письмо это так характерно, что его стоит сохранить. Посылаю его вам.[3]

Кто у вас помощники? Дела у вас очень много. Интересуюсь прочесть вашу статью о революции. Я думал об этом. Совпали ли наши взгляды?

Прощайте пока. Пишите почаще. Так всегда радостно видеть Галин или ваш почерк.

Лев Толстой.

Во время болезни хорошо думается, одно нехорошо, что невольно представляются новые завлекательные работы, а надо не забывать, что года и болезнь ведут к близкой смерти. Особенно занимали меня в эту болезнь (этому и содействовало

чтение прекрасных записок Крапоткина [4]), — воспоминания для автобиографических заметок, обещанных Поше, особенно радостны детские и особенно мучительны безумные года скверной жизни молодости. Хотелось бы всё рассказать.[5]

Написано под диктовку, подпись собственноручная.

Ответ на письмо от 11 января н. с., в котором В. Г. Чертков писал о болезни А. К. Чертковой и сообщал, что усиленно работает над своей статьей о революции.

[1] В декабре 1902 г. и в январе 1903 г. Толстой испытывал упадок сил после инфлюэнцы, которую перенес в начале декабря.

[2] Англичане Томас Феррис (Thomas Ferris) и Берти Ро (Bertie Rowe), участники земледельческой колонии в Эссексе, сторонники отказа от употребления денег. Сделавшись спиритами, они посетили Толстого в январе 1903 г. с целью доказать ему истинность спиритизма. См. письма к Феррису от 9 и 21 января 1903 г. (т. 74, стр. 12 и 23).

[3] Письмо Победоносцева к Толстому от 15 июня 1881 г. (см. т. 63, стр. 58—59).

[4] П. А. Кропоткин, «Записки революционера», Лондон, 1902.

[5] Толстой по просьбе П. И. Бирюкова, составлявшего его биографию, начал писать воспоминания, оставшиеся неоконченными. См. т. 34, стр. 345—403.

* 677.

1903 г. Января 22. Я. П.

Хочется написать вам хоть несколько слов, милые друзья, Галя и Дима. На вопросы ваши в тот же день ответил милый Абрик[осов].[1] Я понемногу поправляюсь, но еще очень слаб. Понемногу, — соразмерно поправлению, — и порчусь нравственно. Болезнь и эта была мне очень духовно полезна.

То, что вы пишете о том, что меня, или, скорее, то, что проходит через меня, любят люди, мне очень приятно, хотя я и желал бы быть и бываю во время болезни равнодушен к этому.

Ну, пока прощайте, целую вас обоих.

Л. Т.

Могу работать и рад этому. Составлял календарь с изречениями на каждый день. Кончил [2]. А теперь хочу заняться автобиографией.

Ответ на письмо от 22 января 1903 г., в котором Чертков писал, что перевел на английский язык «Разрушение ада и восстановление его» и переводит «Обращение к духовенству», и спрашивал, следует ли во второй главе легенды «Разрушение ада и восстановление его» писать «безусый» или «беззубый» дьявол.

[1] Х. Н. Абрикосов писал Черткову 18 января 1903 г.: «Сейчас Лев Николаевич получил твое письмо и просил тебе сейчас же написать. В оригинале стоит не беззубым, а безусым, и Лев Николаевич говорит, что так и надо, так как этот дьявол как бы папа (римский) или вообще католическое духовенство. Вас ввела в заблуждение ошибка переписчика» (АЧ).

[2] «Мысли мудрых людей на каждый день». Собраны гр. Л. Н. Толстым, изд. «Посредник», М. 1903.

* 678.

1903 г. Января 22. Я. П.

Chapitre deux lisez non pas bezzouboi, mais bezoussoi, sans moustaches.[1] Reconvalesent, faible.

Глава вторая читайте не беззубый, а безусый, без усов.[1] Поправляюсь, слаб.

Телеграмма. Датируется по пометкам на телеграфном бланке.

[1] Поправка ко второй главе «Разрушения ада и восстановления его».

* 679.

1903 г. Января 29. Я. П.

Supplement send again;[1] if troublesome, wait publish without. Still weak.

Посылаю еще добавление;[1] если затруднительно, печатайте без. Всё еще слаб.

Телеграмма. Датируется по пометкам на телеграфном бланке.

[1] Добавление к «Разрушению ада и восстановлению его».

680.

1903 г. Февраля 3. Я. II.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич].

Я с неделю тому назад получил от некоего г-на Michael Morrison'а из Берлина письмо, в к[отором] — (Впрочем лучше пошлю вам копию с его письма).[1]

Я был в дурном расположении, слаб, и потому продиктовал дочери Маше ответ, копию с к[оторого] тоже посылаю вам. Я хотел пересмотреть и поправить это письмо, но Маша отослала его, и с тех пор я постоянно вспоминаю то, что написал в этом письме, и мучаюсь мыслью о том, что я поступил очень дурно, написав это письмо, и что оно может очень несправедливо оскорбить женщину, о к[оторой] я пишу. Если бы это мое дурное письмо было напечатано (что всегда может случиться, то, пожалуйста, переведите это мое письмо к вам и напечатайте его в англ[ийской] газете.

Я очень сожалею о том, что я необдуманно высказал в письме к г-ну Morrison. Я знаю всю жестокость и могущество того соблазна, к[оторо]му подпала несчастная принцесса,[2] знаю то временное ослепление и забвение всех высших требований души, к[акие] оно производит, и потому я, исполненный грехов, не могу и подумать о том, чтобы бросить камень в страдающую женщину. Если письмо мое к Морисону будет напечатано и попадет на глаза принцессе, я прошу ее простить меня за жестокие и необдуманные слова. Я не только не осуждаю ее, но всей душой сочувствую ее страданиям и желаю ей избавления от того наваждения, которое овладело ею, и того успокоения, которое всегда возможно для человека, верующего в бога и обращающегося к нему.

Так вот, если хотите мне сделать добро, успокоив хоть немного мою совесть, и вы согласны с тем, что письмо это может загладить мою вину, то, пожалуйста, исполните мою просьбу.[3]

Ваш Лев Толстой.

3 февраля 1903.

Впервые опубликовано в газете «Новое время» 1903, № 9689 от 24 февраля.

[1] М. Морисон (Michael Morrison) в письме от 1 февраля н. с. 1903 г. сообщил, будто принцесса Луиза Саксонская, бросившая мужа и детей

и уехавшая с гувернером своих детей, утверждала, что на нее повлияли сочинения Толстого. Морисон просил Толстого написать, что его сочинения не дают оснований для оправдания поступка принцессы. В письме к Морисону от 28 января 1903 г. (см. т. 74, стр. 28—29) Толстой осудил поступок принцессы, а затем в письме к Морисону от 3 февраля (т. 74, стр. 33) высказал сожаление о том, что написал письмо, осуждавшее принцессу. Толстой просил Морисона не опубликовывать полученное письмо. Морисон ответил, что письмо Толстого уже передано по телеграфу редакции газеты «New-York World». Письмо Толстого было опубликовано этой газетой в феврале 1903 г.

[2] Принцесса Луиза Саксонская (р. 1870). См. т. 74, стр. 29.

[3] В письме от 28 февраля н. с. Чертков сообщил Толстому, что выполнил его желание, переведя это письмо на английский язык и послав в редакции нескольких английских и американских газет.

* 681.

1903 г. Февраля 13. Я. П.

По-моему, слово христианское в устах дьявола не может ввести в заблуждение. Понятно, что он говорит о ложном христианстве. Я думаю, не нужно ничего изменять. Если же вы непременно хотите, то сделайте так, как я обозначу на листке.[1] Но, мне кажется, изменять совсем не нужно.[2] Надо предполагать слишком большую непонятливость читателя, чтобы бояться ложного понимания. Здоровье мое вообще немного лучше, но сердце ослабело, постоянно перебои. Целую вас и жду писем.

Л. Т.

Датируется на основании сопроводительного письма Х. Н. Абрикосова, из которого можно сделать вывод, что Толстой написал письмо накануне отъезда Абрикосова из Ясной Поляны — 13 февраля.

Ответ на письмо от 17 февраля н. с., в котором Чертков, прилагая часть корректуры «Разрушения ада и восстановления его», писал, что в двух местах желательно, во избежание недоразумений, заменить слова: «христианское учение» словами: «церковное учение» или «искажение христианского учения».

[1] На приложенном к письму отрывке корректуры VII гл. «Разрушения ада и восстановления его» Толстой вместо: «Христианское учение о браке и разводе» поставил: «церковное учение». Такое же изменение сделано в фразе: «убийство же, вызванное христианским учением о равенстве».

[2] Чертков оставил без изменений первоначальный текст.

* 682.

1903 г. Февраля 13. Я. П.

Tolstoy trouve changements inutile. [1] Lettre suit. Santé meilleure. Abrikosoff.

Толстой находит изменения бесполезными.[1] Письмо следует. Здоровье лучше. Абрикосов.

Телеграмма. Датируется 13 февраля, так как из сохранившегося в АЧ письма Абрикосова видно, что эта телеграмма написана одновременно с письмом № 681. Абрикосов, сообщая Чертковым, что телеграмму послал по поручению Толстого, писал: «Телеграмма была составлена самим Львом Николаевичем и написана им самим». На основании этого указания телеграмма помещается как написанная Толстым, хотя она подписана Абрикосовым.

[1] См. прим. к письму № 681.

* 683.

1903 г. Марта 7. Я. П.

7 марта

Милые друзья Галя и Дима,

Я точно как будто отплачиваю вам своим молчанием и неотвечанием на ваши письма за ваше последнее молчание. Случилось это оттого, что мне очень нездоровилось последнюю неделю и больше, и я был так слаб, что ничего не мог делать. Нынче мне опять хорошо — лучше, и вот пишу, отвечая на 2 письма В[ладимира] Г[ригорьевича] и на одно Гали и на гостинцы с Апуриным.[1] Гостинцы прекрасные, и очень благодарен за них. Бульон еще не попробовал.

Первое письмо ваше, милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич], с приложением писем Крап[откина] о Воскр[есении][2] и Miss M[ayo][3] было очень приятно, но зато второе, о Мооде, произвело на меня тяжелое впечатление. Вмешиваться мне в дело между Моодом и Henderson'ом и писать Мооду — немыслимо. Я не успеваю, по слабости своих сил, отвечать на самые важные требования извне и, главное, извнутри, и потому вступать в частное дело, где хотя бы я и мог быть полезен (в чем сомневаюсь), без прямого требования от людей, для меня совершенно невозможно. Я и так чрезвычайно осторожен с Моодом, даже

неучтив, не отвечал на его письма, имея в виду ваши с ним отношения, в кот[орых], разумеется, не могу быть справедлив — любя вас и бесконечно дорожа моими отношениями с вами и будучи более чем равнодушен к неясному для меня Мооду, но все-таки мне кажется, что вы слишком много важности приписываете поступкам М[оода], слишком заняты им, слишком болеете им. Если неприятно то, что я сказал, простите, — мой главный мотив — жалость о том, что вы тратите свои душевные силы на это не стоящее этой траты дело. — Ну, довольно об этом.

О печатании моих последних двух статей: Легенды и К дух[овенству] я хотел написать вам, что лучше бы было их печатать совершенно отдельно. Одна вредит другой. Тон различный. Если будет повторение изданий или переводы, то лучше печатать отдельно.

Насчет письма Гали могу только радоваться, потому что она сама пишет. Она пишет, что, надеется, и я поправлюсь. Это ей можно и должно поправиться, а мне уже это пора оставить. Всё уложено, упаковано, билеты взяты, остается только получше проститься с друзьями. И очень хорошо. Пожалуйста, не возражайте. И мне очень хорошо. Прощайте, милые друзья.

Л. Т.

Хирьякову,[4] Ив[ану] Мих[айловичу][5] — мой привет.

Отрывки напечатаны: «Свободное слово» 1903, № 4, стр. 26.

Ответ на письма Черткова от 28 февраля и 4 марта н. с. Чертков сообщал, что посылает два письма, полученные от П. А. Кропоткина и своей помощницы по переводам Майо (Mayo). Чертков писал, что издатель Гендерсон, которому первоначально было предоставлено право на издание «Воскресения» в переводе Моода, теперь привлечен к суду новым издателем по обвинению в нарушении авторского права на перевод. Сообщив, что, по утверждению Гендерсона, гонорар за проданные экземпляры был им уплачен переводчику, Чертков просил Толстого написать Мооду письмо по этому поводу.

[1] Петр Семенович Апурин (1865—1918), крестьянин, в юности служивший у Черткова. В 1903 г. Апурин ездил в Англию к Черткову, с которым был в дружеских отношениях, и на обратном пути привез Толстому подарки от Чертковых, в том числе экстракт из растительных белков для приготовления бульона.

[2] П. А. Кропоткин писал об инсценировке «Воскресения» в Лондоне. Театр пригласил П. А. Кропоткина для консультации относительно декораций, костюмов и разных деталей русского быта.

[3] Майо (Мауо), английская писательница, безвозмездно помогавшая Черткову при переводах, прислала ему письмо, в котором рассказывала, как сложилось ее мировоззрение.

[4] Александр Модестович Хирьяков, журналист, жил в 1903 г. у Чертковых, помогал им в редакционно-издательской работе.

[5] И. М. Трегубов.

* 684.

1903 г. Марта 21. Я. П.

Получил ваше хорошее письмо № 87. Совету вашему первому о том, чтобы писать художественное, когда не работается, не могу следовать. Если нет большого подъема душевного, невозможно писать художественное. Писать кое-как стыдно, особенно в мои года. Но я не скучаю от неписания, кот[орое], впрочем, теперь проходит. Всё стараюсь изложить мое определение жизни в дневнике.[1] Я посылаю вам несколько листков дневника с Сергеенко, к[оторый] хочет быть у вас.[2] Еще понемногу исправляю «Хад[жи]-Мур[ата]». Совестно, но стараюсь делать это только в moments perdus.[3] Теперь Лева живет у нас, и мне очень приятно с ним, но жаль его за болезнь его жены и разлуку с ней.

Очень много получаю и пишу писем. Отвлекает это от других дел, и, кроме того, часто пишущие несерьезны и неискренни, но думаю, что нельзя не отвечать.

Другой же ваш совет, об обращении к революционерам, очень хотел бы исполнить. Мне, слава богу, последнее время становится искренно жаль их; и ясно вижу их заблуждение.

В письме вашем одно нехорошо: мало пишете про себя, про Галю и ее здоровье. Вашу статью о революции жду. Еще не получал. Я думаю на днях кончить Послесловие к «К Р[абочему] Н[ароду]».[4] Это еще моя работа теперь. Прощайте пока.

Л. Толстой.

Отрывки напечатаны: «Русская мысль» 1913, № 6, стр. 81. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письмо от 23 марта н. с., в котором Чертков писал: «У меня к вам очень серьезная просьба или предложение: когда вам не пишется то более серьезное, что вам хочется писать, то, для того чтобы ваш писательский талант не оставался бы непроизводительным, пишите так, между прочим, маленькие рассказы или притчи для иллюстраций той или другой нравственной или

религиозной истины. Пишите хотя бы для детей только. *Это очень нужно.* И при вашем теперешнем периоде развития эти маленькие плоды, лишь только вы приложили бы к ним пальцы, отпадали бы от вас совсем зрелые и готовые для поступления к нам в пищу... Присылайте эти наброски, писанные, когда другая работа не клеится, присылайте их мне в частном письме, в виде самого чернового первоначального наброска. Я же буду их списывать и сохранять, а когда наберется достаточное количество, то когда-нибудь пришлю вам для окончательного просмотра».

[1] См. записи в Дневнике Толстого от 14 до 20 марта 1903 г. (т. 54, стр. 163—168).

[2] Вероятно, Толстой послал с П. А. Сергеенко копию части Дневника за 1903 г., по которой Чертков напечатал записи от 14 марта 1903 г. в журнале «Свободное слово» 1903, № 7.

[3] [потерянные минуты.]

[4] Послесловие «К рабочему народу» было окончено в начале мая 1903 г. и издано под заглавием «К политическим деятелям», изд. «Свободное слово», Christchurch, 1903. См. т. 35.

* 685.

1903 г. Марта 29. Я. П.

Любезный друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Посвятил два дня, т. е. рабочее время дня, на чтение и обдумывание вашей статьи.[1] Кое-что изменял, исключал, в одном месте поставил 5.

Статья чрезвычайно важная по содержанию и заключающая много нужного добра, и потому занимался ею с радостью, сознанием важности дела.

Теперь скажу о тех изменениях, к[оторые] мне кажутся нужными.

Сделав исключения в первых главах, выпускаю в 3-й гл[аве]: *нетерп[имость]* и *лицемер[ие]*... и *пример отпав[ших]*. Выпускаю всё это, п[отому] ч[то] оно отвлекает от главного, и несущественно.

Далее 4-я глава с малыми измен[ениями].

Затем 5 и 6 гл[авы] очень хороши, но, если можно, сжать.

7-я гл[ава] — всё хорошо, опять сжать и ослабить похвалы самоотвержению революц[ионеров].

8-я глава — называйте меня просто *Толстой*.

9-я глава — Дух русск[ого] народа — сократить, но можно и так оставить.

10[-я] глава очень хороша.

11[-я] гл[ава] тоже хороша. К ней надо присоединить короткое заключение, несколько строк. Вроде того, что вот это-то я хотел сказать вам...

Письмо хорошо,[2] но повторять то, что сказано в статье, излишне. Его можно издать отдельно.

Статью надо, исправив, издать. Она очень полезна и содержательна.

Исправление должно состоять в том, чтобы не только сжать, выпуская не прямо идущее к теме, но и сжать самые фразы, выпуская слова, не боясь неясности.

Кроме того, смягчить все выражения, как против правительства, так и против революц[ионеров]. Тоже смягчить похвалы револ[юционерам] за их самоотвержение. Оно звучит не совсем искренно. Да, по-моему, и неверно. Всё, что делается из-за славы людской, не может быть добрым. Перемены в начале, предложенные мною, вы примите или нет, но если не примете, то переделайте начало так, чтобы прямее приступить к делу.

Предисловие постараюсь написать. Прощайте, милый друг. Мне радостно б[ыло] это занятие.

Л. Т.

Не сердитесь на меня за то, что я так смело поправлял не только язык, но кое-где и мысли. Вы примите то, что годится, и отбросьте негодящее.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 320. Датируется на основании пометы Черткова на подлиннике. Ответ на письмо от 14 марта, в котором Чертков сообщал, что начерно окончил статью о революции и посылает ее на отзыв Толстому. Чертков пишет, что не станет печатать эту статью, если Толстой ее не одобрит, и высказывает пожелание, чтобы Толстой написал предисловие к ней, если признает нужным ее издание.

[1] Статья Черткова «О революции», впервые напечатанная в журнале «Свободное слово» 1903, №№ 5, 6, 7, 8, и 1904, №№ 9, 10. Отдельное издание с предисловием Толстого было выпущено издательством «Свободное слово», Christchurch, 1904. Рукопись статьи хранится в ГМТ. Подзаголовок «Открытое письмо русским сектантам» зачеркнут Толстым и заменен другим: «К верующим в бога русским людям». В рукописи имеются многочисленные поправки Толстого.

[2] Толстой имеет в виду XII гл., содержащую большую выдержку из письма А. К. Чертковой к сектантам, с которыми она переписывалась.

* 686.

1903 г. Апреля 19. Я. П.

Милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Получил ваше длинное письмо о моих письмах. Очень жалею, что выраженным мною опасением не вызвать неудовольствия моих кореспондентов доставил вам столько забот. Я совершенно согласен с вашим предложением: сделаем, как вы предлагаете. — Вот и всё.

У нас чудная весна, нынче 19, всё зелено, и жарко, и красиво. Здоровье хорошо. Кажется, выпутываюсь из моей статьи, Послесловия «К Раб[очему] нар[оду]».

У нас гостит Таня с мужем и Лева. Кажется, дело Афанас[ия] [1] уладится. Олсуф[ьев] передал царю прошение и статью Ив[ана] Мих[айловича], кот[орую] я нарочно списал.[2] Царь оставил ее у себя с намерением прочесть. Но я боюсь, что ничего не выйдет.

Смертная казнь введена в новое уложение.[3]

Что здоровье Гали?

Прощайте. Пишите чаще.

Статью Ив[ана] Мих[айловича] послал в Нов[ое] Вр[емя]. Ответа не получал еще.

Л. Т.

Датируется на основании слов: «нынче 19». Ответ на обширное письмо от 17 апреля н. с., в котором Чертков дает подробный анализ писем Толстого, основанный на многолетней работе по их собиранию и изучению, объясняет, какое значение имеют частные письма Толстого, содержащие его высказывания по разным вопросам. Ввиду того, что адресат или его наследники могут возражать против публикации писем и не всегда есть возможность установить местонахождение корреспондента, необходимо, чтобы Толстой сам разрешил печатать свои письма к разным лицам с условием, что без позволения адресатов не будут опубликованы письма, касающиеся их интимной жизни. Чертков писал, что «вот уже лет 20» собирает «с величайшей тщательностью» все написанное Толстым, и потому просит дать ему разрешение публиковать письма Толстого к разным лицам с указанными выше оговорками.

[1] Афанасий Николаевич Агеев, крестьянин деревни Казначеевка близ Ясной Поляны, был за богохульство приговорен тульским судом к ссылке на поселение в Сибирь. А. В. Олсуфьев, по просьбе Толстого, передал Николаю II прошение Агеева о помиловании и сообщил, что царь принял прошение благосклонно. Однако впоследствии Николай II согласился с министром внутренних дел, настаивавшим на ссылке Агеева.

[2] Рукопись статьи И. М. Трегубова «Голос древней церкви», в которой доказывалась необходимость свободы религии. Статья эта была издана отдельной брошюрой в 1908 г.

[3] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Кодекс законов, законченный в 1845 г. и впоследствии неоднократно переиздававшийся с изменениями, на основании которого выносились судебные приговоры. Толстой, повидимому, имеет в виду проект комиссии по составлению уголовного уложения от 22 марта 1903 г.

* 687.

1903 г. Мая 7. Я. П.

Посылаю вам, дорогой, милый друг, мою оконченную статью *Послесловие.*[1] Напечатайте, если годится, и напишите, что заметите. В одно и то же время вы, Ив[ан] Мих[айлович][2] и я пишем статьи о вреде революционной деятельности. Дай бог, чтобы это б[ыло] не случайность, а знамение времени.

Посылаю вам последнее слово Моода. Он, очевидно, мучается своим отношением к вам или, скорее, вашим к нему. Как бы хорошо было, если бы это положение могло развязаться.[3]

Беспокоюсь о вас, давно не имея известий. Письмо это только препровождающее статью. Буду писать подробнее, когда получу от вас, что, вероятно, будет скоро. Здоровье мое для 75 лет очень хорошо.

Л. Т.

7 мая 1903.

[1] «К политическим деятелям». Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 522 (послесловие к статье «К рабочему народу»).

[2] И. М. Трегубов прислал Толстому статью «Ложь и правда». О ней см. т. 74, стр. 119—120.

[3] См. письмо Толстого к Мооду, т. 74, стр. 115—118.

* 688.

1903 г. Мая 22. Я. П.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Получил ваши два письма; 93 с письмом Henderson'a [1] и 94 с портретами вашими и два экземпл[яра] 4-го № «Листк[ов]». Я никогда не понимал этого громкого слова message to the people [2] и то, что понимал

из этого, тому не сочувствовал. Так что очень хорошо бы было, если бы H[enderson] оставил это.

В № 94 вы пишете о получении моей статьи и совершенно справедливо недовольны заглавием. Не дать ли заглавие: *К политическим деятелям*, и больше ничего. Слог исправляйте. Как всегда, carte blanche. Простите, что послал два прибавления и изменения. Теперь, кажется, всё.

Передайте мой больше чем привет Кропоткину. Я недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним. За портрет очень благодарю, но в группе этой меня огорчило некрасивое лицо Димы.[3] Я хочу написать ему, и если напишется, то прочтите, и если найдете нужным, передайте ему. Я пишу ему об опасностях его возраста.

Листок был бы совсем хорош, если бы было поменьше Толстого.[4] Мне кажется, такое отношение ко мне должно разжигать ненависть ко мне людей недоброжелательных. А это мне больно.

Спасибо Сергеенко; он мне хорошо про вас рассказал.[5] Ольга сейчас гостит у нас с двумя прекрасны[ми] детьми.[6] Андрюша, кажется, будет у вас. Ну, пока прощайте.

Л. Т.

22 мая 1903.

Получил давно и № 92.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 321. Ответ на письма Черткова от 25 мая (№ 93) и 27 мая н. с. (№ 94). Чертков писал, что пересылает выписку из письма издателя Гендерсона. Сообщал о получении статьи «Послесловие к обращению «К рабочему народу» и писал, что заглавие ее «очень неинтересное и какое-то неловкое». Кроме того, Чертков обращал внимание Толстого на некоторые слишком сложные предложения.

[1] Гендерсон просил Толстого написать обращение ко всем народам мира, которое могло бы уместиться на открытке. Гендерсон хотел напечатать это обращение на разных языках на открытках с портретом Толстого и его подписью. Чертков, пересылая письмо Гендерсона, писал, что он не присоединяется к просьбе Гендерсона, зная, насколько Толстому не свойственно писать «для подобных внешних целей».

[2] [послание к народу]

[3] Любительская фотография семьи Чертковых. На этой фотографии был снят и четырнадцатилетний сын Чертковых Владимир (Дима).

[4] Периодическое обозрение «Свободное слово» № 4, в котором были напечатаны статьи: «Из дневника Л. Н. Толстого», «Сведения о Л. Н. Тол-

стом», «Новое отлучение Толстого» и отзыв о книжке В. А. Поссе «Граф Л. Н. Толстой и рабочий народ», Женева, 1903.

[5] П. А. Сергеенко был у Чертковых в Англии в начале мая 1904 г.

[6] О. К. Толстая гостила в Ясной Поляне с детьми Софьей (р. 1900) и Ильей (р. 1903).

* 689.

1903 г. Мая 29. Я. П.

Дорогой В[ладимир] Г[ригорьевич].

Если можно, то прошу прибавить в конце 4-й главы послесловия между словами: «сложиться в разумные и справедливые формы жизни» и словами: «только посредством исповедания...» и т[ак] д[алее] прибавить следующее:

И, удивительное дело, что только после того, как люди были приведены самою жизнью к убеждению о том, что существующая власть несокрушима и в наше время не может быть разрушена силою, они поняли ту до смешного очевидную истину, что власть и всё зло, производимое ею, суть только последствия дурной жизни людей и что поэтому для уничтожения власти и зла, производимого ею, нужна добрая жизнь людей.

Люди начинают понимать это; теперь же им предстоит понять еще и то, что для доброй жизни людей есть только одно средство: исповедание и исполнение религиозного учения, свойственного и понятного большинству людей.[1]

Л. Толстой.

29 мая.

[1] Это добавление к статье «К политическим деятелям» было включено в ее текст и напечатано в первом издании, Christchurch, 1903, стр. 15.

* 690.

1903 г. Июня 11. Я. П.

Любезный друг В[ладимир] Г[ригорьевич].

Корректуры поправил. Простите за дурной почерк. Вы меня избаловали, разбирая мои каракули.

С замечания[ми] Х[ирьякова] очень сожалею, что не могу согласиться. С вашими, кажется, со всеми согласен. Там,

где оставлен карандаш, я считаю изменения неважными: можно и изменить и оставить, как есть.

Благодарю за присылку статей. Я всё последнее получил. «Церковь и государство»[1] неверно обозначена, кажется, 1892 годом. Она была написана вместе с Евангелиями.[2] Переписал же ее и пустил в ход Алекс[андр] Петр[ович] гораздо позже. Я не думал ее издавать и ни разу не перечел ее и ни слова не поправил в ней. Пожалуйста, если можно, пришлите мне недостающие листы и «Крит[ики] догм[атического] бог[ословия]» и «Что ж н[ам] д[елать]», о кот[орых] вам писала Саша. Ив[ану] М[ихайлович]у скажите, что получил его оба письма: о стачках и об обществе взаимной терпимости и соединении в деятельности христиан.

Я напишу ему, пока же скажите ему, что я не согласен с его мыслью о стачках — о всемирной стачке.[3] Такая стачка была бы возможна только, если бы все люди разделились на два лагеря, эксплуатирующих и эксплуатируемых, и, кроме того, рабочие были бы не семейные; при теперешнем же смешении эксп[луати]рующих и эксп[луатиру]емых, так, что нигде нельзя провести между ними черту, и при семейности рабочих, заставляющих стачкою голодать жен и детей, стачка всеобщая немыслима.

Не согласен я тоже и с проектом словесного отказа от обращения других в свое верование. Надо, чтобы эта терпимость вытекала из самого религиозного мировоззрения. А у кого существует такое мировоззрение, тому незачем заявлять о нем. Если же нет такого мировоззрения, то никакие подписки не помогут.

Я живу очень хорошо. Весна и лето чудные. Здоровье хорошо. Кое-что пишу в «Х[аджи]-М[урат]» о Ник[олае] Павл[овиче] отдельную главу, к[оторая], хотя и будет непропорциональна с целым, чрезвычайно привлекает меня. Еще, несмотря на очевидную близость конца, задумал три вещи, кот[орые] очень хочется написать и за к[оторые] хочу приняться. Нынче ходил с маленькими детьми, 8-ми и 9-ти лет (одна — дочь лакея,[4] другой — сын племянницы Денисенко [5]) гулять в лес, в самую глушь. Заблудились, устали и вернулись счастливые и довольные. Какое впечатление произвел на вас Андрюша? Что милая Галя, поправляется ли так же, как я? Хорошо бы, особенно для других.

Пишите почаще и про себя. Галя бы написала.

Нынче записал в своей книжечке:

Любовь есть проявление в этой жизни стремления, к[оторое] полное осуществление свое получит только после смерти.

Мне это очень понравилось. Простите.

Л. Т.

11 июня 1903.

Отрывки напечатаны: «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого», т. II, М. 1912, стр. 193. Толстой отвечает на письмо от 13 июня н. с., в котором Чертков писал, что во избежание недоразумений желательно уточнить некоторые места в статье «К политическим деятелям». Вместе с корректурой статьи Чертков послал два списка желательных изменений: один — составленный им, другой — составленный А. М. Хирьяковым.

[1] «Церковь и государство», законченная статья Толстого, извлеченная из его черновиков переписчиком А. П. Ивановым.

[2] Толстой писал «Соединение и перевод четырех Евангелий» в 1880—1881 гг.

[3] И. М. Трегубов в статье, оставшейся ненапечатанной, призывал к организации всемирной стачки для избавления от капитализма, государственной и церковной власти. Толстой в письме от 7 сентября 1903 г. доказывал Трегубову неосуществимость этой идеи (см. т. 74, стр. 182—183).

[4] Дочь И. В. Сидорова Вера.

[5] Сын Елены Сергеевны Денисенко — Анисим (1894—1918).

* 691.

1903 г. Июня 15. Я. П.

Correctures [1] reçues, corrigées et expediées hier. Santé excellente.

Корректуры [1] получены, исправлены и посланы вчера. Здоровье превосходно.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке.

[1] Корректуры статьи «К политическим деятелям».

* 692.

1903 г. Июня 30. Я. П.

Милые друзья,

Всё это время, более двух недель, ничего не мог делать и от этого не писал вам, хотя хотел всё время это сделать, особенно со времени получения вашего 5-го № Св[ободного] Сл[ова], который мне очень понравился. Он весь занят религиозным содержанием, — последствиями религиозной жизни людей, и в нем меньше, чем в прежних, о моей персоне, хотя мне кажется, что и то, что есть, — лишнее. Не писал я и не мог ничего делать сначала от слишком большого здоровья, гулял пешком и верхом (лето у нас чудное), а потом от нездоровья: с неделю поболел острым катаром кишок, теперь здоров, а в последнее время — от страшной жары. В моей комнате не могу довести темпер[атуру] ниже 20° Р[еомюра]. Сейчас взялся за письма, кот[орых] было очень много, но, пересмотрев их, убедился, что отвечать ни на одно не надо или, скорее, можно не отвечать. И потому очень рад, что могу, не торопясь, писать вам. Ольга была у нас и говорила, что Гале опять хуже. Правда ли? И как теперь?

Продолжайте, милая Галя, переносить ваши недуги, как вы и переносили и переносите их, без ропота и не переставая жить во всю духовную силу во время их. В этом всё. От Моода получил письмо опять о вас.[1] Посылаю вам выписку из этого письма, сделанную для меня милым Абрикосовым. Я ничего в этом не понимаю, но знаю, что вы сделаете то, что должно и хорошо.

Вчера у меня был некто M-r Hunter [2] с своей женою. Они американцы, и очень мне полюбились за свое искреннее религиозное стремление жить по-божьи. С ними был тоже англичанин Coquerell,[3] бывший секретарь W. Morris'a [4] и знавший хорошо Ruskin'a.[5] Он мне был тоже очень интересен. Вообще у нас посетителей, и родных, и знакомых, и родных по духу, очень много в последнее время. На днях был Кистер (это помощник пастора), колонист, освободившийся от обмана церковности, но поставленный в необходимость при выходе из своего звания отбывать воинскую повинность. Очень трогательный молодой человек. Да, я забыл сказать, что я очень советовал Hunter'ам посетить вас. Я уверен, что ваше общение с ними будет взаимно приятно. Я кое-что записываю в свои дневники,

читаю о Ник[олае] Павл[овиче],[6] кот[орый] очень интересует меня, поправляю Х[аджи]-М[урата], чтобы больше не трогать, но не принимаюсь за новое, хотя всё задумываю новое, кот[орое], очевидно, никогда не буду в состоянии исполнить. Маша с мужем хотела ехать в Голландию на берег моря, и я надеялся, что оттуда они проедут к вам, и очень радовался этому, но нынче получил от нее письмо, что ей опять хуже физически и они на море не поедут, а приезжают домой. Как я ни рад ее видеть, мне это очень жалко. Ну, пока прощайте. Пиши[те] мне почаще, а то я очень давно уже не имею от вас известий.

Кто-то мне сказал, что вам нехорошо, тяжело. Я не хочу верить этому. Трудно — да, как вообще трудно жить, и чем лучше, тем труднее, но нехороша жизнь не бывает.

Как бы я желал, чтобы вам было обоим всегда хорошо.

Лев Толстой.

30 июня 1903.

[1] Э. Моод писал, что Толстой одобрил перевод «Воскресения» на английский язык, сделанный Л. Я. Моод, и потому Чертков напрасно хочет заказать второй перевод лицу, которое согласилось бы отказаться от права собственности.

[2] Роберт Хентер (Robert Hunter) и его жена Каролина. Р. Хентер — автор книги «Poverty» (New-York, 1908). О нем см. т. 54, стр. 523.

[3] Сидней Кокрелль (Sidney Cockerell) — английский искусствовед.

[4] Вильям Моррис (William Morris, 1834—1890), живописец и писатель. Автор утопического романа «Вести ниоткуда».

[5] Джон Рёскин (John Ruskin, 1819—1901), английский писатель, критик и искусствовед.

[6] Толстой в это время интересовался Николаем I в связи с своей работой над повестью «Хаджи-Мурат».

* 693.

1903 г. Июля 8. Я. П.

Давно не получаю от вас известий, милые друзья. На днях писал вам. Хорошо ли всё у вас? Главное, духовное хорошо ли? А телесное пускай идет, как ему нужно по своим законам.

Пишу эти несколько слов, только чтобы, исполняя данное мною свояченице Берс[1] обещание, препроводить вам ее письмо в английские газеты. Она просила меня переслать и попросить перевести и напечатать. Я писал ей, что исполню ее желание,

но не знаю, будет ли найдено письмо настолько интересным, чтобы взялся кто перевести, а газета напечатать. Если можете, предложите это такому лицу, кот[орое] может пожелать это сделать, и напишите мне, что будет. Мож[ет] б[ыть], St. John это может? Статья не лишена интереса в своей области, хотя и не достаточно основательно написана. Прощайте. Дружеский привет Алекс[андру] Модест[овичу].[2]

Л. Т.

Датируется 8 июля на основании упоминания в письме Толстого к Е. А. Берс от 8 июля (см. т. 74, стр. 152).

[1] Елизавета Андреевна Берс (1843—1919), сестра С. А. Толстой. Автор статей и книг по экономическим вопросам. Е. А. Берс послала Толстому свою статью о русском железнодорожном тарифе на хлебные грузы и просила содействовать напечатанию ее в Англии.

[2] А. М. Хирьякову.

* 694.

1903 г. Августа 9. Я. П.

Простите меня, милые друзья, что так долго не писал вам. Получил за это время и ваши, В[ладимир] Г[ригорьевич], два письма и трогательное милое письмо от Гали с милой фотографией, и всё молчал. Произошло это оттого, что я слишком здоров. По утрам работаю, пишу, потом еду кататься верхом, верст 20 и больше, потом ложусь перед обедом отдыхать, потом обедаю, потом — усталость, чтение писем, гости. И каждый день говорю: напишу нынче письма, и не могу и откладываю.

Главная причина утренняя умственная работа. Написал я за это время три сказки,[1] кот[орые] отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе, и списки пришлю вам.

Сказки плохи. Но надо было освободиться от них. А рассказ, совсем случайный: «Дочь и Отец», к[отор]ый никуда не назначаю, — не дурен.[2] Еще много читал, думал и писал в двух главах Хаджи-М[урата] о Николае Павловиче. Это не кончено, но то, что задумано мною и как задумано, кажется мне, хорошо и важно.

Попросите милого Ив[ана] Мих[айловича] простить мне, что не отвечаю ему теперь на его письмо. Действительно,

в Учении Духов[ных] Хр[истиан][3] много нехорошего. Но думаю, что истина постоит за себя; если же меня осрамят, приписав мне дурное, то это совсем всё равно. Не отвечаю я ему и еще много писем, п[отому] ч[то] за это время, при моей постыдной лени и при отсутствии Ю. И. Игумновой,[4] у меня пропала целая пачка писем, подлежащих ответу. Радуюсь очень, что вы бодры, не сглазить, и Галя поправляется. Хорошо болезни, право хорошо, я часто теперь жалею о них. То, что вы пишете о Мооде, всё правда, т. е. о своем отношении к нему. Будем нести тяготы друг друга. Мой привет Л[изавете] И[вановне], А[лександру] Мод[естовичу] и всем вашим сожителям.

Прощайте, именно простите меня. Я вперед не буду.

Л. Т.

На конверте: Англия. Владимиру Черткову. Заказное. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff.

Отрывок напечатан: «Толстой и Чертков», стр. 322. Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля.

Ответ на письма Черткова 28 июня — 15 июля и 20 июля н. с. и на письмо А. К. Чертковой от 24 июля н. с. 1903 г. В письме от 20 июля н. с. Чертков пишет о своих отношениях с Моодом, которого он обвиняет в неправдивости и неискренности.

[1] Сказки «Ассирийский царь Ассархадон», «Три вопроса» и «Труд, смерть и болезнь». Первые две сказки напечатаны в сборнике «Гилф» («Помощь»), Варшава, 1903, изданном на еврейском языке в пользу жертв кишиневского погрома. Последняя сказка напечатана в прибавлении к «Свободному слову» 1904, № 9.

[2] «После бала». Впервые напечатано в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого», т. I, М. 1911.

[3] «Учение духовных христиан», Женева, 1903. Издатель этой брошюры, взяв за основу «Учение духовных христиан», распространявшееся в рукописи в начале 90-х годов, сделал ряд вставок о необходимости вооруженного восстания и революции.

[4] Юлия Ивановна Игумнова, художница. Жила одно время в Ясной Поляне, помогала Толстому в переписывании рукописей и разборе писем.

* 695.

1903 г. Августа 16. Я. П.

Télégramme probablement égaré. Lettre écris. Attends nouvelles.

Телеграмма, вероятно, затерялась. Письмо написано. Пишу. Жду новостей.

Телеграмма. Датируется на основании указания в письме от 17 августа о том, что она послана «вчера».

Ответ на письмо от 28 августа н. с., в котором Чертков писал, что еще полтора месяца назад спрашивал Толстого о том, можно ли внести одну поправку при переиздании «Критики догматического богословия», но не получил ответ ни на свое письмо, ни на две посланные затем телеграммы.

* 696.

1903 г. Августа 17. Я. П.

Напишу хоть два слова, милые друзья. Всё лучше, чем откладывать. Вчера получил и отправил вам телеграмму. Письмо мое вы, верно, получили. На телеграмму прежнюю я отвечал, но, помнится, поручил ее кому-то. А тот, верно, забыл. Я здоров, понемножку работаю. На днях всё пошлю сделанное.[1] О вас беспокоился; давно от вас нет вестей. Прощайте, милые друзья.

Л. Т.

17 авг. 1903.

Письма ваши получил, но не получал последней статьи.

На конверте: Заказное. Англия. Черткову. Кристчерч. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff. Registered.

Ответ на телеграмму Черткова с запросом о поправке к «Критике догматического богословия».

[1] Толстой продолжал в это время работать над тремя сказками, о которых писал Черткову 9 августа.

* 697.

1903 г. Августа 20. Я. П.

Jour telegram not understood. Toula. Leo.

Ваша телеграмма непонятна. Тула. Лев.

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на несохранившуюся телеграмму Черткова.

* 698.

1903 г. Августа 23. Я. П.

Approuve changement.[1]

Одобряю изменение. [1]

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке.

[1] Изменение в «Критике догматического богословия».

* 699.

1903 г. Августа 24. Я. П.

Юлия Ивановна отослала вам нынче, милые друзья, мои три сказки.

Я их отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе. Они хотят перевести на жаргон и поместить в Сборнике. Я думаю, что не следует издавать ни по-русски, ни по-английски, ни по-каковски (разумеется, в случае, если это найдено будет стоящим печатания и перевода) до тех пор, пока выйдет сборник и даже несколько после. Также думаю предложить и «Посреднику». Если же появятся переводы с жаргона, то что ж делать. Пускай.

Адрес того, кому я послал, если вы захотите списаться с ним: Киев, Соломону Наумовичу Рабинович.[1] Мал[ая] Благовещенская, 27.

Вчера получил ваше письмо о поправке и послал телеграмму. Что Послесл[овие] или Христ[ианская] Деят[ельность]? [2] Вышло ли? Как я рад, что у вас хорошо и что Галя поправляется. Братски целую ее. Нынче узнал, что Жозя приехал.[3] Он у Ольги. Еще не видал его. Прощайте пока.

Л. Т.

На конверте: Англия. Черткову. Крайстчерч. Заказное. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff. Registered.

Датируется днем, предшествующим дате почтового штемпеля.

[1] Соломон Наумович Рабинович (1859—1916), еврейский писатель, писавший под псевдонимом Шолом-Алейхем. Толстой послал ему три сказки для сборника «Гилф». О С. Н. Рабиновиче см. т. 74, стр. 119.

[2] «Послесловие к обращению «К рабочему народу», набиралось под названием «Христианская деятельность», которое впоследствии было заменено заглавием: «К политическим деятелям».

[3] И. К. Дитерихс, вернувшийся из Канады, где побывал у духоборов.

* 700.

1903 г. Сентября 6—7. Я. П.

Милый друг. Отвечаю на первое письмо № 100. Попрошу списать для вас то, что вы хотите иметь. О том, что личность не удерживает воспоминаний, я думаю, что это так, и это можно утверждать, прибавив, если жизнь будет и была такая же, как теперешняя, а иной мы не имеем права представлять себе.

Замечание ваше о том, что слово: «окружающей» лишнее и неверное, совершенно справедливо.

Впечатление и суждение ваше об Андрюше, к сожалению, тоже совершенно верно. Главный его недостаток тот, что он не видит своих грехов. Я надеюсь, что это придет. Но жить так очень страшно. Он всё грубеет и грубеет.

Посылать будем вперед рукописи в полотняных конвертах. О том, что делать с сказками, я писал и сейчас напишу еще.

Теперь отвечаю на № 101.

Вчера, 6-го, не дописал письмо. Кроме ушиба ноги, (к[оторый], однако, проходит понемногу), я весь стал нездоров и вял и слаб. Обычное мое желчное нездоровье. Итак, продолжаю ответ на № 101.

Две версии [1] я послал вам именно затем, чтобы вы выбрали, какую найдете лучше. «*Труд, смерть и болезнь*» [2] я решил тоже печатать, прибавив только вначале следующее: *Среди индейцев Южной Америки существует следующая легенда.* Сказка, рассказанная детям, не стоит внимания. Она есть у Буланже. Я попрошу его послать вам.[3] Эта сказка — переделка из 1001 ночи. Не знаю, послано ли вам предисловие к 3-м сказкам. Коли не послано, то с этим же письмом пришлю вам.

Теперь о самом печатании: когда я теперь отдаю что-либо в печать, то всегда боюсь, что огорчу кого-нибудь и мне будет неприятно. — Еврейские издатели хотят напечатать по-русски

в Киеве в пользу же кишиневск[их] евреев, и потому надо сделать так, чтобы не повредить успеху их издания. Надо списаться с ним. Адрес его такой: Соломон Наумович, Киев, Мал[ая] Благовещенская, 27.

Жозя теперь у нас, нынче поехал в Пирогово к Маше. Мы с ним несколько раз говорили, и думается, что он в очень хорошем настроении и в любви к вам. Листок ваш 6-й мне менее понравился, чем прежний.

Сейчас остановился, с тем чтобы прочесть внимательнее листок, но нигде не нашел его. Так что должен ограничиться теперь суждением, составленным по беглому перелистыванию. Подробнее напишу после. Заинтересовала меня и может заинтересовать других ваша статья, но напрасно она разбита надвое. Остальное мне б[ыло] неинтересно. А совсем не понравились стихи об Иоан[не] Кронштадт[ском].[4] Это совсем недостойно и дурно.

Ну, пока довольно, устал и нездоров. Простите.

Л. Толстой.

7 сент. 1903.

Ответ на письма Черткова от 6 сентября (№ 100) и от 12 сентября н. с. (№ 101). В первом из них Чертков цитировал слова Толстого в его «Воспоминаниях»: «Обыкновенно желают, чтобы личность удерживала воспоминания после смерти» и т. д., и писал, что было бы осторожнее отказаться от суждений о том, будет или не будет человек что-нибудь помнить в загробной жизни, поскольку о существовании после смерти люди не знают ничего. Далее Чертков писал, что то определение религии, которое Толстой дает в статье «Что такое религия?», было бы удачнее, если бы вместо слов: «отношение к окружающей его бесконечной жизни», сказать: «отношение к вечной, бесконечной жизни». В письме от 12 сентября Чертков спрашивал, почему Толстой прислал две версии сказки «Ассирийский царь Ассархадон» и можно ли сделать между ними выбор или следует печатать только вторую версию. Чертков спрашивал также, может ли он издать сказку «Труд, смерть и болезнь», и просил прислать сказку, которую Толстой рассказывал во время своей болезни внукам.

[1] Две версии сказки «Ассирийский царь Ассархадон». Сказка была издана «Свободным словом» после того, как вышла в сборнике «Гилф».

[2] «Труд, смерть и болезнь», не разрешенная цензурой для сборника «Гилф», издана была Чертковым в приложении к «Свободному слову», № 9.

[3] Среди писем П. А. Буланже, сохранившихся в АЧ, нет письма, в котором он сообщал бы о том, что посылает сказку, которую Толстой рассказывал внукам.

[4] Иоанн Кронштадтский — Иван Ильич Сергиев (1829—1908), протоиерей Кронштадтского собора. После 1905 г. примкнул к черносотенному «Союзу русского народа». В № 6 «Свободного слова» напечатаны сатирические стихи, в которых высмеивался Иоанн Кронштадтский, сперва резко осудивший кишиневских погромщиков, а потом заявивший, будто евреи сами виноваты в том, что подверглись «увечиям и убийству».

* 701.

1903 г. Сентября 28. Я. П.

Legère blessure pied passe. Santé bonne. Regrette retard.[1]

Легкое ранение ноги проходит. Здоровье хорошо. Сожалею опоздании. [1]

Телеграмма. Датируется на основании пометок на бланке. Ответ на телеграмму, которую Чертков послал, узнав, что Толстой повредил ногу.

[1] Вероятно, Толстой выражает сожаление о том, что, не выслав своевременно поправку к сказкам, лишил Черткова возможности издать их одновременно со сборником «Гилф».

* 702.

1903 г. Октября 6. Я. П.

У меня три ваши письма, милый друг, на к[оторые] я, кажется, не отвечал, и каждое письмо по отдельному вопросу.

Первое о вашем 6-м №. Я прочел его внимательно и готов изменить о нем свое мнение. Хороша и первая статья [1] и все другие, кроме Притчи [2] и стихов. Притча мне не нравится, п[отому] ч[то], несмотря на всё мое отвращение к суевериям и убеждение, что они стоят первые на пути осуществления разумной и доброй жизни, у меня рука не поднимется против Серафима и людей, подобных ему, и осуждать его очередь придет не скоро, если помнить всех виновных и себя в том числе. Это в 6-м №.

Теперь 2-й вопрос: о моем понимании будущей жизни. Не могу ничего ответить теперь, да и вообще не могу ответить на чужие вопросы. Это предмет до такой степени мне близкий, важный, что когда я думаю о нем, то только о нем одном, и

отвечаю только себе. Ну, одним словом, не могу теперь отвечать вам.

Третий пункт: биография Гарисона.[3] Не получил еще ее, но жду от нее добра и, получив, очень постараюсь написать предисловие.

Четв[ертый] пункт это сказки, кот[орые] переводит Моод. Я уверен, что вы ничего не будете иметь против его перевода и издания в пользу евреев и что это не будет поводом ухудшения ваших отношений к нему.

Теперь 5-й пункт, о себе. Нога моя заживает — я хожу, немного прихрамывая — в общем опять слишком здоров и потому мало духовен. Занят теперь очень неожиданной работой, кот[орая] вот уже скоро месяц отвлекла меня от моих более нужных работ. Это начатое мною предисловие к статье Crosby об отношении Шекспира к рабочему народу, кот[орое] переросло статью Crosby и стоило мне большого труда.[4] Надеюсь, что я кончу ее дня через два. Мне хотелось высказать мое много раз и очень добросовестно проверенное впечатление о Шекспире, совершенно противоположное установившемуся. Так мало остается времени, так много кажется, что нужно и могу сказать, а я трачу его так праздно. За это осуждаю себя. Вперед не буду. Главное, что мне больше всего хотелось бы успеть сказать, это то, что мне так несомненно ясно, что все наши беды, все, всякое зло оттого, что мы живем без религии и живем усиленным, напряженным темпом, отчего зло это еще ужаснее.

Ну, прощайте пока.

Л. Т.

6 октября 1903.

Отрывок напечатан: «Голос Толстого и Единение» 1917, № 3. Ответ на письмо Черткова от 22 и 30 сентября, 7 и 12 октября н. с. Чертков просил Толстого написать, почему ему не понравился шестой номер «Свободного слова», и сообщал, что статьи «Новые блюстители порядка», «Сорные травы», «Видение старца Серафима», сатирические стихи «о Иоанне Кронштадтском», подписанные разными псевдонимами, написаны А. М. Хирьяковым, которому было бы очень полезно узнать мнение Толстого. В письме от 7 октября Чертков сообщал, что посылает краткую биографию Гаррисона, которую составила Холла (Hollas), и просил написать краткое предисловие к этому изданию. В письме от 12 октября Чертков писал, что Моод, обратившись непосредственно к С. Н. Рабиновичу, получил от него копии трех сказок Толстого и переводит их на английский язык. Сообщая, что аналогичное издание уже подготовлено

издательством «The Free Age Press», Чертков писал, что хочет отдать всю прибыль от этого издания в пользу пострадавших кишиневских евреев.

[1] «Блюстители порядка и правды», статья, резко осуждающая введение в 46 губерниях должностей урядников и стражников.

[2] «Видение старца Серафима», притча.

[3] Вильям Ллойд Гаррисон (Garrison, 1804—1879), борец против рабства негров, автор «Декларации основ, принятых членами общества, основанного для установления людьми всеобщего мира». В ноябре 1903 г. Толстой написал предисловие к краткой биографии Гаррисона, написанной Холла вместе с Чертковым.

[4] Толстой начал писать предисловие к статье Кросби «Шекспир и рабочий класс» в первой половине сентября 1903 г. Предисловие разрослось в самостоятельную статью «О Шекспире и о драме», впервые напечатанную в газете «Русское слово» в 1906 г.

* 703.

1903 г. Октября 10. Я. П.

Publish. Have wired Maude stop publishing.[1]

Печатайте. Телеграфировал Мооду, чтобы остановил печатание. [1]

Телеграмма. Датируется на основании пометок на телеграфном бланке. Ответ на письмо Черткова от 14 октября н. с., в котором он делится с Толстым опасениями, как бы Моод не закрепил за собой право литературной собственности на свой перевод трех сказок Толстого. Чертков считает это недопустимым принципиально.

[1] Телеграмма Толстого Мооду от 10 октября 1903 г. (т. 74, стр. 204).

* 704.

1903 г. Октября 20. Я. П.

Милые друзья, Галя и Дима. Письмо это передаст вам мой приятель и доктор Дм[итрий] Вас[ильевич] Никитин,[1] кот[орый] хочет побывать у вас и, вероятно, будет вам приятен и будет рад, узнав вас.

Л. Толстой.

20 окт. 1903.

[1] Дмитрий Васильевич Никитин, врач, неоднократно лечивший Толстого и живший в Ясной Поляне после возвращения Толстого из Гаспры до конца сентября 1903 г.

* 705.

1903 г. Ноября 17. Я. П.

Дорогие друзья.

Пишу вам несколько слов сейчас преимущественно для того, чтобы до вас как-нибудь не дошло неверное известие о моем нездоровьи. Я дня четыре проболел желчными припадками, но теперь мне совсем лучше.

Получил ваше длинное письмо об А[ндрюше]. Мне очень жаль их обоих, но помочь не могу. О[льгу] я давно не видал (т. е. недели две) и жду ее, чтобы передать ей ваши слова и самому поговорить с ней. С А[ндрюшей] говорить нельзя: он опьянен всем тем, что дают деньги, роскошная жизнь в соединении, к несчастью, с его внешней добродушностью и такт[ом], который делает то, что его не то что любят, а ласкают в обществе.

Теперь он хочет баллотироваться в предводители. Перемена к улучшению может произойти только в нем, а что ее вызовет, не знаю, только менее всего вероятно, что вызовут мои слова, но я все-таки попытаюсь сказать их. Вот и всё о нем.

Что вы напечатали мои мысли о сознании,[1] мне немножко неприятно. Эта работа, над к[оторой] я хочу еще работать, но утешаюсь тем, что всё равно умру, не кончив всего. Перевод Бинштока «В[ойны] и М[ира]» ужасен.[2]

Прощайте пока.

Л. Т.

На конверте: Англия. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff.

Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письмо от 13 ноября н. с., в котором Чертков писал о своей работе по редактированию «Свободного слова». В этом же письме Чертков также писал о поведении А. Л. Толстого по отношению к жене и просил передать О. К. Толстой, что она всегда может приехать с детьми в Англию и жить у Чертковых, не пользуясь материальной поддержкой мужа.

[1] В № 7 «Свободного слова» напечатаны «Мысли Л. Н. Толстого. О сознании духовного начала». Мысли эти взяты из Дневника Толстого 14 марта и 11 июня 1903 г.

[2] Перевод «Войны и мира» на французский язык, печатавшийся в Париже. Чертков получил гранки этого перевода и переслал их Толстому.

* 706.

1903 г. Ноября 27. Я. П.

Здравствуйте, милые друзья Дима и Галя.

Недавно писал вам, но хочется еще написать и ответить на ваши вопросы. Мне кажется, что я писал вам о предисловии к Гаррис[ону]. Или я хотел только писать и не написал, или письмо пропало. Хотел я — или писал — следующее: Биография, сокращенная, Гар[рисона] произвела на меня очень сильное впечатление, и я решил, что напишу предисловие. Теперь я и написал и кончил перерабатывать и пошлю вам дня через два, когда перепишут.

Св[ободное] Сл[ово] я получил. Этот № мне нравится.[1] За то, что Галя писала мне, я только ей благодарен.[2] Наши желания и горести общие. От Ив[ана] М[ихайловича] получил письмо и буду отвечать. Как это он, такой умный и хороший человек, не понимает того, что никто, а тем более я, не может быть несогласен с его планами всеобщей стачки. Но для того, чтобы такая могла состояться, нужно, чтобы люди все соединились в одном понимании, а такое соединение людей в одном понимании дает только религия, и потому для достижения той цели, к к[оторой] он стремится, нужно содействовать распространению, установлению единой истинной религии. Устроить же всемирную стачку из людей разных пониманий жизни [невозможно], так же, как невозможно испечь хлеб из ржи, кот[орая] еще не созрела и только колосится.

Работа над маленьким предисловием Гар[рисона] была мне очень приятна, п[отому] ч[то] я чувствовал, думал, по крайней мере, что делаю настоящее дело. Продолжительная же моя раб[ота] над статьей о Ш[експире] надоела мне, особенно вследствие сомнений о ее полезности. Даже нет сомнения, что мне есть гораздо более нужные дела. Кажется, теперь освободился. Дома у нас хорошо, здоровье мое слишком хорошо; с необыкновенной быстротой тупею. Целую вас братски.

Прощайте. Привет Хир[ьякову] и Ив[ану] Мих[айловичу]. Скажите ему, что я пишу.[3] Может быть, не успею написать нынче.

Л. Т.

27 нояб. 1903 г.

Отрывки напечатаны: «Свободное слово» 1903, № 8. Ответ на письмо от 24 ноября н. с., в котором Чертков спрашивал, напишет ли Толстой предисловие к биографии Гаррисона. Чертков писал о своих разногласиях с Трегубовым, который доказывал необходимость и возможность всеобщей стачки ради прекращения войн на земле.

[1] «Свободное слово» 1903, № 7.

[2] Толстой имеет в виду письмо А. К. Чертковой от 8 ноября н. с. об отношениях О. К. Толстой и А. Л. Толстого.

[3] Письма Толстого Трегубову от 29 и 30 ноября 1903 г. см. т. 74, стр. 246—248.

* 707.

1903 г. Декабря 18. Я. П.

Получил ваши два письма вместе: одно, где вы упрекаете меня за молчание, другое, в к[отором] пишете о получении письма и предисловия к Гаррисону. С вашими замечаниями согласен, но хотелось бы сделать некотор[ые], самые недлинные, но представляющиеся мне важными, прибавления к этому предисловию. Перевод ваш Асархадона получил и вполне одобряю.

Книгу Macdonald'a[1] я по вашему письму отыскал и стал читать (другой экземп[ляр] тоже получил). Я и при первом получении не стал читать, заглянув в нее, п[отому] ч[то] она меня не поманила. Теперь прочел конспект и первую часть, и совершенно не согласен. Он пишет о том, чего не знает, как слепой о цветах. Religious sense[2] никакого быть не может. Есть религиозное сознание, сознание в себе бога, и это сознание заставляет *иногда* человека поступать сообразно законам и самоотверженно, но не имеет ничего общего с служением обществу. Вообще и вопрос поставлен неверно и путано, многословно, самоуверенно, ограниченно. Так что дочесть я никак не мог и не могу ничего приятного сказать автору, кроме благодарности за присылку книги.

Ошибка автора самая обычная: думать, что так как мы видим себя в одной точке времени и пространства и позади себя видим явления, отдаляющиеся по времени и скрывающиеся в бесконечном времени, и впереди себя не можем не предполагать того же, и что, кроме того, видим себя в пространстве среди бесчисленного количества существ, более или менее подобных нам, то мы из наблюдения этих временных и пространственных явлений можем определить себе законы своей жизни. Ошибка в том, что такие люди не понимают того, что, где бы, когда бы человек ни сознавал свое существование, он всегда будет видеть позади себя всё удаляющееся от него в бесконечность время и такое же впереди себя и всегда будет видеть вокруг себя тоже удаляющиеся в бесконечность пространства существа, более или менее похожие на него. Люди (материалисты) обыкновенно думают, что эти-то явления во времени и пространстве, ко[торые] в сущности так же иллюзорны, как фатаморгоны и составляют самую действительн[ость], и из нее хотят вывести законы своей жизни, не понимая того, что все эти явления суть только неизбежно сопутствующие сознанию явления. Происходит нечто похожее на то, как непросвещенные люди видели в синем небе, в куполе неба, нечто реальное, даже самое реальное, всегда существующее, а между тем нет ничего менее реального, чем небо, кот[орое] только кажется чем-то, а есть ничто.Также и все явления пространства и времени, вне кот[орых] (так же, как без неба над головой) не может видеть себя человек, в кот[орых] видели себя Моисей, Исаия, Будда, Конфуций и все жившие сознательные люди и все те, кот[орые] будут жить. И реально не то, что они видели вокруг себя, в пространстве и времени, то же самое, что мы видим вокруг себя, но реально б[ыло] их сознание и те выводы, кот[орые] они сделали из своего сознания, выводы, кото[рые] отвечают моим и всех сознательных людей духовным требованиям. Отвечают, п[отому] ч[то] сознание их и мое одно и то же, т. е. они и я и все люди, мы сознаем одно и то же. То, что одно есть, одно реально и *как будто* движется, *как будто* растет, в сущности же кажется растущим во мне, давая мне этим возможность жизни и блага.

Нынче читал Macdon[ald'a], и эти мысли приходили мне в голову, и вот изложил их, как попало.

Мне мысли эти дороги, и вы, надеюсь, поймете меня.

О своей жизни скажу, что я очень здоров и мало умственно работаю. Шекспира кончил, и теперь хочется писать о религии, о значении ее, о том, что всё зло нашего мира от отсутствия религии. Кажется, что есть, что сказать.

Как хорошо, что Гале лучше. Сергеенко[3] рассказал мне много и хорошо про вас, тоже и Ляня[4] через Аннушку. Прощайте, милые друзья. Хирьяковым мой привет сердечный. Радуюсь, что они у вас.

Л. Толстой.

С новым годом. 31 дек. 1903 г.

Сейчас приехала Ольга и сказала, что вы всё знаете.[5] Мне было тяжело умалчивать, но я не мог писать вам без ее ведома. Ольга всё время ведет себя безукоризненно. А это главное, и я надеюсь, что, несмотря на теперешнее страдание, напряжение душевное, ей будет хорошо. Завтра он[6] приезжает к нам. Я слабо надеюсь, очень слабо, но надеюсь образумить его. Он ужасно жалок тем страшным мраком, в к[отором] он живет.

Толстой излагает часть этого письма в Дневнике 14 декабря. Почтовый штемпель на конверте 21 декабря. На основании этих данных можно считать, что Толстой, поздравляя Чертковых с Новым годом и помечая письмо 31 декабря, имел на этот раз в виду новый стиль, по которому жили Чертковы в Англии. Поэтому письмо датируется 18 декабря с. с.

Ответ на письмо от 17 декабря н. с., в котором Чертков писал, что посылает переведенную им сказку Толстого «Царь Ассархадон», и сообщал, что из двух вариантов, присланных Толстым, выбрал второй, но включил в него несколько мест из первого варианта. Чертков напоминает, что послал этот перевод Толстому и просил, если встретятся возражения, сообщить их.

[1] Гревиль Макдональд (Grevil Macdonald), врач, автор книги «The Religious sense in its scientific aspect» («Чувство религии с научной точки зрения»). Об этой книге см. Дневник Толстого 19 декабря 1903 г. (т. 54).

[2] [Религиозное чувство]

[3] П. А. Сергеенко осенью 1903 г. был у Чертковых.

[4] Х. Н. Абрикосов виделся с А. Г. Морозовой, служившей у Чертковых и приехавшей в отпуск в Россию.

[5] Разрыв отношений между О. К. и А. Л. Толстыми.

[6] А. Л. Толстой.

1904

* 708.

1904 г. Января 11? Я. П.

Посылаю вам, милый друг, прибавление к предисловию.[1] Мне оно казалось имеющим некоторое значение. Как всегда, предоставляю вам редактировать, сокращать, изменять, как найдете нужным.

Не пишу больше, п[отому] ч[то] очень занят. Был нездоров, а теперь, поправившись, наверстываю.

Как всегда, очень люблю вас обоих.

Л. Т.

Письмо прислано вместе с дополнением к предисловию Толстого к краткой английской биографии Гаррисона. Это дополнение было написано 10 января 1904 г. (см. запись в Дневнике Толстого 11 января 1904 г., т.55, стр. 6), и можно предположить, что оно послано на следующий день.

Ответ на письмо от 9 января н. с. Чертков, посылая гранки этого предисловия, которое решил предварительно напечатать на русском языке, просил внести те добавления, какие пожелает сделать Толстой.

[1] Статья была напечатана под названием «Гаррисон и непротивление злу насилием» с примечаниями редакции о том, что она является предисловием к краткой биографии Гаррисона («Свободное слово» 1904, № 9).

709.

1904 г. Января 19. Я. П.

Тороплюсь поскорее отослать корректуры. Я всё понял и в конце изменил иначе. Надеюсь, что вы одобрите. Всё прекрасно. Вероятно, это последняя версия. Всегда с любовью и благодарностью думаю о вас.

Л. Т.

Опубликовано: «Толстой и Чертков», стр. 324. Написано на отрывке корректуры к «Краткому изложению Евангелия». Датируется днем, предшествовавшим дате почтового штемпеля. Ответ на письмо от 22 января н. с., в котором Чертков писал, что приготовил к печати ту версию, которую считает последней, и просил просмотреть корректуру.

* 710.

1904 г. Февраля 19. Я. П.

Дорогой друг В[ладимир] Г[ригорьевич]. Очень бы рад был ответить на ваши вопросы, но в той области мысли, к кот[орой] относятся эти вопросы, нельзя или, по крайней мере, я не умею отвечать, могу только следить за ходом своей мысли. Может быть, то, что в последнее время занимает меня в этой области мысли, может служить отчасти ответом на ваши вопросы. Постараюсь изложить хоть кое-как эти очень дорогие мне мысли.

Думаю я, начиная опять всё сначала (от этого-то мне и неприятно б[ыло] печатание [1] мыслей о сознании),* что всё, что несомненно знает о жизни своей и мира всякий человек, есть то, что пробуждается он к жизни этого мира сознанием своего отдельного матерьяльного существования, и ему кажется, что есть он с своим телом, кот[орым] он может управлять своими мыслями, и весь окружающий мир — от букашки до Сириуса, — кот[орым] он не может управлять. Находясь на этой степени (низшего) сознания, человек обыкновенно не думает о том, что его прежде не было, что он пробудился сознанием, а ему кажется, что есть он — телесное существо и вне его весь мир. С этим сознанием огромное большинство людей начинают жить, живут и умирают.

Но, кроме сознания своей отделенности как матерьяльного существа, человек, думая, задает себе вопрос: что составляет его настоящее существо: его тело или то, что управляет его телом, может изменять его (даже до такой степени, что может уничтожить в нем сознание), и невольно, если только он строго

---

* Хорошо бы было, если бы вы напечатали, если это вам не неприятно, что эти мысли напечатаны по недоразумению и что я не считаю их выражением своей мысли, а только попыткой неудачной выразить ее [2].

научно думает, должен признать, что сущность его жизни составляет его духовное существо, то, к[оторое] воспринимает впечатления не только внешнего мира, но и своего тела. Человек знает свое тело только п[отому], ч[то] есть духовное существо, к[оторое] сознает себя в теле (идеализм Берклей).[3] И это сознание себя духовным существом, отделенным от других существ пределами, представляющими[ся] материей и движением, есть вторая ступень сознания, более высшая, чем первая. Но как первая ступень сознания заключала в себе внутреннее противоречие, состоящее в том, что матерьяльное существо чувствует, сознает, т. е. совершает нечто не свойственное материи и не могущее быть выведенным из нее, точно так же вторая ступень сознания представляет такое же неразрешимое противоречие, заключающееся в том, что духовное существо, т. е. непространственное и невременное, заключено в пределы и составляет часть чего-то. И потому мыслящий человек неизбежно приходит к третьей ступени сознания, состоящей в том, что в жизни человеческой сознает себя отделенное матерьяльное существо (первая ступень), не отделенное духовное существо, а бесконечное, вечно-живое, единое существо, проявляющееся в бесконечном количестве видов (существ), один из кот[орых] составляю я, среди сопредельных со мной и ограничивающих меня видов или существ. Такова, я думаю, третья, высшая ступень сознания, та самая, к[оторая] открыта и в истинном браманизме, и буддизме, и христианстве. По этому мировоззрению меня нет, а есть только через меня, через мое сознание, действующая в мире вечная, бесконечная сила божия. Жизнь в росте сознания: в переходе из первой во вторую и третью ступень и в усилении, в очищении, в оживлении сознания, находящегося на этой высшей степени. В этом усилении, очищении, оживлении, кот[орому] нет конца, в этом и смысл жизни, и благо жизни, и всё нравственное учение.

Коли бог позволит, когда-нибудь попытаюсь изложить это лучше, но для меня это б[ыло] очень важно и прибавило мне много духовного блага.

На вопросы, переданные Никитиным, я уже прежде ответил, а на кот[орые] не ответил, передам ответы ему.[4]

Ольга собирается скоро ехать. Я посылаю ее скорее. Андрюша хочет ехать на войну.[5] Надеюсь — он обещал мне, — что перед отъездом его и ее он дружески простится с ней. Андрей

один из самых странных и страшных людских типов. В нем есть тот костяк его характера, к[оторый] ничем нельзя изменить. И этот характер безнравствен в высшей степени и вместе невменяем.

Прощайте пока, милые друзья, и Евг[ений] Ив[анович] и Хирьяковы.

Л. Т.

Перебила мне занятия худож[ественными] и философ[скими] работами необходимость написать о войне. Надеюсь скоро кончить.[6] Мне писал из Берлина редактор Woche,[7] прося статью о войне. Я отвечал ему, чтобы он обратился к вам, т[ак] к[ак] я пришлю, разумеется, вам, и вы уже распорядитесь, как найдете хорошим.

Отрывки напечатаны: «Свободное слово» 1904, № 10. Датируется на основании записи в Дневнике Толстого 19 февраля (т. 55, стр. 13).

Ответ на письмо от 12 февраля н. с. Чертков писал, что его больше всего занимает «мысль о том, что внутреннее сознание есть одно настоящее, а все остальное в пространстве и времени только как бы протекает мимо него». Чертков спрашивал, как можно убедиться в том, что, «приписывая то или иное содержание высшему мышлению, не прихватываешь туда, по ошибке, и кусочек своей временной личности».

[1] См. письмо № 705.

[2] Выполняя пожелание Толстого, Чертков напечатал заметку о том, что мысли Толстого о сознании опубликованы по недоразумению («Свободное слово» 1904, № 10).

[3] Берклей, или Беркли (1684—1753), английский философ.

[4] В АЧ нет писем Д. В. Никитина, в которых передавался бы ответ на какие-либо вопросы Черткова.

[5] А. Л. Толстой поступил на военную службу вольноопределяющимся и в августе 1904 г. был отправлен в Манчжурию.

[6] Статья Толстого «Одумайтесь!» впервые напечатана книгоиздательством «Свободное слово» в 1904 г.

[7] «Неделя» («Die Woche») — немецкий иллюстрированный еженедельный журнал.

* 711.

1904 г. Марта 17. Я. П.

Не помню, писал ли я вам ответ на ваше последнее письмо с вопросами о предисловии Гар[рисона] [1] и с копией о 3-х степ[енях] сознания или только Ольгу просил передать вам об этом. Она уехала нынче, 17-го. Ответ мой тот, что на изменения

к предисл[овию] Гар[рисону] я согласен, а печатание *3-х степ[еней/ созн[ания]* прошу повременить. Радуюсь за Галю и за Ольгу и очень жалею несчастного Андрюшу. Ольга спрашивала моего совета — ехать ли ей в Англию после свидания с Андр[юшей] и его просьбы остаться, и я посоветовал ей ехать, и теперь раскаиваюсь в этом. Надо б[ыло] не давать никакого совета. Отношения между супругами не поддаются рассудочному обсуждению. Нежно целую обеих сестер.[2] Прощайте пока. Предстоит отвечать кучу писем. Ваше первое.

Л. Т.

Датируется на основании указанной в письме даты отъезда О. К. Толстой. Ответ на письмо от 17 марта н. с., в котором Чертков спрашивал, нельзя ли поместить в журнале «Свободное слово» выдержку из письма Толстого о трех ступенях сознания (см. письмо № 710).

[1] См. письмо № 708.
[2] А. К. Черткову и О. К. Толстую.

* 712.

1904 г. Апреля 9. Я. П.

Давно не писал вам, и от вас давно нет. Ольгины письма получили. Не писал никому, п[отому] ч[то] последние недели три — вероятно, печень — слаб и, поработав кое-как утром, больше не могу писать. Посылаю вам «О войне» [1]. Если годится, печатайте. Кроме этих 10 глав, исправляю еще небольшое заключение. Если удастся удовлетворительно кончить, пришлю отдельно и скоро. Привет всем вашим. Радуюсь за милых сестер. Надеюсь, дети [2] теперь здоровы.

9 апреля.

Л. Т.

[1] Статья «Одумайтесь!».
[2] Дети О. К. Толстой (Софья и Илья).

* 713.

1904 г. Апреля 17. Я. П.

Вчера получил ваше письмо № 118. О сознании не хочется печатать, п[отому] ч[то] думаю вернуться к ней и уяснить. Если она улежится без изменения, тогда напечатаем.

Те статьи: После Бала и Б[ожеское] и ч[еловеческое], вероятно, пришлют вам,[1] но Бож[еское] и чел[овеческое] не кончено. И я, вероятно, на днях исправлю и добавлю то, что нужно.

Приложенная вырезка,[2] слава богу, мало щекотит мое самолюбие, и не одно самолюбие, а чувство радости успеха бож[ьего] дела. Я знаю цену слов, особенно журнальных. Всякие направления, всякие люди имеют своих хвалителей.

Только бы помогал бог служить только ему — поступить солдатом без рассуждения в его войско. Тогда уже нечего оглядываться на успехи своего дела, тогда успех уже наверно обеспечен. И при таких условиях — как весело, бодро служить в всегда победоносном войске.

Поправки к статье О войне посылаю и прибавку. Жалею, что не мог соединить в статье отношения к Японии такого же, как к России. Не мог одолеть этого. Об Ив[ане] Мих[айловиче] я, любя его, понимаю совершенно так же, как вы. Он...[3] он.

Прощайте. Привет и любовь всем вашим.

Л. Т.

17 апреля 1904.

Ответ на письмо от 21 апреля н. с., в котором Чертков писал, что не хочет больше «приставать» с просьбой разрешить печатание отрывка из письма Толстого о трех ступенях сознания, хотя и жаль отказаться от этой мысли. Далее Чертков просил выслать ему копии рукописей рассказов «После бала» и «Божеское и человеческое». В заключение Чертков писал о разногласиях, возникших между ним и И. М. Трегубовым, выступившим с проектом «всеобщей мирной стачки». См. т. 75, письмо № 148.

[1] Рассказ «После бала» впервые напечатан в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого», т. I, М. 1911. Рассказ «Божеское и человеческое», над которым Толстой работал в 1903—1906 гг., впервые напечатан в «Круге чтения», т. II, вып. 2, М. 1907.

[2] Вырезка из газеты «Daily News» о значении деятельности Толстого, присланная Чертковым.

[3] Многоточие в подлиннике.

* 714.

1904 г. Апреля 22. Я. П.

Получил последний № Св[ободного] Слова.[1] Он в общем очень хорош. Заявление Мартынова [2] и от редакции (5).

Отказы от военной службы — важно, но жаль, что про Гусева [3] неверно. Его никуда не ссылали (3).

Гонения на сектантов. Теоретически должно бы быть интересно, а скучно (2).

Жизнеописание Чижова [4] хорошо, но немножко путано (4).

Письма и канадск[их] и иркутск[их] духоборов — интересно (4).

Народный суд [5] — превосходно. Но зачем выпущено о медицине?

Штирнер [6] — хорошо (5).

Письма Толстого..... [7]

Насильств[енная] рев[олюция].... [8] Очень хорошо (5).

Письма из России мало интересны, за исключением трогательного письма Чаги [9] (4).

Получили ли вы прибавления и поправки к статье «О войне». Статья эта вышла как-то круто заостренная, — оттого, что я писал статью о том, что все бедствия людские от отсутствия религии,[10] и уже довольно подвинулся в этой статье, когда началась война, представившаяся мне иллюстрацией моей мысли. От этого я соединил две темы, и, пожалуй, ни одна не обработана достаточно. Теперь продолжаю статью о том, что без религии не может быть исцелений наших болезней.

Прощайте. Целую Галю, Ольгу, детей.

Л. Толстой.

22 апреля 1904.

Боюсь, что первая статья «Зайцы»[11] написана кем-нибудь из живущих у вас, и потому мое суждение о ней пишу отдельно.

Очень нехорошая статья. Несмешные, тяжелые шутки о несмешном предмете. Жалко, что такая статья первая.

По баллам за эту статью 1.

На конверте: Англия. Кристчерч. Гантс. В. Черткову. V. Tchertkoff. Christchurch. Hants. England. Заказное.

[1] «Свободное слово» 1904, № 10. Статьи этого номера Толстой оценил по пятибалльной системе.

[2] Сергей Васильевич Мартынов (1856—1919), врач, член партии «Народная воля». В 1894 г. был сослан в Восточную Сибирь на 5 лет, а в 1902 г. выслан в Архангельскую губ. на 3 года. В 1904 г. в ответ на предложение архангельского губернатора политическим ссыльным принять участие в русско-японской войне, чтобы получить амнистию, С. В. Мартынов сделал заявление о том, что он не желает принимать участия в действиях,

не соответствующих «жизненным интересам страны», так как «Россия не нуждается в дальнейшем расширении своих границ». Заявление Мартынова было напечатано в «Свободном слове» 1904, № 10.

[3] Николай Николаевич Гусев (р. 1882), секретарь Толстого в 1907—1909 гг., впоследствии автор ряда работ о Толстом и редактор его сочинений. В «Свободном слове», № 10, напечатано, будто бы Гусев, отказывавшийся при призыве от военной службы, приговорен к ссылке в Якутскую область.

[4] Софрон Павлович Чижов (р. 1862), крестьянин Киевской губ., сектант-штундист.

[5] «Народный суд» — статья крестьянина М. П. Новикова, напечатанная в «Свободном слове» без подписи. Редакция выпустила резкие отзывы М. П. Новикова о земской медицине.

[6] Статья «Что такое анархизм? М. Штирнер», составленная А. М. Хирьяковым по книге Эльцбахера «Анархизм».

[7] «Из неизданных писаний Л. Н. Толстого. Два письма о православии».

[8] Окончание статьи Черткова «Насильственная революция или христианское освобождение».

[9] Яков Трофимович Чага (р. 1880), бывший народный учитель, высланный на 18 лет в Якутскую область за отказ от военной службы. О нем см. т. 75, стр. 20.

[10] Статья «Камень главы угла», оставшаяся незаконченной, но в значительной части включенная Толстым в «Единое на потребу».

[11] «Патриотические зайцы», передовая статья в «Свободном слове», № 10.

* 715.

1904 г. Апреля 27. Я. П.

Получил ваше и Галино письма, милые друзья. Пишу только несколько слов о деле.

Эпиграфы я думаю оставить так, как есть. Я, когда читаю статьи с длинными эпиграфами, пропускаю их, а потом читаю.

Печатать можно сейчас — прибавление и поправ[ки] вы, верно, уже получили. Новую прибавку, и очень, по мне, важную, вышлю завтра.

Она придет ко времени. В повременных изданиях лучше с эпиграфами, а если не согласны, то и без.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 325. Ответ на письмо от 2 мая н. с., в котором Чертков писал, что получил статью «Одумайтесь!» и, читая ее, чувствовал «полное единение» с Толстым. Чертков возражал против обширных эпиграфов к каждой главе статьи, потому что они

«обрывают нить рассуждения» и «нарушают то душевное слияние читателя с автором, которое необходимо для надлежащего восприятия его мысли». Опасаясь, что читатель будет или «перескакивать» через эти эпиграфы, или читать их «поверхностно», Чертков предлагал поместить эти цитаты не как эпиграфы, а отдельно, в особой части книжки, в виде собрания мыслей разных авторов о войне. Кроме того, Чертков указывал, что редакторы периодических изданий не согласятся, печатая статью, поместить такое большое количество выдержек из известных авторов.

* 716.

1904 г. Апреля 30. Я. П.

Посылаю вам последнюю прибавку к статье «О войне».[1] Мне кажется, что это заключение хорошо. Мне нужно б[ыло] его написать для своей души.

Как всегда, даю вам carte blanche выключать что найдете лишним и нехорошим. Я боюсь, что слишком резко, недобро о военных, а между [тем] хочется высказать то мнение, к[оторое] имеют и должны иметь о их деятельности здравые люди.

Жду ответа.

Л. Толстой.

30 апреля.

[1] XII гл. статьи «Одумайтесь!».

* 717.

1904 г. Мая 4. Я. П.

Милый друг В[ладимир] Г[ригорьевич].

Сейчас думал о своей последней статье и вспоминал все те грубые слова, к[оторые] есть в ней и к[оторые] могут оскорбить людей, сделать им больно и вызвать в них злое чувство. Пожалуйста, выкиньте всё такое, н[а] п[ример] слова: *большей частью пьяные* в последнем прибавлении и мн[огое] др[угое].[1] Пожалуйста, сделайте это, как вы умеете это делать, и не сетуйте на меня, что я вас утруждаю. Юл[ия] Ив[ановна] [2] переписывает для вас, но не всё: «Божеское и Человеч[еское]» мне хочется исправить, и я сейчас занят этим.

Когда будет готово — пришлю.

Так, пожалуйста, сделайте это.

Я нынче в таком духе, что особенно живо чувствую свое зло. Это бывает тяжело, ц[отому] ч[то] слишком много гадкого видишь в себе, но полезно.

Привет вашим.

Л. Толстой.

4 мая 1904.

[1] Получив это письмо, Чертков вновь просмотрел статью «Одумайтесь!» и пришел к выводу, что следует выпустить только несколько слов. Об этом он написал Толстому в письме от 25 мая н. с.

[2] Ю. И. Игумнова.

* 718.

1904 г. Мая 8. Я. П.

Дорогой В[ладимир] Г[ригорьевич].

Посылаю вам еще прибавление к статье. Распорядитесь с ним, как хотите. Напечатайте в статье или в отдельном письме, или вовсе уничтожьте. Вот оно:

«Я никогда бы не кончил своей статьи «О войне», если бы продолжал включать в нее всё то, что подтверждает ее главную мысль. Вчера получено известие о затоплении японских броненосцев, [1] и в так называемых высших сферах русского, знатного, богатого, интеллигентного общества без всякого зазрения совести радуются погибели тысячи человеческих жизней. Нынче же я получил от рядового матроса,[2] человека, стоящего на самой низшей ступени общества, следующее письмо:

«Письмо от матроса (следует имя, отчество и фамилия). Многауважаемаму Леву Никала́евичу кланеюс я Вам нижающае Почтение низкае Покло Слюбовю Многауважаемае Лев никалаевич Вот я четал ваше соченение оно для мене очени была четать Преятна я очен Любитель Был четате ваше соченение так Лев никалаявич унас теперь Военая дестве как Припишите Мне пожалуста Угодна оно богу ил нет что нас началства заставлает убеват Прашу я Вас лев никалавич Припишите мене Пожалуста что есть теперя насвети Правда или нет Припешите

мне лев никалаевич унас уцеркви идет Малитва Священик Поминает Христалюбимае военства Правда эта или нет что бог Узлюбел Воену. Прашу я вас лев некалаевич нетли увас таких книжек чтоб я увидал есть насвети Правда или нет Пришлите мне таких книжек сколка это будет стоеть я заплачу Прашу я вас лев некалаевич неаставте мое прозби когда книжак нет то пришлите Мне письмо я очень Буду рад как я Получу ат вас Писмо Снетерпением буду ажидать ат вас Писмо теперь Дасвидане остаюсь жив издаров итого вам желаю ота госпада бога добраго здарове вделах ваших харошаго успеха».

Следует адрес: Порт-Артур, название судна, на котором служит пишущий, звание, имя, отчество и фамилия.

Сомнение, тревожащее этого человека, тревожит не его одного. Оно возникло и живет теперь в душах тысяч и тысяч людей, не только русских и не только японских, но и всех тех несчастных людей, которые насилием принуждаемы к исполнению самого противного человеческой природе дела. Гипноз, которым одуряли и теперь стараются одурять людей, скоро проходит, и действие его всё слабеет; сомнение же о том, *угодно ли богу или нет, что нас начальство заставляет убивать*, становится всё сильнее и сильнее, ничем не может быть уничтожено и всё более и более распространяется.

Сомнение о том, *угодно ли богу или нет, что нас начальство заставляет убивать* — это искра того огня, который Христос низвел на землю и который начинает возгораться.

И знать и чувствовать это великая радость.

Лев Толстой.

8 мая 1904.

Письмо матроса Ивуса вписано в текст письма Толстого переписанным на машинке.

[1] Броненосец «Хатцузе», наскочивший на мину вблизи Порт-Артура, и крейсер «Иошино», погибший при столкновении с другим японским военным кораблем.

[2] Ефим Савельевич Ивус, матрос с крейсера «Паллада», находившегося в Порт-Артуре. Его письмо от 11 апреля 1904 г. осталось без ответа, потому что было получено в то время, когда уже началась осада Порт-Артура.

719.

1904 г. Мая 13. Я. П.

1904. Мая 13—26.
Владимиру Григорьевичу Черткову.

Дорогой друг Владимир Григорьевич.

В 1895 году я написал нечто вроде завещания,[1] т. е. выразил близким мне людям мои желания о том, как поступить с тем, что останется после меня. В этой записке я пишу, что все бумаги мои я прошу разобрать и пересмотреть мою жену, Страхова [2] и вас. Вас я прошу об этом, потому что знаю вашу большую любовь ко мне и нравственную чуткость, которая укажет вам, что выбросить, что оставить и когда и где и в какой форме издать. Я бы мог прибавить еще и то, что доверяю особенно вам еще и потому, что знаю вашу основательность и добросовестность в такого рода работе и, главное, полное наше согласие в религиозном понимании жизни.

Тогда я ничего не писал вам об этом, теперь же, после девяти лет, когда Страхова уже нет и моя смерть во всяком случае недалека, я считаю нужным исправить упущенное и лично высказать вам то, что сказано о вас в той записке, а именно то, что я прошу вас взять на себя труд пересмотреть и разобрать оставшиеся после меня бумаги и вместе с женою моею распорядиться ими, как вы найдете это нужным.

Кроме тех бумаг, которые находятся у вас, я уверен, что жена моя или (в случае ее смерти прежде вас) дети мои не откажутся, исполняя мое желание, не откажутся сообщить вам и те бумаги, которых нет у вас, и с вами вместе решить, как распорядиться ими.

Всем этим бумагам, кроме дневников последних годов, я, откровенно говоря, не приписываю никакого значения и считаю какое бы то ни было употребление их совершенно безразличным. Дневники же, если я не успею более точно и ясно выразить то, что я записываю в них, могут иметь некоторое значение, хотя бы в тех отрывочных мыслях, которые изложены там. И потому издание их, если выпустить из них всё случайное, неясное и излишее, может быть полезно людям, и я надеюсь, что вы сделаете это так же хорошо, как делали до сих пор извлечения из моих неизданных писаний, и прошу вас об этом.

Благодарю вас за все прошедшие труды ваши над моими писаниями и вперед за то, что вы сделаете с оставшимися после меня бумагами. Единение с вами было одной из больших радостей последних лет моей жизни.

Лев Толстой.

Впервые опубликовано факсимильно в книге «Дневники Л. Н. Толстого», М. 1916, стр. 257—258. Публикуется по фотокопии. К письму приложены ответы Толстого на вопросы Черткова. Вопросы Черткова написаны на машинке, а ответы Толстого собственноручно под каждым вопросом Черткова:

1. Желаете ли вы, чтобы заявление ваше в «Русских ведомостях» от 16 сентября 1891 г. оставалось в своей силе и в настоящее время и после вашей смерти?

Желаю, чтобы все мои сочинения, написанные с 1881 года, а также, как и те, которые останутся после моей смерти, не составляли бы ничьей частной собственности, а могли бы быть перепечатываемы и издаваемы всеми, кто этого захочет.

2. Кому вы желаете, чтобы было предоставлено окончательное решение тех вопросов, связанных с редакцией и изданием ваших посмертных писаний, по которым почему-либо не окажется возможным полное единогласие?

Думаю, что моя жена и В. Г. Чертков, которым я поручал разобрать оставшиеся после меня бумаги, придут к соглашению, что оставить, что выбросить, что издавать и как.

3. Желаете ли вы, чтобы и после вашей смерти, если я вас переживу, оставалось в своей силе данное вами мне письменное полномочие как единственному вашему заграничному представителю?

Желаю, чтобы и после моей смерти В. Г. Чертков один распоряжался бы изданием и переводами моих сочинений за границею.

4. Предоставляете ли вы мне и после вашей смерти в полное распоряжение по моему личному усмотрению как для издания при моей жизни, так и для передачи мною доверенному лицу после моей смерти все те ваши рукописи и бумаги, которые я получил и получу от вас до вашей смерти.

Передаю в распоряжение В. Г. Черткова все находящиеся у него мои рукописи и бумаги. В случае же его смерти полагаю,

что лучше передать эти бумаги и рукописи моей жене или в какое-нибудь русское учреждение, — публичную библиотеку, академию.

5. Желаете ли вы, чтобы мне была предоставлена возможность пересмотреть в оригинале все решительно без изъятия ваши рукописи, которые после вашей смерти окажутся у Софьи Андреевны или у ваших семейных?

Очень желал бы, чтобы В. Г. Чертков просмотрел бы все оставшиеся после меня рукописи и выписал бы из них то, что он найдет нужным для издания.

Лев Толстой.

Ясная Поляна.
1904. 13 мая.

[1] Завещание в форме записи в Дневнике Толстого от 27 марта 1895 г. Впервые опубликовано в «Толстовском ежегоднике 1912 года», М. 1912, стр. 9—12.

[2] Николай Николаевич Страхов (1828—1896), философ-идеалист и литературный критик, один из друзей Толстого. См. т. 61, стр. 234.

* 720.

1904 г. Мая 13. Я. П.

Сейчас получил два ваши письма, №№ 122, 123. И отвечаю по пунктам: 1) на помещение эпиграфов [1] отдельно я не согласен. Мне кажется, это совсем лишит эпиграфы их значения. Жалею, что не согласен с вами, но прибавляю, что если вы сделаете все-таки по-своему, то я не очень огорчусь.

2) Статья русских газет была напечатана в Морском сборнике (кажется) и потом перепечатана во всех почти газетах.[2] Юл[ия] Ив[ановна] обещала найти и пришлет вам, мож[ет] б[ыть], с этим письмом.

3) Потоплено много Японцев при Гензане начальником Владивостокской эскадры адмиралом Иессеном.[3] Да это б[ыло] во всех газетах. В газетах не было, что он топил пассажирские пароходы. Тат[ьяна] Андр[еевна] Кузминская писала об этом, что в Петерб[урге] многие были возмущены, и что потоплено 16 000 чел[овек], и что Николай II сказал, что это бесчеловечно.[4]

4) Замену слова «проклятые» словом «безбожные» очень одобряю.

5) Бригс [5] теперь у Жози, но я просил его заехать к нам поскорее, и, вероятно, он приедет на днях, и тогда передам ему то, что нужно передать вам, и если скоро, то и эпиграфы в подлинниках, которые собираю и списываю. Я хотел тогда выписать их, но потом забыл и этим очень затруднил вас и себя. Главное то, что некоторые книги я отдал и их нет у меня. Я написал, прося прислать их. Те же, кот[орые] есть у меня, списываются и завтра или послезавтра вышлю вам. Недоставать будет эпиграфов:

1) из Savage, Passing and permanent in religion. [6] Это можно найти в библиотеке. Выписка сделана из первой главы;

2) из Fluegel'a [7] тоже можно найти в библиотеке. Выписка сделана из самых последних двух страниц и 3) из Канта. Из книги Kants Aussprüche,[8] кот[орую] стоит вам купить. Превосходная книга. Выписки легко найти в отделе религии. A la rigueur [9] можно и перевести эти три эпиграфа с русского.

Картины Орлова [10] постараюсь достать.

Прощайте пока. Не сердитесь на меня.

Л. Толстой.

13 мая 1904.

Эпиграфы из Savage'a и Fluegel'a можно и выпустить. Они не важны.

Очень благодарю за прекрасную фуфайку. У нас холода — ношу и радуюсь.

На конверте: Англия. Christchurch. Hants. England. V. Tchertkoff.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 326. Ответ на письма Черткова от 18 и 19 апреля н. с. Чертков писал, что статья «Одумайтесь!» набирается в его типографии, переведена им на английский язык и появится одновременно в разных странах. Выражая сожаление о том, что Толстой настаивает на сохранении эпиграфов, «из которых многие переводные и тяжеловесные, хотя и прекрасные сами по себе, перебивая связь статьи, ужасно ослабляют ее впечатление и утомляют читателя», он предлагает дать впереди текста один эпиграф, а остальные поместить во второй части. Далее Чертков советует заменить в одном месте слово «проклятые» другим, например «безбожные». Чертков спрашивает, откуда взята выдержка из газет, которая приводится в добавлении к статье

«Одумайтесь!», и в заключение просит прислать фотографии с картин художника Орлова.

[1] Эпиграфы к главам статьи «Одумайтесь!» см. т. 36.

[2] Выдержка взята не из «Морского сборника», а из кронштадтской газеты «Котлин» от 26 апреля 1904 г.

[3] Контр-адмирал К. П. Иессен телеграфировал 14 апреля 1904 г. Николаю II о том, что русские миноносцы потопили несколько японских пароходов.

[4] Т. А. Кузминская в письме к С. А. Толстой от 25 апреля 1904 г. (ГМТ) передавала слухи, о которых пишет Толстой Черткову.

[5] Бригс (Briggs), англичанин, знакомый Черткова, привезший от него письмо с вопросами о том, как желает Толстой распорядиться своими сочинениями после смерти (см. письмо № 719).

[6] Savage D., «The passing and the permanent in Religion», New-York and London, 1901.

[7] Flügel M., «The Sand-Avesta and eastery religions comparative legislation, doctrines and rites of parcism, brahamanism and Buddhism bearing upon Bible, Talmund, Gospel, Koran, theier Messiahideals and social problemes», Baltimore, 1888.

[8] Сборник изречений Канта, составленный P. Kicher.

[9] [В крайнем случае]

[10] Николай Васильевич Орлов (1863—1924), художник, писавший картины преимущественно из жизни крестьян.

* 721.

1904 г. Мая 20. Я. П.

Владимир Григорьевич!

Прочел вашу статью, и вот что мне хочется сказать о ней. «Нет более безнадежных глухих, как те, которые не хотят слышать!»

Против таких глухих ничего не сделаешь. И, прочтя вашу статью, я невольно подумал про них и пожалел, что их так много.

Один мой знакомый, страстный охотник на диких и опасных зверей, говорил, что когда выведутся такие звери, спорт может состоять в том, что человек будет становиться с ружьем или пистолетом на рельсы лицом к летящему на него локомотиву. В локомотиве будет устроена кнопка, удар в которую пулей остановит поезд. Промахнулся — задавит.

Я думаю, что в наше время революционная деятельность очень похожа на такой спорт. Она так же увлекательна и так

же бесполезна. Разница только в том, что там, в случае верного выстрела, спортсмен может быть не задавлен, в революционной же деятельности он всегда, наверное, будет задавлен.

Только вспомнить русские попытки недворцовых революций, начиная с 14 декабря [1] до последних дел несчастного Гершуни.[2] Попытка революции 14 декабря, происходившая в самых выгодных условиях случайного междуцарствия и принадлежности к военному сословию большинства членов и в Петербурге и в Тульчине,[3] и та не имела ни малейшего вероятия успеха, что чувствовали и признавали сами участники ее, и без малейшего усилия была задавлена покорными правительству войсками. Все же последующие попытки русских революций, начиная от похождений десятка молодых мужчин и женщин, намеревавшихся, вооружив русских крестьян находившимися в их распоряжении 30 револьверами, победить миллионную правительственную армию, и до последних шествий рабочих с флагами и криками «долой самодержавие», легко разгоняемых десятками будочников и казаков с нагайками, также и те взрывы и убийства 70-х годов, кончившиеся 1-м марта,[4] ни в каком случае не могли кончиться ничем иным, как только погибелью многих хороших людей и самой жестокой реакцией со стороны правительства.

Невольно любуешься молодечеством Жерара,[5] охотника на львов, точно так же невольно любуешься, независимо от последствий их деятельности, и молодечеством, самоотвержением русских революционеров, ходивших в народ, так же как и отчаянной деятельностью Халтуриных,[6] Рысаковых,[7] Михайловых[8] и др[угих], но нельзя не видеть, что главный двигатель деятельности этих людей был тот же, как и тот, который руководил Жераром. Как Жерар не мог не видеть того, что убийством десятка львов он не избавит жителей Африки от львиной опасности, так же и люди, ходившие в народ или устраивающие шествия по улицам с флагами или убивающие отдельных правительственных лиц, не могли не видеть, что они этими средствами никогда не победят русского правительства. Так что главным двигателем и тех и других, очевидно, был не достижение известной цели, а избыток сил, борьба с опасностями, игра своей жизнью.

Когда я был охотником, я помню, что, несмотря на то, что я был в полном обладании своих умственных способностей,

все рассуждения о безумии того, чтобы скакать сломя голову за ненужным мне зайцем или волком или ездить за сотни верст, чтобы, увязая в болотах или снегу, убить несколько ненужных мне птичек или столь же ненужного медведя, все эти рассуждения я пропускал мимо ушей и был не только уверен в важности своей деятельности, но гордился ею. То же и с революционерами.

Только тем, что революционная деятельность есть спорт, и можно объяснить то, что люди здравомыслящие предаются такой явно бесполезной деятельности, и то, что никакие доводы, доказывающие тщету и даже вред их деятельности, не действуют на них. Жалко видеть, когда энергия людей тратится на то, чтобы убивать животных, пробегать на велосипедах большие пространства, скакать через канавы, бороться и т. п., и еще более жалко, когда эта энергия тратится на то, чтобы тревожить людей, вовлекать их в опасную деятельность, разрушающую их жизнь, или еще хуже: делать динамит, взрывать или просто убивать какое-нибудь почитаемое вредным правительственное лицо, на место которого готовы тысячи еще более вредных.

Революционеры говорят, что цель их деятельности в том, чтобы содействовать улучшению общей жизни людей посредством освобождения их от совершаемых над ними насилий: дать им свободу. Но ведь это только отговорка или предлог; деятельность революционеров не может дать свободу людям потому, что под свободой революционеры понимают совершенно то же самое, что под этим словом разумеют правительства, утверждающие, что они обеспечивают свободу своих подданных, и осуществить эту свободу революционеры стремятся теми же способами. Свободу правительства, как и революционеры, понимают как нечто положительное, как совокупность прав человека. «*Свобода каждого должна быть такова, чтобы она не нарушала свободу других*». На эту тему с различными комментариями и разъяснениями написаны горы книг. Написано же об этом так много именно потому, что основное определение неверно. Свобода каждого по отношению к другим лицам есть понятие не положительное, а отрицательное. Свободен человек не тогда, когда так или иначе определены его права, а только тогда, когда никто не насилует его. Определение прав людей включает понятие ограничения деятельности людей, а ограничение может быть достигнуто только насилием или угрозой его.

И потому свободны люди не тогда, когда так или иначе определены их права, а только тогда, когда они не совершают насилий друг над другом. Не совершать же насилий друг над другом могут только люди, признающие незаконность, преступность, бессмысленность насилия. Так что свобода людей достигается не определением каких-либо прав, а только признанием всеми людьми незаконности, преступности, ненужности насилия. Истинно свободны люди могут быть только в обществе, где все сознают возможность и необходимость замены насилия разумным убеждением. А так как все люди разумные существа, то они не могут не видеть того, что эта замена насилия разумным убеждением возможна и что к осуществлению и должны стремиться люди. Деятельность же революционеров не только не содействует этой замене насилия убеждением, а, напротив, препятствует ей, призывая людей к новым формам насилия для изменения прежних.

Замена же насилия убеждением может произойти не вследствие изменения форм общества, а только вследствие сознания всеми людьми незаконности, преступности, ненужности насилия и возможности устройства общей жизни на основании разумного убеждения и согласия. И содействовать такому сознанию может всякий человек. Содействовать такому сознанию может всякий человек прежде всего уяснением своего собственного сознания и потом своей доброй жизнью, на деле доказывающей возможность замены насилия убеждением.

Думай серьезно, пойми и определи смысл своей жизни и свое назначение в ней — религия укажет тебе его — старайся ясно, не стесняясь никакими соображениями, осуществить жизнью то, что ты считаешь своим человеческим назначением, а главное, живи, не участвуя в том зле, которое ты сознаешь и осуждаешь, и этим самым ты будешь содействовать уяснению сознания людей и посредством уяснения их сознания будешь самым действительным средством содействовать улучшению жизни людей и истинному освобождению их. В такой деятельности никто и ничто помешать не может.

Только такой деятельностью можно служить человечеству и только такой деятельностью подвигаются люди к своему общему благу. Деятельность же, употребляющая насилие для уничтожения насилия, очевидно, не может содействовать этому движению; не только не содействует, но задерживает его.

Так что движение вперед человечества к своему благу совершается не только благодаря деятельности революционеров так же, как и всех людей, признающих законность насилия, а несмотря на такую деятельность.

Духовная деятельность есть величайшая, могущественнейшая сила — она движет всем миром — но для того, чтобы она была движущей миром силой, нужно, чтобы люди верили в ее могущество и понимали, что могущество ее не в том, чтобы механически передавать чужие мысли и суетить народ и самому суетиться, а в том, чтобы самому серьезно думать, прямо и без компромиссов говорить то, что думаешь, и жить согласно с тем, что думаешь и говоришь.

«Но мне не позволяют говорить то, что я думаю, и жить так, как я считаю нужным».

Никто не может заставить тебя говорить то, что ты не считаешь нужным, и жить так, как ты не хочешь. Все же усилия тех, которые будут насиловать тебя, только послужат усилению воздействия твоих слов и поступков.

Я очень желал бы, чтобы статья ваша приобрела бы побольше читателей, в особенности среди молодежи, с тем чтобы хоть молодые люди, у которых нет связывающего и затемняющего их сознания революционного прошедшего, поняли бы, что спорт одно дело, и если хочешь заниматься им, то можно избрать крикет, греблю, теннис, скачку, псовую охоту и т. п., содействие же улучшению общественной жизни есть дело совсем другое и не достигается революционным спортом.

Вот те мысли, которые вызвала во мне ваша статья. Если найдете нужным, напечатайте это письмо в виде предисловия.

Лев Толстой.

20 мая 1904.

Написано на машинке. Подпись — рукой Толстого. На подлиннике помета рукой А. К. Чертковой: «1-й вариант предисл[овия] к ст[атье] В[ладимира] Г[ригорьевича] «О революции» (забракованный автором), не для печати». Письмо это первоначально должно было служить предисловием к статье Черткова, но было заменено другим письмом (от 22 июля), которое и было напечатано (см. т. 36). Только некоторые фразы из письма от 29 мая включены без изменения в письмо от 22 июля. Ответ на письмо от 14 мая н. с., в котором Чертков писал, что приготовил статью о революции для отдельного издания, но задерживает печатание, так как надеется получить от Толстого предисловие.

[1] Восстание декабристов.

[2] Григорий Андреевич Гершуни (1870—1908), один из основателей боевой организации партии социалистов-революционеров. Гершуни руководил подготовкой террористических актов против министра внутренних дел Сипягина и уфимского губернатора Богдановича.

[3] Тульчин — городок Подольской губ., центр деятельности Южного общества декабристов.

[4] 1 марта 1881 г. народовольцами был совершен террористический акт против Александра II.

[5] Жерар (Cérard, 1817—1864), французский офицер, охотник на львов и автор книг об охотничьих приключениях.

[6] Степан Николаевич Халтурин (1857—1881), рабочий-столяр, деятель революционного движения 70-х годов, участник Северного союза русских рабочих. Казнен за участие в убийстве военного прокурора Стрельникова.

[7] Николай Иванович Рысаков (1861—1881), студент, участник убийства Александра II.

[8] Тимофей Михайлович Михайлов (1859—1881), рабочий, участник убийства Александра II. Не исключена, однако, возможность, что Толстой имел в виду Александра Дмитриевича Михайлова (1856—1887), народовольца, организатора ряда террористических актов.

* 722.

1904 г. Июня 10. Я. П.

Получил вчера ваши два письма: одно — о получении моих, другое с предисловием. С № 1 вполне согласен.[1] № 2. Мне жалко. С №№-ами 3, 4, 5 вполне согласен. С № 6 не совсем согласен. С № 7 вполне согласен. № 8 жалко. С № 9 вполне согласен. Но делайте, как знаете, вполне поручаю вам. Вам виднее. Статья о войне, вероятно, уже вышла, я получил 1-й лист. Но если бы не вышла, то включите «и безбожные». Безжалостные и безбожные.[2] Получил последнее «Св[ободное] Сл[ово]»[3] и очень его одобрил. Весь № составлен прекрасно и полон интереса. Статья о войне прекрасна.[4] Только употреблено нехорошее слово: оскандалился.[5] Прекрасно письмо Тервея [6] и статья Поши.[7] Интересно письмо духоб[оров].[8] Очень хороша статья с Польск[ой] рукописи,[9] хороши письма. Всё очень хорошо. Но еще лучше всего письмо Жени.[10] Я вчера его прочел для себя, восхитился, прочел всем вслух и видел, что оно производит впечатление. Ясно, серьезно, искренно и содержательно и хорошо изложено. Не понравилась мне испове[дь] сектанта,[11] п[отому] ч[то] упоминается в ней о пороке. Это от-

талкивает тех, к[оторые] рады оттолкнуться. Скрывать свои грехи нельзя, и не надо и дурно, но здесь это не у места. Привет всем друзьям. Напишу в след[ующий] раз больше. Много хочется сказать.

Л. Т.

Датируется на основании сопоставления с записью в Дневнике Толстого 10 июня 1904 г. о чтении «Свободного слова» (т. 55, стр. 48). Ответ на письмо от 9 июня н. с., в котором Чертков, выражая свое согласие с основной мыслью предисловия Толстого к книжке «О революции», в то же время отмечает элементы «некоторой несправедливости» по отношению к революционерам и считает желательным выпустить отдельные места, например сравнение революционеров с охотником на львов, Жераром. Чертков выписал фразы, которые предлагал выпустить или смягчить, и перенумеровал свои поправки цифрами от 1 до 9.

[1] № 1 и следующие номера относятся к поправкам, предложенным Чертковым.

[2] Присланная Толстым вставка пришла слишком поздно и не была включена в первое издание статьи «Одумайтесь!».

[3] «Свободное слово» 1904, № 11.

[4] Передовая статья «За честь и славу отечества», написанная А. М. Хирьяковым, но напечатанная без подписи.

[5] В этой статье упоминался случай, происшедший во время морских маневров. Когда на военном судне запутались снасти, один матрос, желая, чтобы корабль во-время сделал необходимый поворот, перерезал запутавшуюся снасть и, упав на палубу, разбился. Когда умиравшего матроса спросили, зачем он это сделал, он объяснил, «что ему была дорога честь корабля и он не хотел, чтобы корабль оскандалился».

[6] Ян Тервей, голландец, отказавшийся от военной службы в 1903 г. и присужденный к тюремному заключению.

[7] Статья П. И. Бирюкова о Тервее, в которой приведено его письмо из тюрьмы.

[8] В № 11 «Свободного слова» помещены письма духоборов П. Веригина и А. Махортова о движении духоборов-свободников.

[9] Статья «О власти», напечатанная с подзаголовком «Из польской рукописи».

[10] Письмо Е. И. Попова к духобору А. Махортову.

[11] «Исповедь сектанта», изд. «Свободного слова», 1904.

* 723.

1904 г. Июля 1. Я. П.

Получил, дорогой друг, ваше письмо с изменениями в статье и все их одобрил. Получил и статью.[1]

Получаю теперь постоянно письма озлобленные за статью. И мне больно оттого, что чувствую себя виноватым. Нельзя

отдаваться негодованию, не должно быть его; должна быть кроткая, любовная рассудительность-убедительность. А этого нет у меня. И чувствую себя виноватым. Чувствую себя также виноватым за предисловие к революционерам; если вы еще не печатали ее, *не печатайте*. Слишком больно перед смертью вызывать злобу людей. Хотелось бы без озлобления на себя (по крайней мере такого, в к[отором] сам виноват) уйти из жизни. Во всяком случае хотелось бы к предисловию прибавить следующее:

«Я не говорю о побудительных причинах революционной деятельности. Причины эти самые разнообразные: от самого искреннего юношеского желания самопожертвования для служения людям до мелочного самолюбия и раздражения, заставляющего избирать революц[ионную] деятельность только п[отому], ч[то] она дает без особенного труда [возможность] сверху вниз смотреть на огромное большинство людей.

Я говорю о том характере, который по ее нецелесообразности всегда в наше время принимает революционная деятельность».[2]

Так вот, или совсем уничтожьте мое предисловие, или включите это в подлежащее место.

Прощайте пока. Жду писем.

Л. Толстой.

1904. 1 июля.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 326. Ответ на письмо от 25 июня н. с., в котором Чертков сообщал, что статья «Одумайтесь!» одновременно появится 27 и 28 июня в разных газетах Англии, Германии, Франции и других стран.

[1] Статья «Одумайтесь!».

[2] Добавление это, так же как и первый вариант предисловия (письмо № 721), не было напечатано по желанию Толстого.

* 724.

1904 г. Июля 3? Я. П.

Arretez publication préface.[1] Lettre precède.[2]

Tolstoy.

Остановите печатанье предисловия. [1] Письмо послано. [2]

Толстой.

Телеграмма. Датируется на основании пометки на копии телеграфного бланка «около 3/16 июля 1904 г.» и сопоставления с письмом Толстого от 3 июля 1904 г.

[1] Предисловие к статье «О революции».
[2] Письмо № 725.

* 725. В. Г. Черткову и Е. И. Попову.

1904 г. Июля 3. Я. П.

Дорогие друзья Евг[ений] И[ванович]
и Вл[адимир] Гр[игорьевич]

Получил ваши хорошие письма и согласен был с ними еще до их получения, как вы увидите из посланного вам письма,[1] и тем более согласен теперь, после получения ваших. Хотел сказать, что благодарю вас, но это не то: не благодарю, а радуюсь тому, что мы все-таки знаем и любим то, во имя чего мы едины. Послал еще телеграмму без надобности, но от радости. Не брался еще за предисловие — ничего не могу делать, но хочется написать не так скверно, как то, и надеюсь это сделать.[2] Братски любовно приветствую вас, милые друзья. Пока прощайте.

Л. Толстой.

3 июля 1904.

Ответ на письма Черткова от 6 июля н. с. и Е. И. Попова о предисловии Толстого к статье Черткова «О революции». Чертков писал, что у него «эта маленькая статья вызывает больше сомнений и беспокойства, чем какая-либо другая». Возражая против сопоставления деятельности революционеров с опасным и требующим мужества спортом, Чертков писал:

«Представьте себе какого-нибудь революционера из рабочих, вроде Михайлова, сознательно жертвующего заработком, семьею, жизнью в надежде послужить этим своим порабощенным товарищам, — а теперь таких среди рабочих самих все больше и больше... — представьте его впечатление, прочитавши ваши слова о «спорте» революционном и узнавши, справившись в словаре иностранных слов, что это значит известного рода забава, какую горькую обиду, какое чувство жестокой несправедливости он должен испытать».

К письму Черткова было приложено письмо Е. И. Попова, также писавшего о сомнениях, явившихся у него при чтении статьи Толстого.

[1] См. письмо № 723.
[2] Заметки о работе над предисловием к статье Черткова «О революции» имеются в Дневнике Толстого 7, 12, 17, 21 и 22 июля. Предисловие подписано Толстым 22 июля. См. т. 36.

* 726.

1904 г. Июля 27. Я. П.

Дорогой друг,

Брат наш во Христе Филип Филипов Шутов [1] едет в Канаду. Дай бог ему добраться до вас. Вы сделайте ему, что можете.

Лев Толстой.

27 июля.

[1] Филипп Филиппович Шутов, крестьянин Ставропольской губ., сектант, решил переселиться в Америку, чтобы избежать преследований со стороны духовенства. В. Г. и А. К. Чертковы помогли Шутову и его семье переселиться в Канаду.

* 727.

1904 г. Июля 31. Я. П.

Нынче приезжает Ольга.[1] Я не ждал ее. И мне ее и Галю и вас жаль. Напишу после свидания с ней. Теперь только хочется отозваться на ваше милое, дорогое мне письмо 130 №.

Очень радостно было, хотя я знаю это, п[отому] ч[то] то же к вам чувствую. Не пишу теперь подробно, п[отому] ч[то] уже больше месяца нет охоты, даже возможности, писать ни своих писаний, ни писем. Лето, суета окружающая и, если я не заблуждаюсь, то очень для меня важные мысли, к[оторые] я перебираю в своем сознании, не высказывая их. Был Хирьяков, и очень приятно б[ыло] с ним. Исправленное предисловие Шекспира [2] и «Х[аджи]-М[урата]» вы, вероятно, получили уже.

Ну, пока прощайте.

Л. Т.

1904. 31 июля.

Ответ на письмо от 27 июля н. с., в котором Чертков писал, что с радостью узнал о решении Толстого не печатать первый вариант предисловия к статье «О революции». В том же письме Чертков писал о том, что статья «Одумайтесь!» произвела большое впечатление за границей и Толстой не прав, считая ее слишком резкой: «Если исключить из жизни всякую страстность в хорошую сторону и способность возбуждаться и возмущаться не против людей, а против зла, то жизнь во всех отношениях потеряла бы».

[1] О. К. Толстая приезжала из Англии, чтобы проститься с А. Л. Толстым, уезжавшим в действующую армию.

[2] Статья «О Шекспире и о драме», которая первоначально была задумана как предисловие к книге Кросби о Шекспире. Над этой статьей Толстой продолжал работать и в дальнейшем.

* 728.

1904 г. Августа 14. Я. П.

Предисловие к вашей статье О революции послано очень давно, я думаю, больше месяца. Ю[лия] И[вановна] пошлет вам другой экземпляр. Я живу теперь в Пирогове. Брат мой умирает от рака в щеке, ухе, внутри где-то.[1] Он очень страдает и духовно очень слаб. Не верит в близость смерти и раздражителен и капризен. Хотелось бы помочь ему, но до сих пор не могу найти как. Прочел ваши три статьи [2] и одобрил. Лучше всех о смертной казни, потом о теософии, потом о России. Слишком смело утверждение, что все нерелигиозные люди в служении государству руководимы дурными мотивами и сами плохи. О свободе воли прочту с интересом, но едва ли отвечу. У меня идет свой ход мысли, и я не могу отрываться и переходить на не вызванные в настоящую минуту другие темы.

Я в эту минуту занят приятной и легкой работой собрания мыслей.[3] Пользуюсь вашими книгами — некоторые очень хороши. Пишу плохо и мало, потому что мне самому нездоровится — обычное мое желчное состояние.

Л. Толстой.

14 авг. 1904.

Ответ на письмо от 18 августа н. с., в котором Чертков писал, что еще не получил новую редакцию предисловия Толстого к статье «О революции». Чертков писал, что много думает о свободе воли и собирается написать об этом письмо Толстому.

[1] Толстой приехал в имение его брата Сергея Николаевича Пирогово 11 августа и пробыл там до 21 августа. С. Н. Толстой умер от рака 23 августа.

[2] Статьи Черткова, напечатанные в английских периодических изданиях. Одна из этих статей, которую Толстой называет «О России», была затем напечатана по-русски в «Свободном слове», № 12, под заглавием: «По поводу убийства министра Плеве». Перевод статьи В. Черткова, помещенной в журнале «Black and White» 13 августа 1904 г.

[3] Толстой имеет в виду свою работу над первым томом «Круга чтения». Для этой работы Чертков посылал ему сборники мыслей и изречений разных писателей.

* 729.

1904 г. Августа 20. Пирогово.

Очень рад, что Предисловие [1] дошло до вас и вам понравилось. Я всё еще у брата. Он тяжело — духовно тяжело умирает. Как справедливо, что готовиться к смерти надо жизнью — *не готовиться к смерти*, а жить так, чтобы смерть составляла условие жизни. А иначе тяжело умирать. Я всё еще надеюсь на пробуждение и хочу служить ему, но, очевидно, плох и не могу.

Завтра уезжаю на несколько дней. Может быть, застану его и, может быть, могу быть нужен. Прощайте пока. Любящий вас Л. Толстой. Евг[ения] Ив[ановича] целую.

Датируется 20 августа, так как Толстой упоминает, что «всё еще у брата» и уезжает «завтра». Толстой уехал из Пирогова 21 августа (см. Дневник Толстого, запись 22 августа 1904 г., т. 55, стр. 82).

[1] Новый вариант предисловия Толстого к статье Черткова «О революции».

* 730.

1904 г. Сентября 20. Я. П.

Письмо ваше получил. Ольге советую непременно ехать. Целую милую Галю. Дай бог ей твердости нести свою болезнь. Хочется жить с нею одним духом, тем, для которого нет времени и нет ничего дурного.

Изменения ваши, как всегда, не только одобрил, но пожалел, что не сделал сам. Дивлюсь всегда вашей проницательности, любви ко мне. О Шекспире подумаю,[1] но скорее нет.

Л. Толстой.

20 сент.

Ответ на письмо от 22 сентября н. с., в котором В. Г. Чертков писал, что здоровье А. К. Чертковой плохо и потому возвращение в Англию ее сестры О. К. Толстой особенно желательно. Далее Чертков писал, что

внес две небольшие поправки в предисловие к статье «О революции», уточняющие мысль Толстого.

[1] Об издании статьи Толстого «О Шекспире и о драме».

* 731.

1904 г. Октября 26. Я. П.

26 окт. 1904.

Владимир Григорьевич, ввиду того, что вы составляете и намерены издать собрание моих мыслей, сгруппированных по предметам, и считаете, что эта работа была бы неполная и односторонняя, если бы не включала соответствующих выдержек из моих частных писем, — разрешаю вам для этой цели делать, согласно вашему усмотрению, выписки из моих писем к разным лицам по тем копиям, которые у вас имеются или будут вам доставлены от меня.

Лев Толстой.

Написано на машинке. Подпись собственноручная. В письме от 19 апреля 1903 г. Толстой согласился предоставить Черткову право публикации своих писем к разным лицам. Комментируемое письмо является удостоверением, которым Чертков мог пользоваться, осуществляя это разрешение Толстого.

* 732.

1904 г. Ноября 27. Я. П.

Совсем соскучился по вас, милый Владимир Григорьевич. Не писал вам, всё ожидая от вас письма, а вы, вероятно, ждали и имели полное право ждать от меня. Теперь получил нынче ваши два письма и оглавление «Свода».[1] О свободе воли я думаю, что ваши мысли справедливы, но выражены слишком сложно. Надо свести их к более простому, как делают в алгебре с уравнениями, но уравнение, думаю, правильно; говорю: думаю, — потому что читал с трудом от дурного почерка и не одобряемой мною вашей системы писать на самым ненатуральным образом соединенных листах. Я здоров и не переставая радуюсь всему тому, что мне дано богом (не фраза) не по заслугам. Часто удивляюсь, за что именно мне, со всеми моими гадостями, столько хорошего. И что дальше, то лучше. Был очень напряженно занят Кругом чтения и теперь, кажется,

что весь вышел и в голове труха и ничего писать не могу и радуюсь тому, что нисколько этим не огорчаюсь.

По случаю мыслей из вашего Свода хотел бы следующее, но боюсь утруждать вас, и если вам будет охота и время это сделать, то сделайте, а нет, то я «пошутил». Хотел же бы я, что[бы] вы сделали следующее. Выберите из мыслей хорошее, короткое (иногда можно и некороткое, если цельное и стоит того) и сильное, по своему соображению, и пришлите мне. Отделы мои главные: *Бог*, *Разум*, *Закон*, *Любовь*, *Всё в себе*, *Божественная природа человека*, *Вера*, *Лжеучения*, *Соблазны*, *Устройство жизни* (государственное), *Слово — осуждение*, *Сострадание* (к животным), *Самоотречение*, *Бессмертие*, *Благо*, *Доброта*, *Единение* (людей между собой и с богом), *Молитва*, *Насилие*, *Приближение царства божия*, *Равенство*, *Самоотречение*, *Свобода*, *Совершенствование*, *Труд* и еще другие. Цензурность или нецензурность не имеет никакого значения. Я пришлю к вам всё целиком, когда будет готово, и буду еще просить вас редактировать, изменять, выключать.

Радуюсь очень за вас, что у вас уже Оля. Пишите мне почаще. Целую Олю и детей. Андрюша писал недавно, огорчается, что от Оли не получил писем, а я знаю, что она писала. Что Галя? Всегда радуюсь, получая ее письма, хоть несколько слов. Давно не имел этой радости. Ну, пока прощайте.

Л. Т.

Отрывки напечатаны: «Толстой и Чертков», стр. 328 и 330.

Ответ на письма Черткова от 22 ноября и 2 декабря н. с. В первом письме Чертков писал, что от приехавшего в Англию домашнего врача Толстого Д. П. Маковицкого узнал, что Толстой сочувственно отнесся к мыслям о свободе воли, которые Чертков изложил в письме от 1 ноября н. с. Возвращаясь к этому вопросу, Чертков снова делился своими мыслями о свободе воли. В письме от 2 декабря н. с. Чертков сообщал о приезде О. К. Толстой и писал о том, почему не смог своевременно сделать выборку из составлявшегося им «Свода мыслей Толстого», которую Толстой хотел получить для работы над «Кругом чтения». Чертков просил указать более или менее точно, по каким вопросам надо сделать выборку, и посылал Толстому предметное оглавление к «Своду мыслей».

[1] «Свод мыслей Л. Н. Толстого», или «Полное собрание мыслей Л. Н. Толстого», над которым Чертков и его сотрудники работали с конца 80-х годов, представляет собрание выписок из печатных произведений и рукописей Толстого. Свод в количестве 25 тысяч карточек хранится в ГМТ.

СПИСОК ПИСЕМ, НАПИСАННЫХ ПО ПОРУЧЕНИЮ Л. Н. ТОЛСТОГО

1. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 23 декабря 1897 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина отвечает Черткову по поручению заболевшего отца. Содержание письма Т. Л. Толстой-Сухотиной см. в прим. к письму Толстого № 475.

2. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 5 апреля 1898 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина по поручению отца пересылала Черткову телеграмму, которую Толстой получил от Э. Э. Ухтомского. В телеграмме Ухтомский благодарит Толстого за «доверие и обращение» и сообщает, что есть реальная надежда на поселение духоборов в Манчжурии около Порт-Артура или в Туркестане.

3. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 21 июня 1898 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина писала Черткову, что по поручению отца посылает статью, которую Толстой первоначально хотел послать прямо редактору журнала «Vita Internationale» Монета, а потом передумал и, во избежание недоразумений, решил послать сперва Черткову. Об этой статье см. письмо № 504.

4. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 22 января 1899 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина, по поручению Толстого, посылает для «Листков Свободного слова» письмо «одного полтавского крестьянина, из-за которого многие были высланы из Полтавы» (см. прим. к письму № 539). Далее Т. Л. Толстая-Сухотина сообщает, что А. М. Хирьяков обратился к Толстому с просьбой выслать в Канаду Е. Д. Хирьяковой, фельдшерице, сопровождавшей духоборов, 300 рублей на медикаменты и разные расходы, но Толстой, не имея на это денег, предложил ему обратиться к Черткову.

5. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 26 января 1899 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина передает просьбу Толстого «поставить эпиграфом к «Воскресению» следующие тексты: Евангелие от Матфея XVIII, 21, 22, от Матфея XII, 3, от Иоанна VIII, начиная со слов: «кто из вас без греха» и т. д., Луки VI, 40».

6. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 31 ноября 1899 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина пишет: «Кто-то просил — не разобрала подписи, вроде Апи... на ваше имя ответить, был ли у нас в 1897 г. некто Lodian. Пожалуйста, ответьте ему, что был».

7. *Письмо Николая Николаевича Ге* от 9 июля 1899 г.

Н. Н. Ге сообщает Черткову, что выслал ему заказным письмом гл. XX—XXIV «Воскресения», и добавляет: «Теперь вот что: на листе перед словами Нехлюдова: «Да, но ведь очевидно, что решение нелепо», надо внести следующее: «Селенин, всегда занятый и мало бывавший в свете, очевидно, ничего не слыхал о романе Нехлюдова; Нехлюдов же, заметив это, решил, что ему и не нужно говорить о своих особенных отношениях с Масловой». А после слов: «—Да, но ведь очевидно, что решение нелепо...» надо вставить слова: «— сказал он».

8. *Письмо П. А. Буланже* от 3 апреля 1901 г.

П. А. Буланже сообщает, что Толстой «сейчас» получил письмо Черткова и просит передать, что согласен с теми поправками, которые В. Г. и А. К. Чертковы предлагают сделать в рукописи «К царю и его помощникам». Вместе с тем Толстой просит вставить слово «одно» в последнюю фразу, начало которой продиктовал так: «Писавший старался изложить не одно свое мнение, а мнение...»

9. *Письмо М. Л. Толстой-Оболенской* от 11 августа 1901 г.

М. Л. Толстая-Оболенская пишет, что, проверив по поручению отца последние письма Черткова, сообщает, что они получены все, и запрашивает, получил ли Чертков письмо Толстого, в котором он писал о Елизавете Ивановне Чертковой (см. письмо № 634). Далее она пишет, что отец поручил ей написать, что получил только первые шестнадцать страниц брошюры «О смысле жизни», брошюры «О половом вопросе» — один экземпляр с 1 по 80 стр. и два экземпляра одного листа с 33 по 48 стр. того же названия. Толстой просил прислать недостающие страницы.

10. *Письмо П. А. Буланже* от 23 декабря 1901 г.

По поручению Толстого П. А. Буланже сообщает, что получен первый выпуск периодического издания «Свободное слово». Выпуск этот понравился Толстому.

11. *Письмо П. А. Буланже* от 20 февраля 1902 г.

П. А. Буланже по просьбе Толстого пишет, что Толстой очень благодарен и тронут всеми получаемыми от Черткова письмами и очень жалеет, что ввиду крайней слабости не может сам продиктовать письмо.

12. *Письмо Н. Л. Оболенского* от 26 февраля 1902 г.

Н. Л. Оболенский по просьбе Толстого пишет Черткову: «Не доверяйте особенно слухам, идущим из России, о беспорядках, о волнениях и т. д. Тщательно, как можно тщательнее, проверяйте и процеживайте их. Нам сообщали такие подробные сведения и о том, что убиты какие-то студенты, и о том, что Тула на военном положении и войска отказались стрелять, и это или всё ложь, или почти ложь, как многие другие. Было бы очень жаль, если бы в ваших изданиях проскочили неверные слухи».

13. *Письмо Н. Л. Оболенского* от 11 мая 1902 г.

Н. Л. Оболенский по просьбе Толстого пишет Черткову относительно присланной им вырезки с сообщением о письме Толстого к Николаю II. Толстой просит передать, что, судя по вырезке, можно сказать, что, очевидно, тот, кто приводит слова письма Толстого к Николаю II, читал его, но только читал, потому что форма не та, хотя смысл тот. Неверно только, что Николай II ответил на это письмо. Непонятно, как письмо

это могло попасть в печать, потому что Толстой совершенно никому не давал его в руки и оно хранилось в большой тайне. О письме Толстого к Николаю II см. прим. к письму № 646.

14. *Письмо П. А. Буланже* от 14 мая 1902 г.

П. А. Буланже пишет: «Лев Николаевич просит тебя поблагодарить за высказанные тобою соображения по двум пунктам, которые ты привел. Л. Н. просит сказать, что он не имел сердечного сочувствия к тому и другому явлению, которое хотел бы иметь».

Повидимому, П. А. Буланже имеет в виду те два пункта, о которых Толстой писал Черткову в письме от 19—22 апреля (№ 651):

1) об отказе духоборов от принятия земли на условиях, которые предлагало канадское правительство, и об отказе их от регистрации браков и рождений;

2) о движении отказывающихся от употребления денег.

15. *Письмо Т. Л. Толстой-Сухотиной* от 21 мая 1902 г.

Т. Л. Толстая-Сухотина пересылает Черткову письмо (повидимому, полученное Толстым от сектанта-малеванца Пластуна) и передает совет Толстого напечатать о секте малеванцев, которая, по его мнению, интересна, и о положении главы этой секты К. А. Малеванного, заключенного в Казанской психиатрической лечебнице.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие V
Редакционное пояснение XXXIV

ПИСЬМА К В. Г. ЧЕРТКОВУ

№

* 431 *1897* *января 12* 3
* 432 » *января 13* 4
* 433 » *января 25* 6
* 434 » *января 27* 7
* 435 » *января 29* 8
* 436 » *февраля 1...2* 8
* 437 » *февраля 15* 9
* 438 » *февраля 26* 11
* 439 » *февраля 26?* 13
* 440 » *марта 8* 14
* 441 » *марта 11* 16
* 442 » *марта 22* 19
* 443 » *марта 30?* 20
* 444 » *апреля 14* 22
* 445 » *апреля 30* 22
* 446 » *мая 7* 24
447 » *мая 16* 25
448 » *мая 16* 26
* 449 » *мая 17* 27
* 450 » *мая 26* 28
* 451 » *июня 19* 30
* 452 » *июня 20* 34
* 453 » *июня 20* 34
* 454 » *июня 21* 35
* 455 » *июля 12* 38
* 456 » *июля 15* 41
* 457 » *июля 18* 43
* 458 » *июля 23* 44
* 459 » *августа 8* 45
* 460 » *августа 12* 47
* 461 » *августа 19* 48
* 462 » *сентября 2* 49
* 463 » *сентября 3* 52
* 464 » *сентября 18* 52
* 465 » *сентября 22* 54
* 466 » *октября 2* 55
* 467 » *октября 3* 56
* 468 » *октября 13* 58

№			Стр.
* 469	1897	октября 26	60
* 470	»	ноября 18	62
* 471	»	декабря 10	64
* 472	»	декабря 13	65
* 473	»	декабря 13	67
* 474	»	декабря 20	69
* 475	»	декабря 26	69
476	»	декабря 27	70
* 477	1898	января 1	71
* 478	»	января 9—10	71
* 479	»	января 16	73
* 480	»	января 18	73
* 481	»	января 21	75
* 482	»	января 21?	76
* 483	»	февраля 2	76
* 484	»	февраля 14	77
* 485	»	февраля 25	79
* 486	»	марта 2	80
* 487	»	марта 4?	81
* 488	»	марта 8	82
* 489	»	марта 17	83
* 490	»	марта 18	85
* 491	»	марта 19	86
* 492	»	марта 29	86
* 493	»	марта 29	88
* 494	»	апреля 4	90
* 495	»	апреля 5	92
* 496	»	апреля 6	93
* 497	»	апреля 6	94
* 498	»	мая 4	96
* 499	»	мая 23	99
* 500	»	июня 6...7	100
* 501	»	июня 24	100
* 502	»	июня 24	100
* 503	»	июня 28	101
* 504	»	июня 30?	102
* 505	»	июля 6	104
* 506	»	июля 14	105
* 507	»	июля 14	108
* 508	»	июля 18	109
* 509	»	июля 21	110
* 510	»	августа 12	112
* 511	»	августа 12?	115
* 512	»	августа 17	115
* 513	»	августа 27	116
* 514	»	августа 29...30	118
* 515	»	августа 29	119
* 516	»	августа 30	120
* 517	»	сентября 1	120
* 518	»	сентября 2?	121
* 519	»	сентября 3	122
* 520	»	сентября 3?	122
* 521	»	сентября 11	123
* 522	»	сентября 12	126
* 523	»	сентября 30	127
* 524	»	октября 9	129
* 525	»	октября 12	132
* 526	»	октября 15	133
* 527	»	октября 16	135

№			Стр.
* 528	*1898*	*октября 20*	136
* 529	»	*октября 29*	138
* 530	»	*октября 31*	139
* 531	»	*ноября 1*	139
* 532	»	*ноября 23?*	141
* 533	»	*декабря 5*	143
* 534	»	*декабря 12?*	144
* 535	»	*декабря 12*	145
* 536	»	*декабря 16*	146
* 537	»	*декабря 31*	147
* 538	*1899*	*января 12*	149
* 539	»	*января 23*	150
* 540	»	*января 24*	151
* 541	»	*февраля 5*	153
* 542	»	*февраля 12...19*	155
* 543	»	*февраля 15*	156
* 544	»	*февраля 20*	158
* 545	»	*марта 2?*	159
* 546	»	*марта 5*	160
* 547	»	*марта 5*	160
* 548	»	*марта 9*	160
* 549	»	*марта 12...14*	161
* 550	»	*марта 15*	162
* 551	»	*марта 28*	163
* 552	»	*апреля 4*	164
* 553	»	*апреля 25*	165
* 554	»	*мая 5*	166
* 555	»	*мая 5*	167
* 556	»	*мая 5*	167
* 557	»	*мая 13*	168
* 558	»	*мая 14*	168
* 559	»	*мая 26?*	168
* 560	»	*мая 28*	169
* 561	»	*июня 3*	170
* 562	»	*июня 7*	171
* 563	»	*июня 8*	172
* 564	»	*июня 11?*	172
* 565	»	*июня 21*	173
* 566	»	*июня 27?*	174
* 567	»	*май...июнь?*	174
* 568	»	*июля 7*	175
* 569	»	*июля 9*	175
* 570	»	*июля 13*	177
* 571	»	*июля 28?*	177
* 572	»	*августа 8*	178
* 573	»	*августа 28*	180
* 574	»	*сентября 6*	181
* 575	»	*октября 6*	182
* 576	»	*ноября 4*	184
* 577	»	*ноября 6*	184
* 578	»	*декабря 15*	184
* 579	»	*декабря 18*	186
* 580	*1900*	*января 1*	187
* 581	»	*января 2*	188
* 582	»	*февраля 28*	189
* 583	»	*марта 7*	192
* 584	»	*марта 7*	192
* 585	»	*марта 10?*	193
* 586	»	*апреля 1—3?*	194

№			Стр.
*	587	*1900 апреля 3?*	194
*	588	» *мая 7*	195
*	589	» *мая 10*	196
*	590	» *мая 23*	197
*	591	» *июня 8*	198
*	592	» *июля 20*	199
*	593	» *июля 27*	200
*	594	» *августа 9*	201
*	595	» *сентября 1*	201
*	596	» *сентября 6*	203
*	597	» *сентября 9*	204
*	598	» *сентября 29...30*	204
*	599	» *октября 1*	205
*	600	» *октября 2—3*	206
*	601	» *октября 3*	209
*	602	» *октября 13*	209
*	603	» *октября 31*	211
*	604	» *ноября 5*	212
*	605	» *декабря 7*	213
*	606	» *декабря 8*	214
*	607	» *декабря 12*	216
*	608	» *декабря 24?*	217
*	609	» *декабря 28*	218
	610	*1901 января 18*	219
*	611	» *января 19*	220
*	612	» *января 28*	222
*	613	» *января 30*	223
*	614	» *февраля 19*	224
*	615	» *февраля 25?*	225
*	616	» *февраля 27?*	226
*	617	» *марта 7*	226
*	618	» *марта 20*	227
*	619	» *марта 21*	229
*	620	» *марта 26*	229
*	621	» *марта 26?*	229
*	622	» *марта 30*	230
*	623	» *апреля 3*	231
*	624	» *апреля 4*	231
	625	» *апреля 12?*	232
*	626	» *мая 7*	233
*	627	» *мая 21*	234
*	628	» *июня 6*	236
*	629	» *июня 20*	237
	630	» *июня 28?*	237
	631	» *июля 5*	239
*	632	» *июля 18*	239
*	633	» *июля 22*	239
*	634	» *июля 28*	241
*	635	» *августа 9*	242
*	636	» *августа 12*	243
*	637	» *сентября 14*	244
*	638	» *сентября 18*	246
*	639	» *октября 13*	246
*	640	» *октября 29*	246
*	641	» *ноября 6*	247
*	642	» *ноября 10*	250
*	643	» *ноября 24*	250
*	644	» *ноября 30*	251
*	645	» *декабря 23*	252

№			Стр.
* 646	*1902*	*января 4*	255
* 647	»	*января 5*	256
* 648	»	*марта 2*	256
* 649	»	*марта 23*	257
* 650	»	*марта 26—28*	258
* 651	»	*апреля 19—22*	260
* 652	»	*апреля 24*	262
* 653	»	*мая 27*	262
* 654	»	*июня 2?*	263
* 655	»	*июня 24*	265
* 656	»	*июня 25*	267
* 657	»	*июля 15*	268
* 658	»	*июля 22*	268
* 659	»	*августа 5*	269
* 660	»	*августа 17*	270
* 661	»	*августа 17*	271
* 662	»	*августа 23*	273
* 663	»	*августа 31*	273
* 664	»	*сентября 4*	275
* 665	»	*сентября 5*	275
* 666	»	*сентября 7*	276
* 667	»	*сентября 11*	277
* 668	»	*октября 11*	277
* 669	»	*октября 25*	279
* 670	»	*ноября 8?*	279
* 671	»	*ноября 17*	281
* 672	»	*декабря 3*	281
* 673	»	*декабря 10*	282
* 674	»	*декабря 17*	282
* 675	»	*декабря 19*	283
* 676	*1903*	*января 11*	284
* 677	»	*января 22*	285
* 678	»	*января 22*	286
* 679	»	*января 29*	286
680	»	*февраля 3*	287
* 681	»	*февраля 13*	288
* 682	»	*февраля 13*	289
* 683	»	*марта 7*	289
* 684	»	*марта 21*	291
* 685	»	*марта 29*	292
* 686	»	*апреля 19*	294
* 687	»	*мая 7*	295
* 688	»	*мая 22*	295
* 689	»	*мая 29*	297
* 690	»	*июня 11*	297
* 691	»	*июня 15*	299
* 692	»	*июня 30*	300
* 693	»	*июля 8*	301
* 694	»	*августа 9*	302
* 695	»	*августа 16*	303
* 696	»	*августа 17*	304
* 697	»	*августа 20*	304
* 698	»	*августа 23*	305
* 699	»	*августа 24*	305
* 700	»	*сентября 6—7*	306
* 701	»	*сентября 28*	308
* 702	»	*октября 6*	308
* 703	»	*октября 10*	310
* 704	»	*октября 20*	310

Стр.
* 705 *1903 ноября 17* 311
* 706 » *ноября 27* 312
* 707 » *декабря 18* 313
* 708 *1904 января 11?* 316
* 709 » *января 19* 316
* 710 » *февраля 19* 317
* 711 » *марта 17* 319
* 712 » *апреля 9* 320
* 713 » *апреля 17* 320
* 714 » *апреля 22* 321
* 715 » *апреля 27* 323
* 716 » *апреля 30* 324
* 717 » *мая 4* 324
* 718 » *мая 8* 325
719 » *мая 13* 327
* 720 » *мая 13* 329
* 721 » *мая 20* 331
* 722 » *июня 10* 336
* 723 » *июля 1* 337
* 724 » *июля 3?* 338
* 725 » *июля 3* 339
* 726 » *июля 27* 340
* 727 » *июля 31* 340
* 728 » *августа 14* 341
* 729 » *августа 20* 342
* 730 » *сентября 20* 342
* 731 » *октября 26* 343
* 732 » *ноября 27* 343
Список писем, написанных по поручению Л. Н. Толстого 345

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. Н. Толстой. 1910 г. между стр. Автотипия письма к IV и V В. Г. Черткову между стр. 102 и 103.